ЛЕТОПИСИ И ХРОНИКИ

1980

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ЛЕТОПИСИ И ХРОНИКИ

1980 г.

В. Н. Татищев и изучение русского летописания

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1981

Сборник включает статьи по древнерусскому летописанию, творческому наследию В. Н. Татищева, византийской и западнорусской хронографии, связанные с отечественным летописанием. Материалы, помещенные в сборнике, охватывают период с VII по XVII в. Книга содержит разделы, относящиеся к конкретному источниковедению, историографии и археографии. В ней имеются публикации новых летописных материалов и библиография зарубежной литературы по русскому летописанию.

Редакционная коллегия:
академик Б. А. РЫБАКОВ (ответственный редактор),
академик Л. В. ЧЕРЕПНИН,
член-корреспондент АН СССР В. Т. ПАШУТО,
доктора исторических наук
В. И. БУГАНОВ (заместитель ответственного редактора),
В. И. КОРЕЦКИЙ (ответственный секретарь),
А. Г. КУЗЬМИН, К. Н. СЕРБИНА

Л $\frac{10602\text{-}270}{042(02)\text{-}81}$ -31-81. 0503000000

© Издательство «Наука», 1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей является третьим по счету [1]. Первые два сборника посвящены памяти выдающихся советских специалистов по летописеведению А. Н. Насонова и акад. М. Н. Тихомирова. Подготовка третьего сборника приурочена к 230-летию со дня кончины первого великого русского ученого-историка В. Н. Татищева (1686—1750 гг.). В его трудах впервые и широко использованы многие русские летописи, летописные своды. Некоторые из них не сохранились до нашего времени. Это важнейшее обстоятельство сильно увеличивает значение знаменитого труда Татищева. Он, по существу, выступает первым источниковедом-летописеведом, стоявшим у колыбели научного изучения, сравнительного источниковедческого анализа русского летописания в целом. В помещенных в настоящем сборнике статьях развиваются традиции, заложенные В. Н. Татищевым.

В первом сборнике «Летописи и хроники» редколлегия кратко изложила соображения о целях, программе этого непериодического издания, которое посвящено изучению не только русских летописей и хронографов, но и аналогичных памятников, отражающих историю других народов нашей страны и зарубежных стран. В опубликованных выпусках, помимо ряда работ о русском летописании XI—XVIII вв., помещены исследования о белорусско-литовском, славяно-молдавском летописании, о византийских, венгерских, польских хрониках, об использовании русских летописных источников за рубежом, например великим чешским мыслителем Яном Амосом Коменским, или, наоборот, иностранных источников в русских летописях (например, средневекового немецкого эпоса и др.).

Структура сборника в том виде, как она определилась во втором выпуске, включает следующие пять разделов: источниковедение, историография, археография, публикации, библиография. Редколлегия и в дальнейшем предполагает помещение статей по этому плану, внося в случае необходимости необходимые коррективы, дополнения.

Предыдущие два выпуска нашли своего заинтересованного автора и читателя; они получили признание у научной общественности; те пожелания, которые были высказаны в связи с изданием первого выпуска [2], в значительной степени учтены во втором из них, а также в настоящем сборнике.

[1] Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова. М., 1974; Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976.

[2] См., например, рецензию Х.-Ю. Грабмюллера (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1976, H. 4, S. 565—567).

В первом разделе сборника помещены статьи по источниковедению. И. А. Шишова исследует проблему достоверности рассказа Геродота о Скифии с точки зрения содержащихся в нем географических сведений. Т. Н. Джаксон рассматривает сведения исландских королевских саг о Восточной Прибалтике в VII—XII вв., И. П. Шаскольский анализирует известие Бертинских анналов о Руси под 839 г.

Три статьи посвящены Ипатьевской летописи. Тема одной из них — запись о печенегах и торках в связи с печенежско-византийской войной 1121—1122 гг., которая изучается в сравнении с византийскими источниками М. В. Бибиковым. Дублирующие друг друга известия о статьях той же летописи под 6682, 6683 и 6698, 6701 гг. — предмет анализа А. К. Зайцева. Статью 1224 г. о Калкской битве подробно рассматривает В. К. Романов.

М. Х. Алешковский посвятил свою работу Новгородскому летописному своду конца 1220-х годов. Г. В. Цулая дает оценку сведениям анонимного грузинского хронографа XIV в. о правителе Хорезма Джелал ад-дине (1220—1231 гг.) и публикует свой перевод посвященной хорезмшаху части хронографа.

С. Н. Азбелев в своей работе продолжает исследование повестей о Куликовской битве, выявляет их источники (устные рассказы и сказания XIV—XV вв.). В. К. Зиборов и Я. С. Лурье характеризуют Соловецкий вид (в списке XV в.) так называемого Сокращенного свода конца XV в., представленного редакциями 1493 г. (Погодинская летопись) и 1495 г. (Мазуринская летопись). В. Л. Янин представил детальный текстологический анализ Синодального списка Новгородской I летописи, показав его роль в русском летописании XV в. В. А. Чемерицкий выявляет следы работы над русскими летописными источниками в древнейшем белорусско-литовском своде 1446 г. (Белорусской I летописи). В статье И. А. Жаркова приводятся данные о новых списках «Нового летописца» с продолжениями. А. П. Богданов анализирует летописные статьи, описывающие события, которые связаны с кончиной Федора Алексеевича и воцарением его брата Петра I.

Во втором, историографическом разделе сборника дается характеристика трудов члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто по истории русского летописания.

Третий раздел («Археография») включает статью Б. М. Клосса, в которой ставится вопрос об издании летописного свода 1560 г. (Румянцевской летописи), известного в нескольких списках.

В четвертом разделе («Публикации») читатель ознакомится с публикацией Соловецкого летописца конца XVI в. (В. И. Корецкий).

В пятом разделе («Библиография») помещена подготовленная Ю. К. Бегуновым библиография иностранных работ о русском летописании, опубликованных в 1960—1962 гг.

В. И. Буганов

В. Н. ТАТИЩЕВ И НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Б. М. Клосс, В. И. Корецкий

До В. Н. Татищева отдельные любители родной старины уже собирали рукописи с летописными текстами, умели ценить их [1], но лишь с него их собирание становится широким и целенаправленным и идет рука об руку с их изучением в целях создания «Истории Российской».

Первой рукописью, к которой обратился Татищев, была так называемая Кабинетная летопись, полученная им в начале 1720 г. из «собственной его императорского величества библиотеки чрез графа Брюса» [2]. Она представляла собой лицевую рукопись, без конца, оборванную на 1239 г. Вопрос об отождествлении ее с имеющимися летописными текстами остается до сих пор открытым вопреки мнению С. Л. Пештича [3].

Вторую летопись, так называемую Раскольничью, Татищев приобрел в 1721 г. в Сибири у раскольника. Последний владел пергаменной рукописью, с которой сделал для него список. Это была южнорусская летопись, кончавшаяся 1197 годом. Известия Раскольничьей летописи стали предметом детального анализа акад. Б. А. Рыбакова [4].

Когда Татищев ознакомился с Кабинетной летописью, то счел ее «лучшей», но последующее сопоставление ее с Раскольничьей, с которой он ее «свел воедино», выявило их «великую разность» и заставило Татищева предпринять поиски других списков Несторовой летописи [5].

С этого момента собирательская страсть всецело захватила Татищева. Он повсюду ищет все новые и новые списки русских летописей, критически сопоставляя их известия.

---

[1] См., например, библиотеку князей Ромодановских по описи 1689 г. (ЦГАДА, ф. 188, оп. 1, № 454. Текст подготовлен к печати Б. Н. Морозовым). Много летописных списков находилось в знаменитой Архангельской библиотеке кн. Д. М. Голицына (*Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И.* К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына. — В кн.: Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979, с. 238—253). Русские летописи имелись в библиотеках Феофана Прокоповича, Я. В. Брюса, А. П. Волынского, П. М. Еропкина, А. Ф. Хрущова, П. Н. Крекшина, А. И. Остермана и других (*Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973, с. 184—203; *Он же.* Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Л., 1976, с. 169—195, 253—265).

[2] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962, т. 1, с. 46, 123.

[3] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1961, ч. 1, с. 252.

[4] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 267—277, 362, 382 и др.

[5] *Татищев В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 89.

Вскоре он знакомится со списком Радзивилловской летописи, изготовленным по повелению Петра I в 1716 г. в Кенигсберге в библиотеке Радзивиллов [6].

В начале 20-х годов XVIII в. Татищев также «у раскольника, в лесу» приобрел список XV в. Новгородской I летописи младшего извода («летопись попа Иоанна», как он ее называет) [7]. Позднее, в конце 20-х годов, список с этой летописи оказался в Голицынской библиотеке, где тогда занимался историк (ГПБ, F. IV. 223), а оригинал был передан им в Библиотеку Академии наук (БАН, 17.8.36) [8].

Работа Татищева в Голицынской библиотеке в подмосковном с. Архангельском заслуживает особого внимания. Начав, по его словам, исторические занятия примерно с 1719—1721 гг. [9], он именно здесь в 1727 г., будучи назначенным в Монетную контору в Москве, приступил к систематической работе над «Историей Российской», ставшей делом его жизни. В своей записке в Коллегию иностранных дел 1738 г. он называет эту дату: «Известно Государственной коллегии, что древняя Российская история во многих знатных делах и обстоятельствах темна и неисправна, что не токмо между разными писатели, но и у одного об одном деле по разным местам разно писано, наипаче же в летах и званиях народов, яко же и владетелей немалые погрешности, которую я, с 1727 г. начав колико возможно с еуропскими, а паче с польскими и немецкими историками согласовал и несколько с латинскими велел перевести, как-то: Кромерова о Польше, Гельмольдиева и Арнольдова о славянех, Плиниева География, Кирхеровы примечания о татарской хронологии, да с татарского две гистории переведены и в Академию посланы. До Академии просил, чтоб персицкой гистории находящийся тамо манускрыпт велели перевести моими деньгами» [10].

В Архангельской библиотеке кн. Д. М. Голицына современники насчитывали до 6 тысяч книг и рукописей, отечественных и иностранных [11]. Татищев высоко оценивал ее, называя «лучшей русской библиотекой» [12]. В этой библиотеке имелось богатейшее по тому времени собрание русских летописей. Здесь Татищев обнаружил исключительно интересную летопись, названную им Голицынской. Манускрипт, как вспоминал он, «из библиотеки князя Дмитрия Голицына, писанной белоруским письмом». Заголовок

---

[6] Там же, с. 124.

[7] Там же.

[8] Летопись поступила в БАН до 1734 г., поскольку уже в начале этого года с нее был напечатан один лист (*Андреев А. И.* Труды В. Н. Татищева по истории России. — В кн.: Татищев В. Н. Указ. соч., т. 1, с. 18).

[9] *Валк С. Н.* О рукописях первой редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: Татищев В. Н. Указ. соч. М.; Л., 1964, т. 4, с. 5.

[10] *Попов Н. А.* Татищев и его время. М., 1861, с. 657, 658. Разрядка наша. — *Б. К., В. К.*

[11] ЦГАДА, ф. 6, № 189, ч. 1, л. 40, 143 (из указов 1737 г.).

[12] *Татищев В. Н.* Указ. соч. Л., 1968, т. 7, с. 387.

Голицынской летописи, по наблюдению Татищева, совпадал с названием Раскольничьей: «Повесть временных дей Нестора, чернорисца Феодосиева Печерского монастыря», но в ней по сравнению с Раскольничьей, Кабинетной и Радзивилловской летописями «многое находилось обстоятельнее и дела сверх тех написаны. И сей бы мог за лучший почесться, токмо и в нем многое растеряно; знатно, с чего оной списан, тот поврежден был, ибо на полях того писца рукою приписывано тако: зде нечто проронено. Он кончится в 1198-м году, но окончание его утрачено, а потом 19 лет спустя нечто не порядочно и новейшее лет 50 спустя внесено» [13].

На примере описания Голицынской летописи мы можем судить, какого уровня достигли источниковедческие приемы Татищева к этому времени. Историк дает точные сведения о местонахождении рукописи (ее владельце), приводит ее название, совпадающее с Раскольничьей, ее хронологические рамки, близкие также к Раскольничьей (1197 и 1198 гг.). Текстологическое сопоставление ее с Раскольничьей, Кабинетной и Радзивилловской летописями приводит Татищева к важному выводу о наличии в Голицынской летописи дополнительных сведений. Интересны палеографические наблюдения Татищева о месте составления списка («белорусское письмо», т. е. юго-западного происхождения), о пометах на полях рукописи, сделанных рукой ее писца, о повреждении текста уже в протографе.

Описание Голицынской летописи сохранилось также в описи конфискации 1737—1738 гг. под номером 102: «Летописец Нестора Печерского Руской земли, рукописной, белоруским письмом» [14]. Опись конфискации подтверждает реальность существования Голицынской летописи и точность ее описания Татищевым. Кроме того, эта опись дает дополнительные сведения о формате Голицынской летописи — она помещена среди рукописей in folio.

В Архангельской библиотеке хранились летописи, часть которых дошла до наших дней: Голицынский том Лицевого свода Ивана Грозного (ГПБ, F. IV. 225), два списка Новгородской IV летописи (ГПБ, Q. IV. 138 и Q. XVII. 62), Казанская история (ГПБ, Q. XVII. 78); Новый летописец (списки: ГПБ, F. IV. 213 и Q. IV. 329), Двинский летописец (ГПБ, Q. IV. 143), Соловецкий летописец (ГПБ, Q. XVII. 15), фрагмент патриаршего свода конца XVI в. с летописцем патриарха Никифора в начале (ЦГАДА, ф. 181, № 66), список патриаршего свода 1652 г. (ГПБ, Q. IV. 139), список патриаршего свода 70-х годов XVII в. (копия рукописи ГБЛ, Виф. № 34), так называемая Ростовская летопись (ЦГАДА, ф. 181, № 20), Западнорусский хронограф (два списка: БАН, 4.7.25 и ГПБ, F. IV. 143), список Хроники Феодосия Софоновича (ГПБ, F. XVII. 19), летописные компиляции Пантелеймона Кохановского (ГПБ, F. IV. 214 и 215) — их связь с Голицынской ле-

[13] Там же. т. 1, с. 124.
[14] *Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И.* Указ. соч., с. 243.

тописью и «Историей Российской» выявлена В. А. Кучкиным [15] — и другие. Об утрате многих летописей библиотеки кн. Д. М. Голицына после его ареста и конфискации имущества свидетельствует Татищев: «У сего весьма любопытного министра многое число таких древних книг собрано было, ис которых при описке растасчено, да и после я по описи многих не нашел и уведал, что лучшие бывший герцог Курлянской и другие расхитили» [16].

В Архангельской библиотеке Татищев работал, видимо, до 1730 г., когда обнаружились его резкие политические расхождения с кн. Д. М. Голицыным, «верховником», который выступил за ограничение самодержавной власти Анны Иоанновны в пользу высшей аристократии.

В 30-е годы Татищев продолжает разыскивать новые летописные источники. Именно в это время, надо полагать, был получен им Кирилловский манускрипт: «Из Белаозера Кирилова монастыря в Библиотеке сенатской (синодской, по исправлению Н. А. Попова. — *Б. К., В. К.*)[17], которой начат переводом некоего греческого хронографа от сотворения мира и вношены дела русские, но весьма кратко и многие обстоятельства пропусчены, а другие такие находятся, которых ни в коем нет. Он продолжен по царство царя Иоанна II-го, а по складу сначала видится Киприана митрополита, но конец другими разными после Киприана дополниван» [18]. Судя по описанию, это Львовская летопись, которая действительно начинается краткой выборкой из Еллинского летописца 2-й редакции. Чтения Львовской летописи в составе «Истории Российской» были выявлены И. П. Сениговым [19]. Список второй части Львовской летописи с пометами Татищева находится в настоящее время в БАН (16.42.12) [20]. Кроме того, в руках Татищева находились еще две летописи: Псковская (ныне в БАН, 31.4.22) и Крекшинский летописец, который представлял собой, по-видимому, новгородскую летопись позднего состава (со сказанием о Словене и Русе и другими легендами) [21].

Поскольку все эти летописи указаны в немецком переводе «Предъизвещения» к первоначальной редакции «Истории Российской», осуществленном советником Камер-коллегии Ф. И. Эмме в 1739—1741 гг., то они были использованы Татищевым до 1739 г. [22] Однако ими не исчерпывался круг летописных источников, из-

---

[15] *Кучкин В. А.* К спорам о В. Н. Татищеве. — В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971, с. 246—262.

[16] *Татищев В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 124.

[17] *Попов Н. А.* Указ. соч., с. 450.

[18] *Татищев В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 124.

[19] *Сенигов И. П.* Историко-критические исследования о новгородских летописях и о «Российской истории» В. Н. Татищева. М., 1887, с. 308—310.

[20] *Копанев А. И.* Об одной рукописи, принадлежавшей В. Н. Татищеву: (О работе В. Н. Татищева над текстом Львовской летописи). — Тр. Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. М.; Л., 1955, т. 2, с. 233—240.

[21] Ср.: *Татищев В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 124, 310—311.

[22] Там же, т. 7, с. 57—58.

вестных уже в 30-х годах. В письме И. Д. Шумахеру от 21 декабря 1735 г. Татищев перечислял имеющиеся у него рукописи «для русской истории», среди которых были следующие: «1. История Курбского о Казанском походе. 2. О том же анонимная. (По-видимому, Казанская история. — *Б. К.*, *В. К.*). 3. Полова архимандрита Троицкого монастыря от царствования Иоанна II до царя Алексея Михайловича. 4. О Пожарском и Минине, о польских временех. . . 6. Сибирская история. . . 8. История восстания 1682 г., написанная монахом Медведевым. 9. О том же графа Матвеева. . . 12. Здесь я добыл истории, написанные по-татарски; одну из которых я послал для перевода. Кроме того, я написал, чтобы постарались собрать такого рода истории у калмыков» [23].

В первых числах февраля 1739 г. Татищев прибыл из Самары в Петербург, где оставался до 1741 г. Это было время напряженной работы над первоначальной редакцией «Истории Российской». Позднее Татищев вспоминал: «Как скоро я историю сию в порядок привел и примечаниями некоторые места изъяснил, прибыв в 1739-м году в Санкт-Петербург, многим оную показывал, требуя к тому помосчи и разсуждения, дабы мог что пополнить, а невнятное изъяснить» [24]. Как видно из его письма Шумахеру от 21 ноября 1739 г., к этому времени была готова первоначальная редакция 2-й части «Истории Российской» и Татищев был готов отдать ее для переписки набело. Примечания к ней уже переписывались. Заботясь о ее совершенствовании, историк предлагал выписать из Финляндии дополнительные источники.

Имея уже «много готового» материала к 3-й части, Татищев проявляет интерес к летописям («Гисториям»), хранящимся в Сенате, Синоде и Академии наук, прося у Шумахера разрешения пользоваться ими [25]. Тогда-то он и познакомился с летописью, поступившей в Библиотеку Академии наук после смерти в 1736 г. Феофана Прокоповича. Эту летопись Татищев назвал Никоновской, исходя из того, что это был «Летописец Воскресенского манастыря, подписанной рукою Никона патриарха» [26]. Сравнение Никоновской летописи с Раскольничьей и Радзивилловской показало их сходство в части Повести временных лет, а в «повестех» до 1180 г. — с Голицынской. В дальнейшем южные известия исчезают из Никоновской. Неудачно приписав составление летописи патриарху Никону, Татищев тем не менее весьма проницательно отметил церковный характер свода, «понеже все те обстоятельства, что ко уничижению власти духовной в других находятся, в нем выкинуты или переменены и новым порядком вписаны» [27]. Этот вывод Татищева полностью подтвержден современными исследованиями, где выяснено, что Никоновская летопись составлялась в ок-

---

[23] Архив АН СССР, ф. 934, оп. 1, д. 397, л. 194—195.
[24] *Татищев В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 85.
[25] *Корецкий В. И.* Первое письмо В. Н. Татищева о создании «Истории Российской». — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 441, 443—444.
[26] *Татищев В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 124.
[27] Там же, с. 124—125.

ружении митрополита Даниила [28]. Список Никоновской летописи с вкладной записью патриарха Никона находится ныне в БАН (17.2.5). Во время работы с ней Татищева рукопись, по-видимому, по его указанию была разделена на два тома, причем деление в точности соответствовало разбивке соответствующих частей (2-й и 3-й) «Истории Российской» по смерть Василия II и вокняжение Ивана III. Подгонка текста в конце первого тома (л. 693—693 об.) и в начале второго (л. 2—3 об.) произведена рукой одного писца на бумаге этого времени [29], и как раз на листах имеются пометы Татищева (л. 693, 3—3 об.). К 1741 г., судя по немецкому переводу «Предъизвещения» и примечаний к первоначальной редакции 2-й части «Истории Российской», Никоновская летопись уже была использована Татищевым [30].

Никоновская летопись была положена в основу 3-й части «Истории Российской». Одновременно Татищев активно собирал подготовительные материалы для 4-й части своего труда. Скорее всего между февралем и июнем 1739 г. им были сделаны выписки из Степенной кн. Василия Урусова о времени правления Василия III и Ивана IV. В. Урусов был назначен на место Татищева в Оренбургскую комиссию 17 июня 1739 г. [31] В 1739 г. Татищев пользуется летописями библиотек А. П. Волынского, П. М. Еропкина, А. Ф. Хрущова. Из библиотеки Волынского в его руки попал «манускрыпт Симона епископа». По поводу летописи епископа Симона Татищев писал, что список ее оканчивался известием о разорении Москвы Тохтамышем (1382 г.) [32]. В последнее время летопись эта стала предметом специального рассмотрения в литературе [33].

Татищев пользовался любым случаем, чтобы пополнить круг своих летописных источников. Так, проезжая на свое губернаторство в Астрахань через Нижний Новгород, он, как это видно из его письма от 12 сентября 1741 г., просил местного губернатора помочь ему «купить или дать на время списать» летописец, находившийся у одного из нижегородцев. Приобретенный Татищевым летописец, названный им Нижегородским [34], — это Алатырский список Воскресенской летописи (БАН, 16.3.1), использованный им в последующих переделках «Истории Российской». В том же письме Татищев писал, что «в монастыре Макарьевском у старца есть та-

---

[28] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.

[29] Бумага 40-х годов XVIII в.: *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959, № 955 (1743 г.).

[30] *Татищев В. Н.* Указ. соч., т. 7, с. 58, 120.

[31] Там же, т. 1, с. 24; т. 7, с. 38.

[32] Там же, т. 1, с. 122, 222.

[33] *Клыш М. А.* К вопросу о Симоновой летописи, бывшей у В. Н. Татищева. — Вестник МГУ. Сер. IX, История, 1978, № 1; *Милов Л. В.* Татищевские портреты-характеристики и «Симонова» летопись. — История СССР, 1978, № 6, с. 76—94.

[34] *Татищев В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 125.

кож древней летописец, для которого не премину заехать, чтоб достать не жалея денег». А. И. Андреев, приведший это письмо, полагал, что, «по-видимому, достать его не удалось» [35]. Однако не исключено, что это и была та уникальная летопись Иосифа, келейника патриарха Иова, «о разорении русском», которой воспользовался Тихон Желтоводский, создавший свою Латухинскую степенную как раз в Макарьевском монастыре. «История» Иосифа послужила одним из важнейших источников «Истории Российской», особенно для подготовительных материалов к ее 4-й части [36].

В последние годы жизни Татищев приобрел в Ярославле «у носясчаго на плосчади» летопись, которую назвал Ростовской. Летопись эта была «в полдесть», писана «сначала юсами», «подписана рукою Ярославского монастыря архимандрита Иосифа». По описанию Татищева «в нем все о народах выкинуто и начато 860-м годом, изгнанием варяг, и потом кратко писано» [37]. Судя по тому, что в Ростовской летописи содержался список Русской правды Краткой редакции [38], она в какой-то части должна была быть сходной с Новгородской I летописью младшего извода. В последней своей части от 1389 г., года смерти Дмитрия Донского, Ростовская летопись имела оригинальные известия, «чего ни в котором (из известных Татищеву летописцев. — *Б. К.*, *В. К.*) не находится». Судьба Ростовской летописи сложилась печально. Она была подарена Татищевым Английскому королевскому обществу, а ее точная копия послана в Академию наук. До настоящего времени ни оригинал, ни копия не разысканы.

Стремясь постоянно совершенствовать текст своей «Истории», работая над второй ее редакцией, Татищев продолжал пополнять текст сведениями из вновь приобретенных (Ростовская летопись и др.) и прежних (Симонова летопись и др.) летописных источников. Так появились «оригинальные татищевские известия», вокруг которых споры идут в научной литературе вплоть до настоящего времени. Одни исследователи видят в Татищеве историка-писателя, который считал возможным выдумывать факты; они полагают, что круг летописных источников «Истории Российской» в значительной мере уже определен. Другие считают Татищева первым русским историком, который фактов не выдумывал и литературной формой интересовался лишь постольку, поскольку она способствовала лучшему восприятию его работ читателями.

---

[35] *Андреев А. И.* Указ. соч., с. 27.

[36] *Корецкий В. И.* Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 282—290; *Он же.* «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973, вып. V, с. 251—285; *Он же.* К вопросу об источниках Латухинской степенной. — В кн.: Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974, с. 328—337.

[37] *Татищева В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 125.

[38] Правда Русская. М.; Л., 1947, т. 2, с. 827—828.

Сторонники последней точки зрения отнюдь не склонны разделять оптимизм своих оппонентов относительно полноты выявленных к настоящему времени летописных источников Татищева.

Исходя из имевшихся в его распоряжении летописных текстов, Татищев построил первую схему русского летописания. В начале русского летописания высится фигура Нестора-летописца, которому он посвятил 5-ю главу 1-го тома «Истории Российской». По представлениям Татищева, Нестор довел свою летопись — первую редакцию Повести временных лет — до 1093 г. Игумен Михайлова монастыря в Киеве Сильвестр и другие продолжили Несторову летопись до 1156 г. [39] С этого времени «уже во всех летописях разница находится» [40] — летописание переросло границы Киева и ведется в различных городах: в Суздале — епископом Симоном, в Великом Новгороде — попом Иоанном и т. д.

Татищевым же была разработана впервые классификация русских летописей. Среди них он выделил общие, «генеральные» (Нестерова летопись, Киприанова Степенная, Хронограф; к ним же отнесен и Синопсис) и местные, «топографии» (Новгородскую, Псковскую, Сибирскую, Астраханскую, Нижегородскую, Муромскую, Смоленскую и др.) [41].

Решительное предпочтение историк отдавал «участным» летописям, т. е. написанным современниками, участниками событий (Игнатия диакона, писавшего в XIV в., Макария митрополита, Иосифа, келейника патриарха Иова, и др.).

Вопрос о достоверности, основной вопрос источниковедения, являлся главным и для Татищева: «верность сказания за главное почесться может, оное же на многие степени разделяется» [42]. Здесь на первое место историк ставит известия участников событий, затем рассказы современников или записи, сделанные с их слов. Иностранные сочинения уступают отечественным, ибо «о своем отечестве, если страстию самолюбия или самохвальства не побежден, всегда более способа имеет правую написать, нежели иноземец» [43], который зачастую плохо владеет языком, недостаточно знает обычаи и законы страны. Но и к сочинениям русских летописцев, участников событий, Татищев призывает подходить критически, потому что они «за страх некоторые весьма нужные обстоятельства настоячих времян принуждены умолчать или переменить и другим видом изобразить» [44]. То же искажение исторической истины происходит летописцами «по страсти, любви или ненависти» [45]. Таким образом, уже Татищев был далек от мысли видеть в летописцах беспристрастных и объективных повествователей.

---

[39] *Татищев В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 122.
[40] Там же.
[41] Там же, с. 84.
[42] Там же, с. 83.
[43] Там же.
[44] Там же, с. 81.
[45] Там же.

С этих позиций Татищев подвергал критике, как отмечено нами выше, Никоновскую летопись, а также Степенную книгу, которую писатели второй половины XVII в. клали в основу своих исторических построений. Татищев же усматривал в Степенной «сусчую архонтологию», т. е. родословие князей [46]. В письме П. И. Рычкову, написанном им в год смерти, историк критически отнесся к присланной ему адресатом летописи, полагая, что та «по Степенной сочинена, где только родословие наблюдалось, а истории все смещены» [47].

Вводя в научный оборот русские летописи и кладя их в основу «Истории Российской», разрабатывая научные методы изучения и критики летописей, Татищев стремился сделать их достоянием общественности. По его инициативе была предпринята в 1734 г. первая попытка издания русских летописей. В письме Шумахеру от 21 декабря 1735 г. Татищев напоминает ему об обещании напечатать Новгородскую летопись, подаренную историком в Академию наук. При отъезде Татищева из Петербурга в 1734 г. Шумахер показывал ему отпечатанный «один лист» этой летописи, но затем печатание по каким-то причинам прервалось [48].

Широко используя сочинения иностранцев для составления примечаний к «Истории Российской», основанной на русских летописях, Татищев прилагал усилия для ознакомления с нами зарубежных ученых. Помимо Ростовской летописи, отосланной Татищевым в Лондон в дар Английскому королевскому обществу, в 1738 г. в Берлин была отправлена копия с подаренной историком в Академию наук Новгородской летописи [49]. Татищев собирался перевести и саму «Историю Российскую» на иностранные языки.

Отмечая роль и значение работы Татищева для начала изучения русского летописания и складывания отечественной историографии, С. М. Соловьев писал: «Заслуга Татищева состоит в том, что он начал дело как следовало начать: собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями географическими, этнографическими и хронологическими, указал на многие важные вопросы, послужившие темами для позднейших исследователей, собрал известия древних и новых писателей о древнейшем состоянии страны, получившей после название России, — одним словом, указал путь и средства своим соотечественникам заниматься русской историей» [50].

С. М. Соловьев, безусловно, прав. Последующие успехи отечественной исторической науки в деле изучения русских летописей во многом определены великим многотрудным подвигом В. Н. Татищева.

---

[46] Там же, с. 84.
[47] Архив АН СССР, ф. 934, оп. 1, д. 397, л. 428, 429.
[48] Там же, л. 193.
[49] Правда Русская, т. 2, с. 821.
[50] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963, кн. X, с. 540.

I. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О ДОСТОВЕРНОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ В СКИФСКОМ РАССКАЗЕ ГЕРОДОТА

И. А. Шишова

Со времени появления в 1701—1706 гг. труда Целлария «Notitia Orbis Antiqui» и в 1728 г. работы Т. З. Байера «De Scythiae situ, qualis fuit sub aetatem Herodoti» [1] географические сведения Геродота о Скифии не перестают служить предметом разностороннего исследования географов, историков, этнографов, археологов и филологов. Особенно много о географии Скифии писали в XIX в. — в общих трудах о географических представлениях древних, в специальных исследованиях о географии Юга России в античный период, в отдельных статьях, посвященных локализации неясных географических пунктов, упомянутых в четвертой книге Геродота, и т. д. Уже в первых исследованиях отчетливо проступают преимущества ученых, работавших в России. Так, Целларий описывает географию Скифии по Геродоту, по существу, не заботясь о том, насколько она совпадает с действительностью. Байер же был первым исследователем, получившим возможность сверить описание Геродота с природой края, расположенного между Дунаем и Доном, в его время уже частично принадлежавшего России.

И в XIX в. для многих западных ученых, исследовавших интересующий нас вопрос, характерна известная априорность суждений, обусловленная в значительной мере тем обстоятельством, что в большинстве случаев они руководствовались только описаниями края и картами в основном крупного масштаба [2]. Русские авторы, напротив, широко пользовались возможностью проверить сведения Геродота на местности. Среди русских ученых, систематически занимавшихся сличением карты Геродота с местностью, можно назвать П. Н. Кречетова, П. О. Бурачкова, Ф. Бруна, Ф. Брауна и многих других. Ими была проделана огромная работа по уточнению неясных географических пунктов — рек, гор и др., упомянутых в очерке Геродота о Скифии. Получило обосно-

---

[1] Первое издание труда Целлария — 1701—1706 гг., второе изд. — 1731 г. Труд Байера опубликован в «Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae». Petropoli, 1728, t. 1.

[2] Подробнее об этом см.: *Брун Ф.* Черноморье. Одесса, 1880, ч. 2, с. 110 и след. Ф. Брун, в частности, отмечает, что эта особенность характерна для работ Г. Нибура и его последователей.

вание множество остроумнейших гипотез, большая часть которых связана с уточнением скифской гидрографии.

В XX в. интерес к Геродотовой географии Скифии значительно снизился. Географические вопросы по большей части ставятся в связи с решением тех или иных этнографических и археологических проблем. Лишь изредка появляются статьи, предметом изучения которых служат собственно географические сюжеты. Причиной снижения интереса к исторической географии Скифии является, на наш взгляд, известная бесперспективность исследований в этой области. По поводу любого неясного места Геродота — в первую очередь это касается определения рек Гипакириса, Пантикапа и Герра, названных С. А. Жебелевым «камнем преткновения для исследователей» [3], — было высказано множество, как правило, взаимоисключающих предположений. Аргументы, приведенные в пользу ряда таких гипотез, убедительны, но небезусловны. По существу, бесспорным можно признать отождествление сравнительно небольшого числа географических пунктов, из которых многие были определены еще в XVIII в. В свою очередь немало задач, решение которых было спорным у Байера, вызывает сомнения и теперь.

Когда знакомишься с аргументацией в пользу точек зрения о реках Скифии, определение которых служит отправной точкой для локализации племен и различных географических пунктов, прежде всего обращает на себя внимание отсутствие единого критерия в оценке сведений Геродота. Наиболее показательный пример — решение вопроса об Экзампее, горьком ручье, впадающем в реку Гипанис (Hdt. IV, 52). С точки зрения ряда исследователей (Э. Эйхвальд, А. Гансен, Г. Думшин, Э. Боннель и др.), наибольшего внимания заслуживает указание Геродота, что местность и ручей, носившие одинаковое название Экзампей, располагались там, где Тирас и Гипанис больше всего сближают свои излучины. Другие ученые (Ф. Брун, М. Кисслинг) уделяют гораздо больше внимания сведениям о числе дней плавания от устья Гипаниса до устья Экзампея. Третьи (С. М. Середонин, Э. Миннз и др.) обращаются прежде всего к свидетельству о горьком вкусе воды этого ручья [4].

Вряд ли необходимо доказывать, что сведения Геродота о географии Скифии далеко не равноценны. Их точность обсуждалась многократно и разносторонне. Но сравнительной ценностью этих сведений никто, во всяком случае в отечественной историографии, не занимался. А между тем далеко не бесполезной представляется

[3] *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 318, примеч. 1.

[4] *Eichwald Ed.* Alte Geographie. Berlin, 1839, S. 397; *Hansen A.* Ost-Europa nach Herodot mit Ergänzungen aus Hippokrates. Dorpat, 1844, S. 37; *Думшин Г.* О реках Скифии по Геродоту. — Тр. студентов Ришельевского лицея. Одесса, 1852, с. 27; *Bonnell E.* Beiträge zur Altertumskunde Russlands. St.-Petersburg, 1882, Bd. 1, S. 81 sq.; *Брун Ф.* Указ. соч., ч. 2, с. 24 и след.; *Kiessling M.* Exampaios. — RE, 1909, VI, col. 1552; *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916, с. 23; *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 28.

нам попытка установить, какие сведения Геродота о географии Скифии заслуживают a priori большего, какие меньшего доверия, а также предложить хотя бы приблизительный критерий их достоверности. Сразу же оговоримся, что сообщения явно легендарные мы исключаем. Справедливости ради надо все же отметить, что при передаче сведений фантастических Геродот, как правило, подчеркивает свое скептическое к ним отношение. Ἐμοὶ μὲν οὐ πιστὰ λέγοντες, замечает он в таких случаях (см.: IV, 5, 1; 25, 1 и др.), а иногда и более категорически: τοῦτο δὲ οὐκ ἐνδέκομαι ἀρχήν (IV, 25, 2). Оставляем в стороне и те сообщения Геродота, неправильность которых очевидна. Таково, например, его утверждение, что небольшой по своим размерам источник Экзампей портит вкус воды огромной реки Гипанис — Южный Буг (IV, 52, 3) [5]. Наивно и предположение, что рога у быков в Скифии не растут из-за сильных холодов (IV, 29).

Обратимся прежде всего к тем сведениям Геродота, степень достоверности которых можно установить, определив, в какой мере они связаны с системой его географических представлений.

К V в. до н. э. ионийские мореплаватели и путешественники накопили достаточно богатый опыт знакомства с различными странами, что дало возможность Геродоту пользоваться не только периóдами, но и обобщающими трудами по географии известного ионийцам мира, а также появившимися к тому времени картами [6].

Географические представления ионийцев были обобщены в замечательном, судя по отзывам современников, историко-географическом сочинении Гекатея Милетского (VI—V вв. до н. э.). Труд Гекатея, как предполагают, был снабжен картой, точность которой вызывала восхищение современников [7]. Исследователи отмечают, что как географ Геродот, несомненно, уступает Гекатею. Сочинение Гекатея заполнило лакуну в географических познаниях его времени, так как в нем была предпринята попытка дать полную картину мира. Гекатей использовал результаты, достигнутые ионийской космогонией и географией, обобщив их на основе представлений ионийской натурфилософии о Земле. В отличие от Гекатея Геродот, по определению Ф. Якоби, преклоняется «перед осторожным и несколько неубедительным эмпиризмом» [8]. Как отметил И. Л. Гейберг, у Геродота «ясно чувствуется оппозиция ставших самостоятельными специальных дисциплин против опеки философии» [9]. В своих географических экскурсах Геродот

---

[5] Это наивное предположение Геродота, на наш взгляд, может быть косвенным образом использовано при локализации Экзампея. См. ниже.

[6] Подробнее об ионийских картах см.: *Myres J. L.* An Attempt to Reconstruct the Maps used by Herodotus. — Geographical Journal, 1896, VIII, p. 605 sq.; *Idem.* Herodotus — Father of History. Oxford, 1953, p. 32 sq.

[7] Agathem, I, 1. См. об этом подробнее: *Jacoby F.* Hekataios. — RE, 1912, VII, col. 2690.

[8] *Jacoby F.* Herodotus. — RE, 1913, Suppl., H. 2, col. 470; ср.: *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 54.

[9] *Гейберг И. Л.* Естествознание и математика в древности. М.; Л., 1936, с. 18.

обычно стремится исправить описания предшественников, опираясь на собственный опыт и наблюдения [10]. В тех случаях, когда он основывается на том, что сам видел, его сообщения необычайно ценны, но уверенность в надежности личного опыта и пренебрежение к тем теориям, которые не могут быть проверены собственными наблюдениями, оборачиваются в иных случаях недостатком воображения. Иногда Геродот отвергает как фантастические те сведения, которые могли содержать и рациональное зерно [11].

Геродот был хорошо знаком с достижениями современной ему географической науки, теоретические положения которой он нередко оспаривал. Так, он отрицал предположение о реке Океан, обтекающей Землю со всех сторон (II, 21, 23; IV, 8, 36) [12]. Однако он не выдвигает никаких собственных предположений об устройстве мира, довольствуясь примитивной схемой [13], а в своих описаниях практически пользуется представлением об Океане [14]. В географических экскурсах Геродота можно видеть, как наслаиваются друг на друга и общие теоретические положения, которым он следует — иногда, возможно, и не отдавая себе в том отчета, — и различного рода сведения, заимствованные из чужих сочинений, и его собственные, основанные на личном опыте наблюдения. Сочетанием этих иногда несовместимых элементов объясняются многие несообразности в географических описаниях Геродота.

Есть основания полагать, что Геродот предпринимал попытки уточнить и исправить использованную им ионийскую карту Скифии [15]. Вместе с тем он следовал и некоторым сложившимся традициям античной картографии. К их числу следует, видимо, отнести меридиональное направление рек Северного Причерноморья. По сообщению Геродота, большинство скифских рек течет с севера на юг. Точно указано направление рек Тираса (IV, 51 —

---

[10] Высоко оценивает наблюдательность и живой интерес Геродота «к большому и малому» М. Эберт (*Ebert M.* Südrußland in Altertum. Bonn; Leipzig, 1921, S. 82).

[11] Так, например, Геродот отказывается признать достоверным рассказ о людях, которые спят в течение шести месяцев (IV, 25), а между тем, по мнению многих исследователей, в этом сообщении скорее всего отразились слухи о долгих северных ночах.

[12] По мнению многих исследователей, Геродот в IV, 36 подвергает критике карту мира, созданную Гекатеем. См. об этом, например: *Томсон Дж.* История древней географии. М., 1953, с. 80, примеч. 2 (примеч. ред.); ср.: *Pearson L.* Early Ionian Historians. Oxford, 1939, p. 39.

[13] *Гейберг И. Л.* Указ. соч., с. 18 и след.

[14] *Ельницкий Л. А.* Указ. соч., с. 66 и след. Я. Харматта (*Harmatta J.* Quellenstudien zu den Skythika des Herodot. Budapest, 1941, S. 59) полагает, что у Гекатея Океан играл роль опорного пункта при перечислении народов; там, где Геродот следует перечню племен Гекатея, он вынужден ориентировать их относительно Океана.

[15] Как полагают, основные реки Скифии были нанесены на ионийскую карту под теми же названиями, что и у Геродота. Однако описания рек, которыми он пользовался, не всегда совпадали как с данными карты, так и со сведениями, собранными Геродотом во время пребывания в Ольвии. Этими расхождениями нередко объясняют противоречивость сообщений Геродота о географии Скифии. См., например: *Kieslling M.* Hyrakyris. — RE, 1914, IX, col. 199; *Ельницкий Л. А.* Указ. соч., с. 80.

ἀπὸ βορέω. . .ἀνέμου), Пантикапа (IV, 54 — ἀπὸ βορέω), Танаиса (IV, 57 — ῥέει τἀνέκαθεν — безусловно, с севера). То же направление, вполне очевидно, придано и Борисфену: по Геродоту (IV, 53, 4), он течет с севера на юг (ἀπὸ βορέω ἀνέμου) на расстоянии 40 дней до области Герр. Вызывает удивление, что Геродот, посетивший Ольвию и побывавший в ее окрестностях, не отметил изгиба Днепра в нижнем его течении. В литературе, насколько известно, эта явная неточность Геродота не получила объяснения. Нам представляется, что Геродот, говоря о направлении Борисфена, руководствовался не столько личными наблюдениями, сколько своей общей схемой, согласно которой скифские реки текут строго с севера на юг — в направлении северного ветра [16].

Нельзя, однако, не упомянуть о том, что исключение из правила Геродот все-таки допускает. Так, о Тирасе и Гипанисе сказано, что вблизи земли ализонов эти реки сближают свои излучины, а дальше поворачивают и текут так, что промежуток между ними расширяется; таким образом, они текут не строго с севера на юг. Исследователи отмечали большую точность описания Геродотом не только нижнего, но и среднего течения Гипаниса и, в частности, безусловную правильность его сообщения о сближении излучин Тираса и Гипаниса [17]. Так как речь идет о реках, отождествление которых безусловно, то и сами излучины локализуются вполне определенно [18], и, следовательно, реальность этого сообщения, представляющего собой исключение из принятого Геродотом правила, сомнению не подлежит.

По мнению Кисслинга, точное направление скифских рек с севера на юг тесно связано с теориями, которые существовали у греков относительно возможных истоков рек, — с «теорией гор» и «теорией озер» [19]. Общеизвестно, что греческие географы истоки рек чаще всего искали в горах. Для греческой практики такая точка зрения вполне оправданна. Северные реки многие древние авторы тоже выводили с Рипейских гор — Ῥίπαια ὄρη или Ῥῖπαι [19a]. Упоминание о Рипейских горах у Геродота отсутствует [20]. По

---

[16] Есть основания полагать, что русло Борисфена было известно Геродоту хуже, чем русло Гипаниса. См. ниже.

[17] Еще Р. Макан (*Macan R. W.* Herodotus, the fourth, fifth and sixth books. London, 1895, vol. II, p. 26) усматривал в этом сообщении Геродота следы аутопсии. Точность сведений Геродота о Гипанисе подчеркивал также Кисслинг (*Kieslling M.* Hypanis. — RE, 1914, IX, col. 223). Вообще сведения Геродота о Гипанисе, несомненно, надежнее, чем об остальных скифских реках. Достаточно сравнить данные о длине Гипаниса и Борисфена. Девять дней — сведения если и неточные, то вполне реальные. Сорок дней — до области Герр — число явно условное (см. ниже). На наш взгляд, есть основания полагать, что Геродот совершил путешествие вверх по Гипанису до местности Экзампей.

[18] Расстояние между излучинами Днестра и Южного Буга в среднем течении этих рек в самом узком месте не более 80 км.

[19] *Kiessling M.* Hypanis, col. 222.

[19a] *Hellanikos F.* Gr. Hist., 4 F 187 b; ср.: *Aristot.* Meteorol., I, 13, 350 b 4 сл.

[20] Некоторые исследователи, правда, считают, что именно Ῥίπαια ὄρη Геродот имел в виду, когда писал о горах высоких и недоступных (IV, 25, 1). См., например: *Ельницкий Л. А.* Указ. соч., с. 74.

мнению К. Нейманна, во время посещения Ольвии Геродот должен был убедиться в том, что на севере Скифии гор не существует [21]. Именно поэтому истоками большинства скифских рек — Тираса (IV, 51), Гипаниса (IV, 52), Гипакириса (IV, 55), Танаиса (IV, 57) — Геродот считал озера, следуя еще одной бытовавшей в его время гипотезе. Нейманн отмечает также, что эта гипотеза позволила Геродоту объяснить поразившую его полноводность скифских рек.

В литературе неоднократно высказывались предположения об озерах, которые Геродот называет истоками Тираса, Гипаниса, Пантикапа, Гипакириса и Танаиса. Конечно, в основе сообщений Геродота могли лежать какие-то рассказы об озерах или болотах. Так, М. Нинк полагает, что озерами Геродот мог назвать находившиеся на севере болота, о которых ему, вероятно, было известно. Свое предположение Нинк подкрепляет ссылкой на то, что слово λίμνη означает и озеро, и болото [22]. Б. Н. Граков также считает, что озера Геродота — плод неясных рассказов о болотах и обильных водами реках Белоруссии [23]. И все же, принимая во внимание, что греки, сообщавшие Геродоту о реках Скифии, были хорошо знакомы главным образом с нижним их течением [24], можно с уверенностью отнести его сообщения об озерах к числу наименее надежных [25]. Их появление в рассказе Геродота связано скорее с тем, что здесь факты подгонялись под определенную теорию, призванную объяснить происхождение и характер скифских рек.

Особый интерес представляют сведения Геродота об истоках рек, составляющих исключение из общего правила, — Герра и Борисфена. Герр, согласно Геродоту, отделяется (ἀπέσχισται) от Борисфена; истоки самого Борисфена, как он сообщает (IV, 53, 5),

---

[21] *Neumann K.* Die Hellenen im Skythenlande. Berlin, 1855, Bd. I, S. 206. Ср. также: Herodotos erklärt von H. Stein. 5 Aufl. Berlin, 1883—1902, ad IV, 51 (Далее: *Stein H.*); *Minns E. H.* Op. cit., p. 28.

[22] *Ninck M.* Die Entdeckung von Europa durch die Griechen. Basel, 1945, S. 95.

[23] *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971, с. 16.

[24] По мнению Ф. Бруна (Указ. соч., с. 3), греческие купцы не имели причин отыскивать в лесах и болотах истоки скифских рек, так как они обычно ходили от одной переправы к другой, но иногда они могли вообразить, что достигли этих истоков. У рек, которые приходилось пересекать внутри страны, были иногда хорошо известны верхние и средние течения, но в таких случаях ошибочно представляли себе их нижние течения и устья. К. Рейхардт (*Reichardt C.* Landeskunde von Skythien nach Herodot. Diss. Halle, 1889, S. 55 sq.) объясняет неясность сообщений Геродота о реках Гипакирисе, Пантикапе и Герре произвольным соединением сведений о переправах через реки внутри страны и об устьях рек, впадающих в Черное море.

[25] Ненадежными считают эти сведения многие исследователи. См., например: *Ukert F. A.* Geographie der Griechen und Römer von den frühesten Zeiten bis auf Prolemäus. 2. Abt. Weimar, 1846, Teil 3, S. 32; *Macan R. W.* Op. cit., vol. II, p. 32; *Reichardt C.* Op. cit., S. 35 sq. (по меткому выражению Рейхардта, представление Геродота об озерах как об истоках рек несет на себе печать схематичности); *Treidler H.* Die Scythen und ihre Nachbarvölker. — Archiv für Antropologie, NF, 1915, XIII, S. 289; и др.

ему неизвестны [26]. Можно было бы расценить это признание Геродота как проявление его научной добросовестности, но нам представляется, что в данном случае «теория озер» была принесена в жертву более важному для Геродота принципу симметрии в устройстве мира.

В тесной связи с рассматриваемым нами вопросом о географических представлениях Геродота находится проблема знаменитого скифского четырехугольника. Эта проблема вызвала обширную литературу и породила огромное количество различных точек зрения. Исследователей, занимавшихся этим вопросом, можно разделить на две основные группы: одни, подобно К. Маннерту [27], вообще не принимают во внимание сообщение Геродота о четырехугольной форме территории Скифии, другие — и таких большинство — спорят о том, как в действительности выглядел пресловутый четырехугольник и насколько правилен рассказ Геродота о его границах [28]. В нашей литературе полярные точки зрения могут быть представлены, с одной стороны, И. В. Фабрициус, которая считает возможным, лишь несколько уточнив указания Геродота, определить площадь Скифии в 520 тыс. км^2, что, как она отмечает, совпадает с размерами Украинской ССР (без западных областей) [29], а с другой — Б. Н. Граковым, по мнению которого «строго геометрическое построение фигуры страны и равенство всех ее границ не позволяют серьезно оперировать с таким представлением» [30].

Позиция Гракова представляется нам вполне оправданной. Возникает, однако, вопрос, чем объясняется появление такой условной геометрической фигуры в труде Геродота.

Английский ученый Дж. Л. Майрес отмечает ряд случаев, когда при описании географических площадей Геродот изображает их в виде прямоугольных фигур. По мнению Майреса, ограничение описываемой территории геометрической фигурой — один из приемов картографии (map-making) Геродота [31]. В числе примеров как наиболее характерный назван четырехугольник,

---

[26] Как сообщает Страбон (II, 4, 6), истоки Борисфена, равно как истоки Тираса и Гипаниса, не были известны и в его время. Ср.: Mela, II, 7; Plin., IV, 88.

[27] *Mannert K.* Geographie der Griechen und Römer. Nürnberg, 1795, t. IV, S. 68.

[28] Даже эти исследователи, как правило, прослеживают лишь южную, восточную, отчасти западную границы четырехугольника. О северной границе, по мнению большинства ученых, Геродот не мог иметь сколько-нибудь ясных представлений. См.: *Stein H.*, ad IV, 101. Ср.: *Блаватский В. Д.* О северной окраине Скифии Геродота. — МИА, 1969, № 169, с. 31.

[29] *Фабрициус І. В.* До питання про топографізацію племен Скіфії. — Археологія, 1951, т. V, с. 51—52.

[30] *Граков Б. Н.* Указ. соч., с. 15.

[31] Майрес (*Myres J. L.* An Attempt. . ., p. 605 sq.) усматривает в этих геометрических фигурах зародыш сети прямоугольников, стороны которых параллельны экватору и меридианам, появившейся, по его мнению, в III в. до н. э. у Эратосфена. Ср. также: *Томсон Дж.* Указ. соч., с. 239 и след.

определяющий границы Скифии [32]. Добавим к этому еще ряд соображений. География Скифии занимает в труде Геродота особое место. Это, в сущности, единственное в своем роде целенаправленное, последовательное описание территории, рек, климата, племен и обычаев. В большинстве случаев Геродот ограничивается лишь самыми общими замечаниями об интересующей его стране с подробными рассказами об ее достопримечательностях, о том, что, с его точки зрения, достойно удивления. С описанием Скифии можно сравнить лишь соответствующий экскурс о Ливии, помещенный также в четвертой книге. Описание Египта по сравнению с географией Скифии — не более чем путевые заметки, в которых только Нилу уделено исключительное внимание. Чем объяснить особый интерес к географии Скифии? Думается, в первую очередь тем, что речь шла о стране, так же как и Ливия, малоизвестной, но любопытной для греков хотя бы в силу того, что здесь впервые потерпели поражение персы и что в этом поражении «географический фактор» сыграл немалую роль. Напомним также и о тесных торговых связях Греции и Северного Причерноморья.

Однако есть и другая сторона вопроса. Многое из того, что Геродот увидел в Скифии, показалось ему достойным удивления: просторные равнины, плодородие скифской земли, полноводность рек. При описании Борисфена, у устья которого Геродоту удалось побывать, он употребляет прилагательные только сравнительной и превосходной степеней: сам Борисфен — μέγιστος, πολυαρκέστατος, вкус его воды ἥδιστος, урожай на его берегах ἄριστος, а трава в тех местах, где землю не засеивают, βαθυτάτη. Пастбища Борисфен доставляет καλλίστας καὶ εὐκομιδεστάτας, рыба в его водах ἄριστοι διακριδὸν καὶ πλεῖστοι. И завершает он это сочетание степеней примечанием: ἄλλα τε πολλὰ θωμάσια ἄξια. А ведь именно интерес к различным θώματα положен в основу подбора географических сведений у Геродота.

Большое значение, которое Геродот придавал географии Скифии, повлекло за собой стремление дать всей картине зримую законченность, записать свои впечатления так, чтобы рассказ мог заменить собой карту [33]. Отсюда строгая последовательность изложения. Отсюда и строгая геометрическая фигура, в которую заключена территория Скифии, хотя, как отмечает Г. Штейн, у Геродота не было никаких оснований считать Скифию четырехугольником, так как он имел представление только о южной и восточной границах Скифии, и, таким образом, для него законченность этой геометрической фигуры носила чисто условный характер.

Майрес, а вслед за ним Миннз отмечают также, что в географических построениях Геродота важную роль играет принцип

---

[32] Согласно Л. А. Ельницкому (Указ. соч., с. 56), квадрат, положенный в основу описания Скифии, восходит к Гекатею, у которого можно отметить стремление к известной геометризации Вселенной. Ср.: *Дитмар А. Б.* Рубежи ойкумены. М., 1973, с. 22.

[33] С нашей точки зрения, правы те исследователи, по мнению которых труд Геродота не был снабжен картой.

симметрии в устройстве мира [34]. О значении этого принципа как приема познания мира Геродот замечает следующее (II, 33): ὡς ἐγὼ συμβάλλομαι τοῖσι ἐμφανέσι τὰ μὴ γινωσκόμενα τεκμαιρόμενος — «как я предполагаю, заключая о неизвестном на основании известного». Следовательно, по его мнению, симметричное устройство мира дает возможность судить о неизвестном по аналогии с известным.

Геродот формулирует эту свою мысль, проводя параллель между Нилом и Истром. Среди всех географических θώματα [35] Нил занимает у него совершенно особое положение. Эта река поразила воображение Геродота (см., например, II, 19). Он не только подробно о ней рассказывает, но и постоянно использует ее в качестве образца для сравнения с другими реками и чаще всего с Истром. Истр у Геродота на втором после Нила месте среди наиболее достопримечательных рек [36]. Нил и Истр для Геродота — явления подобные. Нил, по словам Геродота, как и Истр, ἐκ τῶν ἴσων μέτρων ὁρμᾶται (II, 33). Подобие этих рек он разбирает очень основательно. Однако оно все же оказывается неполным. В II, 34 мы читаем: «Если Истр, протекая по населенным землям, известен многим, то об истоках Нила никто не в состоянии утверждать что-либо наверное, потому что необитаема и пустынна та часть Ливии, через которую протекает Нил». (Об истоках Истра Геродот (II, 33) сообщает хотя и неправильные, но вполне определенные сведения.) Но для столь примечательного явления, каким Геродоту представлялся Нил, должна была быть найдена параллель и в отношении истоков. Для сравнения с Нилом в этом плане Геродот и привлекает Борисфен — огромную реку, истоки которой также неизвестны, так как они расположены в странах, никому не ведомых. Главу, посвященную Борисфену (IV, 53), Геродот начинает с того, что ставит его в один ряд с Истром и Нилом (из скифских рек Борисфен — наибольшая река после Истра и самая полноводная после Нила), а несколько ниже (IV, 53, 5) отмечает и сходство Борисфена с Нилом в отношении их истоков — μούνου δὲ τούτου τοῦ ποταμοῦ καὶ Νείλου οὐκ ἔχω φράσαι τὰς πηγάς, δοκέω δέ, οὐδὲ οὐδείς Ἑλλήνων.

Хотя Борисфен, как и другие скифские реки, течет с севера и естественнее было бы связать его истоки с теми северными озерами, слухи о которых дали Геродоту основание утверждать, что большинство скифских рек берет свое начало ἐκ λίμνης, историк отступает в данном случае от «теории озер», с тем чтобы ярче оттенить более важный для него принцип подобия, принцип параллелизма.

Еще одна деталь, как кажется, также может служить иллюстрацией «параллелизма» Борисфена и Нила у Геродота. Выше мы

---

[34] *Minns E. H.* Op. cit., p. 28; ср.: *Stein H.* ad IV, 101.

[35] *Barth E.* Zur Bewertung und Auswahl des Stoffes durch Herodot. Die Begrifte θῶμα, θωμάζω, θωμάσιος und θωμαστός. — Klio, 1968, 4, S. 93 sq.

[36] А также и по числу упоминаний о нем. См.: *Powell J. E.* A Lexicon to Herodotus. Cambridge, 1938, s. v.

упоминали о том, что, кроме Борисфена, еще одна скифская река в нарушение общего правила берет свое начало не из озера. Это река Герр, который ответвляется или, точнее, отрывается от Борисфена, — Γέρρος ποταμὸς ἀπέσχισται μὲν ἀπὸ τοῦ Βορυσθένεος (IV, 56).

Уже давно исследователи обращали внимание на необычность этого оборота. Так, Н. Надеждин писал о реке Герр: «Тут главная сила в выражении „отрывается от Борисфена“» [37]. По мнению Надеждина, речь идет о правых притоках Днепра, которые, то сливаясь с Днепром, то отделяясь от него, составляют единый желоб, сопровождающий Днепр почти до самого лимана. В своем верховье этот желоб, пишет Надеждин, «отрывается» в буквальном смысле слова «от Борисфенеса». К толкованию этого выражения обращались также Ф. Линднер [38], Ф. Браун [39] и другие исследователи. Однако, насколько нам известно, никто из них не обратил внимания на следующее обстоятельство: глагол ἀποσχίζω согласно словарю Э. Пауэлла [40] употреблен Геродотом в применении к рекам всего три раза. Дважды в рассказе о Герре — в форме Perf. Pass. — и третий раз — в форме Part. Aor. Pass. — при описании дельты Нила. Так, в II, 17, 5 мы читаем ἔστι δὲ καὶ ἕτερα διφάσια στόματα ἀπὸ τοῦ Σεβεννυτικοῦ ἀποσχισθέντα φέροντα ἐξ θάλλασαν [41].

Оставляем в стороне вопрос о том, каким образом это обстоятельство может быть использовано для локализации реки и области Герр. В данном случае для нас важнее другое: Борисфен, несомненно, интересовал Геродота как некая параллель к Нилу. Там, где речь идет об истоках Борисфена, он подчеркивает это вполне определенно. Здесь же употребление одного и того же редкого в отношении к рекам глагола [42] также отражает поиски черт сходства между Борисфеном и Нилом. С этим связано еще одно (на сей раз для р. Герр) исключение из общего правила, отступление от «теории озер», которая, как и в случае с истоками Борисфена, уступает принципу «параллелизма». Не исключено также, что сопоставление истока Герра с дельтой Нила было вызвано яр-

---

[37] *Надеждин Н.* Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями. — ЗООИД, 1844, т. 1, отд. 1, с. 53 и след.

[38] *Lindner F. L.* Skythien und die Skythen des Herodot. Stuttgart, 1841, S. 50. Здесь отмечено, что это выражение может быть понято двояко — отделяется или отделен от Борисфена (trennt sich oder ist getrennt vom Borysthenes).

[39] *Браун Ф.* Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, с. 231.

[40] *Powell J. E.* Op cit., s. v. ἀποσχίζω: pass. of rivers.

[41] К. Абихт (см.: Herodotos erklärt von K. Abicht. Leipzig, 1861—1883, ad IV. 56) приводит II, 17, 5 в качестве параллели к употреблению глагола ἀποσχίζω в отношении рек, но не отмечает, что других примеров применения данного глагола в таком смысле нет. См. также: *Struve Th.* Pontische Briefe. — Reinisches Museum Philology, 1874, Bd. XXIX, S. 67.

[42] Словари указывают только приведенные нами случаи (*Liddle H. — Scott R.* Greek-English Lexicon. Oxford, 1925, s. v. ἀποσχίζω. . .Pass.: ἀποσχισθῆναι ἀπὸ. . . of a river being parted from the main stream. Hdt II, 17; IV, 56).

ким рассказом (а может быть, и личным наблюдением) об «отщеплении» притока или одного из рукавов Днепра. Уместно вспомнить и об аналогии, которую Геродот проводит между каналами Египта и скифскими реками (IV, 41, 1). Вне всякого сомнения, с Египтом Геродот познакомился раньше, чем со Скифией: параллели между этими двумя странами прослеживаются достаточно четко. Важнее другое: как справедливо отметил В. Али, аналогии между Скифией и Египтом у Геродота имеют вполне определенный смысл, поскольку сравнение южной и северной половины земли — главный принцип географии Геродота [43].

Подводя итог нашим наблюдениям над основами географических построений Геродота, мы можем сделать следующий вывод. В тех случаях, когда Геродот строго придерживается системы своих географических представлений, он сообщает сведения, достоверность которых условна. Напротив, отступление от принятой им системы может служить известной гарантией правильности того или иного сообщения.

Так, уже отмечалось, что в нарушение принципа, согласно которому скифские реки текут строго с севера на юг, Геродот отмечает излучину в руслах Гипаниса — Буга и Тираса — Днестра, действительно существующую. Печатью достоверности отмечены именно оригинальные, выпадающие из принятого самим же Геродотом трафарета сведения. Излучину Тираса — Гипаниса установить нетрудно, поскольку речь идет о реках, идентификация которых сомнений не вызывает. Но тем же принципом «отклонения от трафарета» можно воспользоваться и при оценке некоторых спорных сообщений Геродота в качестве критерия большей или меньшей достоверности имеющихся в нашем распоряжении данных.

Обратимся к свидетельствам об Экзампее. Здесь наиболее важный факт — упоминание Геродота о горьком (πικρός) вкусе воды источника. Это деталь, несомненно, выпадающая из обычного трафарета. Заслуживает внимания и вполне оригинальное замечание Геродота о том, что Экзампей портит вкус воды Гипаниса в нижнем его течении. Само по себе это замечание — свидетельство географической наивности Геродота, так как небольшой по размерам (μεγάθεϊ σμικρή) источник не мог испортить вкус воды огромной реки. И все же, поскольку ему такая роль приписывается, этот источник скорее всего следует искать в нижнем течении реки, может быть, где-то на границе соленой и пресной воды [44], по Геродоту — на расстоянии четырех дней пути до моря. Конечно,

---

[43] *Aly W.* Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921, S. 13.

[44] Так справедливо полагает К. К. Шилик (*Шилик К. К.* К палеографии Ольвии. — В кн.: Ольвия. Киев, 1975, с. 81—82). Он отмечает также, что эта граница меняет свое положение в течение года: в летние месяцы она поднимается до Вознесенска (180 км от Очакова), в паводок опускается почти до Николаева (около 80 км от Очакова), в остальное время она находится примерно посередине этого отрезка.

расстояния, указанные Геродотом в окрестностях Ольвии, заслуживают наибольшего доверия, но точность их все-таки условна. Ведь мы, в сущности, лишены возможности вычислить точно даже те расстояния, которые у Геродота даны в стадиях, так как нам неизвестно, каким именно стадием пользовался Геродот в своем труде [45]. Существует предположение, что при описании различных стран Геродот указывает расстояния и в различных стадиях [46].

Вполне естественно, что такие меры, как «день пути» и «день плавания», еще менее надежны, и характерно, что именно этими мерами Геродот определяет почти все расстояния в Скифии, где измерения территории в отличие от Египта или от царской дороги производились только на глазок. Исключения у Геродота составляет лишь пресловутый четырехугольник, где расстояние в днях пути Геродот переводит в стадии, замечая при этом, что день пути он полагает в 200 стадиев. Конечно, эта мера настолько условна, что вычисления, произведенные на ее основе, недостаточно надежны. Не менее, если не более, условен и «день плавания». Если все же принять, что «день пути» составляет от 35 до 42 км, а «день плавания» — 25—35 км вверх и около 80 км вниз по реке [47], то остается не поддающееся уже никакому контролю число дней пути. Условность же числа дней пути, вне всяких сомнений, возрастает по мере удаления от точки отсчета, т. е. от Ольвии. Если два-три дня пути или плавания в окрестностях Ольвии — расстояния хотя и условные, но все же в пределах реального, то десять (IV, 53, 4), четырнадцать (IV, 19), а тем более сорок (IV, 53, 4) дней пути уже не поддаются никакому учету [48]. К тому же при дальних расстояниях вступают в действие такие разнообразные фак-

[45] Если принять ионийский стадий, то «день пути» составит примерно 42 км, при аттическом стадии — 35 км.

[46] О. Видебанн полагает даже, что при описании дороги от Эфеса до Суз Геродот указывает расстояние от Эфеса до Сард на основании карты Гекатея в географических стадиях, принятых у ионийских географов, а расстояние от Сард до Суз — в стадиях, которые соответствовали персидской мере длины (açparaça), составлявшей $^1/_{30}$ часть парасанга (*Viedebannt O.* Eratosthenes. Hipparchos, Poseidonios. Ein Beitrag zur Geschichte des Erdmessungproblems im Altertum. — Klio, 1920, 14, H. 2, S. 255 sq.).

[47] См., например: *Kolster W. H.* Das Land der Skythen bei Herodot und Hippokrates. — Archiv für Philologie und Pädagogik, 1846, XII, S. 625; *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953, с. 54.

[48] Видимо, число 40 у Геродота носит такой же условный характер, как священные числа 3 и 7, число 120 — при определении долголетия (I, 163; III, 23), явно легендарные числа 1000, 2000, 4000 воинов в рассказе о взятии Вавилона (III, 155). См. подробнее: *Aly W.* Op cit., S. 47, 84, 149, 240 sq. Ср. также: IV, 87, 1, где числа 700 тыс. персидского войска и 600 кораблей у Геродота явно трафаретны. Р. Мюллер (*Müller R.* Die geographischen Tafel nach den Angaben Herodots. Reichenberg, 1881, S. 18), основываясь на многочисленных примерах из Ветхого и Нового завета, полагал, что сорок устьев Аракса у Геродота (I, 202, 3) — это буквально понятое им восточное выражение, означающее «множество»; ср. также: *How W. — Wells J.* A commentary on Herodotus. Oxford, 1928, ad I, 202, 3. По существу, такой же условный характер носит число 40 и в скифском рассказе: Борисфен течет 40 дней до земли Герр (IV, 53, 4); 40 дней скифы возят своих покойников по всей округе. Число 40 здесь также употреблено метафорически, означая условно большое число.

торы, как привычность или, наоборот, неопределенность маршрута, индивидуальные особенности самого путешественника и его средств передвижения, состояние дорог в зависимости от времени года, а в тех случаях, когда речь идет о дальних, но выгодных маршрутах, стремление купца сохранить в тайне известный ему кратчайший путь. Наконец, есть все основания полагать, что Геродот приводит цифры, полученные при случайных опросах, а отнюдь не средние числа. Он сам, как нам представляется, не придавал большого значения точности цифр, им сообщаемых [49], и поэтому сведения о числе дней пути нужно использовать с большой осторожностью. В случае с Экзампеем предпочтение нужно отдать сообщению о вкусе воды источника, а свидетельство о днях пути может служить лишь дополнительным и подсобным.

Наше предположение, что Экзампей нужно искать скорее всего в нижнем течении реки, вступает, правда, в явное противоречие еще с одним свидетельством Геродота об интересующем нас источнике. Так, в той же 52-й главе мы читаем, что Экзампей находится в пределах страны скифов-пахарей и ализонов. Судя по тому, что около земли ализонов (κατὰ Ἀλιζῶνας) Тирас и Гипанис сближают свои излучины, речь в данном случае идет скорее всего о среднем течении Гипаниса (см. выше).

Противоречие это может быть объяснено следующим образом. Экзампей — скифское название источника, которое Геродот передает по-гречески как Ἱραὶ ὁδοί, т. е. священные пути. Исследователи обычно понимают эти священные пути как пути торговые, находившиеся под защитой богов [50]. Не исключено, однако, что такие священные дороги могли располагаться не только в одном, но и в нескольких узловых пунктах торговых путей. Вместе с тем Геродот мог легко спутать одинаково звучавшие на чужом языке названия. Ведь точность названий также не является сильной стороной географических описаний Геродота. Название «Аракс», например, Геродот прилагает по меньшей мере к трем различным рекам.

Итак, оценка географических свидетельств Геродота по степени их достоверности представляется нам очень полезной прежде всего потому, что только такой подход дает возможность беспристрастно анализировать факты. Выбор важнейшего свидетельства при таком подходе не определяется никакой заранее принятой схемой. И хотя установление сравнительной достоверности географических свидетельств о Скифии не прояснит того, что не было ясно самому Геродоту, все же появится возможность ориентироваться среди бесчисленных, исключающих друг друга гипотез, отдав предпочтение той, в основу которой положен наиболее достоверный факт.

---

[49] *Aly W.* Op. cit., S. 74. Как показано на целом ряде примеров, безразличие Геродота к числам проявляется особенно явно при подсчетах, где он даже не стремится свести концы с концами.

[50] См.: *Stein H.*, ad IV, 52.

ИСЛАНДСКИЕ КОРОЛЕВСКИЕ САГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ (VII—XII вв.)

Т. Н. Джаксон

В исландских сагах, в особенности в так называемых сагах о норвежских конунгах (или королевских сагах), содержатся известия о событиях, происходивших в Восточной Прибалтике, о населявших ее народах, об их обычаях и порядках. До сих пор, однако, нет исследований, посвященных выяснению возможности использования саг в качестве источника для изучения прошлого нашей страны. В работах зарубежных историков и филологов проблема достоверности саг под этим углом зрения не ставится. Исследования русских историков XIX в. отличает некритический в целом подход к источнику. В советской исторической литературе используются большей частью отдельные, изолированные сведения саг. Новый, комплексный подход к сагам наметился в трудах советской скандинавистки Е. А. Рыдзевской. В целом же методика анализа саг и извлечения из них достоверной исторической информации еще не выработана [1].

Данная статья ставит своей целью свести воедино все разрозненные сообщения исландских королевских саг о Восточной Прибалтике, проанализировать эти известия с непременным учетом жанровой специфики саг и определить в конечном итоге их место среди источников для изучения прибалтийской истории.

Материалом для статьи служат «Обзор саг о норвежских конунгах» [2], четыре сборника саг, доводящие изложение истории Норвегии до 1177 г. [3], а также две отдельные саги, являющиеся

---

[1] См. об этом подробнее: *Джаксон Т. Н.* К методике анализа русских известий исландских королевских саг. — В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР: Сб. статей. М., 1978, с. 128—143.

[2] «Ágrip af nóregs konunga sögum» — краткая история норвежских конунгов с IX в. и, вероятно, по 1177 г. (конца списка нет), написанная около 1190 г. норвежским клириком в Трандхейме, сохранившаяся в единственном списке, сделанном в 1200—1225 гг. Цит. по изданию: Fornmanna sögur. Kaupmannahöfn, 1835, bd. X. (Далее: Fms.).

[3] «*Morkinskinna*» («Гнилая кожа») — сборник саг о норвежских конунгах с 1035 и, вероятно, по 1177 г. (конца списка нет), записанный в Исландии в 1217—1220 гг. или раньше, сохранившийся в рукописи конца XIII в. Издание: Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, F. Jónsson. Köbenhavn, 1932, bd. LIII. «*Fagrskinna*» («Красивая кожа») — сборник саг о норвежских конунгах с IX в. по 1177 г., записанный около 1220 г. в Норвегии, по-видимому, исландцем, сохранившийся, за небольшим исключением, в поздних бумажных списках, восходящих к двум пергаментам, сгоревшим в 1728 г. Цит. по изданию: Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, F. Jónsson. Köbenhavn, 1902—1903. bd. XXX. (Далее: Fask.).

хронологическим продолжением более ранних сборников [4].

Рассматриваемые саги были записаны в конце XII—XIII в. Первое сообщение в них о Восточной Прибалтике можно датировать началом VII в., а последнее — концом XII в. Таким образом, наши источники разделяются на саги, описывающие события недавнего, с точки зрения авторов саг, прошлого (т. е. XII столетия), и саги, посвященные истории более раннего времени. Поскольку величина временно́й дистанции, отделяющей описываемые события от времени записи саг, имеет прямое отношение к вопросу достоверности известий саг, необходимо хронологическое подразделение материала.

Наиболее логичным на первый взгляд было бы выделение определенных этапов прибалтийской истории. Как пишет В. Т. Пашуто, «ознакомление с источниками и выводами историков позволяет заключить, что примерно с X (Литва) — XI (Эстония и Латвия) вв. народы региона вступают на путь становления феодального общественного строя» [5]. Казалось бы, возможно следующее членение материала: 1) сведения саг о Восточной Прибалтике до конца X в., т. е. дофеодального времени, 2) сведения с конца X в., т. е. периода складывания феодальных отношений. Однако такое деление было бы искусственным по отношению к данному источнику.

Исландские саги о норвежских конунгах представляют собой своеобразный жанр средневековой письменности, определение специфики которого не является целью данной статьи. Мы остановимся лишь на некоторых особенностях этого жанра, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой нами проблеме. Отдельно взятая королевская сага охватывает период правления конунга, которому она посвящена; все вместе королевские саги последовательно излагают историю Норвегии на всем ее протяжении с древнейших времен до последней четверти XII в. Действительность интересовала людей того времени лишь в событийном аспекте, а потому в центре любого повествования стояло нару-

---

«Heimskringla» («Круг земной») — сборник саг о норвежских конунгах с древнейших времен по 1177 г., записанный, как принято считать, в 1220—1230 гг. исландцем Снорри Стурлусоном, сохранившийся во многих рукописях XIII—XIV вв. Цит. по изданию: Íslenzk fornrit, B. Aðalbjarnarson. Reykjavík, 1941—1951, XXVI—XXVIII. (Далее: Í. F.). «*Hulda*» («Хульда») — сборник саг о норвежских конунгах с 1035 по 1077 г., записанный в XIII в., сохранившийся в рукописи XIV в. Издание: Fms. Kaupmannahöfn, 1831—1832, bd. VI—VII.

[4] «*Sverris saga*» — сага о Сверрире, норвежском конунге с 1177 по 1202 г., написанная в конце XII — начале XIII в., сохранившаяся в нескольких рукописях XIV в. Цит. по изданию: Sverris saga, G. Indrebø. Kristiania, 1920. (Далее: Sv.) «Hákonar saga (gamla) Hákonarsonar» — сага о Хаконе, сыне Хакона, норвежском конунге с 1217 по 1263 г., написанная исландцем Стурлой Тордарсоном в 1264—1265 гг., сохранившаяся в нескольких рукописях XIV в. Цит. по изданию: Fms. Kaupmannahöfn, 1835, bd. IX—X.

[5] *Пашуто В. Т.* Страны Прибалтийского региона. — В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черенин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 257.

нение мира, распря [6]. Если в сагах об исландцах описывается та или иная распря между членами исландского общества, то в сагах о норвежских конунгах — распря как бы на более высоком уровне: в этих сагах речь идет о борьбе за королевский престол и овладение пограничными областями или целыми государствами, рассказывается о христианизаторской деятельности норвежских конунгов. При таком обилии материала, надлежащего быть уложенным в традиционную форму саги, и вытекающем отсюда отборе фактов сага не включает в себя, как правило, ничего лишнего, не относящегося к распре, находящейся в центре ее внимания. Соответственно все сведения саг о Восточной Прибалтике непосредственно связаны с излагаемыми в них событиями из истории Скандинавских стран. Тем самым известия саг о Прибалтике односторонни и неполны.

Естественногеографические условия вызвали разграничение зон экспансии между Швецией и Норвегией: походы шведских викингов были большей частью направлены на восток, в то время как норвежских викингов — на запад. История Швеции, которая вследствие этого разграничения была теснее связана с землями к востоку от Скандинавского полуострова, слабо отражена в исландских сагах о норвежских конунгах. К сожалению, шведских саг, за одним исключением [7], нет, так что сведения о Восточной Прибалтике, отрывочные и крайне разрозненные, приходится черпать из исландских саг.

Интересующие нас известия включаются в общее повествование в тех случаях, когда в этом есть сюжетная или композиционная необходимость. Саги говорят о Восточной Прибалтике только в связи со скандинавской историей. Единственный эпизод сбора дани в Прибалтике для русского князя присутствует в сагах потому, что в качестве сборщика дани едет скандинав — норвежец Сигурд, находящийся на службе у князя Владимира на Руси.

Из сказанного следует, что при анализе данного источника мы должны исходить не из прибалтийской, а из скандинавской истории, уделив в первую очередь внимание эпохе викингов, походы которых были направлены и на Восточную Прибалтику. (Нападения норманнов длились с перерывами почти три столетия — с конца VIII до второй половины XI в.) [8]. Таким образом, мате-

---

[6] Королевской саге присущ отбор исторических фактов в связи с героикой события: достойными запоминания оказываются большей частью те события, которые отвечают специфическим критериям значимости.

[7] «*Guta saga*» — «Сага о гутах», написанная около 1220 г., сохранившаяся в рукописи середины XIV в. Издание: Guta lag och Guta saga, H. Pipping. Helsingfors, 1905.

[8] Термин «эпоха викингов» широко используется для характеристики данного исторического этапа как скандинавскими, так и советскими учеными [см., например: *Кан А. С.* История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М., 1971, с. 15—20]. Однако ученые не пришли к общему мнению по вопросу о характере общественно-политического строя скандинавов того времени (ср.: *Гуревич А. Я.* Социальные отношения в Скандинавии эпохи викингов. — Тезисы докладов VI Всесоюзной конференции по изучению

риал в статье подразделяется хронологически на три части: 1) до начала скандинавской экспансии на восток, 2) с конца VIII до второй половины XI в. — эпоха викингов, 3) со второй половины XI в. до конца XII в.

* * *

На довикингский период приходятся два сообщения саг о грабительских походах скандинавов в восточноприбалтийские земли. В «Саге об Инглингах», открывающей собой «Хеймскринглу» Снорри Стурлусона, читаем следующее:

«Ингваром звали сына конунга Эйстейна, который был тогда конунгом в государстве свеев. Он был великим воином и часто находился на боевом корабле, ибо страна уже давно подвергалась нападениям как со стороны датчан, так и людей с Восточного пути. Конунг Ингвар заключил мир с датчанами и стал воевать тогда на Восточном пути. Однажды летом он собрал войско и поплыл в Эстланд, и грабил летом в том месте, которое зовется У Камня. Туда к побережью подошли эсты с большим войском, и была у них битва. Было войско (ополчение. — *Т. Д.*) так велико, что свеи не могли оказать никакого сопротивления. Пал тогда конунг Ингвар, а войско его бежало. Он похоронен в кургане у самого моря. Это — в Адальсюсле. После того поражения отправились свеи домой. Так говорит (скальд. — *Т. Д.*) Тьодольв: „Случилось так, что Ингвара род Сюслы принес в жертву; светлоликого в сердце волн войско эстонское в шлем сразило; и Восточное море убитому князю песнь Гимира на радость поет“» [9].

И далее:

«Анундом звали сына Ингвара, который наследовал после него власть в Свитьод. . . Конунг Анунд отправился со своим войском в Эстланд, чтобы отомстить за своего отца, пошел со своим войском в глубь страны и грабил по всей стране, и захватил огромную добычу. Осенью он отправился назад в Свитьод» [10].

Оба известия датируются началом VII в.[11] Источником этих сообщений, как и всей «Саги об Инглингах», послужила для Снорри поэма скальда IX в. Тьодольва из Хвинира Ynglingatal — «Перечисление Инглингов», строфа из которой цитируется в первом из приведенных выше отрывков. В отличие от большинства скальдических произведений эта поэма была написана не непосредственно по следам событий их очевидцем или современником, а тремя веками позже, так что ее достоверность, а соответственно и достоверность основанной на ней «Саги об Инглингах» вызывают некоторые сомнения. Ингвара и его сына Анунда знает также написанная по-латыни в конце XII или начале XIII в. анонимная «История Норвегии» [12], однако и ее источником, безусловно, явля-

Скандинавских стран и Финляндии. Таллин, 1973, ч. 1, с. 56; *Шаскольский И. П.* О характере общественных отношений в «эпоху викингов». — Там же, с. 59).

[9] Í. F., XXVI, 61—62.

[10] Ibid., XXVI, 62.

[11] Ингвар умер около 600 г. или в начале VII в. (*Nerman B.* Svärges älsta konungalängder som källa för svensk historia. Upsala, 1914, s. 11).

[12] Historia Norwegiae. Издание: Monumenta Historica Norwegiae/Latinske Kildeskrifter til Noregs Historie i Middelalderen udgivne efter offentlig Foranstaltning ved G. Storm. Kristiania, 1880, s. 101.

лась поэзия скальдов. Впрочем, мы не можем отрицать вероятности плаваний скандинавов в Восточную Прибалтику в начале VII в.[13], тем более что отдельные скандинавские находки в прибалтийских землях относятся уже к бронзовому веку [14].

Рассмотрим последовательно приведенные выше сообщения саги и попытаемся выявить интересующие нас сведения.

В первую очередь из саги явствует, что перед нами не просто вооруженное нападение скандинавов, а двусторонние военные действия и поход Ингвара на Эстланд (земли эстов) — акция, предпринятая в ответ на то, что «люди с Восточного пути» [15] «уже давно» грабили в землях свеев, т. е., как можно понять, эсты не были просто страдающей стороной, а занимались разбоем наравне со скандинавами.

Интерес представляет локализация места гибели Ингвара. По словам саги, Ингвар погиб в Адальсюсле [16]. В «Истории Норвегии» говорится, что Ингвар был «убит в экспедиции на некоем острове Балтийского моря, который местные жители называют Эйсюсла» [17]. Об Эйсюсле [18] идет речь и в висе Тьодольва [19]. Ученые полагают, что Снорри неверно понял использованное скальдом наименование Sýsla — «Сюсла» [20]. Еще одной ошибкой Снорри, а вслед за ним и большого числа исследователей является расшифровка кеннинга lagar hjarta — «сердце волн, т. е. камень или остров» [21]. Снорри, по-видимому, предпочел первое значение — «камень» — и обозначил место гибели Ингвара через распространенный в Сканди-

---

[13] Среди наскальных изображений, относящихся к неолиту, бронзовому и раннему железному веку, неоднократно встречаются рисунки ладей. Самая древняя из найденных ладей — корабль из Нидама — относится к рубежу III и IV вв. (*Shetelig H.* Das Nydamschiff. — In: Acta archaeologica. København, 1930, vol. 1, S. 1—30).

[14] *Граудонис Я. Я.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа: Начало разложения первобытнообщинного строя. Рига, 1967.

[15] Austrvegsmenn — «народы, живущие по Восточному пути». «Восточный путь» — земли юго-восточного побережья Балтийского моря: Виндланд (Vindland — «земля вендов», славянское поморье), Курланд (Kúrland — «земля куров», т. е. куршей), Эстланд (Eistland — «земля эстов»), Финнланд и Кирьялаланд (Finnland и Kirjálaland — карело-финские земли) (*Джаксон Т. Н.* «Восточный путь» исландских королевских саг. — История СССР, 1976, № 5, с. 164—170).

[16] Под Адальсюслой (Aðalsýsla) в сагах обычно понимается прибрежная материковая часть Эстланда, лежащая против острова Сааремаа. Размеры этой области неизвестны. Может быть, это Ляэнемаа.

[17] Historia Norwegiae, s. 101.

[18] Eysýsla — древнескандинавское название острова Сааремаа [*Johansen P.* Nordische Mission. Revals Gründung und die Schwedensiedlung in Estland. — In: Kunglige vitterhets historie och antikvitets akademiens handlingar. Stockholm, 1951, del 74, s. 294—295. (Далее: KVHAAH)].

[19] Sýsla, упоминаемая в висе, является обычным для исландских саг и скальдических стихов сокращением от Eysýsla, т. е. Sýsla не что иное, как наименование острова Сааремаа.

[20] *Jónsson F.* Til belysning af Snorri Sturlusons Behandling af hans kilder. — In: Arkiv för Nordisk Filologi, Lund, 1934, bd. 50, s. 191.

[21] *Schück H.* Studier i Ynglingatal. — In: Uppsala Universitets Årsskrift, 1910, s. 144; *Åkerlund W.* Studier över Ynglingatal. — Skrifter utg. av Vetenskapssocieteten i Lund, Lund, 1939, bd. 23, s. 105.

навии топоним at Steini — «У Камня» [22], в то время как скальд имел в виду, очевидно, «остров», т. е. все ту же Эйсюслу. Попытки отыскать могилу Ингвара положительных результатов не дали [23].

Несмотря на все ошибки, первое сообщение представляется нам весьма правдоподобным и более достоверным, нежели второе, поскольку в нем вопреки стремлению саг к изображению лишь удачных походов скандинавских конунгов рассказывается о гибели конунга за пределами своей страны [24].

Других известий о скандинавах в Восточной Прибалтике в довикингскую эпоху нет. Приведенные выше сообщения не позволяют датировать начало скандинавской экспансии на восток 600 годом [25], что подтверждается анализом археологических данных — источника более объективного, хотя и довольно скудного для V — первой половины VIII в. Материал саг позволяет говорить лишь о разрозненных и нерегулярных походах через Балтийское море, предпринимаемых с целью грабежа как скандинавами, так и жителями Восточной Прибалтики и начавшихся, по-видимому, с развитием мореплавания у этих народов.

* * *

На конец VIII—XI в. приходится значительная часть сообщений саг о скандинавах в Восточной Прибалтике. В сагах рассказывается о поездках скандинавских викингов по «Восточному пути» и сезонных нападениях их разрозненных дружин с целью грабежа на Эстланд и Курланд; о походах больших отрядов, возглавляемых могучими хёвдингами или самими скандинавскими конунгами, с целью сбора дани с завоеванных земель; о торговых поездках скандинавских купцов в восточноприбалтийские земли.

В «Саге об Олаве Святом» повествуется о тинге [26] в Упсале, на котором лагман (lǫgmaðr) Торгнюр, обращаясь к конунгу Олаву Шведскому, говорит:

«Торгнюр, мой дед по отцу, помнил Эйрика, конунга Упсалы, сына Эмунда, и говорил о нем, что, пока он мог, он каждое лето предпринимал поход из своей страны и ходил в различные страны, и покорил Финнланд и Кирьялаланд, Эстланд и Курланд и другие Восточные земли. И можно видеть те земляные укрепления и другие великие постройки, которые он воз-

---

[22] Снорри Стурлусон использует этот топоним также для обозначения хутора в Швеции (Í. F., XXVI, 27) и двух пунктов в Норвегии (Ibid., XXVI, 93; Ibid., XXVII, 76).

[23] См. об этом: *Nerman B.* Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. — KVHAAH. Stockholm, 1929, del. 40 : 1, S. 13.

[24] Как правило, саги рассказывают лишь о выигранных сражениях, умалчивая в силу своей тенденциозности о неудачах. Единственно, о чем саги не могут не рассказать, — это о гибели героя, поскольку смерть — самый существенный момент человеческой жизни в представлении средневекового исландца — должна быть обязательно изображена.

[25] *Nerman B.* Die Verbindungen. . ., S. 15; *Beyschlag S.* Konungasögur: Untersuchungen zur Königssaga bis Snorri. Kopenhagen, 1950, S. 76.

[26] Тинг — народное собрание в Исландии эпохи народовластия (*Ольгейрсон Э.* Из прошлого исландского народа. М., 1957, с. 110—112).

вел. . . Торгнюр, мой отец, всю жизнь находился у конунга Бьёрна. . . При жизни Бьёрна государство его было очень сильным и не уменьшалось. . . А я помню конунга Эйрика Победоносного, и был я с ним во многих походах. Увеличил он державу свеев и смело защищал ее. . . А конунг тот, который сейчас у нас. . . теряет земли, обязанные данью, из-за отсутствия энергии и мужества» [27].

По хронологии Б. Нермана шведский конунг Эйрик умер в 882 г. [28] в преклонном возрасте, и время, когда он был «á létt-asta aldri», приходится на начало его правления (850—880 гг.), т. е., по мнению Нермана, «Восточные земли» Эйрик покорил в 850—860 гг. [29] Годы правления Олава Шведского — 955—1020, а тинг в Упсале, где Олаву пришлось выслушать упрек в недостаточно внимательном отношении к захваченным его предшественниками землям, обычно датируется 1019 г. [30] Таким образом, при рассмотрении данного сообщения вне общего контекста саг можно прийти к выводу, что восточноприбалтийские земли были захвачены шведами в конце IX в. и вплоть до начала XI в. финны, карелы, эсты и курши были данниками шведских конунгов. Однако этот вывод опровергается следующим анализом.

В «Житии Святого Ансгария» Римберта [31] говорится, что в середине IX в. племя куршей, находившееся под властью шведов, восстало и освободилось от их господства; шведский король Олав, сидевший в Бирке, отправился с войском в землю куршей, сжег крепость Сэборг и вновь подчинил себе куршей, наложив на них большую дань [32]. Нерман датирует этот поход Олава 855 годом [33]. Шведские археологи считают, что открытое ими городище около г. Гробини в земле куршей (недалеко от современной Лиепаи) было укрепленным пунктом, сооруженным шведами после сожжения Сэборга. Раскопками там были обнаружены следы земляного укрепления и три кладбища [34]. Советские ученые отмечают, что «близ г. Гробини имеется несколько шведских могильников», но относят их к VII—VIII вв.[35]

Из сообщений саги и «Жития Святого Ансгария» следует, что примерно в одно и то же время (50-е годы IX в.) конунги различных шведских династий (Олав — конунг Бирки, Эйрик — Упсалы) покорили куршей. Скорее всего за подобным «покорением» стоял разовый сбор дани, тем более что археологами никаких следов постоянных скандинавских колоний или факторий на территории Восточной Прибалтики не обнаружено [36].

---

[27] Í. F., XXVII, 115—116.
[28] *Nerman B.* Svärges älsta konungalängder. . ., s. 19.
[29] *Nerman B.* Die Verbindungen. . ., S. 51.
[30] Нерман, однако, датирует его 1016 г. (Ibid., S. 50).
[31] Это источник более ранний и достоверный, нежели саги.
[32] *Rimbert.* Vita Anskarii. — In: Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches. Berlin, 1961, S. 96.
[33] *Nerman B.* Die Verbindungen. . ., S. 51.
[34] *Nerman B.* Grobin—Seeburg. Stockholm, 1958.
[35] История Латвийской ССР /Отв. ред. Я. Я. Зутис. Рига ,1952, т. 1, с. 38 (Х. А. Моора, Э. Д. Шноре).
[36] *Кустин А. Э.* О некоторых связях между Эстонией и Скандинавией в VI—

Еще один существенный момент. На конец VIII— начало XI в. приходится большое число сообщений саг о поездках викингов по «Восточному пути», при этом четкой грани между различными родами их деятельности на востоке нет, сплошь и рядом один вид экспансии переходит в другой [37]. Тем не менее нигде более в сагах не говорится о сборе скандинавами дани с восточноприбалтийских земель. И хотя мы утверждаем, что «восточные» известия в сагах отрывочны и случайны, молчание саг по данному вопросу (на протяжении полутора столетий) представляется весьма красноречивым и позволяет поставить под сомнение рассмотренное выше известие «Саги об Олаве Святом», по которому прибалтийские народы являлись постоянными данниками скандинавов с конца IX до начала XI в. Саги в целом достаточных оснований для подобного утверждения не дают.

И это естественно, поскольку исторические судьбы прибалтийских народов были тесно связаны с историческими судьбами Руси. Если под 859 г. в Лаврентьевской и ряде других летописей говорится, что «варяги из заморья» (из-за Варяжского — Балтийского моря) «имаху дань» «на чуди и на словенех, на мери и на весех, кривичех» [38], то уже в 862 г., согласно летописи, чудь [39] вместе с русскими «изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в собе володети» [40].

Прибалтийские народы признавали власть первых русских князей. Так, летописец говорит об участи чуди в походе Олега на Царьград (907 г.) [41], называет эстонских дружинников (Искусеви, Каницар, Апубьксар) в числе послов Руси, заключавших при Игоре мирный договор с Византией (944 г.) [42], и т. п.

Народы прибалтийского региона находились в основном «в вассальной зависимости от древнерусского государства, которое возникло и сложилось как этнически неоднородное под господством славянской знати» [43]. Киевские князья достаточно прочно освоили эти земли, основав здесь свои крепости и погосты и обложив население регулярной податью [44].

Среди народов, «иже дань дають Руси», русский летописец

XIII вв. (по данным археологических материалов). — Тезисы докладов IV Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1968, с. 172.

37 См. об этом: *Гуревич А. Я.* Походы викингов. М., 1966, с. 78—79.

38 ПВЛ. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 18.

39 Летописная «чудь» — эстонские племена (Там же, ч. 2, с. 210).

40 Там же, ч. 1, с. 18.

41 Там же, с. 23.

42 Там же, с. 34—35; см. также: *Зутис Я.* Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв. — Историк-марксист, 1940, № 3, с. 40.

43 *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 262.

44 Русская система управления вассальными землями представляла собой повсеместный сбор дани путем доставки ее в специальные места, где ее принимали местные власти и под контролем русских представителей доставляли в опорные пункты русского управления (*Калнынь В.* Общественно-политический строй и право феодальной Латвии в XI—XVI вв. Рига, 1962, с. 8).

начала XII в. называет зимиголу, корсь, чудь, т. е. земгалов, куршей, эстов [45]. Русские источники сохранили свидетельства о данничестве в Эстонии в X—XIII вв.[46]

В исландских королевских сагах имеется единственное известие о сборе дани в Эстланде представителем русского князя. В «Саге об Олаве, сыне Трюггви» читаем:

«Сигурд, сын Эйрика, приехал в Эстланд по поручению Вальдамара, конунга Хольмгарда, и должен был собрать там в стране дань для конунга. Сигурд ехал с большой пышностью, у него было с собой много людей и много добра» [47].

Это сообщение датируется 978 годом и тем самым представляет собой самое раннее (из всех известных нам источников) свидетельство сбора дани для русского князя в Восточной Прибалтике.

На IX—XI вв. приходится значительное число сообщений саг о грабительских поездках викингов в Восточную Прибалтику. Описание их строится по следующей стереотипной модели: как правило, по весне (at vari [48], er varaði [49]) ярл или сын конунга снаряжал свое войско (bjó her sinn [50]) и летом (um sumarit [51]) отправлялся грабить (fór at herja [52], fór í hernað [53], fór í víking [54]) на «Восточном пути»:

«Хальвдан Черный и Хальвдан Белый ходили в викингские походы и грабили на Восточном пути. У них была большая битва в Эстланде. Там пал Хальвдан Белый» [55];

а порой и шире — по всему Балтийскому морю:

«Он (ярл Хакон. — *Т. Д.*) грабил в государстве свеев и у гаутов, у видов и у куров, и всюду на востоке (вплоть. — *Т. Д.*) до Сюслы» [56].

Таким образом, мы видим, что часто Восточная Прибалтика не была главной целью грабительских походов: викинг плыл в поисках наживы в любые земли, где можно было захватить добро (fá sér fjár [57]). Осенью (um haustit [58]), если все проходило благополучно, возвращался в Норвегию (fór aptr til Nóregs [59]).

Поскольку рассматриваемые саги посвящены норвежской истории, то, естественно, в большинстве случаев мы находим рассказы о норвежских викингах в Восточной Прибалтике. Однако мы читаем в сагах также о шведах в Прибалтике:

---

[45] ПВЛ, ч. 1, с. 13.
[46] ПСРЛ. СПб., 1908, т. 2, стб. 294; НПЛ. М.; Л., 1950, с. 22.
[47] Í. F., XXVI, 230—231.
[48] Ibid., XXVI, 338.
[49] Ibid., XXVII, 9.
[50] Ibid., XXVI, 338.
[51] Ibid., XXVI, 213—214, 228; XXVII, 71, 83—84.
[52] Ibid., XXVI, 214; XXVII, 83.
[53] Ibid., XXVI, 134, 287; XXVII, 71, 82.
[54] Ibid., XXVI, 213; Fask., 370.
[55] Ibid., XXVI, 134 (X в.).
[56] Fask., 58 (X в.).
[57] Í. F., XXVI, 287; XXVII, 50.
[58] Ibid., XXVI, 288.
[59] Ibid., XXVI, 288.

«И все же приняли они (ярл Свейн и Олав Шведский. — *Т. Д.*) решение поехать летом сначала в военный поход по Восточному пути и приобрести там богатство» [60].

И о датчанах:

«Ярл Эйрик. . . ходил с боевым щитом всюду в Гардарики (на Руси. — *Т. Д.*). . . а когда он ушел из Гардарики, пошел он с боевым щитом по всей Адальсюсле и Эйсюсле, и захватил он там у *датчан* (курсив мой. — *Т. Д.*) четыре викингских корабля и убил всех, кто там был» [61].

Особый интерес представляет следующий отрывок из «Саги об Олаве Святом»:

«Здесь говорится так, что конунг Олав отправился, когда настала весна, на восток к Эйсюсле и грабил, высадился на берег, а жители Эйсюслы подошли к побережью и дали ему бой. Там победил конунг Олав, преследовал бегущих, грабил и опустошал ту страну. Так говорят, что сначала, когда конунг Олав со своими людьми пришел в Эйсюслу, бонды предложили ему выкуп. И когда выкуп доставили, пошел он (Олав. — *Т. Д.*) на них с войском в полном вооружении; и вышло иначе, чем задумали бонды, так как они пришли к побережью не с выкупом, а с боевым оружием и бились с конунгом, как было сказано раньше. Так говорит скальд Сигват: „Случилось там еще, что у конунга Олава была вторая битва в опустошенной Эйсюсле; не был сокрыт обман. Бонды, те которые бежали, жизнью обязаны были своим ногам, конунг; никто не ждал ран там, где он находился“» [62].

Примечателен описанный в саге обычай откупа от ограбления, хотя в средние века он не являлся чем-то исключительным, а, напротив, представлял собой весьма распространенное явление в практике викингов [63]. Нападение Олава на эстов, с которыми он договорился о выкупе, можно объяснить тем, что он либо ждал обмана с их стороны, либо надеялся захватить в плен местных жителей. Последнее предположение подтверждается и словами саги, где о походе Олава и его людей в Финнланд (вслед за битвой на Эйсюсле) говорится, что «они взяли там мало добра и совсем не взяли людей» [64].

Интересен мог бы быть употребляемый сагой термин bœndir (мн. ч. от bóndi — «бонд, свободный общинник, крестьянин, хуторянин»), который, однако, не позволяет определить, кто перед нами, поскольку этим термином саги называют, помимо эстов, и свободных исландских бондов [65], и русских крестьян XI в.[66]

---

[60] Ibid., XXVII, 71.
[61] Ibid., XXVI, 338—339.
[62] Ibid., XXVII, 9—10.
[63] Самым ярким примером такого рода является тщетное требование варягами, при помощи которых Владимиру Святославичу удалось захватить Киев, выкупа с города. «Посемь реша варязи Володимеру: „се град нашь; мы прияхом и, да хочем имати окуп на них, по 2 гривне от человека“» (ПВЛ, ч. 1, с. 56—980 г.).
[64] Í. F., XXVII, 10.
[65] См., например: Ibid., XXVII, 370.
[66] См.: Fask., 136. Исландским сагам в целом свойственна неразвитость социальной терминологии, особенно применительно к другим народам. Ср. «конунг бьярмов» (Fms., IX, 319), «конунг финнов» (Fask., 30), «конунг свеев» (Fask., 106) и «Вальдамар, конунг из Хольмгарда» (Í. F., XXVI, 230).

Таким образом, саги рисуют нам Восточную Прибалтику IX—XI вв. как объект грабительских походов и норвежских, и шведских, и датских викингов.

Археологические данные подтверждают сообщения саг о том, что скандинавские мореходы совершали грабительские нападения на побережье и острова Восточной Прибалтики. Об этом свидетельствуют находки там импортного оружия [67] или, к примеру, «крупные городища, созданные на островах и в западной Эстонии именно для защиты от подобных набегов» [68].

Что, кроме заинтересованности в захвате пленных, влекло скандинавов в восточноприбалтийские земли, какого рода имущество надеялись они приобрести в результате этих морских походов, установить по королевским сагам не представляется возможным. Естественно предположить, что это те же товары, которыми торговали прибалтийские земли.

Прибалтийско-скандинавская торговля, однако, слабо отражена в рассматриваемых нами источниках.

X веком датируется сообщение «Саги об Олаве, сыне Трюггви» о поездке скандинавского купца в Восточную Прибалтику:

«Лодином зовется человек, родом из Вика (в Норвегии. — *Т. Д.*), богатый и знатного происхождения. Он часто бывал в торговых поездках, а иногда в военных походах. Случилось однажды летом, что Лодин отправился в торговую поездку по Восточному пути. У него был один корабль и много товара. Он направился в Эстланд и пробыл там в торговом месте лето. И когда был рынок, туда привозили всякого рода товар. Туда привозили на продажу много рабов» [69].

Этот отрывок — пример того, что военный набег и мирная торговля шли рука об руку. Перед нами не профессиональный купец, а богатый человек, увеличивающий свои богатства путем либо грабежа, либо мирной торговли.

Интерес представляет термин kaupstefna — «торговое место». Х. Янкун считает, что «торговые места» — это небольшие скандинавские поселения в землях куршей [70], и ссылается при этом на утверждение Нермана, что с 600 г. началось завоевание Прибалтики скандинавами [71]. Советские ученые полагают, что, хотя в восточноприбалтийских землях еще не было городов, во многих местах существовали торги, где в определенные сроки проходили ярмарки [72]. Очевидно, этой «ярмарке» и соответствует древне-

---

[67] *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 51—54. Находки оружия говорят также и об активной торговле Готланда и Скандинавии с Восточной Прибалтикой (*Кустин А. Э.* Указ. соч., с. 171).

[68] *Кустин А. Э.* Указ. соч., с. 172.

[69] Í. F., XXVI, 301.

[70] *Jahnkuhn H.* Die frühmittelalterlichen Seehandelsplätze im Nord- und Ostseeraum. — In: Studien zu den Anfängen des europäischen Stadtswesens. Vorträge und Forschungen. Lindau, 1958, Bd. IV, S. 491—495.

[71] *Nerman B.* Die Verbindungen. . ., S. 15.

[72] *Моора Х. А., Лиги Х. М.* К вопросу о генезисе феодальных отношений у народов Прибалтики. — В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 138.

исландское слово markaðr — «рынок». Вблизи такого торга обычно располагалось поселение — посад. Археологами обнаружены следы посада у целого ряда латвийских и литовских городищ, например у Межотне, Кулдига, Ерсики и некоторых других; предполагается существование посада также у эстонских крепостей Отепя, Тарту и Вильянди [73].

Все возрастающее с конца I тысячелетия значение мореходства и торговли с заморскими странами для населения прибрежной зоны объясняется тем, что в ней по сравнению с центральными районами Прибалтики меньше было пригодной для обработки земли, ниже была ее урожайность [74].

О масштабах торговли свидетельствуют найденные в Восточной Прибалтике медные, бронзовые и серебряные предметы скандинавского происхождения. Расцвет торговых контактов Эстонии (точнее — эстонских островов) со Скандинавией определяется первой половиной XI в., причем эти контакты видятся как двусторонние, не ограничивающиеся «лишь влиянием викингов на островитян» [75]. Анализ предметов импорта из Скандинавии в Прибалтику IX—начала XI в. показывает, что «наряду с мечами, наконечниками ножен мечей и копьями в это время поступают также мужские и женские украшения и другие принадлежности убора, однако в очень ограниченном количестве» [76].

Что касается предметов экспорта, представляющих для нас особый интерес, поскольку они могли бы объяснить, чем Восточная Прибалтика была привлекательна для скандинавских грабителей и купцов, то, по мнению Янкуна, основными предметами торговли являлись меха и рабы [77]. Советские исследователи, однако, полагают, что пушнины, во всяком случае по сравнению с Русью, в Прибалтике было немного. Основным предметом вывоза, по крайней мере с XII в., был хлеб. Важные статьи экспорта составляли также воск и продукты животноводства (скот, шкуры)[78].

Исландские королевские саги называют лишь один предмет прибалтийско-скандинавской торговли — рабов. О работорговле речь в сагах идет еще дважды. Одно сообщение является продолжением приведенного выше рассказа о Сигурде, сборщике дани для русского князя. О нем говорится, что «он увидел на торгу мальчика», узнал в нем своего племянника и купил его [79].

---

[73] Там же, с. 138—139.
[74] *Моора Х. А.* и *А. Х.* К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики. — Советская этнография, 1960, № 3, с. 26.
[75] *Труммал В. К.* К исследованию эстонско-скандинавских отношений: (по материалам сааремааских древностей X—XI вв.). — VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1979, ч. 1, с. 176—179.
[76] *Мугуревич Э. С.* Указ. соч., с. 84.
[77] *Jahnkuhn H.* Op. cit., S. 494.
[78] *Моора Х. А.*, *Лиги Х. М.* Указ. соч., с. 135.
[79] Í. F., XXVI, 231.

На втором сообщении остановимся подробнее. В «Саге об Олаве, сыне Трюггви» рассказывается, как королева Астрид отправилась на Русь со своим трехлетним сыном Олавом [80]:

«И когда они поплыли на восток в море, на них напали викинги. Это были эсты [81]. Они захватили и людей, и добро и убили некоторых, а некоторых поделили между собою в качестве рабов. Там разлучился Олав со своей матерью, и взял его с собой Клеркон, эстонец, а также взял он Торольва и Торгисля. Клеркон посчитал, что Торольв слишком стар для раба и что от него не будет пользы, и убил его, а мальчиков взял с собой и продал их человеку, которого звали Клерк, и взял за них хорошего козла. Третий человек купил Олава и дал за него хороший vesl или slagning (виды верхней одежды.— *Т. Д.*). Этого человека звали Реас, а жену его звали Рекон, а сына их — Рекони. Там был Олав долго, и о нем хорошо заботились, и бонд (хозяин или крестьянин. — *Т. Д.*) очень его любил. Олав пробыл шесть лет в Эстланде в этом изгнании» [82].

В «Обзоре саг о норвежских конунгах» уточняется, что скандинавы были взяты эстами в плен «близ того острова, который зовется Эйсюсла» [83].

Итак, мы имеем еще одно сообщение о торговле рабами в Эстланде, на этот раз более подробное. Из него можно понять, кто годится на роль рабов, как ценится раб. Из сообщения саги можно также заключить, что рабство в Эстланде было распространено в его первоначальной форме и носило патриархальный характер.

Приведенное нами выше известие саги датируется исследователями 70-ми годами X в.

Однако это — единственное (среди разного рода письменных источников) столь подробное, а главное — столь раннее свидетельство рабовладения в Эстланде. Все прочие сведения о рабах, во-первых, скудны, а во-вторых, относятся к более позднему времени. Так, для XIII в. известно, что эсты и курши, привыкшие к набегам на Швецию и Данию [84], добывали рабов в этих набегах, причем сааремаасцы продавали шведских пленных куршам и другим язычникам [85]. Из договора немецкого Ордена с сааремаасцами от 27 августа 1255 г.[86] следует, что рабы представляли собой челядь (иноземных и туземных пленных и их потомков), сидевшую на землях нобилей, имевших право на нее и ее имущество [87].

В какой же мере можно доверять сообщению саги, записанной в XIII в.? На основании анализа «Хеймскринглы» Снорри Стур-

[80] Поездка Астрид обычно датируется 972 г.

[81] Интересен тот факт, что сага называет морских разбойников — эстов тем же термином, что и скандинавских мореплавателей — викингов: víkingar.

[82] Í. F., XXVI, 230.

[83] Fms., X, 391.

[84] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии/Изд. С. А. Аннинский. М.; Л., 1938, VII, 1; XIV, 1, 3—4 (Далее: ГЛ).

[85] Там же, XXX, 1.

[86] Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch/Hrsg. v. F. G. Bunge. Reval, 1853, Bd. 1, N 285 (Далее: LUB). *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 309—311.

[87] *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 280.

лусона А. Я. Гуревич выделяет целый ряд «случаев перенесения автором явлений позднего времени в более ранний период» [88]. Нам представляется, что и здесь имеет место отражение событий времени записи саг, т. е. XIII в.

Из приведенного отрывка также следует, что эсты вели активную пиратскую деятельность в Балтийском море [89]. Подобное сообщение саги представляет определенный интерес, поскольку мореплавание, как известно, получило развитие у прибалтийских народов в очень отдаленные времена.

* * *

В сагах, посвященных событиям второй половины XI в. и более позднего времени, сведения о Восточной Прибалтике встречаем лишь дважды. В «Саге о Сверрире» читаем следующее:

«После гибели конунга Магнуса (сына Эрлинга. — *Т. Д.*) [90] расстался Эйрик, сын конунга, с конунгом Сверриром, братом своим. . . И следующей зимой пустился он в путь из страны с намерением отправиться по Восточному пути и грабить в языческих землях. В эту поездку собралось вместе с ним много воинов; было у них 5 кораблей, управлял одним кораблем священник Ацур, а другим — Тьодольв Пик, Хермунд Смола — третьим. Летом они отправились по Восточному пути в Эстланд и грабили там, где зовется í Pí-kum [91], они захватили много добра и повернули назад к Готланду, случилось у них несогласие с саксами, и отняли у них (у саксов. — *Т. Д.*) два корабля, захватили там немало добра; поехали затем в Швецию и встретились там с конунгом Кнутом. . .» [92].

Интерес представляет здесь иная чем в рассмотренных выше случаях, мотивировка похода. Эйрик отправляется по «Восточному пути», чтобы грабить в *языческих странах*, а одним из кораблей при этом правит священник [93].

С подобным противопоставлением христиан и язычников мы сталкиваемся и в «Саге о Магнусе, сыне Эрлинга», когда Вальдемар Датский свой неудачный поход на Норвегию объясняет тем, что «не хочет грабить в крещеной стране и что на Восточном пути достаточно земель, чтобы грабить и добывать себе богатства» [94].

Оба сообщения относятся к концу XII в., когда эпоха викингов давно миновала, а скандинавские завоевания на востоке носили форму крестовых походов и велись под лозунгом обращения

---

[88] *Гуревич А. Я.* История и сага. М., 1972, с. 32 и след.

[89] Все имеющиеся у нас сведения об эстах как опасных морских разбойниках относятся к более позднему времени. См., например, свидетельство Генриха Латвийского о том, что в 1203 г. язычники с острова Сааремаа пришли в Листрию, область Датского королевства, сожгли церковь, перебили или взяли в плен людей и разорили страну, как и вообще до тех пор привыкли поступать и эсты, и курши в королевствах Дании и Швеции (ГЛ, VII, 1).

[90] Магнус, сын Эрлинга, был убит в 1184 г.

[91] Топоним не совсем ясен. По другому списку í Víkum. «Виком» немецко-датские завоеватели называли эстонскую область Ляэнемаа, известную сагам под именем Aðalsýsla.

[92] Sv., 120.

[93] Такое уточнение в сагах встречается впервые.

[94] Fask., 370—371.

язычников в католическую веру. Так изображались эти походы в средневековых шведских хрониках, хотя значительная часть населения Скандинавии в XII в. еще поклонялась языческим богам.

Со второй половины XII в. монахи-цистерцианцы под руководством архиепископа Лундского (Дания) и шведского короля вели на территории Эстонии активную миссионерскую деятельность. Был назначен специальный эстонский епископ — некий монах Фулько, которому оказала свое внимание и папская курия [95]. Стремясь содействовать захвату эстонской земли католическими агрессорами, папа объявил отпущение грехов на год всем сражающимся «против эстов и других язычников в тех местах» [96] и в особой булле от 17 сентября 1171 г. призывал всех верующих в Швеции, Норвегии и Дании «протянуть руку помощи епископу Фулько, всеми силами способствующему обращению неверных» [97].

С конца 80-х годов XII в. крестоносные отряды миссионеров все чаще стали совершать вооруженные нападения на земли восточного побережья Балтийского моря, находившиеся под властью древнерусских княжеств (центральную Финляндию, Карельскую землю, земли эстов, ливов, латышей) либо бывшие независимыми (юго-западную Финляндию, западные области Эстонии). Перед нами сообщение о такого рода походе.

Интересна одна деталь этого известия. На первый взгляд кажется не вполне ясным, с какими саксами случилось несогласие у норвежцев. Однако следует обратить внимание на следующие обстоятельства: у Эйрика было пять кораблей; известны поименно норвежцы, правившие тремя кораблями; о том, кто правил двумя оставшимися кораблями, ничего не сказано; но тут же говорится, что, поссорившись с некими саксами, Эйрик и его люди отняли у них два корабля. Не те ли это корабли, о которых нам ничего не известно? На наш взгляд, можно предположить, что перед нами совместный поход скандинавских и немецких завоевателей на Восточную Прибалтику.

* * *

Подведем итоги.

Известия исландских королевских саг о Восточной Прибалтике имеют под собой реальные факты, трансформированные по законам жанра саги. Сведения эти в каждом конкретном случае требуют проверки как другими письменными источниками, так и по возможности археологическими данными.

Вместе с тем отдельные и, можно сказать, случайные сведения саг о Восточной Прибалтике не дают и не могут дать общей картины исторического развития Прибалтики на протяжении шести веков (с VII по XII в.), а лишь рисуют смену разнообразных форм скандинавской экспансии на прибалтийские земли и отражают

---

[95] LUB, Bd. I, N 2, 4; Riga, 1871, Bd. VI, N 2713, 2714, Regesta N 1a—3.
[96] Ibid., Bd. I, N 5.
[97] Ibid., N 6.

борьбу народов Восточной Прибалтики со скандинавскими захватчиками.

До IX в. прибалтийские народы, как явствует из саг, подвергаются отдельным нападениям скандинавских мореплавателей (при этом им порой удается оказать достойное сопротивление), а также сами совершают заморские рейды.

С IX до второй половины XI в. Восточная Прибалтика предстает перед нами как объект широкой экспансии выходцев из всех скандинавских земель: в IX в. скандинавам удается собирать дань в прибалтийских землях, а X—XI вв. характеризуются постоянными набегами скандинавских викингов и прибалтийско-скандинавскими торговыми отношениями.

В то же время Восточная Прибалтика привлекает к себе внимание Древнерусского государства, вследствие чего прибалтийские земли оказываются сферой столкновения с ним экспансионистских интересов Скандинавии. Однако по этому вопросу материал саг чрезвычайно беден.

Известий о Восточной Прибалтике второй половины XI—XII в. в сагах крайне мало. В двух имеющихся сообщениях отражена новая форма экспансии, которая станет господствующей в XIII в., — вооруженное наступление под знаменем креста.

Сведения собственно о Восточной Прибалтике в исландских королевских сагах приходится собирать по крупицам и использовать лишь после тщательнейшей проверки. Они отчасти дополняют уже имеющуюся у нас картину прибалтийской истории.

Таким образом, саги весьма ценны, как и всякий иной источник, дающий новое знание об интересующем нас предмете, и потому они должны занять свое место среди источников для изучения истории Восточной Прибалтики.

ИЗВЕСТИЕ БЕРТИНСКИХ АННАЛОВ В СВЕТЕ ДАННЫХ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

И. П. Шаскольский

Известие Бертинских анналов 839 г. давно привлекает внимание ученых, занимающихся проблемой возникновения Древнерусского государства. Особенно большое внимание уделялось этому источнику учеными-норманистами, уже 250 лет использовавшими его в качестве одного из главных аргументов в пользу норманистской концепции.

Известию 839 г. посвящена обширная литература на многих языках мира (русском, украинском, польском, немецком, английском, французском, шведском, датском, латинском) [1]. И это вполне естественно: известие Бертинских анналов является наиболее ранним и, больше того, наиболее ценным западноевропейским источником по истории Древней Руси IX—XI вв.

Отличительной особенностью известия Бертинских анналов является его уникальность. Из известия явствует, что в 839 г. где-то в Восточной Европе существует государство по имени Рос, но ни более ранними источниками, ни источниками двух последующих десятилетий этот факт не подтверждается. Впрочем, в письменных источниках вообще почти нет сведений по истории внутренних территорий Восточной Европы первой половины — середины IX в.

Подобная ситуация создавала благоприятные возможности для конструирования самых разнообразных гипотетических построений. Между тем к настоящему времени накопилось значительное количество исследований, освещающих различные стороны жизни Восточной Европы первой половины—середины IX в.,

---

[1] Подробное рассмотрение историографии данной проблемы осуществлено А. Н. Сахаровым в статье, специально посвященной исследованию посольства 839 г. как важного события в истории внешней политики Русского государства (*Сахаров А. Н.* Русское посольство в Византию. 838—839 гг. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 247—254). Отметим лишь еще посвященные данной теме работы В. А. Пархоменко и А. В. Рязановского (*Пархоменко В. А.* Первая известная точная дата существования государства Руси. — Историк-марксист, 1938, № 6, с. 191—192; *Riasanovsky A. V.* The Embassy of the 838 Revisited: Some Comments in Connection with a «Normanist» Source on Early Russian History. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Wiesbaden, 1962, Bd. 10, H. 1, p. 1—12), а также касающиеся той же темы тексты монографий В. В. Мавродина (*Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с 113—119) и Г. Ловмяньского (*Łowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1973, 5, s. 130—139, 177—178).

и имеется возможность дать достаточно серьезную и обоснованную трактовку известия Бертинских анналов.

Как известно, в Бертинских анналах сообщается, что германский император Людовик Благочестивый принимал 18 мая 839 г. в южнонемецком городе Ингельгейме послов императора Византии Феофила [2]. Вместе с этими послами Феофил отправил к германскому императору «неких [людей], которые говорили, что их, то есть их народ, называют Рос [3], и которых, как они говорили, царь [4] их, по имени Хакан [5], отправил к нему [6] ради дружбы. В упомянутом письме [Феофил] просил, чтобы император милостиво дал им возможность воротиться [в их сторону] и охрану по всей своей империи, так как пути, которыми они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, а он не желал бы, чтобы они, возвращаясь по ним, подвергались опасности. Тщательно расследовав причину их прибытия, император узнал, что они принадлежат к шведскому народу [7]; считая их скорее разведчиками по тому царству [8] и нашему, чем искателями дружбы, он решил задержать их у себя, чтобы можно было достоверно выяснить, с добрыми ли намерениями они пришли туда или нет. И он поспешил сообщить Феофилу через помянутых послов и письмом также и о том, что он их из любви к нему охотно принял; и если они окажутся людьми вполне благожелательными, а также представится возможность им безопасно вернуться на родину, то они будут отправлены [туда] с охраной; в противном случае они будут отправлены к его [9] особе с тем, чтобы он сам решил, что с таковыми надлежит сделать» [10].

Приведенный текст особенно ценился в норманистской историографии, поскольку содержал самое раннее по времени письменное свидетельство о пребывании норманнов в Восточной Европе, и, по мнению норманистов, в нем утверждалось, что именем Рос (Русь) первоначально обозначались норманны-шведы. Такая трактовка позволяла делать вывод, что государство Русь первоначально означало «государство шведов», т. е. было создано норманнами-шведами. Подобная трактовка известия Бертинских анналов стала одним из краеугольных камней норманистской концепции и поддерживается всеми ее сторонниками от зачинателя норманизма Г.-З. Байера (1730-е годы) до сегодняшнего дня [11].

---

[2] Об этом посольстве см.: *Успенский Ф. И.* Первые страницы русской летописи и византийские перехожие сказания. — ЗООИД, 1915, т. 32, с. 199—200.
[3] Rhos. В первой части этого текста используем уточненный перевод М. Б. Свердлова (см. примеч. 13).
[4] rex.
[5] Chacanus.
[6] Феофилу.
[7] eos gentis esse sueonum.
[8] Византии.
[9] Феофила.
[10] Annales Berthiniani/Ed. G. Waitz. — In: Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannover, 1883, p. 19—20. Даем в переводе по изданию: Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, с. 23—34.
[11] *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Sla-

В действительности, как это к настоящему времени установлено рядом исследователей [12], текст Бертинских анналов свидетельствует не о тождестве, а о совершенно разном значении терминов «Рос» («Русь») и «норманны» [13]. Людовику Благочестивому послы хакана Рос показались подозрительными, он задержал их, подверг допросу, стал выяснять их действительную этническую принадлежность, ибо при встрече с этими послами, говорившими на одном из германских языков, немецкому императору и его свите сразу стало ясно, что послы принадлежат не к народам Восточной Европы, а к какому-то родственному немцам народу германского корня. К тому времени император и его двор были уже достаточно знакомы с норманнами: как раз в 830-е годы, с 834 г., начались частые набеги норманнов (датчан и норвежцев) на северные пределы Империи, на побережье Фрисландии; в 838 г. имперским правительством было решено создать в Фрисландии флот и организовать прибрежную охрану для защиты побережья от норманских нападений [14]. Больше того, император и его двор к рассматриваемому времени успели познакомиться не только с нападавшими на владения Империи датчанами и норвежцами, но и со шведами, ибо всего за 10 лет до рассматриваемых событий, в 829 г., при дворе того же императора Людовика Благочестивого

---

ven. S.-Petersburg, 1844, S. 96—97; *Томсен В.* Начало русского государства. М., 1891, с. 40—42; *Paszkiewicz H.* The Origin of Russia. London, 1954, p. 124, 172; *Idem.* The Making of the Russian Nation. London, 1963, p. 114, 158; *Obolensky D.* The Byzantine Sources on the Scandinavians in Eastern Europe. — In: Varangian Problems. Copenhagen, 1970, p. 149. Аналогичное мнение высказывали А. А. Шахматов, В. А. Мошин, С. Х. Кросс, Ж. да Коста Луйе, А. Стендер-Петерсен и др. Подробнее см.: *Сахаров А. Н.* Указ. соч., с. 248—249. Последнее по времени использование этой трактовки см.: *Davidson H. R. E.* The Viking Road to Byzantium. London, 1976, p. 57.

[12] *Гедеонов С. А.* Варяги и Русь. СПб., 1876, ч. 2, с. 498; *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 202—204; *Тихомиров М. Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — Советская этнография, М.; Л., 1947, вып. 6/7, с. 74; *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 47—48; *Рыбаков Б. А.* Предпосылки образования Древнерусского государства. — В кн.: Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 768; *Łowmiański H.* Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957, s. 133—134.

[13] Историки, считавшие текст Бертинских анналов свидетельством тождества значений терминов «Рос» и «шведы», основывались на неточном, приблизительном переводе (толковании) начальной части текста; обычно начало текста переводилось так: византийский император послал неких людей, «которые говорили, что они, то есть их народ, называется Рос», т. е. имя Рос является самоназванием, сами послы называли себя Рос. В приведенном нами уточненном (в соответствии с особенностями средневековой латыни) переводе М. Б. Свердлова император послал людей, «которые говорили, что их, то есть народ, называют Рос»; следовательно, «Рос» не самоназвание, так послы-шведы называют не сами себя, а так называют этих послов другие народы (*Свердлов М. Б.* Латинские источники по истории Древней Руси IX—первой четверти XII в. Л., 1968, с. 7, примеч. 6).

[14] *Vasiliev A.* The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, Mass., 1946, p. 12.

побывало посольство из Швеции [15]. Поэтому вполне естественно, что правителю Империи при появлении при его дворе послов какого-то малоизвестного (или совсем неизвестного) восточного государства бросилось в глаза, что эти послы очень похожи на хорошо знакомых Империи норманнов, и у него возникло подозрение, что странно скрывающие свою национальность послы могли быть в действительности шпионами-лазутчиками, приехавшими разведывать состояние Империи перед подготовкой нового нападения на ее пределы [16].

По распоряжению императора его чиновники подвергли допросу подозрительных гостей, и послы государства Рос вынуждены были признаться, что они в действительности принадлежат к шведскому народу. Тогда подозрения императора еще более усилились, послы были взяты под стражу, и было решено отправить их под конвоем обратно к византийскому императору для дальнейшего расследования их намерений [17].

Таким образом, послы государства Рос показались германскому императору подозрительными и были задержаны как раз потому, что они оказались не теми, за кого себя выдавали, — не людьми из страны Рос, а норманнами. Следовательно, источник свидетельствует, что имя Рос нетождественно понятиям «норманны», «шведы», а имеет иное значение, относится к какой-то области и государству на Восточно-Европейской равнине.

Где именно находилась область Рос, о какой именно территории в Восточной Европе идет речь?

Отсутствие в источнике прямых указаний на место расположения данной области дало возможность различным ученым помещать ее в самые разнообразные пункты Восточно-Европейской равнины. При этом многие, исходя из норманистской трактовки известия Бертинских анналов, считали, что государство Рос 839 г. можно искать в любом месте Восточной Европы, где в IX в.

---

[15] *Łowmiański H.* Zagadnienie. . ., s. 134 (дается ссылка на текст тех же Бертинских анналов под 829 г.).

[16] Возможно также, как полагают некоторые исследователи, что до двора императора Людовика уже дошли сведения о появившемся где-то в Восточной Европе государстве (государственном образовании) Рос — Русь, и стало тем более подозрительно, что послы, выдающие себя за людей из этого государства, по языку и облику похожи на известных императорскому двору северных соседей Германии — норманнов (*Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства, с. 203; *Он же.* Начало мореходства на Руси. Л., 1949, с. 26; *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 74). Напомним еще, что дело происходило в г. Ингельгейме на берегу Рейна, расположенном всего в 400 км прямого водного пути по Рейну от ставшего жертвой норманских нападений побережья Фрисландии, и потому норманская угроза здесь ощущалась в тот момент весьма остро.

[17] О дальнейшей судьбе послов Бертинские анналы молчат. А. А. Васильев предполагает, что, поскольку в анналах не сообщается о происшедшей затем отправке послов обратно в Константинополь, можно думать, что обвинение в шпионаже при дальнейшем расследовании не подтвердилось и послы были отпущены в свою страну (*Vasiliev A.* Op. cit., p. 12), но правильнее будет не делать никаких выводов из факта молчания данного источника.

можно было бы предполагать появление завоевателей — норманнов—и создание ими своих политических центров. Только за последние 50—60 лет ученые помещали область Рос в Поднепровье (большинство советских авторов), в Поволжье (П. П. Смирнов, Э. Квалéн, А. Стендер-Петерсен) [18], в Приазовье (В. Вернадский) [19], в Приладожье (А. Стендер-Петерсен) [20], в Приильменье (А. А. Шахматов) [21] и др.

На современном уровне науки, используя и косвенные указания самого источника, и накопленные данные по истории Восточной Европы IX в., вполне можно установить местонахождение области и народа Рос.

Прежде всего из текста источника совершенно очевидно, что область Рос не находилась на побережье Азовского и Черного морей [22], ибо в нем говорится, что пути, по которым послы Рос ехали в Константинополь, проходили «среди варваров, бесчеловечных и диких племен». Пути из Приазовья и Северного Причерноморья в Константинополь проходили по морю, были в обоих направлениях безопасными от нападений «диких племен», и в этом случае не было бы необходимости предпринимать кружной обратный путь через Германию.

Достаточно очевидна и невозможность нахождения области Рос на севере Восточно-Европейской равнины, в Приладожье (или шире — в землях словен и кривичей) или в верхнем Поволжье (как предполагали А. А. Шахматов, А. Стендер-Петерсен, П. П. Смирнов и др.). Сам факт чрезвычайной отдаленности Приладожья и верхнего Поволжья от Византии (отдаленности на многие тысячи километров, труднопреодолимых при тогдашних способах передвижения) не позволяет предполагать, что на столь примитивной стадии развития государственности у северного политического образования (если предположить, что оно существовало) могли возникнуть потребности в политических контактах с лежавшей в совсем иной политической сфере Византийской

---

[18] *Смирнов П. П.* Вольжский шлях і стародавні руси. Київ, 1929, с. 33—35, 101—161; *Kvalén* E. Early Norvegian Settlements on the Wolga. Wien, 1937; *Stender-Petersen A.* Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen. — In: Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Firenze, 1955, vol. 3, s. 167, 180—182.

[19] *Vernadsky G.* Ancient Russia. New Haven, 1943, p. 278—286; *Idem.* The Origins of Russia. Oxford, 1959, p. 186. Ранее такое же мнение высказывал Е. Е. Голубинский (*Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1880, т. 1, 1-я пол., с. 49).

[20] *Стендер-Петерсен А.* Ладожская руническая надпись — свидетельство о доисторической Руси. — In: Kuml, 1958. Aarhus, 1959, с. 129; *Stender-Petersen A.* Der älteste russische Staat. — Historische Zeitschrift, München, 1960, H. 1, S. 14—17.

[21] *Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов. СПб., 1904, с. 59; *Он же.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, с. 55—56.

[22] *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства, с. 202; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений IX—XIV вв. М.; Л., 1956, с. 56; *Riasanovsky A. V.* Op. cit., p. 10—11; *Łowmiański H.* Początki Polski, 5, s. 132; *Сахаров А. Н.* Указ. соч., с. 255, 258.

империей. Из текста Бертинских анналов явствует, что византийский император оказал благожелательный прием послам Рос и был заинтересован в сохранении хороших отношений с их монархом, для чего проявил большую заботу о благополучном возвращении послов в землю Рос [23]; если бы государство Рос лежало столь далеко на Севере Восточной Европы, дружба с ним не могла представлять никакого интереса для Византии.

Больше того, поскольку посольство государства Рос было специально направлено в Константинополь для переговоров с византийскими властями и поскольку император и его правительство проявили большое внимание к этому посольству, очевидно, что область Рос находилась где-то в сфере политических интересов Византийской империи [24], т. е. в бассейне Черного моря.

Титул руководителя области Рос — «хакан» — явно заимствован из соседствовавшей с восточнославянскими землями и осуществлявшей политическое влияние на южную часть восточнославянских земель Хазарской державы [25]. Следовательно, область Рос надо искать где-то на территории, находившейся в сфере политического влияния хазар [26].

В то же время из изложенного материала видно, что долго державшееся в науке представление об отсутствии данных для определенной географической локализации области Рос 839 г.[27] к настоящему времени устарело и есть все основания считать, что эта область находилась в южной части восточнославянских земель, в бассейне Черного моря (но вдали от его побережья). Больше того, теперь благодаря важным и до сих пор полностью не оцененным по достоинству работам А. Н. Насонова и Б. А. Рыбакова имеется возможность вполне достоверно и точно определить, где эта область находилась.

---

[23] *Сахаров А. Н.* Указ. соч., с. 257.

[24] *Łowmiański H.* Początki Polski, 5, s. 133.

[25] *Vasiliev A.* Op. cit., p. 9; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 56; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 366; *Łowmiański H.* Początki Polski, 5, s. 134; *Davidson H. R. E.* Op. cit., p. 58. Подробнее см.: *Сахаров А. Н.* Указ. соч., с. 250—251. Кроме хазар, титул «хакан» («каган») был в употреблении у дунайских болгар и аваров (*Riasanovsky A. V.* Op. cit., p. 2), но последние действовали на исторической арене в более раннее время, в VI—VII вв. Имеющиеся в норманистской литературе попытки доказать, что титул «хакан» («каган») был принят в IX в. и у скандинавов, подвергнуты убедительной критике А. В. Рязановским (Ibid., p. 2—4)

[26] Некоторые авторы считали, что поскольку титул хакана (кагана) носил в то время властитель Хазарского государства, то в Бертинских анналах речь идет о самом хазарском кагане и люди, прибывшие в Ингельгейм, были послами этого кагана (*Laehr G.* Die Anfänge des Russischen Reiches. Berlin, 1930, S. 16, 122; *Dvornik F.* The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949, p. 63; и др.). Мнение это противоречит данным источника: если бы речь шла о хорошо знакомой византийцам Хазарии и ее кагане, об этом было бы прямо сказано в письме императора Феофила (излагаемом в анналах), но в письме речь идет не о Хазарии, а о народе Рос; кроме того, нет сведений о том, что норманны когда-либо служили хазарам (*Łowmiański H.* Początki Polski, 5, s. 132).

[27] См., например: *Stökl G.* Russische Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1962, S. 40.

Еще дореволюционными учеными (С. А. Гедеоновым, Д. И. Иловайским, М. С. Грушевским, Д. И. Багалеем) было замечено, что наряду с общим значением термина «Русь», охватывавшим все восточнославянские земли, по древнерусским источникам XI—XIII вв. прослеживается и узкое, частное значение этого термина, прилагаемое к среднему Поднепровью, к области Киева, Чернигова, Переяславля. А. Н. Насонов и Б. А. Рыбаков, собрав и проанализировав весь материал источников, установили, что узкое значение было первоначальным и что до сформирования огромного государства Русь, вобравшего все восточнославянские земли, существовало территориальное и политическое образование «Русь», или «Русская земля», находившееся на ограниченном пространстве среднего Поднепровья вокруг Киева. «Русская земля» предшествовала сформированию большого восточнославянского государства, происшедшему в конце IX в. в результате объединения северных и южных восточнославянских земель, т. е. существовала в IX в. (или в VIII—IX вв.) и была первоначальным ядром, на базе которого в конце IX в. создалось Киевское государство. Локализация «Русской земли», или «Руси», в узком значении этого слова в среднем Поднепровье основывается на более чем 70 показаниях источников и может считаться доказанной [28].

Следовательно, государство Рос Бертинских анналов — это и есть Русь, или Русская земля, IX в. в среднем Поднепровье [29]. По всей видимости, с этим находящимся недалеко от Черного моря государственным образованием связаны и более ранние известия о мощных морских походах войска и флота Руси на Сурож и все южное побережье Крыма (конец VIII—начало IX в.), на малоазиатское побережье Византии и г. Амастриду (начало IX в.), на остров Эгину (около 813 г.).

Особенно важно, что в тексте Бертинских анналов имеется достаточно определенное свидетельство о реальном существовании государства Рос [30]. Свидетельство это хронологически самое ран-

---

[28] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 28—46; *Рыбаков Б. А.* Древние руссы. — Советская археология, М., 1953, 17, с. 31—104.

[29] Содержащаяся в Бертинских анналах форма Rhos через долгое «о», явно взятая составителем анналов из византийского источника (скорее всего из сопроводительного письма византийского императора), вполне соответствует византийской форме слова Русь — Ῥῶς, обычно употреблявшейся в византийских письменных памятниках IX—X вв. для обозначения Руси — страны и народа (*Сюзюмов М.* К вопросу о происхождении слов Ῥῶς, Ῥωσία, «Россия».—Вестник древней истории, 1940, № 2, с. 121—123; *Соловьев А. В.* Византийское имя России. — ВВ, 1967, 12, с. 135—136). Византийская форма Ῥῶς, несклоняемая и совершенно не свойственная греческому языку, не могла произойти из скандинавских или финского языков. Это сознавал и крупнейший норманист XIX—XX вв. В. Томсен (*Томсен В.* Указ. соч., с. 87). Источником этой несклоняемой формы могла быть только собирательная восточнославянская форма «рось», «русь», имеющая лишь единственное число (*Гедеонов С. А.* Указ. соч., ч. 2, с. 411—412; *Иловайский Д. И.* Разыскания о начале Руси. М., 1871, с. 258; и др.).

[30] *Шахматов А. А.* Указ. соч., с. 191—192; *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства, с. 200—201; *Левченко М. В.* Указ соч.,

нее. Все еще более ранние известия источников о существовании Руси — известия о походах Руси на Сурож, Амастриду и Эгину — не содержат сведений, которые позволяют судить о том, с каким образованием по имени Русь мы имеем дело — с государственным или еще с догосударственным, племенным; упомянутые три похода могли принадлежать и племени или племенному союзу. Между тем известие 839 г. впервые определенно говорит о наличии государства (или, скажем осторожнее, государственного образования). Об этом свидетельствует наличие главы государства, монарха с известным на юге Восточной Европы титулом «хакан» («каган»). Тюркский титул «хакан», как уже говорилось, явно заимствован из Хазарии, единственной в то время крупной державы, охватывавшей большие пространства юга Восточной Европы. В представлениях населения южной части Восточно-Европейской равнины это был титул не второстепенного властителя, не подчиненного князя или князька, а суверенного, сильного, могущественного монарха.

Почему главе государства был дан титул, не взятый из собственного языка, а заимствованный из другой страны, из чужого языка? Видимо, глава области Рос приобрел новое качество, для обозначения которого не нашлось подходящего термина в своем языке, ибо до сих пор должностных лиц с подобным значением, с подобными правами и властью в этом крае еще не бывало. Поэтому для обозначения главы области заимствовали соответствующий термин из ближайшей страны, из Хазарии, где уже давно существовало государство и имелся определенный титул для руководителя государства [31].

Подобное (как нам кажется, единственно возможное) объяснение появления титула «хакан» в области Рос подводит нас и к другому выводу: если потребовался новый термин для обозначения главы области, следовательно, в политическом устройстве самой области произошли какие-то весьма значительные качественные изменения, которые могут быть поняты, по всей видимости, как превращение местного племенного строя в раннегосударственное образование с единовластным монархом во главе.

Очевидно, употребление титула «хакан» для главы области Рос свидетельствует, что здесь появилась государственная организация, ранняя форма государства [32]. Государство это уже устанавли-

с. 55—56 и др.; см. также: *Skovgard-Petersen J.* Vikingerne i den nyere forskning. — Historisk tidsskrift, Køvenhavn, 1971, N 3, s. 668.

[31] Ср.: *Łowmiański H.* Początki Polski, 5, s. 135.

[32] Разумеется, не следует объяснять принятие хазарского титула «хакан» тем, что земля Рос — среднее Поднепровье — оставалась в каком-то политическом подчинении Хазарской державе. По справедливому замечанию М. И. Артамонова, принятием этого титула князья Русской земли «заявляли о своей независимости от хазар и равноправии Руси с хазарским государством» (*Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 366). Г. Ловмяньский, учитывая события внутренней истории Хазарии, предлагает даже приблизительно датировать выход Поднепровской области из-под власти хазар и создание самостоятельного каганата концом VIII в. (*Łowmiański H.* Początki Polski, 5, s. 135).

вает дипломатические отношения с крупнейшей державой того времени — Византийской империей.

Титул главы государства — «хакан» («каган») — дает еще одно подтверждение правильности указанной нами выше географической локализации области Рос Бертинских анналов. Несколько разнородных по происхождению источников свидетельствуют, что титул «каган» в представлениях населения Поднепровья в течение нескольких веков связывался с киевскими князьями [33]; особенно долго эти представления сохранялись в самом Киеве. Сочинения восточных писателей X в. («Худуд ал-Алам», сочинения Ибн Русте, Гардизи), «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, граффити Киевского Софийского собора, «Слово о полку Игореве» называют киевских князей их древним титулом «каган»; это явно воспоминания о первоначальном титуле правителя Киевской земли, замененном позднее (но еще в IX в.) славянским термином «князь». Эти данные делают еще более очевидным, что государство Рос и его главу хакана можно искать только в одном месте Восточной Европы — в среднем Поднепровье, в его центре — Киеве.

Однако исследования последних десятилетий не только способствовали более углубленному пониманию известия Бертинских анналов, но и выявили растущие трудности в истолковании его отдельных сторон.

С давних пор, со времени включения известия 839 г. в историографию по начальной русской истории, ученым, особенно норманистам, казалось вполне естественным упоминание в этом источнике норманнов-шведов, тем самым связываемых с русской государственностью со времени ее возникновения. Между тем в свете исследований последних десятилетий это упоминание оказывается не естественным и закономерным, а, напротив, не поддающимся удовлетворительному объяснению [34].

Историки-норманисты, основывающиеся на письменных источниках (и обычно «повторяющие зады» написанного более ста лет назад классического для норманизма сочинения В. Томсена), в большинстве своем до сих пор не осознали, что норманская проблема с начала XX в. стала проблемой, которую возможно решать только на основе комплексного изучения многих видов источников, не только письменных, но и археологических, нумизматических, филологических и др. Когда же события на Руси первой половины IX в. стали рассматривать на базе всех видов источни-

---

[33] *Пархоменко В. А.* К вопросу о «норманском завоевании» и происхождении Руси. — Историк-марксист, 1938, № 4, с. 109; *Рязановский В. А.* Обзор русской культуры. [Нью-Йорк], 1947, ч. 1, с. 250—251; *Riasanovsky A. V.* Op. cit., p. 5; *Łowmiański H.* Początki Polski, 5, s. 134; *Davidson H. R. E.* Op. cit., p. 58; и др.

[34] *Saskol'skij I P.* Recent developments in the Normanist Controversy. — In: Varangian Problems. Copenhagen, 1970, p. 32—33; *Шаскольський І. П.* Успіхи і труднощі у вивченні норманської проблеми за останні десятиріччя. — Український історичний журнал, 1975, № 8, с. 77—78.

ков, то оказалось, что известия разных видов источников противоречат друг другу.

Один из крупнейших норманистов XX в. — Х. Арбман, согласно традициям норманской школы отождествлявший русь с норманнами, первым обратил внимание на то обстоятельство, что сведения письменных источников первой половины —середины IX в., неоднократно упоминающих Русь (по мнению норманистов, варяжскую русь) в Причерноморье и южной половине восточнославянских земель, оказались в решительном противоречии с данными археологии, согласно которым норманские археологические памятники появляются в Поднепровье не ранее начала X в.[35] Сравнительно позднее (в начале X в.) появление норманских археологических памятников в верхнем и среднем Поднепровье отмечал и основатель норманизма в археологии Т. Арне [36]. В вышедших в последние годы работах советских археологов также указывается (притом вне связи с мнением Арне и Арбмана), что скандинавские погребения и отдельные вещевые находки появляются в верхнем Поднепровье (в районе Смоленска) не раньше конца IX в. или на рубеже IX и X вв.[37], в среднем Поднепровье, в районе Киева, по данным археологии, норманны появляются только в X столетии.

Перед норманистами возникла огромная сложность [38]: как согласовать эти сведения с данными письменных источников — с известием Бертинских анналов 839 г. и со сведениями о нападе-

---

[35] *Arbman H.* Svear i österviking. Stockholm, 1955, s. 94—95; *Idem.* The Vikings. London, 1961, p. 101; *Idem.* Vikingarna. Stockholm, 1962, s. 131; см. также: *Saskol'skij I. P.* Op. cit., p. 32.

[36] *Arne T. J.* La Suède et l'Orient. Upsal, 1914, p. 47. Вне зависимости от Арне и Арбмана на это же обстоятельство обратил внимание А. В. Рязановский (*Riasanovsky A. V.* Op cit., p. 8).

[37] Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 242—245 (исключением авторы считают район Смоленска, где в могильниках в Гнездове и Новоселках, в основном относящихся к X в., имеются два норманских погребения IX в.); то же см.: *Lebedew G. S., Nazarenko V. A.* The Connections between Russians and Scandinavians in the 9th — 11th Centuries. — Norwegian Archaeological Review, Oslo, 1973, vol. 6, p. 7—8; см. также: *Avdusin D.* Smolensk and the Varangians According to the Archaeological Data. — Ibid., 1969, vol. 2, p. 60; *Авдусин Д. А.* Гнездово и Днепровский путь. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 160—169; *Булкин В. А., Назаренко В. А.* О нижней дате Гнездовского могильника. — Краткие сообщения Института археологии, М., 1971, вып. 125, с. 15; *Булкин В. А.* Гнездовский могильник и курганные древности смоленского Поднепровья. Л., 1973, с. 17; *Лебедев Г. С.* Путь из варяг в греки. — Вестник ЛГУ, 1975, вып. 20, с. 41; *Пушкина Т. А.* О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси. — Вестник МГУ. История, 1972, № 1, с. 92—94; и др. Южнее района Смоленска ни одной скандинавской вещи IX в. не обнаружено.

[38] Сложность, не осознанная большинством современных норманистов ввиду недостаточной осведомленности норманистов-историков в нынешнем состоянии археологического изучения норманской проблемы. Правда, в последнем по времени норманистском сочинении — в книге «Путь викингов в Византию» — уже чувствуется, что это обстоятельство стало теперь доходить до сведения норманистов (*Davidson H. R. E.* Op. cit., p. 58), но автор все же делает вид, что новые данные не мешают норманистской концепции.

нии Руси в 860 г. на Константинополь, также приписываемом большинством норманистов войску норманского государства в Поднепровье. Вопрос этот не получил сколько-нибудь удовлетворительного решения [39].

В данной связи нельзя не вспомнить и давнее мнение ряда ученых о том, что путь «из варяг в греки» стал функционировать не раньше начала X в., а в IX в. еще не существовал [40]. Мнение это в свете приведенных выше данных археологии представляется доказанным [41].

Все эти данные в своей совокупности необходимо учитывать при трактовке известия Бертинских анналов 839 г. Разумеется, само известие, содержащееся во вполне достоверном источнике [42], не вызывает сомнений; в частности, не может ставиться под сомнение норманско-шведская принадлежность послов государства Рос, поскольку допрашивавшие послов императорские чиновники ранее имели дело и с норманнами вообще, и со шведами и могли установить истину. Но в свете приведенных выше данных археологии совершенно очевидно, что ни о каком норманском государстве или о господстве норманнов в государстве Рос 830-х годов (как полагали многие ученые норманистской школы) говорить

---

[39] X. Арбман в своей последней книге (*Arbman H.* Vikingarna, s. 131) и устно, в выступлении на кафедре археологии Ленинградского университета в 1967 г., высказал предположение, что нападавший на Константинополь в 860 г. флот норманнов-викингов мог прийти не из Черного, а из Средиземного моря (где, по другим источникам, в середине IX в. зафиксированы действия норманских флотилий). Но это предположение неубедительно — набег 860 г. был явно совершен из Северного Причерноморья.

[40] *Szalągowski A.* Najstarsze drogi z Polski na wschód w okresie bizantyńsko-arabskim. Warszawa, 1909, s. 92—95; *Arne T. J.* Op. cit., p. 90—96; *Пархоменко В. А.* У истоков русской государственности. Л., 1924, с. 81—82; *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1938, т. I, с. 39.

[41] См. примеч. 37; см. также: *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.; Л., 1954, с. 34; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 105; *МонгайтА. Л.* Рязанская земля. М., 1961, с. 96; и др. Правда, М. Б. Свердлов подверг критике аргументацию Корзухиной и Монгайта (*Свердлов М. Б.* Транзитные пути в Восточной Европе IX—X вв. — Известия Всесоюзного географического общества, 1969, № 6, с. 543—544), и в свете приведенных им данных видно, что в IX в. уже существовал путь по Днепру в Черное море. Вероятно, в IX в. уже существовал и путь из Поднепровья в бассейн Ильменя (в земли северной группы восточнославянских племен), использовавшийся для сообщения между славянскими землями и, вероятно, в какой-то мере для торговли. Но приведенные выше данные археологии делают очевидным, что этот путь еще не был в IX в. варяжским, он не был (как предполагали до недавнего времени многие ученые) проложен норманнами, а использовался лишь местным восточнославянским населением. «Путь из варяг в греки» как транзитный путь установился не ранее рубежа X столетия.

[42] *Vasiliev A.* Op. cit., p. 7; *Šaskol'skij I. P.* Op. cit., p. 33. Императорский двор IX в. в небольшом городке Ингельгейме был, по всей вероятности, невелик, и, по справедливому мнению М. Б. Свердлова, составитель анналов Пруденций, придворный священник императора, явно видел послов государства Рос собственными глазами (*Sverdlov M. B.* Nachrichten über die Rus in der deutschen historischen Überlieferung des 9.—13. Jh. — Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas, Berlin, 1975, Bd. 19/1, S. 168).

не приходится. Видимо, в среднее Поднепровье в 30-е годы IX в. проникло всего несколько норманнов-шведов, и их как бывалых, пространствовавших по Европе людей использовали правящие верхи «Русской земли» в качестве наемных чиновников, отправив с дипломатическим поручением в Византийскую империю [43]. Как справедливо указал А. Н. Сахаров [44], во вновь организующемся государстве, еще не располагавшем в своей собственной среде подготовленными кадрами, знакомыми с дипломатическими обычаями, иностранными языками и способными выполнять дипломатические миссии, вполне естественно было использовать оказавшихся в Поднепровье опытных и бывалых скандинавов.

Известие 839 г. говорит лишь о первом проникновении норманнов в Поднепровье, но сложившееся там государство, как явствует из текста анналов, было не норманским, а принадлежало местному населению, носившему уже тогда вместе со своим государством название Русь.

Главное значение известия Бертинских анналов не в фиксации первого проникновения норманнов в Киевскую землю, а в том, что оно дает наиболее ранние сведения о существовании Русского государства, указывает первую точную дату в истории этого государства и позволяет установить его географическое местоположение на карте Восточной Европы.

---

[43] Вероятность подобной трактовки подтверждается тем, что, спустя немногим более полувека, в первой половине X столетия, в том же самом Русском (Киевском) государстве неоднократно была применена аналогичная практика: правящие верхи Русского государства и при Олеге, и при Игоре поручали ведение дипломатических переговоров с той же Византийской империей таким же наемным дипломатам-норманнам; и в X в. наемные послы-норманны также называли себя русами, выступали «от рода русского» как представители Русского государства (*Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства, с. 203; *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 72; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 55; *Riasanovsky A. V.* Op. cit., p. 11; История Византии. М., 1967, т. 2, с. 228).

[44] *Сахаров А. Н.* Указ. соч., с. 258.

СВЕДЕНИЕ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ О ПЕЧЕНЕГАХ И ТОРКАХ В СВЕТЕ ДАННЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ XII в.

М. В. Бибиков

В XII в. прекращается история печенегов как самостоятельного этнического целого, поглощенного новыми волнами кочевников или слившегося с автохтонным оседлым населением. Постепенно уменьшается и количество сведений о печенегах в источниках: к середине—концу XII в. в русских летописях встречаются лишь спорадические упоминания некогда грозных врагов русских князей [1]. Изучение заключительных страниц истории печенегов связано с рядом проблем последнего печенежского набега на Византию из-за Дуная, датируемого 1121/22 или 1122/23 гг.[2]

На пятом году своего правления, когда «скифы» переправились через Истр и стали опустошать фракийские земли, византийский василевс, как сообщает Никита Хониат, выступил в поход против них [3]. Так началась война Иоанна II Комнина с задунайскими кочевниками, известная историкам как последняя печенежская война Византии, окончившаяся полным разгромом печенегов.

Синхронным с этими данными является сообщение Ипатьевской летописи: «В лето 6629 прогна Володимер Берендичи из Руси, а Торци и Печенези сами бежаша» (ПСРЛ, т. 2, стб. 286). Больше никаких данных по этому поводу в русских источниках не содержится.

Особое место среди источников по печенежско-византийской войне занимают труды византийских историков Иоанна Киннама [4] и Никиты Хониата. Дело не только в том, что они содержат наиболее подробные сведения о ходе кампании и ее последствиях. Сравнение данных византийских историков с произведениями византийской риторики и актами [5] позволяет конкретизировать сведения последних и тем самым расширить круг наших источников по истории событий, оказавших решающее влияние на судьбы печенегов. Материалы византийских хроник, сопоставленные

---

[1] ПСРЛ. СПб., 1908, т. 2, стб. 286, 311, 427—428, 517, 533.

[2] Дискуссию о дате см.: Византиски извори за историја народа Југославије. Београд, 1970, т. 4, с. 6, пр. 1.

[3] *van Dieten J.—L.* Niccetae Choniatae Historia. Berlin, 1975, p. 13.39—40. (Далее: Н. Х.).

[4] Ioannis Cinnami Epitome. . ./Ed. A. Meineke. Bonnae, 1836. (Далее: Кинн.).

[5] Об актах в связи с анализируемой проблемой см.: *Бибиков М. В.* К изучению материалов византийских актов XII — первой половины XIII в. по истории народов, населявших территорию СССР. — В кн.: Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. М., 1975, с. 151.

с кратким упоминанием Ипатьевской летописи об изгнании из Руси кочевников в 1121 г. князем Владимиром, фактически раскрывают содержание отрывочного свидетельства русской летописи и позволяют поставить вопрос о связи последней печенежско-византийской войны с событиями отечественной истории. Его решение основывается на рассмотрении конкретных проблем: а) этнического содержания терминов, обозначающих в хрониках вторгшиеся из-за Дуная племена, б) локализации событий и в) характеристики византийскими хронистами хода кампании.

В центре настоящей статьи стоят византийские нарративные памятники, в то время как исследование Ипатьевской летописи, выяснение значения контекста приведенного свидетельства, привлечение материалов других летописей — самостоятельная научная задача, выходящая за рамки данной статьи. Не рассматривается здесь и большая проблема методических принципов терминологического анализа средневековых текстов [6].

Кочевники, нахлынувшие при Иоанне II Комнине на Византию, почти единогласно до сих пор считались печенегами. Однако М. М. Фрейденберг рассматривал их как половцев [7]. Специально изучивший этот вопрос П. Диакону также считает «скифов» византийских источников куманами [8]. Действительно, если обратиться к негреческим памятникам XII в., то и рассказ французского мемуариста Роберта де Клари о религии куманов [9] (что близко к сведениям о печенегах в сообщении о войне Иоанна II у Михаила Италика [10]), и этноним «куманы», употребляемый в повествовании о «печенежской» войне в сирийской хронике Михаила Сирийского [11], как будто тоже говорят об этом.

Сложность вопроса заключается в многозначном содержании этнонима «скифы», которым в византийских хрониках (и в других византийских источниках) обозначаются вторгшиеся в Византию около 1121 г. кочевники. Скифами византийские авторы называли самые разные этнические группы (и не только кочевников). Так, в XII в. Михаил Италик, ссылаясь на Арриана, говорит о скифском происхождении «парфян» (М. Ит. 100.15—18), а Иоанн Киннам скифами считает «лехов» (Кинн. 84.10—13); Никифор

---

[6] Об этом см.: *Бибиков М. В.* Пути имманентного анализа византийских источников по средневековой истории СССР. — В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР: Сб. статей. М., 1978, с. 91 и след.

[7] *Фрейденберг М. М.* Труд Иоанна Киннама как исторический источник. — ВВ, 1959, т. 16, с. 30.

[8] *Diaconu P.* The Petchenegs on the Lower Danube. — In: Relations between the Autochtonous Population and the Migratory Populations on the Territory of Romania. Bucuresti, 1975, p. 240.

[9] *Robert de Clari.* La conquète de Constantinople. Paris, 1924, p. 105. (Далее: Роб. Кл.).

[10] *Gautier P.* Michel Italikos. Lettres et discours. Paris, 1972, p. 83.1—9. (Далее: М. Ит.).

[11] Chronique de Michel le Syrien/Ed. J.—B. Chabot. Paris, 1905, vol. III, 206. (Далее: М. Сир.).

Василаки к скифскому племени причисляет ассирийцев [12]. Следует указать на точку зрения Д. Моравчика, считавшего, что содержание этнонима «скифы», которым обозначены кочевники — противники Иоанна II, сложно и этот термин может обозначать печенегов, узов или куманов [13].

Вопрос о соотношении печенежского и половецкого элементов в южнорусских степях и в Нижнем Подунавье к началу XII в., как правило, решался в общем виде. Д. А. Расовский, хотя и отмечал печенежско-византийскую войну при Иоанне II, считал, что в середине — конце XI в. половцы вытеснили других кочевников не только в южнорусских степях, но и в Подунавье [14]. В. Златарский, отмечая, что поражение печенегов в 1091 г. у Левуниона не прекратило их набегов и бо́льшая их часть все же осталась в черноморских степях, полагал, что самостоятельной политической силы печенеги уже не имели, подпав под власть торков, а затем куманов [15]. Тем самым представление о сильном натиске печенежских племен в первой четверти XII в., каким он рисуется по византийским источникам, не может не вызвать скепсиса. Диакону ограничивает историю активных наступательных действий печенегов началом 90-х годов XI в., считая их поражение 29 апреля 1091 г. с последующим расселением в Трансильвании, Паннонии и других местах [16] датой прекращения политической активности печенегов [17]. Отметим также, что, по произвольному мнению Н. Бэнеску, «скифы» в Подунавье византийских историков (он рассматривает этот вопрос тоже в рамках XI в.) — это румыны, потомки римских колонистов из областей как слева, так и справа по Дунаю [18].

При решении вопроса о взаимоотношениях печенегов и половцев В. Г. Васильевский утверждал о тесной близости печенегов, узов, половцев, татар и других кочевников между собой, обусловленной прежде всего общностью языка, и рассматривал все действия одних в плане единой общей политики других тюркских племен [19]. Напротив, Расовский говорил о непримиримой вражде между половцами, с одной стороны, и «черными клобуками»

---

[12] *Regel W.* Fontes rerum byzantinarum. Petropoli, 1917, t. 1 (2), p. 349.2. (Далее: Регель.)

[13] *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1958, Bd. 2, S. 281. Хотя в первом томе своего труда (S. 327) он называет «скифов» 1121 г. печенегами.

[14] *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. — Seminarium Kondacovianum, 1933, т. 6, с. 9, 18.

[15] *Златарски В.* История на Българската държава през средните векове. София, 1972, т. 2, с. 366—367.

[16] *Диакону П.* К вопросу о глиняных котлах на территории РНР. — Dacia, n. s., 1964, N 8, p. 260.

[17] *Diaconu P.* Les Petchénègues au Bas-Danube. Bucarest, 1970, p. 133 sq.

[18] *Bănescu N.* Ein Ethnographisches Problem am Unterlauf der Donau. — Byzantion, 1931, t. 6, p. 307.

[19] *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. — В кн.: Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908, т. 1, с. 8. Следует отметить, однако, что тот конкретный материал, который приводится в работе, скорее свидетельствует о разрозненности действий и вражде отдельных этнических групп.

(состоящими из печенегов и торков-узов) — с другой [20], и под этим углом зрения (по принципу обратной зависимости: сближение с половцами — вражда с печенегами и торками, и наоборот) рассматривал отношения Руси с кочевниками [21]. Об отношениях конфронтации (даже при возможных временных совместных политических замыслах) или по крайней мере разобщенности между печенегами и куманами свидетельствуют данные работ Я. Н. Любарского и В. А. Арутюнова [22]. Точка зрения Васильевского не нашла подтверждения.

Что же дают нам для решения этой проблемы византийские авторы? Считать противников Иоанна II прежде всего печенегами позволяют следующие обстоятельства. Во-первых, Никита Хониат, завершая рассказ о разбираемой здесь «скифской» войне, говорит, что в знак победы был учрежден праздник «печенегов» (Н. Х. 16.12—14), конкретизируя тем самым значение обобщенного этнонима. Характерно в этой связи, что разговорноязычная парафраза сочинения Никиты Хониата, известная в рукописях XIV—XVI вв., исправляет чтение «скифы» на «куманы» во всех случаях [23], кроме нашего, не отождествляя, таким образом, этих «скифов»-печенегов с куманами. Во-вторых, Никита Хониат, рассказывая о подготовке ромеев к новым сражениям с кочевниками, вспоминает о предыдущей войне с этими же противниками, имея в виду византийско-печенежскую войну Алексея I Комнина (Н. Х. 14.44—47.)

Наконец, в нескольких источниках говорится об окончательном истреблении вторгшихся племен «скифов» в этой войне [24], а Никита Хониат сообщает об окончании войны и установлении праздника в знак победы (Н. Х. 16.12—14). Вряд ли такой финал повествования о полном разгроме «скифов» соответствует отношению автора к роли «скифов»-куманов, которым Хониат посвятит еще много места в сочинении и рассказ о которых не случайно завершит труд.

Оснований считать «скифов» 1121—1122 гг. куманами мало. То, что Анна Комнина, прожившая до середины XII в., в своем сочинении пишет тоже об истреблении печенегов, но еще в 1091 г..

---

[20] *Расовский Д. А.* О роли Черных Клобуков в истории Древней Руси. — Seminarium Kondacovianum, 1927, т. 1, с. 94.

[21] *Расовский Д. А.* Русь, черные клобуки и половцы в XII в. — В кн.: Сборник в память на проф. П. Ников. София, 1940, с. 369.

[22] *Любарский Я. Н.* Византийско-печенежская война 1086—1091 гг. на территории Балкан. — В кн.: Славянские исследования. Л., 1966, с. 7; *Арутюнова В. А.* К вопросу о взаимоотношениях Византии с печенегами и половцами во время Норманнской кампании. — ВВ, 1972, т. 33, с. 119.

[23] Так что получаются даже невиданные «таврокуманы» как исправленное «тавроскифы»: Nicetae Choniatae Historia/Rec. I. Bekker. Bonnae, 1835, p. 452.19—20 (ср.: Н. Х. 347.39).

[24] *Hörandner W.* Theodoros Prodromos. Historische Gedichte. Wien, 1974, 214—215, V.25; 336—337, XXV.36—37; 517, LXXI.19 (Далее: Ф. Пр.); *Garzya A.* Encomio inedito di Niceforo Basilace per Giovanni Axuch. — Rivista Studii Byzantini e Neoellenici, n. s., 1969—1970, vol. 6—7 (XVI—XVII), p. 12.194—195. (Далее: Гарсия.)

может быть объяснено тем, что ее труд посвящен целиком царствованию Алексея I Комнина (1081—1118). Действительно, описываемый Анной набег печенегов был последним при этом императоре. К тому же, необязательно усматривать в одной из речей Евстафия Солунского [25] отождествление кочевников, разбитых Иоанном II, с куманами — противниками Исаака Ангела. Евстафий, не занимаясь этническими дифференциациями, лишь сравнивает две «скифские» войны.

Но только ли печенегами могли быть перешедшие Дунай при Иоанне II кочевники? Ведь в XII в. известны, например, печенежско-торческие объединения и союзы в противоположность половецким [26].

Сопоставление с другими источниками позволяет взглянуть на проблему конкретизации этнонимов хроник еще с одной стороны. У Феодора Продрома кочевники, воевавшие с Иоанном II, названы скифами и гетами (Ф. Пр. 336—337, XXV. 35—37). При этом отмечается их «многосемянность» — πανσπερμία (такое же выражение в одном из стихотворений Венецианского кодекса 524 [27]). Случайно ли здесь упоминание «гетов»-кочевников в рассказе о «печенежской», как обычно считается, войне или нет?

Этноним «геты» в византийских источниках XI—XII вв. редок. По Моравчику, Михаил Пселл [28], а за ним и Анна Комнина [29] обозначают им узов [30]. В силу традиции, однако не без сомнения, венгерским ученым «геты» Феодора Продрома отнесены к венграм. Но есть основания считать «гетов» как прозаической монодии Феодора Продрома на смерть севастократора Андроника Комнина [31], так и стихотворной эпитафии от имени Иоанна II (Ф. Пр. 336, XXV. 35) «скифскими» кочевниками — противниками Византии в 1121—1122 гг., а не венграми [32]. Не предположить ли, что «геты» Продрома в стихотворном произведении, упомянутые отдельно от «скифов», но как участники одной и той же кампании, —

---

[25] Eustathii Thessalonicensis Opuscula/Ed. Th. L. F. Tafel. Amsterdam, 1964, p. 44.75 sq.

[26] *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, с. 153 и др.; ср.: *Расовский Д. А.* О роли Черных Клобуков. . ., с. 93 и след.

[27] *Lampros Sp.* Ὁ Μαρκιανὸς κῶδιξ 524. — Νέος Ἑλληνομνήμων, t. 8, 1911, p. 146_1, № 222. 14—26. (Далее: Код. Марк.)

[28] *Michel Psellos.* Chronographie/Ed. par E. Renauld. Paris, 1928, vol. 2, p. 125.9.

[29] *Anne Comnène.* Alexiade/Ed. et trad. par B. Leib. Paris, 1943, vol. 2, p. 127.27.

[30] *Moravcsik Gy.* Op. cit., Bd. 2, S. 111.

[31] *Majuri A.* Anecdota Prodromea dal Vat. gr. 305. — Rendiconti della Reale accademia dei Lincei, Classe di Scienze morale, storice e filologice, ser. 5, Roma, 1908, vol. 17, p. 527.8 (Далее: Маюри.)

[32] *Бибиков М. В.* Источниковедческие проблемы изучения истории кочевников в Нижнем Подунавье в XII в. — Revue Roumaine d'Histoire, 1980, t. XIX, N 1, p. 47—52.

это узы, тем более что сам последний этникон в византийских памятниках XII в. встречается лишь однажды [33]?

Эта гипотеза окажется тем более небезосновательной, если мы обратим внимание на приведенное выше сообщение Ипатьевской летописи под 6629 г. Еще Расовский предположительно поставил в связь с этим бегством торков и печенегов из Руси печенежско-византийскую войну Иоанна II Комнина [34], отметив, что «осколки печенегов, вынужденные бежать от Владимира, вряд ли могли тогда кочевать на левой стороне Дуная, где в то время уже владычествовали половцы». С этим согласился и Златарский [35], считавший, что, если бы печенеги не перешли Дунай, а остались на левой его стороне, они вынуждены были бы признать над собой власть куманов. Оба исследователя говорят только о печенегах. Но в Ипатьевской летописи говорится и о торках, а, как известно, в современную науку вошло представление о тождестве «торков» и узов [36].

Действительно, мы имеем дело с фактически последним крупным передвижением печенежских (и узских) племен. Византийские авторы говорят об их переходе «всеми силами» (Кинн. 7.16—17; М. Ит. 83.9—11). Такое движение *могло* в то время быть вызвано давлением Руси, если к тому же учесть половецкую опасность для печенегов и узов, вытесняемых из причерноморских степей. В свое время В. В. Григорьев указал на принцип экспатриации и переселений кочевников, при котором их вторжения в другие области происходили вследствие толчков, которые вторгшиеся получали сами от других соседних и более сильных кочевников [37]. С. А. Плетнева же уход печенегов из степей в подавляющем большинстве в Византию и Венгрию в середине XI в. связывает с ослаблением кочевников вследствие давления на них Руси и внутренних междоусобиц [38]. В конечном счете не подтвердилось мнение о том, что миграция печенегов на нижний Днепр была вызвана внутрирусскими событиями — смутами и усобицами [39], когда кочевники стали чуть ли не государствообразующей силой для Руси [40], защитниками государственности полянской Руси (в XI в.!) [41].

[33] Ioannis Tzetzes Historiae/Rec. P. A. M. Leone. Napoli, 1968, p. 332: Chil. VIII.773 (cf.: *Moravcsik Gy.* Op. cit., Bd. 2, S. 111). Еще узы упоминаются в компиляции XII в. Михаила Глики (Michaelis Glycae Annales/Rec. I. Bekker. Bonnae, 1836, p. 605.4).

[34] *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи. . ., с. 19, примеч. 90.

[35] *Златарски В.* История. . ., т. 2, с. 368.

[36] *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи. . ., с. 3, примеч. 11.

[37] *Григорьев В. В.* Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами. — ЖМНП, 1875, март, с. 11.

[38] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. — МИА, М., 1958, вып. 62, с. 225.

[39] *Пархоменко В.* Русь и печенеги. — Slavia, 1929—1930, т. 8, с. 138.

[40] Там же, с. 141; *Пархоменко В. А.* У истоков русской государственности. Л., 1924, с. 69—71 и др.

[41] Подробнее см.: *Мавродина Р. М.* Проблема взаимоотношений Киевской Руси и кочевников в советской исторической науке 20—30-х годов. — В кн.: Историографический сборник. Саратов, 1973, вып. I (4), с. 131.

Еще Расовский показал, как опасность для Киевской Руси в конце X—начале XI в. со стороны печенегов, теснимых с востока торками, сменяется активным наступлением Руси, что побуждает кочевников со второй трети XI в. переходить Дунай, нападать на Византию [42]. С исходом борьбы Ярослава с печенегами в 1036 г.[43] связываются и троекратные нападения последних в том же году на Византию. Первой половиной XII в. датируется окончательное превращение печенегов южнорусских степей из самостоятельного кочевого народа в конфедератов галицких и даже черниговских князей [44]. Часть же печенегов и торков, оставшись в степях [45], видимо, поглощалась другими волнами кочевников [46].

Итак, сопоставление известий византийских хроник и других источников о войне 1121—1122 гг. с сообщением Ипатьевской летописи под 1121 г. дает возможность представить себе предположительную причину последнего набега печенегов с узами на Византию.

Таким образом, 1) понимание под «скифами» — противниками Иоанна II — половцев, а не печенегов малообоснованно; 2) в «гетах» Феодора Продрома можно видеть кочевников и в более узком смысле, может быть, узов (торков); 3) причиной последнего вторжения печенегов вместе с узами, вероятно, явились действия князя Владимира, прогнавшего берендеев из Руси, после чего торки и печенеги вынуждены были двинуться оттуда сами.

Здесь немало, конечно, гипотетического, ибо приходится восстанавливать целое по отрывочным сведениям, сопоставлять отдельные фрагментарные данные. Трудности в конкретизации литературного термина «скифы» византийских источников, в идентификации других этниконов объективны. И в археологии подобные проблемы, как видно, тоже вызывают разногласия: печенежские памятники для одних относятся к торкам другими, одни и те же археологические объекты атрибуируют то печенегам, то куманам, то торкам. И выделение того или иного преобладающего элемента в смешанном «кочевом» материале оказывается делом очень тонким и сложным [47].

К поставленному вопросу о связи с событиями русской истории последнего набега печенегов с узами на Византию примыкает и проблема локализации рассматриваемой войны. Территория,

---

[42] *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи. . ., с. 7.

[43] ПВЛ. М.; Л., 1950, т. 1, с. 102 (1036 г.).

[44] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 109.

[45] *Gombocz Z.* Über den Volksnamen Besenyö. — Turán, 1918, N 3, S. 213.

[46] *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen. Leipzig, 1914, S. 157.

[47] *Плетнева С. А.* Указ. соч., с. 218; *Она же.* Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв.: Автореф. дис. . . .канд. ист. наук. М., 1952, с. 7—8; *Fehér G.* Zur Geschichte der Steppenvölker von Südrussland im 9.—10. Jh. — Studia slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1959, t. 5, p. 318 sq.; ср.: *Мец И. Д.* К вопросу о торках. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры, 1948, вып. 23, с. 45—49.

на которой проходила война Иоанна II, названа у византийских авторов по-разному.

Михаил Италик говорит о τῶν Παριστρίων ἀγώνων (М. Ит. 82.7—8). В каком значении употреблен этот топоним? Бэнеску пишет о самостоятельном существовании фемы Паристрион со времени Иоанна Цимисхия до 1185 г.[48] Златарский первоначально, напротив, говорил только о позднем происхождении придунайской фемы, а затем признал ее существование отдельно от крупной фемы Болгария [49]. К этому пришли и другие ученые [50]. Однако тот же Златарский отметил, что ко времени печенежской войны Иоанна II исчезает административная единица с таким названием: не известны ни дуки, не катепаны такой фемы. Поэтому и слова Киннама αἱ παρίστριαι πόλεις (Кинн. 118.11; 119.17—18) он предлагает понимать как «поистрийские города»—в среднем течении Дуная, не имеющие ничего общего с фемой Паристрион [51].

Топоним Михаила Италика тоже, думается, имеет значение не административное, а географическое, указывающее на локализацию военных действий в районах, близких к Дунаю (ср.: Код. Марк. 159, № 270.23). Следует попутно заметить, что отсутствие фемы Паристрион не дает повода для представления о запустении подунайских византийских крепостей [52], о практической незначительности Дуная в качестве границы империи [53]. Византия сохраняет в этом районе свою власть и силу [54].

Проблема локализации событий во многом упирается в толкование соответствующих свидетельств византийских хроник. По Киннаму, Иоанн II направляется для ведения военных действий в «Македонию» (Кинн. 7.15—18), а Никита Хониат сообщает о набеге «скифов» на «Фракию» и операциях там (Н. Х. 13.40). Это одно и то же или имеются в виду разные территории? Если это различная локализация, то события по Киннаму разворачиваются западнее, чем у Никиты Хониата.

---

[48] *Bănescu N.* Les premiers témoignages byzantins sur les Roumains du Bas Danube. — Byzantinisch-Neugriechische Jahrbuch, 1922, Bd. 3, p. 289.

[49] *Златарски В. Н.* Политическото положение на Северна България през XI и XII вв. — Известия на Историческо дружество в София, 1929, т. 9, с. 8—10; *Он же.* История. . ., т. 2, с. 112.

[50] *Ангелов Д.* История на Византия. София, 1959, т. 1, с. 383; *Цанкова-Петкова Г.* Югозападните български земи през XI в. според «Стратегиконът» на Кекавмен. — Известия на Института за българска история, 1956, т. 6, с. 614.

[51] *Златарски В.* История. . ., т. 2, с. 369—370; ср.: *Stănescu E.* Beiträge zur Paristrion-Frage. — Jahrbuch der Österreichische Byzantinischen Gesellschaft, 1968, Bd. 17, S. 289.

[52] *Barnea I.* Byzance, Kiev et l'Orient sur le Bas-Danube du X-e au XII-e siècle. — In: Nouvelles études d'histoire. Bucarest, 1955, p. 173.

[53] *Jorga N.* Formes byzantines et réalités Balkaniques. Leçons faits à la Sorbonne. Bucarest; Paris, 1922, p. 30; *Idem.* Histoire des Roumains et de la romanité orientale. Paris, 1937, vol. 2, p. 366.

[54] Подробнее см.: *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, с. 281—282; ср.: *Urbansky A. B.* Byzantium and the Danube Frontier. New York, 1968, p. 43.

«Македония» могла пониматься в двух смыслах. В старом — античном, обозначая обширную историко-географическую область, сопредельную на юге с Фессалией, ограниченную с севера долиной р. Дрины. Восточной границей в этом случае считается р. Стримон. Вместе с тем этот топоним мог быть наименованием административно-территориальной единицы — фемы, образование которой приходится на конец VIII—начало IX в.[55] Однако затем, начиная со второй половины X в., фемы Македонии и Фракии неоднократно объединялись, дробились, границы их менялись [56]. В XI в. известны правитель фемы Фракии и Македонии [57], а также печать стратига Фракии и Дристры (Паристриона) [58]. По мнению Ст. Маслева, объединение Фракии и Паристриона в XI в. бывало во время нападения печенегов. Итак, в конце XI—первой половине XII в. мы не можем указать стабильные, точные границы между фемами Фракия и Македония, самостоятельное существование которых в это время постоянно чередуется с объединением.

Вместе с тем в сознании византийца XII в., который к тому же не занимался составлением сочинения по топографии (а это относится к Киннаму и Никите Хониату), все эти тонкости могли быть несущественны. И пределы Фракии или Македонии могли представляться более или менее условными. Например, Никита Хониат, вспоминая о печенежской войне Алексея I Комнина, говорит, что кочевники тогда заняли Фракию и опустошили бо́льшую часть Македонии (Н. Х. 14.45—47). Можно посмотреть этот район. По Анне Комниной (II.106—108, 116—132), военные действия в 1086—1091 гг.[59] проходили по таким пунктам: Дристра — Озолимна — Филиппополь — Тавроком — Хариополь — район Русия — район Цурула — Хировакхи [60]. Как видим, границу между «Фракией» и «Македонией» здесь провести трудно. К тому же заметим, что выражение Никиты Хониата могло быть просто риторическим плеоназмом. Слова «Фракия» и «Македония» для локализации тех или иных действий к югу от Дуная встречаются у него нередко.

Так или иначе, думается, нет оснований видеть в употреблении тремя писателями трех разных топонимов различие в локализации. Военные действия проходили на пространстве между Дунаем

---

[55] *Lemerle P.* Philippe et la Macédonie orientale. Paris, 1945, vol. 1, p. 122, 191.

[56] *Скабаланович Н.* Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, с. 224; *Златарски В.* История. . ., т. 2, с. 12; *Маслев Ст.* Византийски оловени печати от Плиска и Преслав. — Известия на Български Археологически институт, 1955, т. 20, с. 449—450.

[57] *Дуйчев И.* Проучвания върху българското средновековие. София, 1945, с. 38.

[58] *Маслев Ст.* Указ. соч., с. 448—450.

[59] К. Феррари начало военных действий датирует 1084 г. (*Ferrari K.* Zur Identifizierung der Sonnenfrusternis wärend des Petschenegenkrieges Alexios I. Komnenos (1084). — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1974, Bd. 23, S. 179—184).

[60] Подробнее см.: *Любарский Я. Н.* Указ. соч., с. 7.

и, несомненно, Балканами: Михаил Италик говорит о битвах у Гема (М. Ит. 284.28—33; 285.1). Ф. Шаландон сомневается в том, что печенеги прошли ущелья Балкан [61]. Златарский, напротив, полагает, что кочевники проникли за Балканский хребет и решающая битва произошла в окрестностях Веррои [62] (совр. Стара Загора). Действительно, по Киннаму (7.18), Иоанн II зимует в окрестностях Веррои, откуда весной 1122 г. начинает решающий поход на «скифов». Но мы ничего не знаем о том, что битва произошла рядом с этим местом. Естественнее было бы предположить, что византийский лагерь отделялся от печенегов горным хребтом: вряд ли было целесообразно устраивать зимние квартиры на глазах у находящихся рядом врагов. Во всяком случае, ни в одном источнике не указано, что «скифы» проникли за Гем. В монодии Михаила Италика на смерть Андроника Комнина есть интересная фраза. Говоря, что кочевники вторглись в ромейские пределы и опустошали их, он заключает: ἅπαν δὲ τὸ προσδοκώμενον ἴσον ἦν τῷ (т. е. γένει. — *М. Б.*) ἐν χερσίν (М. Ит. 83.9—11). Это можно понимать двояко. Или как часть идиомы ἴσον εἰπεῖν (ср.: М. Ит. 84.12), тогда фраза читается: «всё, на что они рассчитывали, было, можно сказать, у них в руках». Или τὸ ἴσον — это «равнина», тогда получаем: «вся желанная равнина была у них в руках», т. е. речь идет о территории до Балкан. Но оба понимания допустимы.

В наших источниках нет ничего о месте перехода кочевниками Дуная, но можно попытаться высказать предположение об этом. Известно о неоднократных переправах печенегов и узов через Дунай в нижнем его течении, против Добруджи [63]. В районе Дристры, Вичины жили печенеги, благодаря которым осуществлялась переправа печенегов в ромейские земли во время войны 1086—1091 гг.[64] Интересно сопоставить это с данными топонимики. Исследование тюркских топонимов показало, что подавляющая их часть на левобережье Дуная приходится на территорию Олтении и около нее [65]. Восточнее же этого района, за исключением междуречья Борчи и Дуная, их меньше. Когда имеются в виду районы кочевий как куманов, так и печенегов, то трудно дифференцировать эти топонимы, и обычно говорят о печенежско-половецкой топонимике [66]. Если считаться с мнением о вытеснении печенегов и узов в XII в. половцами, то скорее придется локализовать переход кочевников в 1121 г. восточнее Олтении, что могло

---

[61] *Chalandon F.* Les Comnènes. Paris, 1912, vol. 2, p. 49.
[62] *Златарски В.* История. . ., т. 2, с. 368—369.
[63] *Diaconu P.* Les Petchénègues au Bas-Danube, p. 79.
[64] *Любарский Я. Н.* Указ. соч., с. 3—5.
[65] *Conea I., Donat I.* Contribution à l'étude de la toponymie petchénègue-coman de la Plaine Roumaine du Bas-Danube. — In: Contributions onomastiques. Bucarest, 1958, p. 154—155.
[66] *Jordan I.* Sprachgeographisches aus dem Gebiete der rumänischen Toponomastik. — In: Contributions onomastiques, p. 22—26.

бы соответствовать их пути из Киева [67], будь они изгнанниками Владимира, известными по русской летописи.

Сообщив о вторжении кочевников, наши авторы рассказывают об их действиях на ромейской территории. Они грабят фракийские земли, разрушая все, что попадется на пути (Н. Х. 13.39—40). Что-то уже захвачено, что-то надеялись взять (М. Ит. 83.9—11). Узнав об этом, Иоанн II Комнин спешит к месту событий (Кинн. 7.15); туда собираются отовсюду ромейские отряды (М. Ит. 83.11—13), чтобы разделенным, обособленным племенным силам «скифов» противопоставить собранное, единое ромейское войско (Н. Х. 13.41—14.42). Византийский император с армией зимует в Веррое (Кинн. 7.17—18). Воспоминание о тяжелых войнах с печенегами при Алексее I Комнине, когда была опустошена, по словам Никиты Хониата, Фракия и бóльшая часть Македонии, требовало хорошей подготовки к войне (Н. Х. 14.44—47).

Вместе с тем византийцы предприняли удачную попытку внести раскол во вражеские силы. Киннам говорит об этом как о главной причине остановки на зимние квартиры (Кинн. 7.19), а Никита Хониат называет этот шаг «стратегическим приемом» (Н. Х. 14.48). Поскольку было известно, что пришельцы расположились отдельно по своим племенам («филам» — Н. Х. 14.51—52), к различным вражеским «филархам» (Кинн. 7.19), видимо, племенным вождям, отправляются послы [68], по Никите Хониату, «единоязычные со скифами» (ὁμογλώττων τῶν Σκυθῶν: Н. Х. 14.51—52). Киннам сообщает, что послам удалось одних из противников склонить на свою сторону, с другими же василевс решил воевать (Кинн. 7.21—8.1). По Хониату, «скифские» вожди были поражены шелковыми тканями, серебряными чашами, сосудами и т. п. Воспользовавшись тем, что послы были отвлечены подарками, Иоанн решил неожиданно напасть на них (Н. Х. 14.56). Намек на это можно видеть у Михаила Италика в речи к императору Мануилу Комнину, где при упоминании печенежской войны Иоанна отмечается «удачный обман» (М. Ит. 284.33). По мнению П. Готье [69], под этой хитростью подразумеваются события, известные только по Михаилу Сирийскому: как некогда Алексей I, арестовавший печенежских послов, Иоанн II приказал арестовать всех варваров, имевших право пребывать на греческой территории, после чего предпринял штурм печенежского лагеря (М. Сир. III.209). Но, может быть, Михаил Италик апеллирует к фактам, известным нам из Хониата? Подкуп был традиционным методом

---

[67] *Ляскоронский В. Г.* Русские походы в степи в удельновечевое время. СПб., 1907 (Карта путей в степи в XI—XIV вв.); ср.: *Молодчикова І. О.* Географічне розміщення печенігів у IX—XII ст. — Український історичний журнал, 1974, № 8, с. 106—107.

[68] *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. München; Berlin, 1925, Bd. 2, N 1299.

[69] *Gautier P.* Op. cit., p. 285, n. 33.

византийской дипломатии [70], и, как бы ни оценивать его — как стыдливую замену «дани» более мягким «подарки» [71] (что в данном случае маловероятно) или как средство охраны границ [72], — он был очень действенной мерой, когда дело касалось кочевников, особенно разноплеменных [73].

Первое столкновение византийцев с кочевниками было, как явствует, неудачным для ромеев. Сначала какое-то время чаши весов успеха колебались то в одну, то в другую сторону (Кинн. 8.1—3). Затем, видимо, возникло смятение в византийском войске (М. Ит. 284.29): ромеи устремились вперед, были отброшены, отступили и, хотя бросались и дважды, и трижды на врагов, были отбиты. И вот разорван строй, распался ряд. Ужас вселился в стратиотов, отвага — в варваров. И уже склонил знамя знаменосец. . . (М. Ит. 83.14—18). Произошла самая грозная схватка из тех, которые когда-либо были, по словам Никиты Хониата (Н. Х. 14.63—64). Преимущество печенегам перед ромеями создавали стремительные конные атаки, обстрелы из луков, действие оглушительного крика, сопровождавшего их налеты (Н. Х. 14.64—68). Михаил Италик (283.8—10) сообщает о построении «скифской» (и «фракийской») кавалерии в форме полуромба [74]. В этой схватке участвовал и Иоанн II Комнин. Если Хониат говорит о его помощи той или иной части войска (14.68—15.70), то Киннам (8.2—3), Михаил Италик (285.1—2) и Никифор Василаки (Гарсия 11.165 и след.) сообщают о его ранении в этом бою стрелой в ногу.

Следующим этапом войны было, видимо, наступление византийского войска (Кинн. 8.3—5). Но натиск ромеев натолкнулся на крепкую оборону противника. Киннам и Никита Хониат подробно рассказывают о военной хитрости печенегов, огородившихся повозками и создавших тем самым подобие крепости, сквозь «стены» которой невозможно было пробиться нападавшим, но из-за которой легко было поражать противника (Кинн. 8.6—12; Н. Х. 15.73—82; ср.: М. Сир. III.206). Киннам рассказывает также, что «скифы» поставили вовнутрь женщин и детей (Кинн. 8.9—10). Такой вид защиты [75] позволил печенегам удачно отбивать атаки войска Иоанна II. Требовалось какое-то решительное действие, чтобы сломить эту оборону.

В изложении решающего момента битвы используемые нами авторы расходятся друг с другом. Четок рационалистический

---

[70] Ср.: *Moravcsik Gy.* The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy. — In: Actes du XII-e Congrès international d'études byzantines. Beograd, 1963, t. 1, p. 305.

[71] *Григорьев В. В.* Указ. соч., с. 16—17.

[72] *Шангин М.* Византийские мероприятия по охране границ. — Историк-марксист, 1941, № 4, с. 91.

[73] *Васильевский В. Г.* Указ. соч., с. 28, 98 и след.

[74] Ср.: *Dain A.* Histoire du texte d'Elien le Tacticien. Paris, 1946, p. 50—51, 98.

[75] Ср.: *Голубовский П. В.* С какого времени можно проследить на юге Руси способ защиты табором. — Труды XI Археологического съезда, М., 1902, т. 2.

рассказ Киннама (8.12—18). Василевс, видя, что атаки печенежского укрепления безуспешны, решает штурмовать его не на конях, а спешившись [76]. При этом он приказывает «британским секироносцам» [77] рубить повозки противников. Это приносит успех: «скифский» лагерь захвачен.

Хониат отмечает другое (15.83—93). В битве василевс не только оказался хорошим и умелым воином, но и проявил невиданное благочестие: когда ромейские фаланги изнемогали под натиском врагов, он, взяв икону богоматери и с плачем взирая на нее, в уничижении проливал слезы, более горячие, чем пот сражавшихся. И не бесплодно, по словам повествователя, было действие это: тотчас же василевс облекся силой свыше и прогнал скифские войска, как некогда Моисей, простерши руку, отвратил полчища амалекитян. Таково объяснение писателя, создающего скорее исторический роман, любящего интересные и занимательные сюжеты.

Михаил Италик решающую роль в битве с печенегами отдает севастократору Андронику Комнину. Это естественно: данное место — центр всего повествования о войне в монодии византийского ритора (83.18—24). Описание отваги севастократора, когда он, по византийским понятиям еще юноша (хотя тогда ему должно было быть 25 лет), в войне с «мусульманами» в 1116 г. один (!) победно провел всю войну (М. Ит. 84.25—85.2), — главная тема произведения. А Никифор Василаки повествует о мужестве в решительный момент севаста, великого доместика Востока и Запада Иоанна Аксуха — также адресата энкомия (Гарсия 11. 182—12.193). Интересно при этом заметить, что ни Киннам, ни Никита Хониат ничего не сообщают даже об участии севастократора и великого доместика в этой войне.

Итак, жанр произведения у каждого автора обусловливает и логику объяснения событий.

Можно предположить, что военные действия завершились уже на левом берегу Дуная: Феодор Продром отмечает подвиги севастократора Андроника за Дунаем (Маюри 527.8); Никифор Василаки говорит, что кровью врагов окрасились потоки Истра (Регель 334.18—19).

Об итогах последней войны печенегов мы узнаём также главным образом у Киннама и Никиты Хониата. Большая часть оставшихся в живых и сдавшихся византийцам была расселена в ромейских пределах (Кинн. 8.18—22; Н. Х. 16.4—8). Хониат указывает на то, что это была западная честь государства (Н. Х. 16.7; ср. Ф. Пр. 345—346, XXIX. 6—16; 336, XXV. 35; 338, XXV. 88). Такое определение не противоречит представлению византийцев о локализации Подунавья. Кроме того, немалая часть «скифов» была зачислена в качестве вспомогательных отрядов византийской армии

[76] То же сообщает и Михаил Сирийский (М. Сир. III. 206).

[77] Ср. сведения исландских саг: *Dawkins R. M.* An Echo in the Norse Sagas of the Patzinak War of John II Komninos. — In: Mélanges Emile Boisacq. Bruxelles, 1937, vol. 1, p. 244—246.

(Кинн. 8.22; Н. Х. 16.8—9). Действительно, в дальнейшем мы встречаем печенегов (или куманов) в составе ромейского войска: во время войны Иоанна II в Киликии в 1138 г. при взятии Нистрии (Н. Х. 29.52), затем Шайзара (Н. Х. 30.70), в половецкой войне Мануила 1148 г. (Кинн. 94.15—20), возможно, в битве у Бари в Италии (Кинн, 143.6—11), в походе на Кылич-Арслана II 1160 г. (Кинн. 199.12), в кампании Мануила I в Венгрии в 1165 г. против Стефана III (Кинн. 236.13—18), в битве у Срема в 1167 г. (Кинн. 271.3). Наконец, бо́льшая часть пленников, по Хониату, была продана (Н. Х. 16.9—10).

По случаю победы был устроен триумф (М. Ит. 285.3) с молебном и установлен праздник, названный, как сообщает Хониат, праздником печенегов, в память о совершенном (Н. Х. 16.11—14). Об окончательном истреблении Иоанном II Комнином своих врагов говорят и Феодор Продром (Ф. Пр. 214—215, V. 25; 336—337, XXV. 36—37; 517, LXXI. 19), Михаил Италик (83.18—24) и Никифор Василаки (Гарсия 12.194—195) [78]. По-видимому, эта победа над печенегами современниками в Византии воспринималась как решающая и окончательная.

Подведем итоги.

В качестве источников по печенежско-византийской войне 1121—1122 гг. наряду с историческими трудами Киннама и Хониата должны быть привлечены речи и письма Михаила Италика, стихотворные сочинения и монодия в честь Андроника Комнина в прозе Феодора Продрома, речь Никифора Василаки, адресованная императору Иоанну Комнину, его же энкомий в честь севаста Иоанна Аксуха, типик константинопольского монастыря Пантократора [79], речь Евстафия Солунского, обращенная к василевсу Исааку Ангелу, стихи неизвестных авторов XII в. в Венецианском кодексе 524 XIII в.[80] Из негреческих источников данные об этом событии мы получаем также в сирийской хронике яковитского патриарха Востока Михаила Сирийского; привлекаем и сведения о кочевниках в мемуарах французского рыцаря Роберта де Клари. Таким образом раскрывается большое содержание краткой заметки русского источника.

---

[78] Но в 1150 г. во время похода Мануила I на Сербию печенеги выступают в союзном сербском войске против Византии (Кинн. 107.9—17).

[79] *Gautier P.* Le Typikon du Christ Sauveur Pantocrator. Paris, 1974, 1.1—13. (Далее: Тип. Пант.).

[80] Конечно, информация, содержащаяся во всех этих памятниках, неодинакова. В одних случаях — только намек на войну Иоанна II Комнина с печенегами (М. Ит. 229.5—11; 249.19—21; Ф. Пр. 186, II.46; 277, XVI. 1—16; возможно — 202, IV.51—60; 230, VII. 18—20); в других — «скифы» фигурируют просто при перечислении покоренных Иоанном народов, откуда, правда, иногда мы получаем отдельные сведения по заметкам, употребленным эпитетам, кратким характеристикам (М. Ит. 267.20—30; Ф. Пр. 186—187, II. 51—59; 207, IV.221—230; 208—209, IV.271—280; 214—215, V.21—30; 238, VIII. 157—170; 249—250, X B. 1—10; 269, XIV.11—20; 336—337, XXV.26—43; 345—346, XXIX.6—16; 517, LXXI, 14—26; Тип. Пант. 27.8).

ДУБЛИРУЮЩИЕ ДРУГ ДРУГА ИЗВЕСТИЯ В СТАТЬЯХ 6682, 6683 и 6698, 6701 гг. ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

А. К. Зайцев

Часто очевидные, реже требующие сложных доказательств или спорные «дублировки», т. е. повторные изложения одних и тех же событий, хорошо известны традиции изучения отечественного летописания [1]. Не замеченные при составлении сводов, дублирующие друг друга летописные известия дают взаимодополняющий фактический материал и, что важно, нередко противоположную оценку одного и того же события. Они играют весьма заметную роль в исследовании основного источника истории Древней Руси как при формальнотекстологическом анализе (здесь интересны даже краткие повторения), так и при определении идейно-политической направленности составных частей летописного свода.

В предлагаемой статье речь идет о двух событиях последней четверти XII в. Каждое изложено в Ипатьевском своде дважды, и в исторической литературе они рассматриваются как четыре различных события [2]. Поэтому в данном случае сам факт сообщения в источнике одного и того же известия в двух различных изложениях требует специального рассмотрения и доказательства. Кроме того, что анализ этих дублирующих друг друга известий уточняет фактическую основу освещения напряженной политической обстановки накануне гибели Андрея Боголюбского (статьи 6682 и 6683 гг.) и борьбы с Половецкой степью в последнем десятилетии XII в. (статьи 6698 и 6701), выявление таких повторений может способствовать изучению истории весьма сложного текста так называемого Киевского свода 1198 г.

* * *

Интересующие нас известия статей 6682 и 6683 гг. связаны в первую очередь с историей Черниговской земли. После гибели в 1161 г. Изяслава Давыдовича, князя черниговского (1151—1157 гг.) и киевского (1157—1158, 1161 гг.), Киевский свод 1198 г. приводит лишь три сообщения о внутричерниговских усобицах.

Первая усобица произошла в 1166 г., вскоре после смерти вщижского князя Святослава Владимировича. На лучшую из

---

[1] *Лихачев Д. С.* Текстология: (на материале русской литературы X—XVII вв.). М.; Л., 1962, с. 380—385.

[2] См., например: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, с. 190—193, 206; *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 147—148, 286—288.

двух выморочных волостей — Стародубскую — претендовал князь новгород-северский (1164—1180 гг.) Олег Святославич, внук известного Олега Гориславича. Однако, несмотря на то что его поддержали стародубцы и князь киевский (1159—1161—1167 гг.) Ростислав Мстиславич подтвердил право («Правду») Олега на эту волость, князь черниговский (1164—1180) Святослав Всеволодович силой отразил притязания своего двоюродного брата и дал Стародуб родному брату Ярославу [3]. Причина второго столкновения Святослава и Олега не приведена. Третье сообщение говорит об усобице из-за Стародуба, и оно, как будет показано, дублирует второе известие о войне черниговского князя с его новгород-северским вассалом.

После провала похода на Киев княжеской коалиции, созданной Андреем Боголюбским (конец 1173 г.), сидевшие в Киевской земле Ростиславичи «возложили старейшинство» на своего двоюродного брата луцкого князя Ярослава Изяславича и дали ему киевский стол. Черниговский Святослав Всеволодович потребовал у Ярослава наделения в Киевской земле согласно их прежнему уговору. Ярослав ответил отказом, после чего Святослав неожиданно «изъездом» напал на Киев. Ярослав Изяславич, не успев «совокупиться с братьею» (т. е. Ростиславичами), поспешно бежал из Киева. Святослав Всеволодович захватил имущество Ярослава, его семью, дружину и возвратился в Чернигов. Все это произошло в марте 1174 г.[4]

Вернувшись в Киев, Ярослав, чтобы выкупить жену и сына, обложил тяжелыми поборами киевлян, обвинив их в пособничестве Святославу. Затем следует краткий рассказ о черниговской усобице, во время которой Святослав заключил мир с киевским князем.

Изложение событий в Ипатьевской летописи, начиная с рассказа о нападении Святослава Всеволодовича на Киев, текстуально совпадает с сообщением статьи 6683 г. (ультрамартовской) Лаврентьевской летописи. В некоторых местах интересующего нас сообщения совпадение неполное, есть разночтения. Важно отметить, что в Ипатьевской летописи опущено имеющееся в Лаврентьевской летописи сообщение о походе Ярослава в Черниговскую землю: «и много зла створивъ Кыеву, поиде Чернигову» [5]. Рассказы Ипатьевской летописи о нападении на Киев и последовавшей черниговской усобице находятся в комплексе известий, совпадающих текстуально с Лаврентьевской летописью и попавших в южнорусское летописание, вероятно, из той северо-восточной

---

[3] ПСРЛ. СПб., 1908, т. 2, стб. 525—526.

[4] ПСРЛ, т. 2, стб. 578—579. Н. Г. Бережков (Указ. соч., с. 190) датировал это событие концом 6681 — началом 6682 мартовского года (т. е. февралем-мартом 1174 г.). В Типографской летописи о захвате Киева дважды сообщено в статье 6682 г., причем в одном из сообщений указан март (ПСРЛ. Пг., 1921, т. 24, с. 82). Об уникальности этого известия см.: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 287.

[5] ПСРЛ. Л., 1927, т. 1, вып. 2, стб. 366—367.

летописи, которая, по мнению А. Н. Насонова, на исходе XII или в XIII в. служила источником Ипатьевского свода [6]. Однако порядок расположения известий в Ипатьевской летописи несколько иной, нежели в Лаврентьевской.

В Лаврентьевской летописи следующий порядок изложения событий. В конце статьи 6682 г. приводятся известия о смерти Святослава Юрьевича 11 января и Юрия Муромского 19 января 1174 г. Это сообщение (1) полностью [7] совпадает с текстом Ипатьевской летописи. Непосредственно затем в начале статьи 6683 г. следует рассказ о нападении Святослава Всеволодовича на Киев и бегстве Ярослава (2) [8], текстологически близкий к Ипатьевской летописи. Далее идет текст с описанием усобицы в Черниговской земле (3) [9], совпадающий с Ипатьевским, за исключением указанного пропуска. И, наконец, четвертое сообщение (4) о просьбе Романа Ростиславича и его братьев у Андрея Боголюбского киевского стола, с некоторыми разночтениями текстуально совпадающее с ипатьевским [10]. Затем следует повесть «О убьеньи Андрѣевѣ».

В Ипатьевской летописи весь комплекс находится в конце статьи 6682 г., соединяющей сообщения о событиях 6679, 6680, 6681 гг.[11] и, как будет показано, начала 6682 мартовского года. Хронологическая последовательность перечисленных событий здесь была нарушена: после мартовского (1174 г.) нападения Святослава на Киев и случившейся вскоре черниговской усобицы сообщается о смерти двух северо-восточных князей в январе 1174 г., т. е. порядок известий таков: 2, 3, 1, 4. За ними следуют статья 6683 г. с пространной редакцией Сказания об убиении Андрея Боголюбского и совпадающий с лаврентьевским текстом ряд известий о вокняжении племянников Андрея в Суздальской земле, об изгнании Ярополка Романовича из Смоленска и дальнейших событиях в Ростово-Суздальской земле до слов «. . .а боярѣ князю тою крѣпко дѣрьжахуся» включительно [12]. Только после этого приводится вновь, но более обстоятельно рассказ о рассматриваемой усобице, отсутствующий в Лаврентьевской летописи.

Сопоставим основные события двух рассказов.

---

[6] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969, с. 157—158, 115.

[7] Со слов «Того же лѣта преставися. . .» до слов «. . .Муромѣ юже бѣ самъ создалъ» (ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 365—366; т. 2, стб. 579—580).

[8] Со слов «Еха на нь изъѣздомъ. . .» до слов «. . .имѣнье Ярославле бес щисла. . .» (Там же, т. 1, вып. 2, стб. 366; т. 2, стб. 578—579).

[9] Со слов «Ярослав же слышавъ яко стоить Кыевъ безо князя пограбленъ Ростиславичи (в Ипатьевской: Олговичи. — *А. З.*). . .» до слов «. . .възвратишася Чернигову» (Там же, т. 1, вып. 2, стб. 366—367; т. 2, стб. 579).

[10] Со слов «В то же время прислашася. . .» до «. . .тогда вы дамъ отвѣтъ». В Лаврентьевской летописи к Андрею обращается «*Романъ* с братьею своею», в Ипатьевской «*Ростиславичи*. . . съ братьею своею», ответ Андрея заканчивается словами «тогда *вы* дамъ отвѣтъ» и соответственно «тогда *ти* дамъ отвѣтъ» (Там же, т. 1, вып. 2, стб. 367; т. 2, стб. 580).

[11] *Бережков Н. Г.* Указ. соч., с. 188, 190.

[12] ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 367—375; т. 2, стб. 589—599.

Ярославъ Изяславичь «много зла створивъ Кыеву, поиде Чернигову. В то же время черниговскому князю немирну съ Олгомъ Святославичемъ, воеваше Олегъ Святославичь черниговьскую волость. Святослав же, умиривъ съ Ярославомъ, иде на Олга и пожже волость его и, много зла створше, възвратишася Чернигову. В то же время прислашася ко князю Андрѣю Романъ с братьею своею просяще Роману Ростиславичю Кыева княжитъ. Князю Андрѣю рекуще: „Пождѣте мало, послалъ есмъ к братьѣ своеи в Русь, какова ми вѣсть будет от них, тогда вы дамъ отвѣтъ“» [13].

«В то же лѣто зача рать Олегъ Святославичь, послася къ шюриномъ своимъ, и поведе ѣ на брата своего Святослава на Черниговъ; и пришедше Ростиславичи и Ярославъ, пожгоша Лутаву и Моровиескъ, цѣловаше крѣстъ возворотишася во свояси. Олегъ же с братома приде къ Стародубу, но города не взя, но что скота около Стародуба всѣхъ селъ заемь и гьна къ Новугороду. Святославъ же сь братомъ Ярославомъ иде на Олга к Новугороду и приступиша кь городу; и выиде противу имъ Олегъ, наряди полкъ свои, и ступишас, и толко по стрѣлѣ стрѣливъше, побѣгоша. Самъ же утече князь вь городъ, а дружину его изъимаша, а другую посѣкоша, а острогъ пожѣгоша; и заутра приспася с миромъ, и умирившеся, и възворотишася во свояси. Того же лѣта родися Игорю сынъ, и нарекоша имя ему Олегъ, а вь крещеньи — Павелъ. Тогды же пришелъ бяшеть Романъ ись Смоленьска кь братьи своеи вь помощь. Ярославъ же рече: «Привели есте брата своего Романа, а даете ему Кыевъ», — и поиде ис Кыева в Луческъ» [14].

В левом столбце рассказ цитируется по тексту Лаврентьевской летописи, так как в нем более очевидно совпадение основных фактов со вторым рассказом, приведенном в правом столбце: в Лаврентьевской летописи сохранилось известие о походе Ярослава на Чернигов и хронологически последовательно сообщено о переговорах Ростиславичей с Андреем.

Согласно второму, пространному рассказу, на Черниговскую землю пошли Ростиславичи (шурья Олега Святославича) и Ярослав. Из первого известия мы знаем о походе только Ярослава Изяславича, но участие в походе Ростиславичей несомненно, ибо у Ярослава не было дружины, ее захватил Святослав Всеволодович, более того, со своей дружиной и киевлянами, но без помощи Ростиславичей Ярослав не смог даже, как известно, защитить Киев. Второй рассказ дает подробности событий, сообщает, что Ростиславичи и Ярослав начали военные действия по просьбе Олега, но и из первого рассказа ясно, что они были естественными союзниками. И тот и другой рассказы сообщают о том, что, прежде чем разгромить Олега Святославича, черниговский князь сумел заключить мир с правобережными князьями, избавившись от необходимости вести войну на два фронта. Фактически Ростиславичи и Ярослав предали Олега Святославича, преследуя свои

[13] Там же, т. 1, вып. 2, стб. 367; ср. т. 2, стб. 579—580.
[14] Там же, т. 2, стб. 599—600.

цели. Второй рассказ и всю статью 6683 г. заключают сообщение о рождении у Игоря Святославича сына Олега-Павла и известие о приезде Романа Ростиславича из Смоленска в Киев на помощь братьям; «Ярослав же. . . поиде ис Кыева в Луческъ». Последнее известие, очевидно, перекликается со свидетельством о переговорах Ростиславичей и Андрея относительно киевского стола, непосредственно связанным с первым рассказом в Лаврентьевской летописи.

Связь рассматриваемой усобицы с вокняжением Романа в Киеве позволяет уточнить хронологию событий, ибо оба известия о черниговских событиях находятся в хронологическом промежутке между захватом Святославом Киева и вокняжением в нем Романа.

Рассматриваемая черниговская усобица произошла не ранее апреля-мая 1174 г., так как нападение Святослава на Киев случилось в начале марта, а на конец марта—начало апреля приходится неудобное для военных действий время весенней распутицы и вскрытия рек. Следовательно, и обращение Ростиславичей к Андрею с переговорами о киевском столе было предпринято не ранее мая, т. е. незадолго до гибели Андрея Боголюбского (29 июня) [15]. Н. Г. Бережков считал, что известия Ипатьевской летописи о рождении Олега-Павла и вокняжении Романа относятся к тому же, 6683 (1174/75) ультрамартовскому году и что для иной датировки нет оснований [16]. О вокняжении Романа в Киеве под 6682 (1174/75) мартовским годом сообщает и Новгородская I летопись [17]. Однако и в том и в другом случае не указан месяц его вступления в Киев. Это время определяется находящимся в рассматриваемом комплексе известий сообщением об изгнании из Смоленска Ярополка (сына Романа Ростиславича), что произошло не позже самого начала 1175 г., т.е. к этому моменту Роман уже некоторое время занимал киевский стол [18].

Итак, если допустить, что второй рассказ сообщает о повторной усобице, то интервал между ними будет не более полугода. За это время потерпевший в мае поражение князь новгород-северский Олег должен был бы восстановить свои силы и возобновить союз с князьями Киевской земли. Следует заметить, что вторая усобица совпала бы со временем борьбы претендентов на Ростово-Суздальское княжение, в которой черниговский князь играл весьма активную роль. Обычно с этими событиями и связывают походы Олега на Стародуб и Ярослава с Ростиславичами на Лутаву и Моровийск [19].

---

[15] Н. Г. Бережкову (Указ. соч., с. 190) датировка известия об обращении Ростиславичей к Андрею временем, близким к гибели Андрея Боголюбского, представлялась наиболее вероятной.

[16] *Бережков Н. Г.* Указ. соч., с. 193.

[17] НПЛ. М.; Л., 1950, с. 34, 223. А. А. Шахматов (Указ. соч., с. 131—132) возводил это известие к южнорусскому летописанию.

[18] Б. А. Рыбаков датирует княжение Романа Ростиславича в Киеве двояко: 1175—1176 гг. и весна 1174—июль-август 1176 гг. (*Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 33, 78).

[19] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве», с. 130—131.

Если признать истинным факт второй, сходной с первой в основных чертах усобицы в Черниговской земле, то выступление Олега против Святослава Всеволодовича в тот момент, когда последний был занят организацией борьбы за ростово-суздальское наследство, казалось бы естественным. Однако такое могло произойти лишь при условии допущения действующими сторонами маловероятных политических просчетов. Вот некоторые из них.

Святослав Всеволодович, организуя походы наследников Андрея Боголюбского в Ростово-Суздальскую землю (первый — во второй половине 1174 г., второй — в мае-июне 1175 г.), не обеспечил себе надежного тыла в Черниговской земле и со стороны Киева. Далее, Олег Святославич, зная ненадежность левобережных князей, спустя максимум полгода обратился к ним же с предложением выступить в поход, аналогичный предыдущему. И наконец, вторичная усобица в Черниговской земле могла бы произойти лишь при том условии, что Ростиславичи продолжали поддерживать Ярослава Изяславича на киевском столе, несмотря на явную враждебность к нему влиятельных слоев Киева и несмотря на то, что тот скоро мог узнать о готовящемся Ростиславичами (с мая-июня 1174 г.) изгнании его из Киева.

В 1174 г. на киевский стол претендовали и луцкий Ярослав Изяславич, и черниговский Святослав Всеволодович, и смоленский Роман Ростиславич. Смерть Андрея, из рук которого Ростиславичи надеялись получить киевский стол, должна была вызвать переговоры и соглашения относительно киевского княжения. Прямых указаний на это нет. Рассматриваемые сообщения находятся в том сложном по своему составу разделе (1169—1179 гг.) Киевского свода, где отмечаются значительные лакуны и содержатся «чудовищные ошибки в датах и последовательности событий» [20]. Ярослав не мог прочно обосноваться в Киеве из-за конфликта с киевлянами, поэтому естественно предполагать, что после смерти Андрея было заключено соглашение Святослава с Ростиславичами — тот «Романов ряд», который, судя по упоминаниям о нем в статьях 6685 и 6698 гг., как-то регулировал порядок владения Киевской землей, а также споры из-за волостей между Смоленской и Черниговской землями, существовавшие со времени Ростислава Мстиславича [21]. Этот договор был необходим для предпринятых черниговским князем действий в отношении владимиро-суздальского наследства. Более всего вероятно, что Роман Ростиславич занял киевский стол летом 1174 г., вскоре после гибели Андрея Боголюбского. Неизвестно, какие меры принял Святослав Всеволодович для укрепления единства князей Черниговской земли. Однако о том, что спор из-за Стародуба был разрешен, свидетельствует отсутствие в русском летописании упоминаний о внутричерни-

---

[20] Там же, с. 72.
[21] ПСРЛ, т. 2, стб. 603—604, 670.

говских усобицах на протяжении пятидесяти лет после рассматриваемых событий [22].

Таким образом, текстологическое сопоставление известий статьи 6682 г. Ипатьевской летописи с соответствующим Лаврентьевским текстом, совпадение основных фактов черниговской усобицы, описанной в этой статье, с черниговскими событиями статьи 6683 г., уточнение хронологии событий и анализ политической обстановки 1174 г. — все это приводит к тому выводу, что мы имеем дело с двумя рассказами об одном и том же столкновении из-за Стародуба, случившемся в апреле-мае 1174 г.[23] Этот факт дает дополнительные основания для уже высказывавшегося предположения о черниговской принадлежности известия статьи 6683 г. о борьбе Святослава Всеволодовича с новгород-северскими Олегом, Игорем и Всеволодом Святославичами [24].

* * *

Рассмотрим и сопоставим два известия о походе Ростислава Рюриковича с Черными клобуками на половцев, содержащиеся в статьях 6698 и 6701 гг. Ипатьевского свода. В статье 6698 г. рассказано о том, что летом киевские князья Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич «утишивъша землю Рускую и Половци примиривша в волю свою» после охоты в устье Тясмина возвратились восвояси. Той же осенью Святослав по доносу захватил торческого князя Кунтувдея, но по требованию Рюрика, считавшего, что Кунтувдей «надобен в Руси», отпустил его. Кунтувдей, бежав к князю лукоморских половцев Тоглыю, добился того, что половцы нарушили мирный договор и напали на Поросье.

Рюрик, бывший в то время в Овруче, послал к Святославу Всеволодовичу, отсутствовавшему в Киеве, с требованием, чтобы тот оставил в Руси своего сына, как это сделал сам Рюрик, чтобы защитить землю. Святослав обещал послать своего сына Глеба «и не посла, зане бяшеть ему тяжа с Рюрикомъ и съ Давыдомъ и Смоленьскою землею». Речь шла о «давныя тяжа, которыи былѣ при Ростиславѣ» Мстиславиче [25]. Ростиславичи обвиняли Свято-

---

[22] Первое после 1174 г. упоминание о внутричерниговской усобице относится к началу 1226 г. (Там же, т. 1, вып. 2, стб. 448). «Одиначество» черниговских князей иногда преувеличивается. П. В. Голубовский, автор ряда исследований по истории Черниговского княжества, считал, что промежуток времени от 1176 до 1240 г. характеризуется полнейшим единодушием всех князей Черниговской земли «и даже особенно дружескими между ними отношениями» (*Голубовский П. В.* Опыт приурочения древнерусской проповеди «Слово о князьях» к определенной хронологической дате. М., 1899, с. 18).

[23] П. В. Голубовский (Указ. соч., с. 18—20) связывал с рассмотренными сообщениями появление еще малоизученного «Слова о князьях» — проповеди на день перенесения святых Бориса и Глеба 2 мая. Если она действительно написана в Чернигове (как считают исследователи), то предложенная выше дата усобицы (апрель-май 1174 г.) вполне соответствует случаю произнесения проповеди братского княжеского мира.

[24] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве», с. 115.

[25] ПСРЛ, т. 2, стб. 668—670.

слава Всеволодовича в нарушении крестных клятв, данных при вокняжении в Киеве Романа Ростиславича («Романов ряд»). Дело дошло до крестоцелования, причем Святослав будто бы целовал крест Ростиславичам «на всеи ихъ волѣ» [26]. Далее следует рассказ о походе Ростислава Рюриковича на Лукоморских половцев, во главе которых стояли Тоглый, Акуш и перебежчик Кунтувдей. Так как оба рассказа о походе Ростислава довольно обширны, сопоставим лишь фрагменты их, содержащие текстуальные совпадения.

«*Тое же зимы сдумаша лѣпшии мужи в Черныхъ Клобучехъ и приѣхаша* в Торцькыи *к Ростиславу Рюриковичю*, и рекоша ему: „се половцѣ сеѣ зимы воюють ны часто, а не вѣдаемь, Подупаици ли есмы, что ли? А отць твои далече есть, тако Святославу без лѣпа не слемь — нынѣ до нас не добръ про Кунтувдѣя". *Ростиславъ же Рюриковичь улюби* думу *ихъ*. . .»

«*Тоие же зимы сдумавше лѣпьшии мужи в Черныхъ Клобуцехъ и приѣхаша к Ростиславу к Рюриковичю* и почаша ему молвити: „поеди, княже, с нами на вежи половѣцкыя. Веремя ти есть, а у отца быхомъ, тебе просилѣ, но слышалѣ есмь, ажь отць твои хочеть ити на Литву, а мало ли того дѣля пути не пустить тебе; а такого ти веремени ипогда не будеть". *Ростиславъ Рюриковичь улюбивъ* рѣчь *ихъ* сдумавъ с ними. . .»

Ростислав позвал с собой в поход согласно первому рассказу Ростислава Владимировича (сына Владимира Мстиславича «мачешича»), а согласно второму — двоюродного брата Мстислава Мстиславича.

«*И тако совокупися* [*съвокупившеся.— Х.*] *с Черными Клобуки и ѣхаша* в борзѣ *изъѣздомъ* до Протолчии, и ту заяша стада много половецкая в лузѣ Днѣпрескомъ. . .»

«*И тако совокупившеся с Черным Клобукомъ и ѣхаша изъездомъ* и быша на Ивлѣ на рѣцѣ на половѣцкои. И ту изьимаша сторожа половѣцкыя .. .»

Далее в первом рассказе говорится, что с добычей князья «возвратишася во свояси»; во втором же сказано, что «ѣхаша черес нощь» по русской стороне Днепра, утром дружины напали на половцев и взяли большой полон, в котором были и половецкие княжичи.

«*Половци же, видѣвше* стада *своя взята и жены и дѣти*, стьснувше вобрьдоша во Днѣпръ *и постигоша* и на Ивлѣ во третии день от Диѣпра. . .»
(*Далее здесь сообщается о битве на р. Иване, захвате в плен половецкого князя Кобана.*)
«И тако *приемъше от бога на поганыя побѣду и възратишас въ свояси. Ростиславъ же прѣха в Торцькыи* свои *съ славою* и честью великою, *победивъ половци*, и *в борзѣ еха къ отцю въ Вручии, отець бо его* бяше пошелъ *на Литву* и бысть в Пинески у тещи своея и у шюрьи своея, тогда бо бяше свадба Яро-

«. . . и похваливше всимилостиваго бога, *приемши от бога на поганыя побѣду, и возвратишася во свояси* со славою и с честью великою. *Половцы же, видевше* товаръ *свои взятъ*, и братью свою плѣнены, *и жены, и дѣти*, и совокупившеся *и постигоша* полкы Ростиславли Рюриковича, видивше силу ихъ, и не смѣяша наехати, но ѣхаша по них до Руси. *Ростиславъ же приѣхаша в Торьский*, и *съ славою побѣдивъ* другое *половци*, прiѣха на рождество и оттолѣ *ѣха в борзѣ ко отцю во Вручии* съ сапгаты, *отець бо его* хотяшеть ити *на Литву*. Святослав же посла Рюрикови, река ему: „се сынъ

[26] Там же, стб. 670.

полча; и бысть тепло, и стече снѣгъ, и не лзѣ бо имъ доити земли ихъ, и възвратишас въ свояси. Тое же зимы половци въехаша Ростиславлею дорогою. . .»[27]

твои заялъ половци, зачалъ рать, а ты хочешь ити инамо, а свою землю оставивъ, а нынѣ поиди в Русь, стереги же своея земля". Рюрикъ же, оставя путь свои, иде в Русь. . .» [28]

В обоих рассказах действие происходит во время разногласий между Святославом Всеволодовичем и Рюриком Ростиславичем, оба князя оставили Киев ради своих дел. Инициатива в каждом случае принадлежит черноклобуцкой знати. Ростислав принимает решение без согласия отца, и сам поход содержал два основных военных эпизода: захват стад и пленников (в их числе и представители княжеских родов) и неудачную попытку половцев отбить княжескую добычу. В обоих известиях одинаково указано место, близ которого произошло сражение с половцами, — р. Ивля [29]. Следствием похода Ростислава в том и другом тексте указано нападение половцев на южные границы Руси. В обоих рассказах сообщается о несостоявшемся намерении Рюрика Ростиславича идти на Литву и о том, что его сын, возвратившись из похода, отправился к отцу во Вручий.

Важно выяснить хронологию первого сообщения, поскольку во втором есть дата возвращения из похода — Рождество. В первом рассказе о походе Ростислава сказано, что половцам первоначально помешал переправиться лед на реке — «кры», поход же Рюрика прервало потепление. Можно подумать, что речь идет о весеннем льде и весенней распутице. Однако кры — это «тонкий лед, плывущий по реке в заморозь» [30]. В других известных летописных упоминаниях о крах дело происходит в конце ноября — начале декабря на Днепре у Киева (под 6643 г.) и в конце ноября на Оке (под 6715 г.) [31]. Необходимо учесть и то, что с вторжением половцев (последствием похода Ростислава Рюриковича) пришлось бороться зимой и эта борьба была длительной. В последнем сражении Глеба Святославича с половцами у Товарова под бегущими врагами провалился лед на р. Роси. Таким образом, лед во время похода Ростислава Рюриковича был ранним, упомянутая оттепель также была, вероятно, в начале зимы. Есть основания считать, что события первого рассказа, как и во втором случае, происходили в декабре.

При всем сходстве событий имеются и различия в описании походов. Союзником Ростислава назван в первом случае Ростислав

[27] Там же, стб. 670—672.

[28] Там же, стб. 676—678.

[29] Ивля — современная р. Ингулец. На это указывает анализ летописных данных и упоминаемая источниками XVIII в. р. Гивленка, современная р. Овнянка, левый приток верховья Ингульца (*Брун Ф.* Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1880, т. 2, с. 16; *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. М., 1948, с. 130—131; Словник гідронімів України. Київ, 1979, с. 393).

[30] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1890, т. 1, стб. 1310.

[31] ПСРЛ, т. 2, стб. 296; М.; Л., 1949, т. 25, с. 106; ср.: т. 1, вып. 2, стб. 433.

Владимирович, во втором — Мстислав Мстиславич. В первом рассказе говорится о том, что добыча на Днепре досталась без боя, а сражение на р. Ивле произошло три дня спустя. Во втором — три дня указаны как время сборов до соединения союзников, на Ивле захвачены лишь половецкие дозоры, добыча же была взята во внезапном нападении на следущее утро. Эти и некоторые другие расхождения допустимы в различных изложениях одного события.

Заметим, что в первом рассказе поход на Литву прервала неожиданная оттепель, во втором — Рюрика отозвал Святослав. Если в статье 6698 г. Рюрик обвиняет Святослава в небрежении Русской земли, то в статье 6701 г. и Святослав Всеволодович обвиняет в том же (и более обоснованно) Рюрика Ростиславича. Окончание статьи 6698 г. как бы полемизирует с обвинением, предъявленным Святославу: именно Святослав Всеволодович и его сын Глеб защищают всю зиму Русь, а не Рюрик и предприимчивый Ростислав. Завершение статьи 6701 г. говорит весьма невнятно о совместном стоянии в Василеве Святослава и Рюрика в ожидании половцев.

Лишь одно слово во втором отрывке свидетельствует на первый взгляд довольно категорично против того, что оба рассказа описывают одно событие. Это — замечание второго известия о том, что Ростислав победил половцев «другое», т. е. вторично. Однако это слово находится в текстологически совпадающем с первым текстом отрывке и может рассматриваться как вставка сводчика. Некоторые текстологические совпадения изучаемых текстов могут быть названы литературными штампами, но данный отрывок так расцениваться не может. Оба рассказа содержат слишком много фактических, вплоть до датировки, совпадений, чтобы можно было предполагать случайность текстуальных параллелей.

Трудно выявить время включения в так называемый Свод 1198 г. интересующих нас сообщений, не рассматривая в целом обширную проблематику сложения этого памятника. Однако очевидно, что дублировка известий в статьях 6698 и 6701 гг. — факт, ставящий под сомнение вхождение одного из них в состав свода 1198 г., написанного близким к семье Рюрика Моисеем Выдубицким. Если можно допустить, что читатель конца XII —начала XIII в. не замечал хронологическую путаницу, дублирующие друг друга известия в статьях 60-х и 70-х годов XII в., то маловероятно, что составитель реально существовавшего свода 1198 г. мог допустить дублировку в описании событий пятилетней давности.

СТАТЬЯ 1224 г. О БИТВЕ ПРИ КАЛКЕ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ *

В. К. Романов

Битва при Калке получила подробное освещение в русских летописных сводах. Оригинальные повествования содержатся в трех древнейших из них — Лаврентьевской, Новгородской I старшего извода и Ипатьевской летописях [1]. В последней имеются известия, которых нет в других источниках.

Уже историки XIX в. обращали особое внимание на статью о сражении в этом известном памятнике. Так, Н. М. Карамзин [2], описывая первый приход в Европу монголо-татар и битву при Калке, обратился к статье Ипатьевской летописи. Об этом свидетельствует фраза, заимствованная историком из статьи Хлебниковского списка: «Приде неслыханая рать, безбожнии Моавитяне, рекомыи Татаровѣ» [3]. Более подробно остановился на данной статье А. А. Куник, указавший на основании слов «вся намь по соухоу же Днѣпрь перешедшимь. . .» [4], что ее запись была сделана очевидцем. Развивая его взгляды, К. Н. Бестужев-Рюмин признал автором повествования очевидца из волынцев или галичан [5]. И. И. Срезневский высказал мнение о возможном отражении в описании битвы «сказания киевского летописца» [6], а М. С. Грушевский отметил в статье влияние редактора, близкого Даниилу Романовичу и его брату Василько [7].

А. А. Шахматов первоначально заметил, что «в Южно-русский сборник (протограф Ипатьевского, Хлебниковского списков. — *В. Р.*) сказание о Калкской битве внесено из Черниговской летописи» [8]. Однако позднее ученый высказал мнение, что состави-

---

* Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность В. А. Кучкину за помощь при написании данной статьи.

1 ПСРЛ. Л., 1926, т. 1, вып. 1, стб. 445—447; НПЛ. М.; Л., 1950, с. 61—63; ПСРЛ. СПб., 1908, т. 2, стб. 740—745.

2 *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1818, т. 3, с. 228—235.

3 Там же, с. 542, примеч. 296; ПСРЛ, т. 2, стб. 740, примеч. 61—62.

4 *Куник А. А.* О признании 1223 года временем битвы при Калке. — Учен. зап. имп. Академии Наук по первому и третьему отделениям, 1854, т. 2, вып. 5, с. 779, 781.

5 *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, с. 154.

6 *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв. 2-е изд. СПб., 1882, с. 98—99.

7 *Грушевський М. С.* Історія Україні—Русі. Львів, 1890, т. 2, с. 346.

8 *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, отд. 2, с. 160.

тель Ипатьевского свода внес в последний повесть о битве из другого источника — Полихрона начала XIV в.[9] Анализа самого описания битвы в его работах нет. Итак, Шахматов первым предположил, что данная статья не была внесена в саму Ипатьевскую летопись, как полагали Куник и Бестужев-Рюмин, а имелась уже в ее источнике, но не склонился в пользу одного какого-нибудь. В целом дальше фиксации имеющихся в статье фактов и сделанных нескольких интересных заключений о возможных источниках статьи, вероятном месте ее создания буржуазная историография продвинуться не смогла.

* * *

Развитие советской исторической науки отразилось и на изучении летописей. Каждый летописный свод ученые рассматривали не только как литературный, но и как историко-политический памятник, отражающий классовую идеологию феодального общества. Анализируя статью, они стремились определить центры, в которых были зафиксированы первые известия о битве, время создания последних, а также вероятных авторов этих записей. В этом они развивали прежние наблюдения. Вместе с тем современными учеными, как покажем ниже, делались попытки сочетать изучение данного повествования с процессом сложения самого Ипатьевского свода как весьма сложного памятника.

Если Шахматов лишь высказал предположение о том, что статья о битве находилась в памятниках, предшествовавших Ипатьевской летописи, то Л. В. Черепнин, приняв это положение ученого, убедительно показал, что описание битвы имело «самостоятельное существование» [10] и вставлено в текст предполагаемого им крупного памятника летописного жанра Галицко-Волынской Руси XIII в. — Летописца Даниила Галицкого. «Искусственно вклиненная в Летописец, — писал Л. В. Черепнин, — статья о Калкской битве вызвала дублировку некоторых предшествующих ей летописных известий, которые повторно описываются вслед за сражением на Калке» [11]. Повторив существовавшее мнение о том, что в данной статье указан день перехода Днепра русским ополчением — вторник, ученый подчеркнул, что эта деталь «приведена только в той редакции Сказания, которая помещена в Галицко-Волынской летописи» [12]. Думается, что заключение исследователя закрепляет мнение ряда авторов об отражении в статье известий очевидца. Историк не исключает «возможность галицкого или во-

---

[9] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 70, 79.

[10] *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ, 1941, т. 12, с. 244.

[11] Л. В. Черепнин обнаружил также сходство статьи под 6729 г. «со статьей, помещенной под 6733 г.», и показал, что события, описанные под 6729 г., повторно описываются под 6733 г., т. е. после битвы при Калке (Там же, с. 244—245).

[12] Там же, с. 245.

лынского происхождения автора (Сказания. — *В. Р.*), чем и могла объясняться его благосклонность к Даниилу»[13].

Занимавшаяся данным повествованием Л. А. Сердобольская вначале повторила мнение предшественников о том, что оно создано очевидцем[14], а затем установила местоположение на Днепре о. Варяжского[15].

Д. С. Лихачев связывал анализ статьи о битве с изучением сложения Ипатьевской летописи. По его мнению, рассказ о битве, «чрезвычайно ценный своею точностью», составлен ее участником, что доказывается словами «вся намь по соухоу же Днѣпрь перешедшимь»[16]. Данное описание битвы ученый считал творчеством галицкого летописца, причем «соответственно своему галицкому происхождению рассказ о Калкской битве отмечает участие в битве галицкого князя Даниила»[17]. Из этой галицкой летописи статья была внесена в свод Юрия Львовича Галицкого, а в XIV в. вместе с последним повествование о Калке попало в Ипатьевский список[18]. В данной статье Лихачев усматривал вставку, сообщающую о Васильке Константиновиче Ростовском. Проникновение ее в галицкое описание битвы исследователь связывал с привлечением книжником свода Юрия Львовича какого-то из «ростово-суздальских сводов XIII в.»[19].

В. Т. Пашуто предположил, что в тексте статьи о битве Ипатьевской летописи отразились два источника. Первоначально существовал текст о битве, находившийся в Киевской летописи 1238 г., и рассказ о Калке, написанный в хвалебном тоне по отношению к Даниилу Романовичу и помещавшийся в юго-западном источнике[20]. Составитель свода 1246 г. пополнил текст о битве Киевской летописи вставками о подвигах Даниила Романовича, которые летописец заимствовал из статьи, находившейся в упомянутом юго-западном источнике[21].

Однако точка зрения Пашуто вызывала споры. Так, М. Н. Тихомиров не согласился с его мнением «о тексте повести в Воскресенской летописи, якобы восходящем к . . киевскому своду 1238 г. Источники сводной повести (а она дошла в малоизмененном виде

---

[13] Там же.

[14] *Сердобольская Л. А.* К вопросу о хронологии похода русских князей против татар и битвы при реке Калке. — Сб. трудов Пятигорского гос. педагогического института, Ставрополь, 1947, вып. 1, с. 137.

[15] *Сердобольская Л. А.* К вопросу о месторасположении острова Варяжского на Днепре: (Историко-географические заметки). — Сб. научных трудов Пятигорского гос. педагогического института, 1949, вып. 4, с. 216.

[16] *Лихачев Д. С.* Летописные известия об Александре Поповиче. — ТОДРЛ. М.; Л., 1949, т. 7, с. 23.

[17] Там же, с. 23—24.

[18] Там же, с. 23 (Д. С. Лихачев пишет об Ипатьевском списке, однако из контекста ясно, что речь должна идти не об Ипатьевском списке Ипатьевской летописи, а непосредственно об Ипатьевской летописи).

[19] Там же, с. 24.

[20] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 41.

[21] Там же, с. 41—42.

в Воскресенской летописи) восходят к двум сказаниям, помещенным в Ипатьевской и Новгородской Синодальной летописях. Это легко установить, дав три параллельных текста. . .» [22], т. е. описаний битвы в Новгородской I старшего извода, Ипатьевской и Воскресенской летописях.

Тихомиров усматривал в статье о битве Повесть, созданную в пределах Галицко-Волынской Руси [23]. По мнению ученого, главным действующим лицом повествования «является Даниил Романович, бывший тогда совсем юным» [24]. Историк утверждал: «Основанная на более ранних источниках (по сравнению с Повестью, находящейся в Новгородской I летописи старшего извода. — *В. Р.*), эта Повесть не могла возникнуть ранее утверждения Даниила на галицком столе (это случилось примерно в 30-х годах XIII в.)» [25]. Он считал, что основной целью Повести являлось «прославление Даниила Романовича и его брата Василька, о котором сказано: «бѣ бо в Володимерѣ, млад» (имеется в виду Владимир Волынский)» [26].

Напротив, Н. В. Водовозов, рассматривая статью о битве, полагал, что текст ее взят из другого (не галицкого. — *В. Р.*) источника, «вставка о ростовском князе Василько указывает на ростовский источник рассказа» [27].

А. И. Генсиорский предположил, что создателем данного повествования был галицкий книжник. Это, по мнению исследователя, подтверждается включением в статью фрагмента о Мстиславе Немом, завещавшем свое княжество галицкому князю Даниилу [28].

Наиболее полно статья Ипатьевского свода о битве при Калке изучена А. В. Эммаусским [29]. Анализируя статью, он не только указал на текстологически сложный состав описания, но и, основательно изучив его, предположил, что в статье отражен ряд источников. Ученый стремился определить время и центры, где они могли быть созданы. В дальнейшем, по мнению Эммаусского, эти источники получили отражение в двух повестях, которые в свою очередь были объединены и переработаны позднейшим летописным редактором. К первой, условно называемой им «Повестью о русских князьях» Эммаусский относил «текст от начала статьи. . . до первого перехода русских полков через Днепр», исключая фразу о Васильке Романовиче, представляющую собой «неуместную вставку», затем абзац, рассказывающий о сражении русских

---

[22] *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 87.
[23] Там же, с. 86.
[24] Там же, с. 86—87.
[25] Там же, с. 87.
[26] Там же.
[27] *Водовозов Н. В.* Повесть о битве на реке Калке. — Учен. зап. Московского гор. педагогического ин-та им. В. П. Потемкина, 1957, т. 67, вып. 6, с. 15.
[28] *Генсьорський А. І.* Галицько-Волинський літопис (Процесс складання: редакції і редактори). Київ, 1958, с. 19—20.
[29] *Эммаусский А. В.* Летописные известия о первом нашествии монголо-татар на Восточную Европу. — Учен. зап. Кировского гос. педагогического ин-та, 1958, т. 1, вып. 17, с. 69—90.

с монголо-татарами на левом берегу Днепра, до вступления в битву Даниила Романовича и фрагмент «после чтения о бегстве Даниила до конца статьи» [30]. Эта Повесть была написана «участником похода» и первоначально находилась в тексте Летописца Переяславля Русского, потом попала во «владимирский свод Юрия II 1228 года», а потом в переработанном владимирским редактором виде помещалась в составе «общерусского летописного свода южной редакции конца XIII века, который был протографом Ипатьевской летописи» [31]. Исследователь считает, что данная Повесть являлась «главным источником для составителя Ипатьевской летописи в изложении истории первого столкновения русских с татарами». Этот вывод ученый мотивировал «известием о переходе „вся намь" Днепра, точностью датировки отдельных этапов похода» [32]. Первоначальное нахождение Повести в Летописце Переяславля Южного историк доказывал тем, что это княжество первым из всех русских княжеств пострадало от прихода на Русь степняков [33]: монголо-татары ограбили юго-восточную окраину переяславской территории — окрестности города Новгорода Святополчского, перебили часть его жителей. Поэтому рассказ о битве при Калке представлял интерес именно для переяславца [34].

Вторым источником исследуемой статьи Эммаусский признавал условно называемую им «Повесть о Даниле Романовиче» [35]. К ней он относил текст от рассказа о «выгонцах Галицких» до «обращения молодых князей к Мстиславам киевскому и черниговскому с призывом пойти на татар, переходе всех полков через Днепр» и рассказ «о битве Даниила Романовича с татарами на Калке, до того момента, как бежал сам Даниил» [36]. Исследователь определил время написания этой Повести: «не позднее 1229 года. . . текст (ее. — *В. Р.*) является современной записью». Этот вывод основывается на интересе, проявляющемся «по отношению к личности Даниила Романовича, его брата Василька, союзникам Даниила, упоминанием в „Повести" волынских и галицких бояр, принимавших участие в походе и перечисленных. . . по именам» [37].

М. Б. Свердлов считает вслед за Д. С. Лихачевым,что основной текст этого повествования принадлежит статье из галицкой летописи. Свое заключение Свердлов основывал на том, что «фактический материал автор Летописца Даниила Галицкого брал из галицкой летописи, взял он оттуда и рассказ о битве на Калке» [38]. Видимо, чувствуя слабость этой посылки, историк подкреплял

---

[30] Там же, с. 70.
[31] Там же, с. 71.
[32] Там же, с. 78—79.
[33] Там же, с. 73.
[34] Там же, с. 78.
[35] Там же, с. 72.
[36] Там же.
[37] Там же, с. 79.
[38] *Свердлов М. Б.* К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке». — Вестник ЛГУ, Сер. истории языка и литературы, 1963, № 2, вып. 1, с. 142.

ее допущением: «Но как раз мало чести в том, чтобы фигурировать в виде одного из руководителей этого трагического похода. Хотя Мстислав Удалой и назван в числе „старейшин земли Русской", но практическими руководителями изображены Мстислав Киевский и Мстислав Черниговский» [39]. Дальнейшую историю создания статьи ученый представлял так: «В начале второй половины 50-х годов XIII в. рассказ о битве пополнился двумя вставками: первой — от слов „А выгонци Галичкыя придоша по Днѣпроу. . ." до слов „. . . и поидоша в поле Половецкое", второй — от слов „Сразившимся полкомъ на мѣсто. . ." до слов „. . . не бѣ на немъ порока"» [40]. Этот вывод он обосновывает тем, что дополнения выдержаны «в духе Летописца Даниила Галицкого». Составитель Летописца, по мнению историка, «был или участником этих событий, или писал со слов очевидца» [41].

Проведенное историографическое обозрение свидетельствует о значительном внимании многих ученых к данной статье о битве.

Подчеркнем еще раз, что анализ данной статьи следует тесно увязывать с изучением истории сложения самой Ипатьевской летописи как летописного свода, имеющего компилятивный характер. Представляется очень важным рассмотреть вопрос о составе его третьей части — галицко-волынской летописи. В дальнейшем это поможет определить памятник, в котором исследуемая статья о битве при Калке появилась впервые.

Древнейший, Ипатьевский список Ипатьевской летописи, как это устанавливается по филиграням, переписан около 1425 г. [42] В составе Ипатьевской летописи можно выделить три части: первая и вторая части представляют собой соответственно Повесть временных лет, доведенную до 1117 г., и Киевский свод 1198 г. [43], третья часть содержит галицко-волынскую летопись, излагающую события до 1292 г. Историки видят в третьей части отражение нескольких летописных сводов. Но если текст памятника после 1260 г. до конца, т. е. до 1292 г., не вызывает разноречивых мнений исследователей [44], то этого нельзя сказать о части памятника от

---

[39] Там же.
[40] Там же, с. 143.
[41] Там же.
[42] ПСРЛ. СПб., 1908, т. 2, Предисловие, с. VI.
[43] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 432. Н. Г. Бережков датировал создание свода концом 1198 г. (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, с. 210—211, 340).
[44] Сейчас не вызывает сомнений редакция летописания времени Даниила Романовича при дворе его родного брата Василька между 1264 и 1269 гг. (*Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 105—109). Классификация сводов, отразившихся в последующей части Ипатьевской летописи, изучена В. Т. Пашуто и А. Н. Насоновым, убедительно показавшими наличие летописания при дворах Владимира Васильковича и его преемника Мстислава Даниловича (Там же, с. 121—129; 130—131; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969, с. 233—235). Насонов считал, что «общий оригинал Ипатьевского и Хлебниковского списков (который называют Ипатьевской летописью.— *В. Р.*) писался. . .

интересующей нас статьи до 1260 г. Ученые предполагают наличие в ней значительного числа сводов, почти в каждом из которых они усматривают статью о битве или ее непосредственный источник.

Так, Черепнин полагал, что изученный текст о битве находился в Летописце Даниила Галицкого, созданном, как считал историк, в 1256—1257 гг. Мнение Пашуто о том, что источником статьи явилось описание, находившееся в Киевской летописи 1238 г., отраженное в Воскресенской летописи, как сказано, не было принято Тихомировым. Эммаусский признал временем создания данной статьи конец XIII в., когда позднейший книжник объединил две Повести, описывающие эти события. Генсиорский высказал мнение о нахождении описания битвы в предполагаемом им своде 1234 г. Автором повествования ученый признавал галицкого книжника. Свердлов считал основной текст статьи заимствованным из галицкой летописи, пополненной во второй половине 50-х годов XIII в. двумя вставками о Данииле, принадлежавшими перу составителя Летописца Даниила Галицкого.

Итак, противоречивые мнения исследователей не позволяют установить памятник, впервые включивший в свой текст данную статью о битве, впоследствии отразившуюся в Ипатьевской летописи.

Очевидно, полная разработка вопросов, связанных с историей сложения Ипатьевского свода, еще далека от завершения, но в результате разбора статьи, видимо, получим данные о времени ее обработки в тех сводах, которые названы учеными.

В настоящее время довольно трудно определить, какие именно источники отразились в тексте статьи 1224 г. Ипатьевской летописи, где и когда они были созданы, как изменялись в процессе редакционной работы при составлении различных летописных сводов. Не ясен вопрос и о том, в каком памятнике впервые появилось современное изложение калкских событий, уже позднее занесенное в Ипатьевскую летопись. Основной задачей статьи и является выяснение всех этих вопросов.

* * *

Прежде чем приступить к историко-текстологическому анализу статьи, следует разделить ее на несколько фрагментов. В данном случае будет продолжена работа, которую начали Эммаусский и Свердлов. Эти фрагменты они признавали целостными, не имеющими вкраплений из других источников. В действительности фрагменты текстологически являются более сложными. В этом можно убедиться, анализируя тексты, выделяемые Эммаусским и Свердловым.

в Турово-Пинском княжестве» (*Насонов А. Н.* Указ. соч., с. 230—231). Этот вывод основан на упоминании в заключительных статьях туровопинских и степанских князей (Там же, с. 231).

В качестве первого фрагмента может быть выделен текст с начала статьи до слов «. . . со своими князьми придоша коньми» [45]. Оба историка признавали, что текст представляет собой единый фрагмент более обширного памятника и лишен каких-либо дополнений инородного характера [46]. Только фраза о Василько, по мнению Эммаусского, является «позднейшей вставкой» [47].

С точки зрения Эммаусского, фрагмент заимствован из «Повести о русских князьях», созданной «участниками похода» и первоначально читавшейся в Летописце Переяславля Русского [48], а по мнению Свердлова, из статьи о битве «галицкой летописи Мстислава Удалого» [49].

Необходимо еще раз проанализировать текст. Фрагмент сообщает о появлении монголо-татар в южнорусских степях, разгроме ими половцев, приходе последних в «Роускоую землю», обращении к ее князьям с просьбой о помощи. Далее говорится о совете князей в Киеве, его решении встретить монголо-татар «н ачюжеи землѣ» [50], перечисляются три Мстислава — старейшины в «Роуской земли», указывается на отсутствие в Киеве Юрия Всеволодовича из Суздаля, говорится, что присутствовали три молодых князя, а также «инии мнозии». Чтением о крещении половецкого князя Бастыя и известием об отсутствии в Киеве Василька, который «бе млад», оканчивается текст о событиях до похода. Ниже описывается выступление русских в апреле «ко островоу Варяжьскомоу», присоединение к ним «земли Половецкой» [51], затем называются русские дружины, подошедшие к этому месту позднее, говорится о переправе их через Днепр. Последняя фраза фрагмента сообщает о приходе сюда же воинов из Курска, Трубчевска, Путивля [52].

Сложность состава данного текста не признавалась Эммаусским и Свердловым. Однако она может быть доказана рядом текстуальных противоречий и прямых нелогичностей. Так, в отрывке после сообщения о совете в Киеве и бывших там князьях поясняется: «Тогда же великыи князь Половецкыи крестися Басты. Василька же не бѣ, бѣ бо в Володимерѣ, млад. Оттоудоу же придоша месяца априля и придо к рѣцѣ Днѣпроу, ко островоу Варяжь-

---

[45] ПСРЛ, т. 2, стб. 740—742. Остальной текст статьи мы расшиваем несколько иначе: второй фрагмент — от слов «А выгонци Галичькыя. . .» заканчиваем словами «. . .поидемь противоу имь», третий — от слов «Переидоша же вси князи. . .» до слов «. . .во день во вторник», четвертый — от слов «И оусрѣтоша Татареве. . .» до слов «. . .котора велика межю има», пятый — от слов «Сразившимся полкомь на мѣсто» до слов «. . .не бѣ на немъ порока» и шестой, последний — от слов «Бысть побѣда на вси. . .» до конца статьи. Ниже в ходе разбора каждого из фрагментов будут даны мотивы их вычленения.

[46] *Эммаусский А. В.* Указ. соч., с. 71; *Свердлов М. Б.* Указ. соч., с. 143.

[47] *Эммаусский А. В.* Указ. соч., с. 71.

[48] Там же, с. 78—79.

[49] *Свердлов М. Б.* Указ. соч., с. 142—143.

[50] ПСРЛ, т. 2, стб. 740—741.

[51] Там же, стб. 741.

[52] Там же, стб. 741—742.

скомоу и приѣха тоу к нимь вся земля Половецкая и Черниговцемь приѣхавшимь и Кияном и Смолняномь. . .» [53]. Тихомиров показал, что во второй фразе приведенного абзаца упомянут Василько Романович, княживший во Владимире на Волыни [54]. Но невозможно допустить, что дружины черниговцев, киевлян и смолян пришли из своих княжеств к днепровскому острову Варяжскому из. . . Владимира Волынского. Ясно, что предложение о Васильке разрывает ход рассказа, являясь вставкой. Но только ли данная фраза была внесена позднее?

Следует обратить внимание на то, что цитированный выше текст до слов «. . .ко островоу Варяжьскомоу. . .» не сообщает, откуда русские войска пришли в апреле к Днепру. Ранее же говорилось о совете князей в Киеве, принятии там решения о встрече татар «на чужеи землѣ». По-видимому, имеется связь между известием о решении князей встретить монголо-татар на чужой земле и приходом отрядов русских в апреле к Днепру. Решение совета «Лоуче ны бы есть прияти я на чюжеи землѣ, нежели на своеи», естественно, должно быть продолжено фразой: «Оттоудоу же (т. е. из Киева, где была принята договоренность о выступлении. — *В. Р.*) придоша месяца априля и придо к рѣцѣ Днѣпроу, ко островоу Варяжьскомоу и приѣха тоу к нимь (т. е. к тем, кто уже был у острова. — *В. Р.*) вся земля Половецкая» [55].

В соответствии с изложенным нужно считать, что текст статьи от слов «Тогда бо бѣахоуть. . .» до слов «. . .в Володимерѣ, млад» [56] является дополнением, разрывающим повествование, идущее с начала статьи до конца выделенного фрагмента. Текст этого дополнения, на наш взгляд, не так прост. В начальной фразе дополнения говорится о князьях, именуемых книжником «старѣишины в Роускои земли», причем первым назван киевский князь «Мьстиславь Романовичь в Кыевѣ» [57]. Однако непонятно, почему в следующей фразе отрывка Юрий из Суздаля титулуется «великим» [58] князем, а в предложении о старейших князьях даже Мстислав из Киева так не назван. Вероятно, обе фразы относятся к разным источникам, но предложение о Юрии надо признать более поздним дополнением: после перечисления в совете старейших князей следовало бы ожидать сообщения, какие еще князья были на совете, а не о том, кого не было. Действительно, после фразы об отсутствии в Киеве Юрия говорится о том, что там присутствовали молодые князья, а также какие-то «инии мнозии» [59]. Указанное обстоятельство и титулатура Юрия заставляют видеть в сообщении о князе позднюю вставку, внесенную в текст о старейших князьях.

---

[53] Там же, стб. 741.
[54] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 87.
[55] ПСРЛ, т. 2, стб. 741.
[56] Там же.
[57] Там же.
[58] Там же.
[59] Там же.

Между предложением о Юрии и фразой о Василько Романовиче имеется известие о молодых князьях, бывших в совете, каких-то иных многих и крещении половецкого князя Бастыя. В сообщении о молодых князьях трое из них названы по именам и отчествам: «Данилъ Романовичь, Михаиль Всеволодичь, Всеволодь Мьстиславичь Кыевьскыи». Обращает на себя внимание порядок перечисления упомянутых князей. На первом месте упоминается молодой волынский князь, затем сын черниговского князя, а на последнем месте сын киевского.

Такой порядок упоминания князей надо признать не вполне обычным. Из перечисленных трех князей наиболее заметной фигурой в первой четверти XIII в. был сын киевского князя Всеволод. Еще в 1210 г. он участвовал в походе в Прибалтику, организатором которого был Мстислав Мстиславич Удалой [60]. Через несколько лет оба князя совершили второй поход в Эстонию, а затем участвовали в борьбе за Киев [61]. Наконец, статья Новгородской I летописи старшего извода сообщает под 1219 г. о принятии новгородцами Всеволода на княжение [62]. Упоминание этого князя в исследуемом фрагменте на последнем месте тем более странно, что за первую четверть XIII в. Михаил Всеволодович, названный вторым, упомянут лишь дважды — в 1206 г., когда он княжил в Переяславле Русском [63], и в исследуемой статье. Даниил Романович в это время не был еще достаточно известен, являясь зависимым от Мстислава Мстиславича, княжившего в Галиче. Таким образом, это перечисление князей не соответствует их реальной политической значимости. Подчеркивание в данном отрывке определенного главенства Даниила Романовича дает основание усматривать редакцию близкого ему книжника.

Не совсем ясно происхождение фразы о крещении половецкого князя Бастыя: «Тогда же великыи князь Половецкыи крестися Басты» [64]. По-видимому, акт крещения половца должен был состояться в Киеве. Отсюда вероятность заимствования сообщения из киевского источника, но ввиду отсутствия во фразе определенных показаний на этот счет вопрос приходится оставить открытым.

Итак, рассмотренное дополнение явно неоднородно. В нем обнаруживаются по меньшей мере три вставки, происхождение которых различно. Однако к таким вставкам вряд ли следует относить текст о старейших князьях. Правда, на первый взгляд кажется, что текст является внесенным в рассказ позднее, но, думается, что, повествуя о совете в Киеве, книжник не мог

---

[60] *Бережков Н. Г.* Указ. соч., с. 256.
[61] Там же, с. 257.
[62] НПЛ, с. 58.
[63] *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. М., 1964, т. 3, с. 176.
[64] ПСРЛ, т. 2, стб. 741.

не назвать его конкретных участников. Такое пояснение должно было быть в первоначальном рассказе, и данную фразу надо возводить к этому первоначальному тексту. В целях разрешения обнаруженной неясности обратимся к отрывку о совете: «Бывшю же свѣту всих князѣи во градѣ Кыевѣ. Створиша свѣть сице» [65]. Налицо явный повтор, причем не указано, кто именно из князей был в совете. По-видимому, известие об участниках совета было помещено после слов «во градѣ Кыевѣ» [66]. Вероятно, при позднейшей обработке текста эта фраза попала не на свое место. Выявленные в данном отрывке различные вставки и перестановки свидетельствуют о значительной редакторской работе нескольких независимых друг от друга книжников. Уже одно это заставляет отвергнуть мысль, высказанную Эммаусским и Свердловым, об однородности фрагмента. Продолжим, однако его анализ.

Вычлененный ранее текст от слов «Оттоудоу же придоша. . .» до конца фрагмента [67] сообщает о приходе в апреле к о. Варяжскому на Днепре отрядов русских, которые пришли туда правым берегом реки. Здесь к ним присоединились половцы: «. . .приѣха тоу кь нимь вся земля Половецкая»[68]. Вскоре к этим полкам подошли войска, состоявшие из черниговцев, киевлян, смолян и «инех стран». Объединенное войско перешло на левый берег Днепра: «. . .вся намь по соухоу же Днѣпрь перешедшимь» [69].

Следующая фраза разбираемого текста говорит о приходе к переправившимся войскам галичан и волынцев [70]. Получается, что они вместе с остальными войсками были уже на левом берегу реки. Однако при общем направлении их продвижения с запада на восток они должны были сначала достигнуть Днепра и только после переправы реки соединиться с остальными войсками. Но в предыдущем предложении ясно указывалось, что Днепр перешли все («вся намь») русские отряды, собравшиеся на его правом берегу, а галичане и волынцы названы уже после переправы реки этими войсками. Учитывая, что сообщение о переправе Днепра галичанами и волынцами отсутствует, а без переправы соединиться

---

[65] Там же.

[66] Там же.

[67] Там же, стб. 741—742.

[68] Там же, стб. 741.

[69] Там же. Чтение фразы этого абзаца «вся намь по соухоу же Днѣпрь перешедшимь, яко же покрыти водѣ быти от множества людии» у ученых вызывает сомнение. Так, Эммаусский читает «лодий», считая, что здесь имеет место ошибка переписчика (*Эммаусский А. В.* Указ. соч., с. 70). Статьи Ипатьевской летописи под 6604, 6654, 6659 гг. дают описания ратных действий у Зарубинского брода, и лишь последняя сообщает об использовании «лодий»: «. . .а Русь переехаша в лодьях» (ПСРЛ, т. 2, стб. 425), но и в ней дважды говорится о том, что Днепр в этом месте переходили и вброд. Чтение о множестве «людий», переходящих «по соухоу» Днепр, есть в статьях о битве всех списков Ипатьевской летописи (Там же, стб. 741 и примеч. 38), а также в Софийской I летописи старшего извода (Там же. Л., 1925, т. 5, вып. 1, с. 204, примеч. 4). Такая конъектура «лодий» вместо «людий» не вытекает из сохранившихся чтений. По-видимому, русские войска перешли Днепр у о. Варяжского вброд.

[70] ПСРЛ, т. 2, стб. 741.

с войсками на другом берегу Днепра они не могли, получаем основание думать, что известие об их приходе к этим полкам является более поздней вставкой. Последняя фраза первого фрагмента говорит о соединении с переправившимися войсками отрядов из левобережных городов [71]. Им не было надобности переправляться через Днепр, так как на его левом берегу они встретились с уже перешедшими реку войсками.

Вернемся теперь к началу фрагмента. Отрывок с начала статьи до слов «. . .наоутрѣе исѣчени боудете» представляется однородным. В нем рассказывается о приходе монголо-татар, избиении ими половцев, бегстве последних «в Роускоую землю», обращении за помощью к «Роускимь княземь». По-видимому, эти известия могли быть зафиксированы в центрах Руси, достаточно близких к Половецкой степи.

Итак, где же могла быть совершена запись обо всех этих событиях? Из городов Руси в основном тексте фрагмента назван только Киев, где был совет «всих князѣи». Именно из Киева князья выступили в поход против монголо-татар. Первым среди русских князей назван киевский князь Мстислав Романович. Это нельзя признать случайным. Поэтому следует полагать, что в исследованном фрагменте статьи о Калкской битве Ипатьевской летописи отразился киевский источник. Что же касается вставок, то все они, кроме фразы о Юрии Всеволодовиче, очевидно, галицко-волынского происхождения, поскольку в них речь идет о галичанах, волынцах и волынских князьях Данииле и Василько.

Второй фрагмент статьи начинается от слов «А выгонци Галичкыя. . .», но окончание его не вполне ясно, несмотря на то что мнения Эммаусского и Свердлова в этом вопросе совпадали: они считали, что фрагмент кончался словами «поидоша в поле Половецкое» [72]. Думается все же, что лучше видеть окончание фрагмента после слов «. . .поидемь противоу имь» [73]. Обоснованность такого решения будет предложена ниже.

Текст этого фрагмента Эммаусский считал заимствованным из «Повести о Данииле Романовиче», основываясь на описании действий князя от слов «Припедши же вѣсти. . .» до слов «. . .Онем же отшедшимь» [74], но, кроме данной фразы, иных упоминаний о Данииле нет. Поэтому вывод Эммаусского нуждается в проверке. Свердлов приписывал этот фрагмент авторству книжника Летописца Даниила Галицкого, который во второй половине 50-х годов XIII в. дополнил галицкое повествование о битве [75]. Следует сказать, что Эммаусский и Свердлов, предполагая текстуальное единство второго фрагмента, недоучитывали его сложность. Это не позволило им верно определить его источники.

---

[71] Там же, стб. 741—742.
[72] *Эммаусский А. В.* Указ. соч., с. 72; *Свердлов М. Б.* Указ. соч., с. 143.
[73] ПСРЛ, т. 2, стб. 742.
[74] *Эммаусский А. В.* Указ. соч., с. 72.
[75] *Свердлов М. Б.* Указ. соч., с. 143.

Остановимся подробнее на данном фрагменте. Его текст описывает путь галицких выгонцев, закончившийся у реки Хортицы, сообщает о появлении монголо-татар и о том, что навстречу им выехали Даниил Романович и другие русские князья, содержит различные мнения князей и бояр о противнике. Текст кончается обращением молодых князей к старейшим не стоять, а продолжать поход, и сказано, что старшие князья последовали призыву [76].

Абзац, идущий с начала фрагмента до слов «. . . и Держикраи Володиславичь» [77], описывает приход по Днепру к основным силам союзников флота галицких выгонцев. Путь выгонцев описан с географическими деталями, очень точно определяется место их окончательной остановки: «. . .сташа оу рѣкы Хорьтицѣ, на бродоу, у Протолчи» [78]. Конкретно названы воеводы этого отряда — «Домамѣричь Юрьгии и Держикраи Володиславичь» [79]. По-видимому, абзац о выгонцах принадлежит перу галичанина или волынца, но явно подвергся поздней обработке. В нем говорится, что выгонцы «придоша по Днѣпроу и воиидоша в море», а затем указано снова «воидоша (выгонцы. — *В. Р.*) во Днѣпрь и возведоша порогы» [80]. Двукратное упоминание Днепра здесь явно неуместно. Галицкие выгонцы, жившие в низовьях Днестра [81], могли достичь острова Хортицы, только спустившись по Днестру в Черное море, и, дойдя морем до устья Днепра, подняться по нему до этого острова. И прав Эммаусский, предлагавший читать вместо «придоша по Днѣпроу» «придоша по Днестру» [82].

Следующий далее отрывок от слов «Пришедши же вѣсти. . .» до слов «Онем же отшедшимь» [83] описывает появление монголо-татар, навстречу которым выехали Даниил Романович с другими князьями. В абзаце отмечен волынский князь. В тексте указано, что он, «слышав» о появлении противника, «гна всѣдь на конь», причем подчеркнуто, что «и инии мнозии князи с ним (Даниилом. — *В. Р.*) гнаша видити» монголо-татар. Эти действия князей, инициатором которых, как видно из текста, явился Даниил Романович, вызвали отступление пришельцев: «Онем же отшедшимь» [84]. Очевидно, данный отрывок следует приписать творчеству книжника, который явно уделил внимание поведению Даниила, как это и признал Эммаусский [85].

Последний отрывок второго фрагмента статьи от слов «Юрьги же имь сказываше. . .» [86] до конца передает спор Юрия Домамерича с князьями, видевшими монголо-татар, о боевых качествах

---

[76] ПСРЛ, т. 2, стб. 742—743.
[77] Там же, стб. 742.
[78] Там же.
[79] Там же.
[80] Там же.
[81] *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 144, 169.
[82] *Эммаусский А. В.* Указ. соч., с. 69.
[83] ПСРЛ, т. 2, стб. 742.
[84] Там же.
[85] *Эммаусский А. В.* Указ. соч., с. 70—71.
[86] ПСРЛ, т. 2, стб. 742.

соперника. Сообщается, что Юрий передал эти мнения одному из Мстиславов. В заключение следует обращение молодых князей к старейшим не стоять, а преследовать противника: «поидемь противоу имь» [87]. В этом отрывке не все ясно. Прежде всего не совсем понятно, кто такой князь Мстислав, которому передают сведения о монголо-татарах; почему после фразы: «Юрьги же Домамиричь молвяшеть: „Ратници соуть и добрая вои", приѣхавьше же сказаша Мьстиславоу» сразу идет явный повтор: «Юрьиги же все сказа» [88]. Из текста неясно также, кто такие «Мьстиславе и дроугии Мьстиславе», к которым молодые князья обратились с призывом продолжать поход. Из отрывка видно, что эти два Мстислава занимают какое-то руководящее положение среди русских князей; от них зависит продолжение похода, одному из них докладывается военная обстановка: «Приѣхавьше же сказаша Мьстиславоу» [89].

Для разрешения некоторых возникших недоумений следует обратиться к тексту первого фрагмента. Там, как было показано выше, тоже упоминаются Мстиславы, всего три — на первых местах киевский и черниговский князья. Их, очевидно, и надо отождествлять с двумя Мстиславами второго фрагмента. Данное обстоятельство позволяет иначе, чем это было до сих пор, охарактеризовать происхождение заключительной части второго фрагмента. Очевидно, это остаток того летописного текста, который был посвящен описанию действий князей Русской земли, т. е. статьи в киевском своде. Однако в том виде, в каком этот текст сохранился в окончании второго фрагмента, он подвергся редакционным изменениям: к нему была добавлена фраза «Юрьиги же все сказа». Это пояснение внесено при обработке киевского рассказа в волынском или галицком источнике. Обработка сказывалась и на последнем предложении фрагмента, где инициатива продолжения похода приписана не старейшим князьям, а молодым.

Как видим, и второй фрагмент статьи имеет текстологически сложный характер. В нем надо видеть отражение источника галицкого или волынского происхождения. К нему относим отрывок с начала фрагмента до слов «. . . и добрая вои» [90], фразу о молодых князьях, хотя в ней в то же время и чувствуется влияние киевского источника. Текст от слов «Юрьги же имь. . .» до слов «. . . же все сказа» [91] представляет собой отрывок из того же галицкого или волынского памятника, но в нем очевидно заимствование из статьи киевской летописи, где подчеркивалась роль великого князя Мстислава Романовича.

К третьему фрагменту статьи следует отнести текст от слов «Переидоша же вси князи. . .» до слов «. . .во день во вторникь» [92]. В нем описывается переход Днепра русскими войсками. Однако

---

[87] Там же.
[88] Там же.
[89] Там же.
[90] Там же.
[91] Там же.
[92] Там же, стб. 742—743.

о переходе говорилось в тексте первого фрагмента [93]. Этот отрывок логически не связан с текстом предыдущего фрагмента, так как в последнем описываются события, происходившие на левом берегу реки. В то же время считать этот текст зависимым от фрагмента, идущего после слов «во день во вторникь», также невозможно: в нем повествуется о событиях, совершенно не связанных с нахождением русских у Днепра. Поэтому мнения Эммаусского и Свердлова, признававших выделенный кусок продолжением второго фрагмента статьи, нельзя считать верными.

Данный отрывок характерен тем, что в нем акцентируется внимание на совместных действиях русских князей во главе с двумя старейшими: «Переидоша же вси князи Мьстиславь и дроугии Мьстиславь Черниговьскыи рѣкоу Днѣпрь. . .» [94]. Как видим, вторым упомянут правитель Чернигова, а под первым Мстиславом здесь может разуметься только правитель Киева, упоминаемый на том же месте и выше. Подобное внимание к Мстиславу Романовичу говорит о том, что этот отрывок имел своим источником киевский текст о битве.

Особый интерес текст вызывает тем, что в нем говорится о переправе русских князей через Днепр. Судя по контексту, речь идет о переходе полков русских князей с правого берега на левый (далее князья «поидоша в поле Половецкое» [95]). Как понимать это известие? Все исследователи полагали, что имели место две переправы русских через Днепр. Однако признание двух переправ через Днепр, причем обеих с правого берега, влечет за собой признание еще одной переправы — с левого берега на правый. Иными словами, сообщение о переходе Днепра в третьем фрагменте нужно признавать третьей переправой. Такой порядок продвижения русских дружин представляется невероятным, и фразу о переправе русских полков во главе с двумя Мстиславами надо относить к рассказу о первом переходе русскими войсками Днепра. Очевидно, эта фраза в результате позднейшей редакционной работы попала не на свое место. Думается, что слова третьего фрагмента «Переидоша же. . . рѣкоу Днѣпрь. . .» [96] должны читаться после слов «инѣмь странамь» [97], а слова «Переидоша же Днѣпрь во день во вторникь» [98] — после слов «. . . от множества людеи» [99].

Предложенная реконструкция устраняет неясность, имеющуюся в тексте первого фрагмента: там при сообщении о приходе к Днепру черниговцев и киевлян ничего не говорилось об их князьях. Что же касается слов третьего фрагмента «инии князи придоша» [100], то они, по всей вероятности, являются повторением.

[93] Там же, стб. 741.
[94] Там же, стб. 742.
[95] Там же.
[96] Там же.
[97] Там же, стб. 741.
[98] Там же, стб. 742—743.
[99] Там же, стб. 741.
[100] Там же, стб. 742.

Из текста первого фрагмента известно, что после переправы русских «вся намь» через Днепр к этим войскам подошли отряды из левобережных градов: «А Коуряне, и Троубчане и Поутивлици со своими князьми придоша коньми» [101]. То же самое видим и здесь: после известия статьи о переправе русских князей во главе с двумя старейшими идут слова «инии князи придоша». Вероятно, и в данном случае мы имеем дело с не совсем совершенной более поздней редакцией текста.

Источником третьего фрагмента, столь внимательного к действиям киевского и черниговского князей, несомненно, являлся южнорусский, скорее всего киевский, источник, выделяющий фигуру киевского князя, под руководством которого русские продолжали поход.

Четвертый фрагмент начинается от слов «И оусрѣтоша Татареве. . .» до слов «. . . котора велика межю има» [102]. Примерно так же ограничивали этот текст Эммаусский и Свердлов [103]. Весь текст фрагмента Эммаусский относил к «Повести о русских князьях», так как в нем повествуется о русских полках, русских князьях, участвующих в мероприятии, причем без всякого конкретного выделения. Источником этого фрагмента Свердлов признавал текст о битве, находившийся в галицкой летописи Мстислава Удалого, что, по мнению историка, подтверждается описанием действий Мстислава из Галича и Даниила Романовича.

Таким образом, мнения обоих исследователей о происхождении данного фрагмента не совпадают, поэтому необходим более обстоятельный анализ его текста.

Во фрагменте сообщается о победе русского авангарда над монголо-татарами, последующем 8-дневном переходе союзников до р. Калки, второй стычке русских с противником, переправе через Калку по повелению Мстислава Галицкого Даниила с «полкы». Далее говорится о том, что Мстислав, переправившись вслед за Даниилом, отправился в разведку. Он увидел построенных для битвы монголо-татар и вернулся к своим полкам. Заключительная фраза фрагмента сообщает о том, что Мстислав Удалой из-за ссоры не предупредил о готовности противника к битве Мстислава Киевского и Мстислава Черниговского [104].

---

[101] Там же, стб. 741—742.

[102] Там же, стб. 743.

[103] Эммаусский ограничивал этот фрагмент словами «И оусрѣтоша Татареве. . .» до слов «Сразившимся полкомь на мѣсто» (*Эммаусский А. В.* Указ. соч., с. 71); Свердлов иначе: от слов «Переидоша же Днѣпр. . .» до слов «. . . котора велика межю има» (*Свердлов М. Б.* Указ. соч., с. 143).

[104] ПСРЛ, т. 2, стб. 743. В отрывке, в частности, сообщается, что при втором столкновении русских с монголо-татарами погиб «Ивань Дмитрѣевичь, иная два с нимь». Очевидно, Иван Дмитриевич был достаточно известен летописцу. Определить, руке кого из книжников принадлежит этот текст, мы могли бы, зная, кто такой этот Иван Дмитриевич. К сожалению, в нашем распоряжении других сведений об Иване Дмитриевиче нет. Интересно, однако, что под 6679 г. при описании взятия Киева войсками Андрея Боголюбского упоминается близкий Мстиславу Изяславичу Дмитр Храбрый

С начала фрагмента и до слов «. . .Половецкыя полкы, Роускыя» при сообщении о длительном переходе русских до реки Калки основным содержанием является описание столкновений русских с монголо-татарами. В этом отрывке фигурируют «полкы Роускыя», «стрѣлцы Роускыя», «вси вои» русских дружин, но отсутствует выделение кого-либо из князей или чьей-то дружины. В абзаце можно усматривать влияние киевского источника, в котором всего естественнее употребление такой фразеологии.

Несомненно, к киевскому источнику надо относить две заключительные фразы фрагмента: текст от слов «Мьстиславоу же и . . .» до слов «. . .котора велика межю има» [105]. Здесь упоминаются, как и ранее, Мстислав Киевский и Мстислав Черниговский, оправдывается отсутствие у них сведений о противнике. Вина же за сокрытие известий о монголо-татарах возложена на Мстислава Галицкого. Естественно, эти данные не могли появиться в галицком летописании времен Мстислава Удалого (умер в 1228 г.) [106]. Теоретически допустимы две возможности: эти сведения появились в негалицком источнике или в галицком, но спустя известное время. Второе предположение приходится поставить под сомнение, так как в летописании Даниила Романовича о Мстиславе Удалом говорилось положительно [107]. Скорее всего, эти фразы могли быть заимствованы из источника негалицкого происхождения, а учитывая, что в предыдущем тексте отразился киевский источник, вероятна их источниковедческая зависимость от киевского памятника. В этом источнике, несомненно, должен был быть рассказ о том, что Мстислав Галицкий получил сведения о противнике. Действительно, текст от слов «Мьстиславь же Мьстиславличь. . .» до слов «. . .приѣхавь рече: „Вооружитеся“» [108] сообщает об этом.

Дело, однако, в том, что данные известия имеют определенную окраску. Мстислав Удалой назван по имени и отчеству — «Мьстиславь Мьстиславличь»; говорится о его приказе Даниилу «вперед переити рѣкоу Калкоу. . . с полкы» [109], ниже подчеркнуто, что сам Мстислав находился «во сторожѣ», увидел полки монголо-татар, вернулся к своим войскам и приказал «вооружитеся». Итак, в этом отрывке галицкий князь обрисован с положительной стороны, что несколько странно для киевского источника, в котором этот князь осуждался. Характер изложения эпизода заставляет думать, что мы имеем здесь дело с позднейшей галицкой правкой

(Там же, стб. 544). Возможно, Иван Дмитриевич — его сын, но это — лишь предположение.

[105] Там же, стб. 743.

[106] Там же, стб. 752.

[107] Последнее известие, имеющееся в Ипатьевской летописи о Мстиславе, характеризует отношение Даниила к умершему тестю: «(город Торческ. — *В. Р.*) и пакы да и детемь Мьстиславлимь, шюратомь своимь, рекь имь: „За отца Вашего добродеянье приимете и держите Торцькии городь“» (Там же, стб. 766).

[108] Там же, стб. 743.

[109] Там же.

киевского текста. При этом, по-видимому, основной, киевский текст фрагмента был несколько изменен, причем в том месте, где говорилось о Мстиславе Мстиславиче.

К пятому фрагменту Эммаусский и Свердлов относили текст от слов «Сразившимься полкомь на мѣсто» до слов «. . . не бѣ на немь порока» [110]. С этим мнением надо согласиться. Весь абзац Эммаусский считал заимствованным из «Повести о Данииле Романовиче» [111]. Свердлов причислял этот отрывок ко второй вставке составителя Летописца Даниила Галицкого [112]. Оба исследователя основывались на панегирическом восхвалении поведения князя в битве. Но текстологическое единство фрагмента давно вызывало сомнения. Так, Пашуто признавал вставкой известие о Мстиславе Немом [113]. Поэтому необходимо более внимательное изучение текста.

Фрагмент описывает начало битвы, причем значительное внимание уделяется поведению Даниила Романовича, сказано о помощи, которую ему оказал Мстислав Немой [114], о бегстве части монголо-татар от дружины Даниила, отрядов Мстислава Немого и Олега из Курска. При известии о поражении русских высказывается мнение о поведении Даниила, причем утверждается, что лишь на нем «не бѣ. . . порока» [115]. Описывая сражение, книжник явно хочет подчеркнуть действия молодого волынского князя. В отрывке сообщается что он первым из князей встретил нападение монголо-татар: «Даниль же выѣха на передъ. . .», что с ним были лишь два близких ему боярина — «Семьюнь Олюевичь и Василко Гавриловичь» [116]. После известия о ранении Василька и самого Даниила подчеркивается, что юный князь «бѣ бо возрастом 18 лѣть . . .борющися, избивающи Тотары» [117].

Итак, уже при описании начала сражения в тексте выделена фигура Даниила. О других князьях таких известий не приводится. Это дает основание полагать, что данный текст восходит к галицко-волынскому источнику.

Примерно такие же особенности имеет текст от слов «Татаром же бѣгающимь. . .» до слов «. . .не бѣ на немь порока» [118]. В нем утверждается, что монголо-татары побежали от натиска Даниила и его дружины: «Татаром же бѣгающимь, Данилови же избивающи ихь своимь полкомь» [119]. Далее сообщается о том, что Даниилу оказал помощь Олег из Курска — «и Олгови Коурьскомоу

---

110 *Эммаусский А. В.* Указ. соч., с. 71; *Свердлов М. Б.* Указ. соч., с. 143.
111 *Эммаусский А. В.* Указ. соч., с. 71.
112 *Свердлов М. Б.* Указ. соч., с. 143.
113 *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 43.
114 ПСРЛ, т. 2, стб. 744.
115 Там же, стб. 744—745.
116 Там же, стб. 743. Оба эти боярина названы под 6721 г.: «И посла по нимь (поляков. — *В. Р.*) Даниль. . . Семена Олюевича, Василка Гавриловича» (Там же, стб. 732).
117 Там же, стб. 744.
118 Там же, стб. 744—745.
119 Там же, стб. 744.

крѣпко бившимся» [120], и следует фраза: «Грѣхь ради нашихь Роускимь полкомь побѣженымь бывшимь» [121]. Фраза не вполне уместна, поскольку предшествующий ей абзац, как уже говорилось, повествует только о поведении Даниила Романовича, борьбе с монголо-татарами его дружины, а также отрядов Мстислава Немого и Олега из Курска. Да и после фразы, сообщающей о неудаче всех русских полков, повествование о Данииле не прекращается. Отрывок фрагмента, идущий после этой фразы, говорит о бегстве Даниила от монголо-татар, усиливших свой натиск: «Даниль, видивь яко крѣпцѣиши брань належить, в ратных стрѣльцѣмь ихь (монголо-татар. — *В. Р.*) стрѣляющим крѣпцѣ, обрати конь свои на бѣг, оустрѣмления ради противныхь» [122]. Далее подчеркнуто, что князь, напившись воды, «почюти раноу на телеси своемь, во брани не позна ея крѣпости ради». Все это повествование о князе кончается панегириком ему: «бѣ бо дерзь и храборь, от главы и до ногоу его не бѣ на немь порока». Данный абзац, так же как и текст, исследованный выше, с начала фрагмента до слов «. . .борющися избиваюци Тотары» [123] относим к галицко-волынскому источнику.

К этому же источнику относим текст от слов «Видивь то Мьстиславь Нѣмый. . .» до слов «...дая князю Данилови» [124]. В отрывке описано поведение этого князя, подчеркнута его помощь Даниилу Романовичу [125], указано, что Мстислав сделал завещание в пользу Даниила, «пороучивше по смерти свою волость дая князю Данилови» [126]. Этот галицкий текст появился достаточно поздно, поскольку здесь сообщается о завещании Мстислава Немого. Следовательно, он был создан после смерти Мстислава (умер в 1225 г.[127]) и, вероятнее всего, около 1228 г., когда Даниил утвердился в княжестве Мстислава Ярославича [128]. На позднее происхождение этого галицкого текста указывает ошибка в определении количества лет Даниила Романовича: «бѣ бо возрастом 18 лѣть» [129]. В действительности князю было не менее 22 лет (родился в 1201 г.[130]). Судя по тому, что эта ошибка имеется во всех списках Ипатьевской летописи, она была уже в общем протографе данных списков [131]. Возможно, эта ошибка сделана в результате расчета

---

120 Там же.
121 Там же.
122 Там же.
123 Там же.
124 Там же.
125 Там же.
126 Там же.
127 *Грушевський М.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи. — Записки Наукового товариства ім. Шевченка, Львів, 1901, т. 41, кн. 3, с. 21.
128 *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 207.
129 ПСРЛ, т. 2, стб. 744.
130 Там же, стб. 717.
131 Там же, стб. 744.

лет князя по неверной летописной погодной сетке [132]. Если так, то данный текст принадлежит позднейшему летописателю.

Помимо галицкого, во фрагменте есть заимствование из другого источника. Так, неясно, к какому источнику следует отнести фразу фрагмента, резко выделяющуюся из остального текста. В ней сообщено: «Грехъ ради нашихъ Роускимь полкомь побеженымь бывшимь», но в тексте статьи особо подчеркнуто, что неудачу потерпел Даниил и его дружина — «обрати конь свои на бѣгь», а о поражении других русских полков никаких подробностей не приводится. Видимо, фраза была заимствована из источника, автор которого знал о небывалом поражении объединенных дружин многих княжеств. Поскольку в данной фразе идет речь обо всех русских полках, следует думать, что она заимствована из киевского источника.

Итак, в тексте пятого фрагмента статьи отразились два источника о битве. Основным являлся галицко-волынский текст. К нему относим отрывок с начала фрагмента до слов «. . . сразившимся с ними» [133] и отрывок от слов «Даниль, видивь яко. . .» до слов «. . .не бѣ на немь порока» [134]. Фразу о русских полках надо признать заимствованной из киевского источника.

К последнему, шестому фрагменту статьи Эммаусский и Свердлов относили текст от слов «Бысть побѣда на вси. . .» и до конца статьи [135]. Это мнение исследователей следует принять. Эммаусский считал, что данный отрывок представляет собой фрагмент из «Повести о русских князьях», а Свердлов видел в нем абзац из статьи «галицкой летописи» [136]. Противоречие выводов Эммаусского и Свердлова заставляет вновь обратиться к составу заключительного фрагмента статьи.

Он сообщает о поражении русских князей, о приходе монголо-татар на Русь и избиении жителей Новгорода Святополчского, об уходе победителей «на землю Восточную», смерти Чингисхана и о победах монголо-татар над иными странами.

Если первая фраза фрагмента подводит итог самой битве, сообщая о победе монголо-татар над всеми русскими князьями, то остальной текст фрагмента повествует о событиях, последовавших после битвы. Его основным содержанием является описание вторжения монголо-татар на Русь. В тексте подчеркнуто, что пришельцы дошли «до Новагорода Стополчьского», сообщено о полной неизвестности «Роуси лести ихь, исходяхоу противоу имь со кресты», об избиении пришельцами тех, кто вышел из го-

---

[132] Любопытно, что дата смерти отца Даниила Романа дается с ошибкой в четыре года и также с ошибкой в четыре года в данной статье сообщается о количестве лет Даниила. Это совпадение подтверждает мысль Л. В. Черепнина: «Первая хронологическая ошибка (неверная дата смерти Романа Мстиславича. — *В. Р.*) породила и все дальнейшие» (*Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 230).

[133] ПСРЛ, т. 2, стб. 744.

[134] Там же, стб. 744—745.

[135] *Эммаусский А. В.* Указ. соч., с. 71; *Свердлов М. Б.* Указ. соч., с. 143.

[136] Там же.

рода: «они же избиша ихь всихь» [137]. Этот текст скорее всего нужно возводить к киевскому летописанию, что подтверждается первой фразой, сообщающей о поражении всех русских князей. Однако Эммаусский считал, что этот город расположен на юго-востоке Переяславского княжества [138]. Ученый, о чем говорилось выше, признавал данный текст отрывком из предполагаемой им «Повести о русских князьях» и принадлежащим руке переяславца. В свете же последних историко-географических изысканий под этим пунктом принято понимать Святополчград, основанный в XI в. Святополком Изяславичем и входящий в Киевское княжество [139].

Последующие события, описанные в тексте (уход монголо-татар от границ Руси, их война с тангутами, смерть Чингисхана и победы монголо-татар над другими странами), вероятно, более поздние дополнения. Е. И. Кычанов на основании данных Рашид ад-дина утверждает, что Чингисхан умер между «15 августа — 14 сентября 1227 г.» [140]. Но в данном отрывке говорится о том, что монголо-татары победили и «иные страны», причем не только «ратью», но и «лестью». Иными словами, две последние фразы отрывка могли появиться только после 1227 г., когда на Руси стало известно о дальнейших победах монголо-татар.

Все изложенное дает основания утверждать, что основным источником заключительного фрагмента статьи является киевский текст о битве, но спустя значительное время после битвы он был выправлен галицким редактором, руке которого следует приписать отрывок от слов «И воеваша землю... .» и до конца статьи.

Таким образом, текстологическое исследование данного описания Калкской битвы позволяет сделать следующие заключения.

В основу данной статьи положены три источника.

К первому из них относятся отрывок с начала статьи до слов «. . .в Роускои земли» [141], фраза о крещении Бастыя, абзац от слов «Оттоудоу же придоша. . .» до слов «. . .от множества людии» [142], предложение о приходе к месту сбора воинов из левобережных городов [143], фраза «Приѣхавъше же сказаша Мьстиславоу, Юрьиги же все сказа», текст от слов «Переидоша же вси князи. . .» до слов «. . .Половецкыя полкы, Роускыя» [144], отрывок от слов «Мьстиславоу же и дроугомоу. . .» до слов «. . .котора велика межю

---

[137] ПСРЛ, т. 2, стб. 745.

[138] *Эммаусский А. В.* Указ. соч., с. 78.

[139] *Рыбаков Б. А.* Любеч и Витичев — ворота «внутренней Руси». — Тезисы докладов советской делегации на I международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965, с. 34; см. также: ПВЛ. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 149, 159, 350.

[140] *Кычанов Е. И.* Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970, с. 56.

[141] ПСРЛ, т. 2, стб. 745.

[142] Там же, стб. 740—741.

[143] Там же, стб. 741—742

[144] Там же, стб. 742—743.

има» [145], фраза «Грѣхъ ради нашихъ Роускимь полкомь побѣженымь бывшимь» и абзац от слов «Бысть побѣда на вси. . .» до слов «. . . на землю Восточную» [146].

Характерной особенностью отмеченных отрывков является внимание к Мстиславу Романовичу из Киева. Он возглавляет всех «старейшин в Роускои земли», в ходе похода ему докладывается обстановка и сообщаются мнения о противнике других русских князей. В имеющихся в статье сочетаниях «Мьстиславь и дроугии Мьстиславь», «Мьстиславь и дроугии Мьстиславь Черниговьскыи» первым упоминается Мстислав Романович. Примечательной чертой данных отрывков является описание событий с общерусской точки зрения. Так, уже в первом абзаце, повествующем о приходе половцев на Русь, выделено их обращение к «Роускимь княземь» [147]. При описании сбора войск книжник, сообщая о приходе к о. Варяжскому русских дружин из многих княжеств, не выделяя ни одну из них, говорит о совместном переходе ими Днепра: «Вся намь по соухоу же Днѣпрь перешедшимь» [148]. Поражение оценивается как беда всех русских войск: «Грѣхъ ради наших Роускимь полком побѣженым бывшимь» [149] и ниже «Бысть побѣда на вси князи Роускыя, тако же не бывало никогда же» [150].

Эти особенности текста позволяют считать, что в данном случае мы имеем дело с киевским источником, для которого примечательно упоминание киевского князя на первом месте, а также широкая общерусская оценка событий. Характер этого источника (внимание к политическим и военным событиям) и его фразеология целиком и полностью укладываются в летописную. Все это заставляет считать, что перед нами фрагменты статьи, находившейся в киевском летописном своде. Ряд ее отрывков был переработан более поздними книжниками. Так, например, абзац от слов «Приѣхавьше же сказаша. . .» до слов «. . .поидемь противоу имь» [151] отражает текст киевского источника, но исправленного на основании галицко-волынского. Когда же был составлен этот киевский летописный памятник?

Учитывая имеющиеся признаки, надо полагать, что он был создан вскоре после битвы. Высказанное мнение подтверждается значительной ролью Мстислава Романовича во всех мероприятиях 1222—1223 гг., но в данных отрывках нет даже краткого упоминания о Владимире Рюриковиче, севшем на киевский стол сразу после битвы при Калке. Вероятно, киевское описание этих событий было создано вскоре после битвы, когда погибший Мсти-

---

[145] Там же, стб. 743.
[146] Там же, стб. 744—745.
[147] Там же, стб. 740.
[148] Там же, стб. 741.
[149] Там же, стб. 744.
[150] Там же, стб. 744—745.
[151] Там же, стб. 742.

слав Романович был еще памятен киевлянам, но в нем отсутствовали известия о новом князе Владимире Рюриковиче.

Вторым источником данной статьи послужил галицкий летописный памятник, в котором подчеркивалась роль Мстислава Мстиславича. К этому источнику относится текст от слов «Мьстиславь же Мьстиславличь...» до слов «...приехавь речь вооружитеся» [152]. Именно в этом отрывке галицкий князь представлен как «старейшина Роускои земли», имеющий право давать указания молодым князьям: «... повелѣ впередь переити рѣкоу Калкоу Даниловы с полкы» [153]. Никаких иных известий подобного характера о Мстиславе в статье не имеется. Очевидно, данный отрывок был извлечен из статьи о битве галицкой летописи, которая могла быть создана в окружении Мстислава между 1223 и 1228 гг. (в 1228 г. Мстислав Мстиславич умер. — *В. Р.*) [154].

К третьему источнику статьи относится фраза об отсутствии на совете князей Юрия Всеволодовича [155], предложение о присутствии в Киеве молодых князей, предложение о приходе к основному войску галичан и волынцев, текст от слов «А выгонци Галичкыя...» до слов «...поидемь противоу имь» [156], абзац от слов «Сразившимся полкомь на мѣсто...» до слов «...не бѣ на немь порока» [157]. К этому же источнику относим две заключительные фразы статьи — о смерти Чингисхана и о победах монголо-татар над «инеми» странами [158]. В абзацах, отнесенных к третьему источнику, из всех князей первым постоянно упоминается Даниил Романович. Уже первое известие о князе при описании совета князей подчеркивает его главенствующую роль среди молодых князей. При описании битвы отражаются события, относящиеся исключительно к Даниилу. Подводя итог битве, книжник утверждает, что только на молодом волынском князе

---

[152] Там же, стб. 743.

[153] Там же.

[154] *Грушевський М.* Хронольогія подій. . ., с. 22.

[155] ПСРЛ, т. 2, стб. 741. Выше говорилось, что фраза этой статьи «Юрья же князя великого Соуждалского не бы в томь совѣтѣ» — более поздняя вставка, и было показано, что она не является творчеством галицкого или киевского книжников, но ее источником не был текст из владимирского или суздальского памятников о битве: в статье не обнаружено известий из последних. По-видимому, это сведение носит характер припоминания, внесенного с целью придания совету князей более значимого характера. Учитывая, что текст о совете, к которому примыкает эта фраза, прошел редакцию книжника, близкого Даниилу, вероятно, занесение ее явилось следствием данной редакции. Эту посылку подкрепляет имеющееся в Ипатьевской летописи известие о смерти брата Юрия — Ярослава: «Ярослава великого князя Суждальского и (татары.— *В. Р.*) зелиемь умориша» (Там же, стб. 808). Обе фразы имеют целый ряд параллелей: князья названы только по имени, титулуются великими князьями и по месту княжения «Суждальскими». Все это позволяет отнести обе фразы руке книжника, близкого Даниилу, а время внесения известия о Юрии в текст повествования определить концом 40-х — серединой 50-х годов XIII в.

[156] Там же, стб. 742.

[157] Там же, стб. 743—745.

[158] Там же, стб. 745.

«не бѣ . . .порока», а выше приводится родословная старшего Романовича: «от племени Володимеря, прирокомь Маномаха» [159].

Все эти отрывки имеют единую идейную направленность. Лейтмотивом их создания явилось стремление к возвеличению Даниила. Учитывая внимание к нему летописца в отмеченных фрагментах, подчеркнутое превосходство Романовича над остальными молодыми князьями, описание именно его поведения в битве, надо думать, что данные отрывки отражают текст, созданный книжником, близким Даниилу, стремившимся к наиболее полной характеристике его личных качеств.

Время создания этого текста следует относить ко второй половине 40-х—первой половине или середине 50-х годов XIII в., когда политическое могущество Даниила стало общепризнанным. Именно тогда проблема взаимоотношений Галицко-Волынской Руси с Золотой Ордой приобрела весьма актуальный характер. Вся политика Даниила Романовича после его возвращения из Орды в 1246 г. свидетельствует о желании князя затруднить, а если удастся, и предотвратить подчинение его княжества Золотой Орде. Он породнился с венгерским королем Белой IV [160], вел переговоры с папой римским, в которых затрагивался вопрос об организации крестового похода против монголо-татар [161], а около 1252 г. князь принял королевский титул [162], что должно было еще больше поднять его авторитет среди западных соседей. Политическая активность Даниила не могла не беспокоить ханов Золотой Орды. Видимо, поэтому около 1255 г. монгольский темник Куремса был послан с целью подчинить Орде Галицко-Волынскую Русь. Однако Даниил отразил это нападение [163].

Прямым следствием успехов Даниила было, как весьма убедительно показал Л. В. Черепнин [164], создание около 1256—1257 гг. крупного галицко-волынского летописного памятника — Летописца Даниила Галицкого. В этом памятнике отразились антиордынские настроения Даниила Романовича и его окружения. В условиях сближения с Венгрией и Римом в новом историческом труде важно было показать Даниила последовательным борцом с монголо-татарами. Эти цели и преследовало описание действий Даниила в статье о битве при Калке упомянутого летописца.

Однако рассказ о битве в галицко-волынском летописном памятнике 1256—1257 гг. не ставил своей целью только осмысление заслуг Даниила в Калкском сражении. При создании статьи был использован киевский источник, позволивший говорить

---

159 Там же, стб. 744.
160 *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 238.
161 Там же, с. 251—255.
162 ПСРЛ, т. 2, стб. 826—827.
163 Там же, стб. 838.
164 *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 232. Следует напомнить, что подобное мнение высказал и Д. С. Лихачев (*Лихачев Д. С.* Русские летописи. . ., с. 248, 256).

о битве при Калке и связанных с ней событиях как о явлении, имеющем общерусское значение. Тем самым подчеркивалась роль всех князей — участников первого сражения с монголо-татарами и, конечно, еще раз Даниила Романовича. По-видимому, тогда же был использован и отрывок о битве из статьи, находившейся в Летописце Мстислава Мстиславича.

История создания исследуемой статьи на этом не закончилась. Выше говорилось, что предложение, сообщающее об отсутствии в Киеве Василька Романовича, внесено в уже сложившийся текст. Видимо, помещение этой фразы в статью определяется 60-ми годами XIII в., когда, как принято считать [165], летописный материал, созданный во время правления в Галицко-Волынском княжестве Даниила Романовича, проходил правку при дворе его брата Василька. Следовательно, последний этап летописной работы над повествованием о битве, помещенном в Ипатьевской летописи, приходится уже на вторую половину XIII в.

---

[165] *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 105—109.

НОВГОРОДСКИЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД КОНЦА 1220-х ГОДОВ

М. Х. Алешковский

В знаменитом предисловии к киевской летописи, сохранившейся в Новгороде и обычно именуемой Начальным сводом 1095 г., имеется более поздняя новгородская вставка. Автор вставки обещает довести свое изложение до времени византийских императоров-соправителей начала XIII в. Алексея и Исаака Ангелов [1]. Вставка эта легко обнаруживается в тексте предисловия благодаря уцелевшему здесь остатку нарушенной древней фразы, сохранившейся более полно в другой, Тверской летописи XVI в. Остаток этой фразы и саму фразу подчеркиваем в приводимых ниже цитатах.

Новгородская I летопись

«. . . и тамо вечной жизни причастници будем . *Си же таковая*. Мы же от начала Рускы земли до сего лета и все по ряду, известно да скажем, от Михаила цесаря до Александра и Исаакья» [2].

Тверская летопись

«. . . и тамо вечней жизни причастници будем со всеми светло пострадавшими и венчавшимися, их же хощем подвиги и борения вспомянути, творящих правду во всяко время. Злых же властолюбец и братопена видец права да отбегнем, их же огнь ожидаа в векы не вздремлет. *Сиа же и таковая вся оставльше* к преждеупомянутой повести возвратимся. От начала Рускиа земли до княжения великого князя Ивана Васильевича. . .» [3].

Итак, оба автора, составляя в разное время свои летописи и используя один и тот же источник — так называемый Начальный свод, сохранившийся в Новгородской I летописи, намерева-

[1] Упомянутые во вставке Олекса и Исаак отождествлялись в русской науке XIX в. с императорами-соправителями начала XIII в. Ангелами (*Соболевский А. И.* Древняя переделка Начальной летописи. — ЖМНП, 1905, март, с. 100—105). А. А. Шахматов отождествлял Алексея и Исаака с с братьями Комнинами (конец XI—начало XII в.) (*Шахматов А. А.* Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись. — ИОРЯС, СПб., 1909, т. XIII, кн. 1, с. 229—233). Однако Алексей и Исаак Комнины не были соправителями, о чем знал и русский летописец конца XI — начала XII в., упомянувший под 1095 г. только одного «цесаря», а не двух. Исаак был не императором, а севастократором. Этим и объясняется, что впоследствии и Шахматов отказался от своего отождествления и признал упомянутых Олексу и Исаака Ангелами (*Шахматов А. А.* I Начальный свод. — В кн.: А. А. Шахматов, 1864—1920: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947, с. 147—148).

[2] НПЛ. М.; Л., 1950, с. 104.

[3] ПСРЛ. М., 1965, т. 15, стб. 28.

ются довести изложение летописей до своего времени, до начала XIII или конца XV в., и соответственно изменяют фразу древнего летописца о границах его изложения. Такое изменение было возможно только при переписке труда этого древнего летописца, т. е. при составлении нового, более позднего свода. Вставленная фраза об Алексее и Исааке, сохранившаяся в Новгородской I летописи, ведет нас к поискам текстов, в которых бы упоминались Алексей и Исаак Ангелы, или хотя бы текстов о событиях их царствования. В Новгородской I летописи имеются и те и другие тексты, в частности Повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. В ней упоминаются оба интересующих нас соправителя. Остается только выяснить, закончил ли автор вставленной о них в предисловии фразы этой повестью свою летопись или он вставил ее в уже существующий под 1204 г. текст погодной Новгородской летописи. Следы вставки этой повести в текст погодной летописи налицо. В младшем изводе Новгородской I летописи в составе статьи 1204 г., в которую вставлена повесть, сохранилась более ранняя, чем эта повесть, погодная запись о взятии Царьграда [4]. В старшем изводе той же летописи, в ее Синодальном списке XIII в., погодная запись о взятии Царьграда отсутствует, а остальные погодные записи этой статьи переместились в предшествующую статью 1203 г. [5]

Следовательно, Повесть о взятии Царьграда в одном случае дублирует погодную статью 1204 г., а в другом — вытесняет из нее остальные записи. И то и другое говорит о вставке повести в текст Новгородской летописи. Сделана эта вставка позже, так как в погодной статье 1204 г. ее еще не было. Если определить время этой вставки, то тем самым мы сможем датировать и внесение в текст древнего предисловия фразы о соправителях начала XIII в., а вместе с тем и составление всего летописного свода. Вернемся поэтому опять к тем текстуальным нарушениям, к которым привела вставка повести в летопись.

В более древнем старшем изводе Новгородской I летописи события 6712 (1204) г. оказались датированными 6711 (1203) г. Одно из этих событий, поход Ольговичей на Литву, упомянуто и в другой, уже не Новгородской, а Владимирской летописи, где оно датировано ультрамартовским 6713 г. [6] Таким образом, разница в датировке одного и того же события в обеих летописях составляет два года и объясняется поэтому не разницей в летосчислении (мартовском или ультрамартовском), а редакционной переработкой Новгородской летописи, вставкой в нее Повести о взятии Царьграда, которая вытеснила известия о событиях 1204 г. в статью 1203 г. Этот факт и его причина важны для нас потому, что в той же Новгородской летописи имеются и другие случаи расхождения в датировке событий, описанных и в Лаврентьевской летописи

---

[4] НПЛ, с. 240—246 (1204 г.).
[5] Там же, с. 46—49 (1204 г.).
[6] ПСРЛ. Л., 1927, т. 1, вып. 2, стб. 421 (1205 г.).

и относящихся к тем же первым годам XIII в. И во всех этих случаях датировки обеих летописей разнятся на два года, как и в случае со вставкой Повести о взятии Царьграда.

Так, под 6715 (1207) г. в Лаврентьевской летописи описан поход Всеволода и новгородцев на Рязань, а в Новгородской летописи этот же поход датирован 6717 (1209) г. [7] Ошибочно датирован в Новгородской летописи 6717 (1209) г. и приезд Святослава в город, тогда как он выехал из Владимира до 3 февраля 6715 (1207) г. [8] Поход Всеволода на Рязань датирован здесь 6718 (1210) г. вместо 6716 (1208) г., уход Мстислава к Торопцу — 6719 г. вместо 6717 г. [9] Все эти ошибки могли возникнуть не при погодных записях, а при редакционной переработке, вызванной составлением нового свода. Одинаковость рассмотренных ошибок позволяет отнести их к одному автору. Поскольку последняя ошибка встречена под 1211 (6719) г., то ясно, что составитель свода работал не раньше этого года. Следовательно, и Повесть о взятии Царьграда не могла попасть в летопись раньше 1211 г. Именно в этом году в Новгород вернулся знаменитый новгородский путешественник Добрыня Ядрейкович [10], которому, как предполагали еще в XIX в., и принадлежит Повесть о взятии Царьграда [11]. Однако вопрос об ее авторе не является самым главным при определении времени составления и объема свода, в который вставили эту Повесть. Гораздо интереснее, что и запись о возвращении Добрыни Ядрейковича в Новгород, сохранившаяся в статье 1211 г., несовременна, поскольку речь в ней идет о случившемся раньше, чем описанные перед ним события того же года. Действительно, в статье 1211 г. сначала описано изгнание владыки Митрофана из Новгорода, а затем — прибытие в Новгород Добрыни Ядрейковича «преже изгнания Митрофаня». Архиепископ Митрофан был изгнан 22 января, а в записи о Добрыне Ядрейковиче рассказано, что он побывал после своего избрания (т. е. после 22 января) в Киеве, вернулся в Новгород и «створи полату Митрофаню церковь во имя святого Антония». В записи под 1211 г. сообщается о событиях следующего мартовского года, поскольку путешествие в Киев обычно занимало два-три месяца, а перестройка палаты Митрофана могла начаться летом, в начале строительного сезона. Следовательно, запись о Добрыне Ядрейковиче, а вместе с ней и составление интересующего нас свода отодвигаются к середине 1212 г. Однако это не означает, что свод и составлен в это время, а говорит лишь о том, что он составлен не раньше середины 1212 г.

[7] Там же, стб. 430 (1206 г.); НПЛ, с. 50—51 (1209 г.). 22 сентября приходилось в 6715 г. на субботу, как и сообщено в Лаврентьевской летописи.

[8] Отъезд Святослава описан до лунного затмения 3 февраля 1207 г. (ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 434, 1207 г.).

[9] Там же, стб. 434 (1208 г.), стб. 435 (1209 г.); НПЛ, с. 51 (1210 г.), с. 52 (1211 г.).

[10] НПЛ, с. 52 (1211 г.).

[11] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия/Изд. П. Савваитова. СПб., 1872, с. 8, примеч.

И действительно, следы редакционной переработки идут дальше статьи 1211 г. На этот раз они заключаются в появлении на страницах Новгородской летописи таких южнорусских сведений, которых нет ни в Ипатьевской, ни в Лаврентьевской летописях. Видимо, попали эти сведения в Новгород не через летописание, а со слов очевидцев. И опять эти сведения занесены в летопись не сразу же вслед за самими событиями, не в качестве погодных записей, а несколько позже, как и Повесть о взятии Царьграда или другие рассмотренные известия 1207—1211 гг. Обратимся к этим известиям.

Под 1219 г. в Новгородской летописи рассказано о походе Мстислава на Галич. В Лаврентьевской летописи этот же поход только упомянут, а в Ипатьевской летописи он описан без тех подробностей, которые встречаются лишь в Новгородской летописи. Видимо, новгородского летописца информировал какой-то очевидец похода на Галич. Этот очевидец должен был бы находиться во время похода Мстислава в Киеве, а затем вернуться в Новгород. Биография Добрыни Ядрейковича, уже упомянутого выше в связи со вставкой сведений о нем в летопись, удовлетворяет обоим условиям. Именно в 6727 (1219) г., когда состоялся поход Мстислава, Антоний попадает в Киев, откуда Мстислав идет на Галич [12]. Но вместе в Антонием (как зовут теперь Добрыню Ядрейковича) в Киев попадает и его соперник Митрофан. Оба новгородца просят киевского митрополита о поставлении архиепископом в Новгороде. Поэтому о походе Мстислава новгородскому летописцу, казалось бы, мог сообщить и Митрофан. Он вернулся в Новгород 17 марта 1220 г. [13], а Антоний возвратился в 1225 г. Однако характер записи о борьбе Митрофана и Антония в статье 1219 г. свидетельствует против авторства Митрофана. Опять оказывается, что запись все о том же Антонии сделана не как погодная, а по воспоминаниям и позже составления погодной статьи 1219 г. Благодаря этому рассказ об Антонии разорвал запись этой статьи о походе к Пертуеву новгородцев: «. . . Идоша на город и стояша 2 недели, не взяша города и придоша сторови. . . (далее следует рассказ об Антонии. — *М. А*). . . Пришедьше же из Пертуева, вдаша посадничество Твердиславу, а Якуну тысячькое опять» [14]. Итак, время составления интересующего нас свода, связанного, по всей видимости, с Антонием, отодвигается к 1225 г., когда он возвратился в Новгород из галицкого Перемышля и вторично стал местным владыкой. Это подтверждается и еще одним фактом.

Под 1224 г. в Новгородской летописи имеется еще один обширный текст, также отсутствующий в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях [15]. И опять этот текст связан с информацией о том же Мстиславе, что и сообщение под 1219 г. И опять в статье

[12] НПЛ, с. 60 (1219 г.).
[13] Там же (1220 г.).
[14] Там же, с. 59—60 (1219 г.).
[15] Там же, с. 62 (1224 г. Со слов: «И прибегоша оканьнии Половчи. . .»).

с такой информацией имеются очевидные признаки ее вставки в уже существующую погодную статью 1224 г. Действительно, битва при Калке произошла 31 мая, а после ее описания в Новгородской летописи идут записи о событиях 20 мая, 6 ноября и других событиях этого года в Новгороде, т. е. нарушена обычная для этой летописи хронологическая последовательность событий одного года.

После 1224 г. мы не найдем в Новгородской летописи сведений о галицком Мстиславе: ведь в 1225 г. Антоний вернулся в Новгород из галицкого Перемышля, где жил с 1219 г. Вплоть до своей смерти Антоний жил в Новгороде, причем интересно, что записи о нем в летописи уже не имеют признаков более позднего происхождения, а составлены как погодные. Текст о смерти Антония является самым подробным из всех записей о смертях новгородских владык и тем самым еще раз свидетельствует о связи летописца, составителя свода конца 1220-х годов, с Антонием. Из этой записи узнаем, что Антоний был разбит параличом и онемел в 1228 г. [16] Следовательно, сведения от него летописец скорее всего получил до его болезни, между 1225 и 1228 гг. К этому времени и относим составление интересующего нас свода.

Имеется и другая возможность проверить датировку этого свода временем не раньше 1224 г. Дело в том, что в его тексте встречены дословные цитаты из соответствующих статей Лаврентьевской летописи. Так, под 6726 (1218) г. в Новгородской I летописи помещен рассказ о Глебе Рязанском, сохранившийся в более полном виде в Лаврентьевской летописи под 6725 (1217) г. [17] В Лаврентьевской летописи в этой статье применено ультрамартовское летосчисление, следовательно, при переводе в мартовское это событие должно быть отнесено к 6724 (1216) г. В Новгородской летописи оно датировано 6726 (1218) г. Опять встречаемся с двухгодичной хронологической ошибкой, характерной для ряда известий новгородского свода конца 1220-х годов в статьях 1203—1211 гг.

Далее, сходным с Лаврентьевской летописью текстом Новгородской летописи является описание битвы при Калке в 1224 г. Это один и тот же текст, дополненный в Новгороде сведениями Антония о деятельности Мстислава Удалого. Очень важно подчеркнуть, что эти сведения не могли быть занесены в летопись без описания Калкской битвы, взятого из Лаврентьевской летописи, так как один текст бессмыслен без другого. Отсюда следует, что само это описание было внесено в Новгородскую летопись вскоре после своего составления, где-то сразу после 1224 г., когда в Новгород попал и один из древних списков Владимирской летописи; один из них впоследствии вошел в летопись Лаврентия. Это доказывается тем, что после статьи 1224 г. в Новгородской летописи отсутствуют тексты, взятые из Лаврентьев-

[16] Там же, с 72 (1232 г.).
[17] Там же, с. 58 (1218 г.); ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 439—441 (1217 г.).

ской летописи. Более того, все южнорусские известия Новгородской летописи после 1224 г. попали в нее через новгородцев, побывавших на юге во время походов или посольств. Так, под 1235 г. в Новгородской летописи помещен рассказ о походе киевского и галицкого князей на Михаила к Чернигову. Михаил был перед этим новгородским князем. Здесь же рассказано о взятии Киева Михаилом и Изяславом [18]. В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях этого рассказа нет. Из сообщения под следующим, 1236 годом узнаем, каким образом в Новгороде стало известно о войне между Киевом, Черниговом и Галичем. В 1236 г. в Киеве начинает княжить бывший новгородский князь Ярослав, который, «поимя с собою новгородцев вятших», оставил править в Новгороде своего сына Александра. «И держав новгородцев и новоторжцев одину неделю и одарив я, отпусти проче, и придоша здрави вси» [19]. Эти новгородцы и могли рассказать летописцу о южнорусских событиях предшествующего года.

От новгородцев мог узнать летописец и о нападении татар на Великие Болгары в 1236 г., о чем сообщают Лаврентьевская и Ипатьевская летописи под тем же годом. Это можно проверить. Сообщение о взятии Великих Болгар помещено в Лаврентьевской летописи под 1236 г. после описания солнечного затмения 3 августа [20]. Затмение описано и новгородцем, но под 1237 г. и с подробностями, которых нет в Лаврентьевской летописи [21]. Это доказывает и самостоятельность сведений новгородца о нападении на Великие Болгары. Отметим, что здесь, за пределами текста свода конца 1220-х годов, уже нет двухгодичной разницы в датировках событий между Новгородской и Лаврентьевской летописями.

Самостоятелен и рассказ под 1238 г. о нападении татар на Рязань и Владимир. Все сведения получены из устных источников, а не из летописей, о чем новгородец говорит сам: «Бог же весть, како скончася: много бо глаголют о нем иные» [22]. Рассказ о взятии Рязани и Владимира предшествует рассказу о нападении татар на Торжок в том же, 1238 г., также полученному летописцем от очевидцев. Больше южнорусских сведений в Новгородской летописи не встречается. Те же сведения 1230-х годов, которые мы рассмотрели, восходят не к летописным, а к местным устным источникам. Отсюда и заключаем, что использованный составителем Новгородского свода 1220-х годов список Владимирской летописи, сходной с Лаврентьевской, обрывался на описании Калкской битвы и попал в Новгород вскоре после 1224 г.

Итак, в 1225—1228 гг., в пору второго правления архиепископа Антония в Новгороде, был составлен владычный летописный свод. Автор этого свода вставил в текст своего источника

---

[18] НПЛ, с. 73—74 (1235 г.).
[19] Там же, с. 74 (1236 г.).
[20] ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 460 (1236 г.).
[21] НПЛ, с. 74 (1237 г.).
[22] Там же, с. 76 (1238 г.).

фразу об императорах-соправителях Ангелах, упоминаемых во вставленной этим же летописцем в текст его источника особой Повести о взятии Царьграда. В текст своего предшественника автор сделал и другие вставки, которые доходят до 1224 г. и основаны на сведениях Антония (о галицком Мстиславе) и на тексте Владимирской летописи. Сведения о прибытии Антония в Новгород в 1211 г., о его хождении в Киев в 1219 г., о Мстиславе под 1224 г. разрывают текст погодных записей и внесены не раньше 1224 г. Текст других вставок не менее показателен: по воспоминаниям описаны такие важные события, как участие новгородцев в походе Всеволода в 1207 г. на Рязань и восстание новгородцев в том же году против Мирошкиничей. В отличие от погодных записей за 1203—1208 гг. в статье 1209 г. отсутствуют точные даты событий, указания на день происшествия. События 1207 г. датированы 1209 г. Интереснее всего, что эти важнейшие известия по каким-то причинам не попали в погодные записи той же летописи, которую переработал составитель свода 1220-х годов. Больше того, в эти записи попало лишь сообщение, порочащее Мирошкиничей. Речь идет об убийстве Борисом Мирошкиничем Олексы Сбыславича. Указана точная дата убийства — суббота 17 марта. Краткое обвинение становится еще более выразительным благодаря сообщению, что «а заутра плака святая богородица у святого Якова в Неревьском конце» [23].

В. Л. Янин справедливо заметил, что эти слова летописца указывают на местопребывание убийцы Олексы Сбыславича, на Неревский конец [24]. Следовательно, погодная летопись велась не в Неревском конце. В. Л. Янин вслед за М. Н. Тихомировым датирует убийство Олексы кануном восстания против Мирошкиничей [25]. Однако восстание произошло в 1207 г., а Олексу убили в 1208 г. Видимо, это убийство было местью со стороны Мирошкиничей одному из организаторов восстания против них. Получается, что в погодной летописи о мести рассказано, а о ее причине, о восстании против Мирошкиничей, ничего не говорится, благодаря чему убийство выглядит вообще ничем не мотивированным. Летописец еще и добавляет: «и убиша без вины». Видимо, он на стороне Олексы и против Мирошкиничей. Это и объясняет нам причину пополнения этих погодных записей в конце 1220-х годов. Дело, видимо, в том, что Антоний принадлежал к той боярской группировке, которая была связана с Мирошкиничами и опиралась, как отлично показал В. Л. Янин, на Неревский конец и Торговую сторону. Его поддерживал тот самый Мстислав Удалой, сведения о галицком княжении которого попали в Новгородскую летопись через Антония. Именно при Мстиславе и с его поддержкой Антоний занимает владычный стол в 1211 г., когда изгоняют Митрофана. Митрофан был связан с владимирскими

[23] Там же, с. 50 (1208 г.).
[24] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 117.
[25] Там же; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 239.

князьями, один из которых, Всеволод III, как это показал В. Л. Янин, организовал восстание против Мирошкиничей в 1207 г. Борьбой Антония с Митрофаном и объясняется, что в погодных записях владычного летописца сначала отсутствовали сообщения о прибытии Добрыни Ядрейковича в 1211 г. в Новгород, об изгнании Митрофана в 1211 и 1219 гг., о восстании против Мирошкиничей. Указанные события позволяют отнести составление нового свода к концу 1220-х годов при Антонии.

Рассматриваемый владычный свод время от времени переписывался для местных монастырских и церковных летописей, он и дошел до нас поэтому только в составе кончанских и уличанских списков. Этим, в частности, и объясняется, что в разных списках, например в Комиссионном и Синодальном, имеются нетождественные следы вставки Повести о взятии Царьграда. Интересно, что переписывание владычного свода в летописи для уличанских церквей возобновлялось с большими перерывами, поэтому Синодальный список и имеет несколько почерков за один XIII в. Возможно, что составление самих записей было правом только владычного летописца, а другим местным летописцам разрешалось лишь копировать главную владычную летопись. Недаром многочисленные новгородские летописи являются более или менее полными списками с одного и того же владычного протографа. Если бы дело обстояло иначе, мы имели бы столь же многочисленные церковные летописи с самостоятельными погодными записями. Таким образом, местное летописание в Новгороде зависело от владычного.

Составителем свода 1220-х годов был, видимо, тот самый поп Иоанн, имя которого сохранилось в Академическом списке XV в. и заменено в Синодальном списке XIII в. именем известного пономаря Тимофея. Трудно предположить обратное, что имя Тимофея заменено составителем Академического списка. Это нехарактерно для XV в. [26] Автором Повести о взятии Царьграда можно считать самого Антония. Дело в том, что в этой повести многие термины схожи с аналогичным словоупотреблением в описании Антонием церковных древностей Царьграда [27]. К тому же в Повести о взятии Царьграда заметна южнорусская лексика [28], что согласуется с долгим пребыванием самого Антония в Южной Руси. Есть в повести и грецизмы, опять же объясняющиеся биографией Антония, долгое время прожившего в Византии.

Использование владимиро-суздальских известий составителем свода 1220-х годов также примечательно, поскольку позволяет датировать время проявления в Новгородской летописи текстуальных следов летописи, впоследствии сохранившейся в составе Лаврентьевской.

---

[26] Ср.: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 181.

[27] История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 303; *Мещерский Н. А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. — ТОДРЛ, М.; Л., 1954, т. 10, с. 130.

[28] *Мещерский Н. А.* Указ. соч., с. 133—135.

ДЖЕЛАЛ АД-ДИН В ОЦЕНКЕ ГРУЗИНСКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ *

Г. В. Цулая

В результате потрясений, вызванных в Закавказье установлением иноземного господства в первой трети XIII в., Грузинское феодальное царство было приведено к экономическому разорению и культурному упадку. Общественная депрессия, усугублявшаяся отсутствием надежной перспективы, долго оставалась одним из основных показателей внутренней жизни Грузии. Однако с конца XIII — начала XIV в. на поприще политической и культурной деятельности страны выступили ближайшие потомки того поколения, которое непосредственно испытало горечь тяжелых поражений. Основным источником для истории Грузии этого периода является летописное повествование, по-русски обычно называемое «Хронограф» XIV в. [1] Оставшийся безымянным автор этого обширного произведения — человек, безусловно, незаурядный, талантливый писатель — свидетельствует о том, как глубоко задумывались его современники над причинами постигшей их край катастрофы. Будучи хорошо осведомленным в событиях описываемого времени, аноним дает ряд немаловажных сообщений не только о народах Кавказа, но и о византийцах, армянах, монголах, хорезмийцах и др. Он хорошо знаком с историческими сочинениями многих иноязычных авторов, нередко их цитирует и пересказывает [2].

Время деятельности автора «Хронографа» приблизительно можно установить по немногочисленным косвенным данным, имеющимся в самом памятнике. Судя по тексту летописи, автор ее был младшим современником грузинского царя Георгия V

---

* Автор сердечно благодарит Л. С. Джанашиа и А. П. Новосельцева за консультации по переводу.

[1] Картлис цховреба. Тбилиси, 1959, т. 2/Подгот. к изданию по всем основным спискам С. Г. Каухчишвили, с. 152—325 (на древнегруз. яз.). (Далее: КЦ с указанием тома.) Существуют два полных перевода «Хронографа»: французский (*Brosset M.* Histoire de la Georgie. SPb., 1849) и армянский (Грузинский «Хронограф»/Пер. с древнегрузинского [на армянский] П. М. Мурадяна. Ереван, 1971. (Далее: *Мурадян.* ГХ)).

[2] *Джавахишвили И. А.* Древнегрузинская историческая литература. Тбилиси, 1945, с. 246—263 (на груз. яз.); *Владимирцов Б. Я.* Грузинский летописец XIV в. о монгольском языке. — Известия Российской Академии наук, 1917, Сер. 6, № 17, с. 1488 и др.; *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955, S. 15—16; *Кекелидзе К. С.* История грузинской литературы. Тбилиси, 1958, т. 2, с. 301 и след. (на груз. яз.); *Кикнадзе Р. К.* Персидские источники «Хронографа» (Джувайни). — В кн.: Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси, 1962, т. 2 (на груз. яз.); *Мурадян.* Г. Х., с. 18 и след.; Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1979, т. III, с. 18—24, 834 и след.

(1314—1346), прозванного современниками Блистательным, в период правления которого Грузия освободилась от монгольского господства. Автор летописи, по его же словам, являлся очевидцем событий этого периода и, как предполагают, даже описал их, хотя дошедший до нас текст повествования обрывается на описании начала царствования Георгия V. Немаловажным ориентиром в данном случае может быть упоминающееся в «Хронографе» тюркское название Карабаг, заменившее древнее местное Арран не позже середины XIV в. Все это, безусловно, свидетельствует о том, что написание «Хронографа» следует отнести не ранее чем к середине XIV в.

Средневековым грузинским писателям хронист близок в основном по стилю изложения и художественной манере. На этом, по существу, кончается его связь с древнегрузинской исторической традицией. В отличие от авторов эпохи расцвета Грузинского феодального царства, оптимистические сочинения которых полны панегирических славословий феодалам и их царственным сюзеренам, автор «Хронографа», глубоко переживающий суровую действительность монгольского периода, настроен более чем скептически. Он не стесняет себя в резких нападках на «царей и мтаваров», в нравственном падении которых видит основную причину разорения своей родины.

На фоне мрачной картины внутреннего положения Грузии анонимный летописец изображает идеализированную, в принципе хотя и верную, основанную на строжайшей дисциплине внутреннюю организацию вражеского государства [3], восторгается «безупречными» характерами неприятельских монархов и их воинов [4].

Среди таких иноземных монархов на страницах «Хронографа» выведен и знаменитый правитель Хорезма Джелал ад-дин Манкбурны (1220—1231). Правда, по концепции самого автора, он не имел особого повода быть идеализированным: летописцу, стороннику победоносных монархов, был известен факт поражения и падения Джелал ад-дина. Но правитель Хорезма, противоречивый образ которого долго был популярен на Востоке, для древнегрузинского анонима являлся, во-первых, воплощением непримиримого борца против монголов и, во-вторых, антиподом, с его точки зрения, нравственно неполноценным грузинским «царям и мтаварам», не сумевшим оградить свою страну от опустошения.

Свой первый поход на Грузию Джелал ад-дин совершил

---

[3] *Владимирцов Б. Я.* Чингис-хан. Пг.; М.; Берлин, 1922, с. 82—83; *Майский И. М.* Чингис-хан. — Вопросы истории, 1962, № 5, с. 79; *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1971, с. 112, 115

[4] *Цулая Г. В.* Грузинская книжная легенда о Чингисхане. — Советская этнография, 1973, № 5.

в 1225 г., как пишет наш летописец, «на третьем году по преставлении Лаша-Георгия» [5].

В задуманной хорезмшахом всеобщей борьбе против монголов Грузии отводилось место одного из опорных пунктов на Кавказе. Однако, как свидетельствуют источники, завоевание Грузии, главного в то время врага мусульман на Кавказе, представляло значительные трудности. Грузия была, пишет арабский историк начала XIII в. Ибн ал-Асир, «еще до ислама самым зловредным краем для соседей — персов — и остается таковым для мусульман с самого начала ислама и до сегодняшнего дня. Никто до Джелал ад-дина не посмел идти против них и поступить с ними так, как он поступил» [6]. Сподвижник и биограф Джелал ад-дина ан-Насави с обычным для него сарказмом, когда речь заходила о «курджах», писал, что государство Атабегов — Адарбадаган — «было для них (грузин. — *Г. Ц.*) местом охоты: туда они ходили за добычей сообща и отдельно, парами и в одиночку» [7]. Тбилиси, который еще сравнительно недавно уступал таким закавказским городам, как Дербенд и Берда, теперь «один из самых сильных и недоступных городов» [8]. Ибн ал-Асир вспоминает (это могло быть в памяти не одного Ибн ал-Асира), как могущественный султан Махмуд, государство которого простиралось от Азербайджана до Сирии, не смог помешать грузинам вернуть свою столицу в 1121 г. Махмуд даже «собрал было в 519 (1125) году войско и выступил против грузин, но он ничего не мог с ними поделать» [9] и т. д. Поэтому неудивительно, что Джелал ад-дин всеми мерами стремился или склонить Грузию к задуманному союзу, или покорить ее силой. Источники сообщают, что хорезмшах «не переставал говорить: „Я хочу совершить поход в страну курджов, сразиться с ними и овладеть их страной“» [10]. Крайне важно сообщение Ибн ал-Асира, что Джелал ад-дин предварительно даже сообщил грузинам о своем намерении начать с ними войну. На это грузины якобы ответили следующее: «К нам пришли татары, которые поступили с твоим отцом, более могущественным, с более многочисленными войсками и более сильной душой, так, как ты знаешь, и захватили ваши страны, но мы не обратили на них внимания, и самое большее, о чем они думали, уйти от нас подобру-поздорову» [11]. Грузины действительно не были в курсе реальной обстановки того времени. Легкая и сомнительная по-

---

[5] *Джавахишвили И. А.* История грузинского народа. Тбилиси, 1966, т. 3, с. 55 (на груз. яз.).

[6] Материалы по истории Азербайджана из «Тарих-ал-Камиль» (Полного свода истории) Ибн-ал-Асира. Баку, 1940, с. 160—161.

[7] *Буниятов З. М.* Сведения Шихаб ад-Дина ан-Насави о Грузии. — В кн.: Грузинское источниковедение. Тбилиси, 1977, т. 3, с. 160; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 180—186, 222.

[8] Материалы по истории Азербайджана. . ., с. 160.

[9] Там же, с. 161.

[10] Там же, с. 156.

[11] Там же.

беда, которую они одержали над кучкой монгольских разведчиков, все еще казалась им многозначительной [12].

Грузины стали спешно готовиться к предстоящей войне с хорезмийцами. По словам Ибн ал-Асира, численность армии грузин достигала «более семидесяти тысяч» [13]. В распоряжении грузинских правителей в это время находилось большое число наемников, которые и прежде не раз оправдывали возлагаемые на них надежды. Кроме того, грузины легко могли сговориться с соседними народами, для которых хорезмшах был общим врагом. И действительно, Рашид ад-дин пишет: «Так как румские султаны и мелики Сирии, Армении и тех пределов страшились завоевания и захвата им (Джелал ад-дином. — *Г. Ц.*) власти, то все они поднялись, чтобы отразить его, и собрались в одном месте с войском грузин, армян, аланов, сериров, лезгин, кипчаков. . . абхазов. . . и сванов» [14].

В отличие от Ибн ал-Асира, который писал, что грузины высокомерно ответили на сообщение хорезмшаха о его намерении начать с ними войну, ан-Насави сообщает, что грузины, наоборот, «надеялись, что [султан], может быть, пожелает пойти на мир с ними» [15].

В решающем сражении с хорезмийцами при городе Гарни (Армения) грузины потерпели поражение. Затем силы Джелал ад-дина были отвлечены на усмирение мятежей и борьбу против заговоров в своем государстве.

Прошло более двух лет, прежде чем хорезмшах предпринял главную военную операцию в Грузии — взятие Тбилиси. У нас нет каких-либо сведений, дающих повод усомниться в том, что это время не было использовано правителем Хорезма для попыток мирных переговоров с грузинским царским двором. Наоборот, приведенные выше сообщения ан-Насави и Ибн ал-Асира свидетельствуют о том, что такие переговоры должны были проходить неоднократно, о чем в свою очередь говорится и в «Хронографе». Правда, сведение древнегрузинского источника не находит прямого подтверждения в иноземных источниках, но это не может давать оснований для отрицания его достоверности. Еще И. А. Джавахишвили писал, что «в данном рассказе нет ничего невероятного» [16]. Симптоматично, что ответ царицы Русу-

---

[12] КЦ. Тбилиси, 1955, т. 1, с. 370 (на древнегруз. яз.); *Джавахишвили И. А.* История грузинского народа, т. 3, с. 14 и др.

[13] Материалы по истории Азербайджана. . ., с. 156.

[14] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1960, т. 2, с. 27—28; см. также: *Меликишвили Г. А.* Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973, с. 68 и след. (на груз. яз.).

[15] *Бунятов З. М.* Указ. соч., с. 160.

[16] *Джавахишвили И. А.* История грузинского народа, т. 3, с. 56. Аналогичное мнение в связи с этим сведением грузинского анонима высказал и Я. А. Манандян, по замечанию которого правитель Хорезма мог представлять, сколь опасно было для него расточать свои силы в Закавказье в то самое время, когда ему с востока неумолимо грозили полчища Чин-

дан на предложение хорезмшаха по своему тону очень напоминает вышеприведенный из сочинения Ибн ал-Асира ответ грузин Джелал ад-дину.

Грузины не были единственными, кому хорезмшах предложил союз в борьбе против монголов. Так, например, когда Чингисхан направил против Джелал ад-дина одного из своих видных полководцев — Джурмаган-нойона, то хорезмшах, «несмотря на то что между ним и халифом, султаном и меликами Рума и Сирии была распря» [17], отправил к ним посла с призывом объединиться перед грозной опасностью. Рашид ад-дин передает, как он говорит, содержание этого обращения: «Войска татар очень много, на этот раз больше, чем всегда, и воины этих стран страшатся их. Если вы не окажете помощь людьми и снаряжением, то я, который стою стеной, пропаду, а у вас не окажется возможности противостоять им. Щадя себя и детей и [всех] мусульман, каждый подайте помощь одним полком войска со знаменами, дабы, когда до них [монголов] дойдет молва о нашем соглашении, они получили бы хоть небольшой отпор, а также и наши воины приободрились бы. Если же в этом отношении будет допущено какое-либо пренебрежение, то сами увидите, что будет, и получите то, что достанется» [18]. Правление Джелал ад-дина «прошло в героических, но тщетных попытках преградить монгольской лавине путь на Средний Восток» [19]; его стремление создать коалицию из феодалов-сепаратистов разных стран, правители которых находились в непрекращавшихся столкновениях между собой, исторически было обречено. В создавшейся феодальной анархии, которую современники называли «страшнее врага» [20], и сам хорезмшах в своих действиях мало чем отличался от тех, к кому он взывал. Правда, наиболее дальновидные из его приближенных хорошо представляли последствия создавшейся обстановки. «Если обстоятельства окажутся против него, — говорил посланец хорезмшаха одному из правителей в Малой Азии, — то вы вспомните о нем, когда испытаете соседство татар, но сожаление уже не поможет» [21].

Для Рашид ад-дина как историка, исполнявшего волю монголов — своих заказчиков и сюзеренов, хорезмшах должен был стать фигурой одиозной. Описывая правителя Хорезма, Рашид ад-дин порой дает ему нелестную характеристику: он слаб, болезнен, «проявляет высокомерие», первый же незначительный успех рассматривает как повод так напиться, что его не могут

гисхана (*Манандян Я. А.* Критический обзор истории армянского народа.— В кн.: *Манандян Я. А.* Труды. Ереван, 1977, т. III, с. 200. На арм. яз.).

[17] *Рашид-ад-дин.* Указ. соч., т. 2, с. 30.

[18] Там же.

[19] *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. М., 1971, с. 154.

[20] *Петрушевский И. П.* Указ. соч., с. 114, 130.

[21] *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание султана Джелал ад-Дина Манкбурны/Пер. с арабского, предисловие, комментарии, примечания и указатели З. М. Буниятова. Баку, 1973, с. 450.

разбудить при виде приближающегося монгольского отряда [22]. И вместе с тем на страницах летописей Рашид ад-дина хорезмшах — «завоеватель по предопределению». При описании его поединков с неприятельскими «витязями» у автора возникают ассоциации с богатырскими образами героического эпоса персов [23].

В оценке Джелал ад-дина в исторической традиции средневековой Грузии звучат и резко отрицательные мотивы. Так, современник походов хорезмийцев в Закавказье и очевидец погромов ими населения Грузии грузинский писатель XIII в. Тбели Абусеридзе называет полчища хорезмшаха «волками, пожирающими людей» [24]. В этом же плане говорится и в синаксарной (поминальной) «вставке», сделанной в «Хронографе» рукой его редактора или переписчика и посвященной памяти Шалвы Ахалцихели — грузинского героя периода войн с монголами и хорезмийцами: «Понуждал покинуть веру и сулил даров и почестей премногих. Но тот не внял и не избрал почестей сей поры мгновенной и не отринул имени Христа. Затем вновь лебезил и сказывал об отречении от Христа, но он отвергал слова те. Тогда султан говаривал о многообразных истязаниях и стращал, но тот твердо стоял за веру. Потом многими горькими пытками и смертью изъял из [жизни] мгновенной святого Шалву, и он, украшенный венцом мученичества, вознесся ко Христу» [25]. Автором данной «вставки» должно было быть духовное лицо, что и усугубило его отрицательное отношение к Джелал ад-дину, прежде всего, как к мусульманину. Как известно, религиозная нетерпимость чужда автору «Хронографа».

Героические мотивы легенды о хорезмшахе, а также то, что он предупреждал грузин о смертельной опасности и предлагал союз против нее, должны были во многом способствовать популярности Джелал ад-дина в той части грузинского общества XIV в., которая не мирилась с монгольским господством и организовывала активные выступления. Эту часть грузинского общества и представлял наш анонимный хронист.

Оценка, данная Джелал ад-дину в «Хронографе», сохранилась вплоть до нового времени. Об этом может свидетельствовать сочинение грузинского историка XVIII в. царевича Вахушти Багратиона, который как бы резюмирует основной момент в рассказе хрониста XIV в. о Джелал ад-дине. «Я не врагом пришел к вам, однако вы жестоко сразились со мною, — говорит Джелал ад-дин в сочинении Вахушти, — и ныне, как появились татары и никто из нас не выстоял пред ними, пришел я, дабы выдали вы мне в супружество царствующую над вами женщину — царицу вашу; да соберемся воедино и одолеем татар, ибо нет силы для войны единоличной ни у вас, ни у меня; но коли не поступите вы этак,

---

[22] *Рашид-ад-дин.* Указ. соч., т. 2, с. 27.
[23] См. там же, с. 30.
[24] *Сихарулидзе Ю. Н.* Борьба грузинского народа за свою независимость в XIII—XIV вв. Тбилиси, 1963, с. 74 (на груз. яз.).
[25] КЦ, т. 2, с. 171.

разорю прежде вас, а затем начну войну против татар» [26]. В изображении Вахушти Джелал ад-дина нет и тени осуждения: хорезмшах вполне реально оценивает свои силы, он уверен, что один на один ему не одолеть монголов, хотя и готов в случае, если отвергнут его предложение, идти на безрассудную войну с ними.

Дипломатическая деятельность Джелал ад-дина, в частности его специальные посольства к различным правителям с призывами объединиться против монголов, вполне отвечавшими реальным требованиям сложившейся в его время военно-политической обстановки, по нашему мнению, до сих пор не получили объективной оценки. Феодалы Хорезма воспринимали призывы к единению против монголов как опасное стремление хорезмшаха вернуть утраченную власть неограниченного монарха. А некоторые другие правители, в том числе и часть грузинских феодалов, не представляя реальной угрозы со стороны монголов и проявляя дипломатическую близорукость, надеялись с помощью почти неизвестного народа избавиться от могущественного соседа. Джелал ад-дину стали отказывать в союзе, то боясь, то недооценивая его, и это еще более обостряло политическую анархию перед лицом надвигавшейся опасности. В обстановке стремительно разворачивавшихся событий Джелал ад-дин стал считать себя вправе прибегать к силе против не внявших его призывам правителей [27]. После падения хорезмшаха современникам, оказавшимся под монгольским господством, легко было сваливать на него всю вину за поражение, ссылаясь на его несправедливость, «порочный» образ жизни, религиозную нетерпимость и многое другое.

И, наконец, отметим, что, описывая смерть Джелал ад-дина, грузинский анонимный историк не смог скрыть своей симпатии к нему. Как о мере справедливой расправы пишет он о сожжении на костре «ничтожного человека», угодившего врагам хорезмшаха. Известно, что наиболее достоверное описание обстоятельств гибели Джелал ад-дина принадлежит ан-Насави [28]. Рассказ грузинского анонима, по существу, напоминает сообщение персидского автора. В данном случае говорить о текстологической зависимости древнегрузинского **исто**чника от последнего не приходится. Древнегрузинский хронист использовал устные рассказы, бывшие популярными в той части грузинского общества, которую он представлял, и по тону повествования также можно судить об его отношении к личности Джелал ад-дина.

---

[26] КЦ. Тбилиси, 1973, т. 4/Подгот. к изданию С. Г. Каухчишвили, с. 202 (на груз. яз.).

[27] Автор Жизнеописания Джелал ад-дина сообщает примечательный «диалог» между хорезмшахом и одной из его спутниц во время магических действий для вызывания дождя, отразивший противоречивую оценку хорезмшаха современниками: «В вызывании дождя ты неискусен, ведь ты навредил людям обилием твоих дождей». Султан ответил: «Дело обстоит не так, как ты думаешь, это действие — результат старания, а мое усердие не может сравниться с усердием кого-либо из моих гулямов» (*Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави*. Указ. соч., с. 288).

[28] Там же, с. 294—296.

Ниже мы приводим перевод отрывка из «Хронографа», в котором описаны события, связанные с именем Джелал ад-дина [29].

«Итак, узнав о том [приближении татар], высокий и величайший из всех царей хорезмшах [1], который в ту пору по обилию дней своих был стар, а султанство и бразды правления владениями находились в руках сына его Джалаладдина, владевшего [страной] до Джеона [2], Хорасаном и Ираном, призвал он [Джелал ад-дина] со всем его войском в шестьсот тысяч человек и двинулся на Чингиз-каена.

Тот же выступил супротив хорезмшаха. Разразилась битва мощная и жестокая, в которой с обеих сторон было побито несчетное множество [людей], и были одолены хорезмийцы.

Но престарелый хорезмшах со своим небольшим отрядом оставался в рядах [сражавшихся], и татары окружили его. Видя это, сын его — султан Джалаладдин — воин доблестный и храбрый, мужественный и бесстрашный, словно не из плоти, силач отменный и бесподобный в боях, с малочисленным отрядом пришел на выручку к отцу, мгновенно подхватил его, и бежали оба в Хорасан [3].

После этого вновь и неоднократно бился Джалаладдин [с татарами], а именно трижды связывался с ними за Джеоном и четырежды в Хорасане, по сю сторону Джеона. И так как из-за грехов наших господь отдал страну нашу татарам, был он осилен сполна и изгнан. Узнав о бегстве и сокрытии его в крепостях, Чингиз-каен отправил [в погоню] за ним двух вышеупомянутых предводителей Иаму [4] и Салпиана, коих грузины именуют Себа и Джебо [5]. Велел им пройти земли Хорасана и Ирака и, покуда хватило бы сил, разведать те страны. Двинулись же они с двенадцатью тысячами всадников, без доспехов и провианта, но только с луками и без мечей [6].

Прошли Туран, Джеон, Хорасан, Ирак, Адарбадаган и достигли Гандзы [7]. И никто не противостоял [им]. Кто бы где ни явился — побеждали всех. Достигли пределов Грузии, приступили к опустошению земель Гаги. Проведали об этом Варам Гагели [8] и атабаг Иванэ [9] и сообщили царю Лаше[10] о вторжении чуждых племен, чуждых языков, опустошавших Сомхити [11].

---

[29] КЦ, т. 2, с. 163—186.

[1] Ала ад-дин Мухаммад (1200—1220 гг.), отец Джелал ад-дина; при нем произошло первое вторжение монголов в Хорезм.

[2] Джеон — грузинская форма названия Джейхуна — Амударьи.

[3] Ср.: *Рашид-ад-дин.* Указ. соч. М.; Л., 1952, т. 1, ч. 2, с. 190; *Д'Оссон Е.* История монголов. Иркутск, 1937, т. 1, с. 131.

[4] Иаме — турецкая форма имени монгольского полководца Джебе (*Кикнадзе Р. К.* Указ. соч., с. 60). В такой же форме это имя употреблялось и в других персидских источниках.

[5] Себа и Джебо — грузинские формы имен монгольских полководцев Субедея и Джебе.

[6] Грузинский хронист неоднократно говорит о легком вооружении монгольской конницы; это, очевидно, были разведывательные отряды монголов.

[7] Гандза (Гянджа) — один из крупнейших городов средневекового Закавказья (соврем. Кировабад, АзССР).

[8] Правитель области Гаг, один из видных государственных деятелей Грузии периода войн с Хорезмом и монголами; в восточных источниках его имя известно в форме Бахрам ал-Груджи — Бахрам Грузинский (*Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Указ. соч., с. 296).

[9] Иванэ и Закарэ Мхаргрдзели — полководцы и государственные деятели Грузии периода правления царицы Тамар (1189—1212 гг.).

[10] Георгий IV Лаша (1213—1222 гг.) — сын и преемник царицы Тамар; при нем монголы впервые вторглись в Грузию (1220 г.).

[11] Сомхити — в древнегрузинской литературе так называются как Армения в целом, так и пограничные с ней южные области исторической Грузии (*Мурадян.* ГХ, с. 194—195, 204; *Сумбат Давитис-дзе.* История и повествование о Багратионах/Пер., введение и примечания М. Д. Лордкипанидзе.

Царь же созвал войско свое, имеров и амеров [12], и собрал девяносто тысяч конников. Двинулись на татар, стоявших на окраине [земель] Гаги. Затем примкнули к ним с большой ратью атабаг Иванэ вместе с племянником Шапше — сыном своего брата амирспасалара Закарэ, мсахурт-ухуцесом Варамом Гагели и выступили.

Они же [татары], стоявшие лагерем на берегу Бердуджи [13], ныне называемой Сагим, мигом оседлали коней и вступили в схватку. И разразилась битва жестокая. Половина татар бежала, а [другая] половина скрылась в засаде и нагряпула с тыла. И тут постиг нас гнев всевышний за безверие и прегрешения наши, и бежали грузины и воины их и сам царь Лаша, и погибло несметное число душ христианских. В бою этом великий атабаг Иванэ — самцхийский спасалар — еле спасся живым, и был убит сын мечурчлет-ухуцеса [14] Кварквваре — отменный воин Бека [15]. И тут постиг нас божий гнев сполна, настало обречение племени грузинского из-за обилия безверия нашего, и отвратилось счастье от победоносного, великого и славного знамени Давида, ибо по сю пору многомилостивый и предопределяющий судьбы господь даровал высоко осчастливленному Давиду победы и победопосное знамя Давида и Горгасала не ведало поражений [16]. Но отныне ввиду превратности судеб племени грузинского не далась ему победа над татарами до [самой] поры нашей. И они, [некогда] славные и могущественные, [ныне] беглые достигли города. Силу и славу их сменили вздохи печальные. Ибо поскольку потревожили мы господа делами злыми, постольку наполнил он сердца наши горем и посрамил нас пред врагами нашими.

А татары достигли Самшвиле [17] и оттуда повернули обратно и содеяли нечто дивное: пошли по дороге Дарубандской [18], и потому как не смогли противостоять им ни ширваншах [19], ни дарубандцы, прошли врата Дарубандские и вступили в Кивчакию и навязали [здешнему населению] бой, и во многих местах бились с ними кивчаки, но повсюду одолели татары и так с боями удалились. И, как я уже говорил, без доспехов и на некованых лошадях, проделав подобный путь, пройдя Кивчакию и обогнув море Дарубандское, достигли Каракурума и предстали пред царем своим Чингиз-каеном. И поступили они столь необычно — прошли все пути-дороги, выйдя из Каракурума, и без роздыха да на некованых лошадях вновь в него же вернулись.

Узнав о том, что татары одолели повсюду, Чингиз-каен отправил сыновей своих на розыски хорасанского султана Джалалдина. Проведав об этом, султан Джалалдин собрал войско и многажды вступал в схватку, как о том я говорил. Но, почуяв полное бессилие свое, снялся с места со всеми домочадцами своими и в сопровождении ста сорока тысяч воинов со всеми их семьями бежал от погони татар, и направились они в страну нашу, о чем будет поведано в нижеследующих словах.

Преставился царь Лаша, поскольку не усмирился гнев раздосадованного нами господа многомилостивого и добродетельного.

Тбилиси, 1979, с. 44, 46, примеч. 10, 26; *Цулая Г. В.* Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа. — В кн.: Кавказский этнографический сборник. М., 1980, т. 7, с. 196, 204).

[12] Имеры и амеры — традиционное название в Грузии жителей соответственно к западу и востоку от Сурамского хребта.

[13] В данном контексте соответствует р. Дзегам-чай (древнегруз. Сагим).

[14] В феодальной Грузии управляющий царскими финансами.

[15] Бека Джакели — один из видных государственных сановников Грузии описываемой эпохи.

[16] Намек, с одной стороны, на мифическую генеалогию грузинских Багратидов, начинавших «историю» своего рода от иудейского царя Давида, с другой — на правителя Грузии Давида IV Строителя (1089—1125 гг.). Горгасал — грузинский царь Вахтанг Горгасал (ум. 502 г.), известен своими культурно-политическими преобразованиями; традиционно считается основателем города Тбилиси.

[17] Самшвилде — юго-восточная область исторической Грузии.

[18] Дербендский путь, груз. «гза дарубандиса» (*Минорский В. Ф.* Указ. соч.).

[19] Титул правителей средневекового феодального государства Ширван (на территории АзССР).

Чуя наступление кончины своей, царь Лаша призвал вельмож именитых царства его и доверил им сестру свою Русудан, со слезами говоря: «Ведома мне рода царского безупречная преданность вам, подлинным [людям] Грузии, и, уповая на бога, поручаю вам сестру мою Русудан, дабы по мне вы сделали ее государыней, как повелось то в обычаях ваших предков. Служите ей верно и мужеством вашим защитите престол царский от злобы вражьей. Да пусть она не мужчина — женщина, но не лишена мудрости и знаний государевых дел. Вам же, знатным царства сего, известны и памятны милость, щедрость и почести блаженной и добропамятной, блистательной среди царей матери моей. Да и сестра моя, если на то будет воля божья, удостоится вашего почета. Ныне молю вас пред богом сделать ее царицей — преемницей моей. Сестре же моей Русудан я пред богом во всеуслышание ваше поручаю вырастить сына моего Давида [20], и, когда ему будет посильно править и станет воином, пусть сделает [она] царем Давида, и поставьте его государем и наследником царства моего. Хоть он и отрок покуда, но, коли господь даст ему вырасти, думаю, что станет достойным царствования, ибо телом он статен и прекрасен ликом».

Завершив свое повеление, упокоился [21]. . . [тот], по ком остались скорбь и печаль несказанные. И была в трауре сестра его Русудан многие дни, и понесли его в усыпальницу царскую Гелати [22].

По преставлении царя собрались все именитые царства его, имеры и амеры, оба католикоса и епископы, от Никопсии [23] и до Дарубанда, все пребывавшие в подданстве его и признали государыней Русудан, возвели ее на престол государевый и по обычаям поздравили ее с царством.

Была [24] Русудан обличием прелестна, как и желанная матерь ее, незлобива, щедра, человеколюбива, почитавшая людей благонравных. Она устроила с миром все подвластное ей правление, и преисполнилось всякого добра все царство Русудан [24].

Но стали проявлять ненасытность и праздность люди всякого рода, и все обратились ко злу. И потому, как запамятовали они господа, господь подверг их непристойным надругательствам и избиению со стороны язычников. Ибо царица восприняла нравы брата своего и предалась праздности и песням, отчего и дало всходы великое зло.

Потому как вышеназванный султан Джалалдин изнемог в борьбе с татарами, обратился он к своим воинам и сказал им: «Известно вам и памятно, марзпаны наши и эриставы [25], добро и милость пращуров моих. А ныне ведомо вам, что́ постигло меня и вас от чуждых татарских племен. Мы многократно вступали с ними в бой и приложили много труда, но по промыслу божьему нас повсюду одолели. Теперь же он [Чингисхан] подступил к реке Джеону и выпустил в бой сына своего первородного. И вот решение мое: поскольку бог одарил его победами, то по желанию вашему оставим страну

---

[20] При сыновьях Георгия IV Лаши и его сестры Русудан (обоих звали Давид) монголы, опираясь на внутренние распри грузинской аристократии, ввели в Грузии двоецарствие: оба царя — Давид V Улу (монг. «Старший», сын Георгия IV) и Давид IV Нарин (монг. «Младший», сын Русудан) — образовали соответственно две ветви династии Багратионов в Восточной и Западной Грузии.

[21] Далее в тексте следует пропуск, в некоторых списках заполненный извлечением из сочинения «Историка времени Георгия Лаша» (КЦ, т. 1, с. 371, строки 8—14).

[22] Гелати — царский монастырь недалеко от совр. г. Кутаиси, основан в XII в. Давидом IV Строителем.

[23] Никопсия — средневековая крепость на северо-западе Кавказа, неподалеку от совр. г. Туапсе (*Цулая Г. В.* Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа, с. 196, 204).

[24—24] По нашему мнению, весь этот текст представляет собой вставку позднейших переписчиков, пытавшихся сгладить данную в «Хронографе» отрицательную характеристику царей Георгия Лаши и Русудан.

[25] Средневековые грузинские авторы часто распространяют феодальную титулатуру Грузии на феодалов других стран.

сию и, взяв с собой домочадцев своих, богатства и стада, двинемся в Грецию [26] и обоснуемся там. Ибо, хотя татары одолели нас, мы же одолеем все прочие племена. Кто же соблаговолит, да примкнет к нам, а кто изъявит желание, пусть останется у себя, ибо воля каждого да пребудет вовеки» [27].

Слово это все решили принять и, забрав с собой семьи и все свое достояние, выступили и дошли до Адарбадагана в количестве около ста сорока тысяч человек и достигли владений [князей] Мхаргрдзели [28], ибо атабаг Иванэ держал [город] Двин, а Ани был отдан племяннику его по брату — мандатурт-ухуцесу Шанше. Хорезмийцы эти явились на третьем году по преставлении Лаша-Георгия с целью разорения и захвата земель и населения Двина. Проведав о том, атабаг Иванэ и Варам Гагели явились пред царицей Русудан и доложили ей о появлении хорезмийцев и лично великого султана Джалалдина на погибель христиан. Сокрушали они так немилосердно, что не щадили ни женщин, ни младенцев.

Когда же Русудан узнала о вторжении хорезмийцев в ее царство, созвала воинство, имеров и амеров, развернула царское знамя и призвала атабага Иванэ, в ту пору состарившегося и тайно, но не явно постригшегося в монахи. Утвердила царица его предводителем своей рати и, вручив ему знамя свое, отправила на войну против султана Джалалдина.

Затем достигли они Двина и Амоберда [29]. Разбили хорезмийцы лагерь в селении, что именуется Гарни [30], и, когда подошло войско царицы, выступил вперед султан Джалалдин. И атабаг Иванэ спешно выстроил воинов царских, имеров и амеров, определил в авангарде воинов из Тори [31] и двух братьев Шалву и Иванэ из Ахалцихе — бойцов славных, в доме которых [спокон] повелось быть предводителями воинов.

Когда же сошлись предыдущие воины [грузинские] и султан, атабаг Иванэ уперся. Говорят, а именно — из зависти к ахалцихцам Шалва и Иванэ. О, зависть! — начало всякого зла, злостно истребляющая род человеческий и ранящая всякие племена! Как некогда подвигнула иудеев умертвить господа, ныне вновь и со злейшим упорством и с бесчувствием во зле побудила к полному истреблению Грузии и, как явствует из нижеследующих слов, побудила атабага Иванэ стоять в стороне от битвы и не пособлять сражавшимся.

Выступившие вперед бойцы присылали [к Иванэ] гонца со словами: «Мы приблизились к султану и отряду его, но нас много меньше, а бой предстоит суровый. Пусть спешно придут к нам [на выручку] отборные царские воины и отвага твоя». Так дважды и трижды отправляли [к нему гонцов], а он не давал им ответа. Но, потому как сражавшиеся в первых рядах торельцы, а паче ахалцихцы Шалва и Иванэ были отважны и опытны в боях, их не смутила многочисленность войска султана и, как хищники, кидались [на врагов] и показали славную схватку; пало с обеих сторон бесчисленное множество. А сражавшиеся Шалва и Иванэ мощно сокрушали храбрых и грозных [врагов]. А жестокий бой продолжался. Атабаг Иванэ и войска грузинские, взирая на жаркий бой, не пожалели христолюбивых сородичей своих торельцев и с ними многих славных [соратников], но стояли поодаль. И не изволил пособить атабаг Иванэ, как говорят, из зависти, но не из малодушия.

Во время битвы под обоими братьями ахалцихскими сразили коней, но и пешие они сражались отважно. И пало с обеих сторон неисчислимое [ко-

---

[26] В оригинале — Сабердзнети, что в древнегрузинской литературе означало одновременно и Древнюю Грецию и Византию (*Сумбат Давитис-дзе.* Указ. соч., с. 46, примеч. 30).

[27] Ср.: *Петрушевский И. П.* Указ. соч., с. 122.

[28] Центрами владений князей Мхаргрдзели, известных государственных деятелей Грузии и Армении в средние века, были крупные города средневековой Армении Ани и Двин.

[29] Анберд — город и крепость в средневековой Армении (в совр. Аштаракском р-не).

[30] Гарни — один из городов древней Армении; в средние века поселение городского типа.

[31] Тори — местность в пределах современного Боржомского р-на (ГССР),

личество воинов], но всего более торельцев. Когда битва ожесточилась пуще и мечи ахалцихцев поломались о шлемы [хорезмийцев], бежали грузины. Тут же большая толпа [неприятелей] схватила Шалву, а Иванэ, скрывшийся в скалах Гарни, был убит сброшенным сверху камнем. Шалву же представили султану Джалалдину. Нахчеванцы и адарбадаганцы опознали его и поведали султану о его мужестве и ратных доблестях. Он же [Джелал ад-дин] не казнил его, но держал при себе в большом почете и даровал ему города в Адарбадагане и чтил его наравне со своими вельможами. Спустя год, однако, был казнен султаном за отказ предать свою веру.

Атабаг Иванэ вернулся в Биджниси [32], султан же отправился в Адарбадаган и Нахчеван. И отсюда разорял он Грузию, опустошал и похищал [людей], истреблял нещадно, и не было [у грузин] утешителя.

Спустя два года преставился атабаг Иванэ, а мтаваром сделали сына его Авага и пожаловали ему титул амирспасалара [33].

После этого величайшее зло охватило род грузинский, постигло нас полное сокрушение ввиду великой неправедности нашей. Ибо ополчился султан походом на Грузию, возжелав сделаться ее царем, явился и разорил все земли и всю область Двина, всю Ани, Сомхити, Гаг до [самой] Гандзы, Шанкор. Прежде того Шанкор и прилегающие к нему земли принадлежали Вараму Гагели, человеку разумному и в боях заслуженному. Таковые смута и бедствия бродили.

В ту же пору царица Русудан привела сына [правителя] Тогрила в качестве заложника. Был он добрый молодец в возрасте зрелом, телом совершенен, отважен и многосилен. Приглянулся он царице Русудан, и явила желание женить его на себе, что и исполнила [34]. И сделала сына Тогрила мужем своим, от которого родилась дева возвышенно красивая, и нарекла ее именем блаженной матери своей — Тамар. Затем вновь народили сына и нарекли его Давид. Кроме того, растила она племянника своего Давида — сына Лаша-Георгия.

Когда подросла дщерь их Тамар, проведал о благородстве и красоте ее султан греческий Киасдин, отпрыск Нукрадина, и молил, [присылая] множество даров и подношений, дабы выпросить деву Тамар себе в супружество, и положил клятву не понуждать ее к отречению от веры Христовой. Вняла царица Русудан и выдала свою дочь [Тамар] султану Киасдину в замужество, непристойное для христиан, да с большими почестями дала ей в приданое Ацквери.

А вышеупомянутые те персы хорезмийские уже почти вступили в Грузию и разоряли ее земли.

Проведав о пребывании атабага и амирспасалара Авага в Биджниси, султан Джалалдин пожелал встречи с ним. Отправил к нему посланника со словами: «Ты являешься главой царских везиров и распоряжаешься в Грузии. Встретимся лично в сопровождении [каждый] по одному воину, ибо имею слово к тебе». Аваг принял то [предложение] и согласился на встречу. И оттуда также в сопровождении одного человека и во всеоружии [явился] султан в [один из] оврагов Биджниси. Сошлись вдвоем вплотную. Тут начал султан говорить слово: «Пришел я в Грузию не [из желания] опустошать ее, но ради мира и согласия. Однако вы спешно вооружились и сурово со мной схватились, и не стало мира. Ныне же выслушай меня, ты, знатнейший среди грузин и везир царского двора: известны ли вам род мой, племя мое, величие и обилие царства моего и то, что ни одному владыке непосильно было равняться со мною? Я сын высокого и великого царя хорезмшаха, и под властью моей была вся Персия от Адарбадагана до Джеона и от Джеона до Индии, [а также]

---

[32] Бджни — город и крепость в средневековой Армении.

[33] Высшее воинское звание в средневековой Грузии и Армении. Об амирспасаларе Аваге см. также: *Киракос Гандзакеци*. История Армении. М., 1976, гл. 26 и 29.

[34] Тогрул — арзрумский султан. Описываемое анонимом бракосочетание должно было произойти в самый канун похода Джелал ад-дина на Грузию (*Джавахишвили И. А.* История грузинского народа, т. 3, с. 40—41).

Туран, Хатаети, Чинмачин и весь Восток. Но по промыслу всевышнего явились в стране Чинетской, в земле неведомой, называемой Каракурум, люди некие дивные, с чуждым языком и с чуждым жизненным бытом, которые подчинили весь Восток и сокрушили множество государей. Царем же своим они сделали человека дивного, глубоко сведущего в делах, отважного в бою, по имени Чингиз-каен. И как только прибрал он к рукам Хатаети, двинулся я на него с войсками из Ирана [35], Турана, Персии, Туркмана [35] и многажды сражался с ними по ту сторону Джеона, а последний раз и по сю сторону Джеона. Но покинуло счастье дом хорезмшахов, и всюду я был осилен. Когда же приумножилась мощь его и понял я, что не стало более сил у меня, покинул я царство мое и пришел в Грузию в поисках мира и союза. Ведома мне твердость страны [вашей] и боевая отвага племени грузинского, и я желаю теперь объединиться с вами в твердой клятве и совместно бороться с врагами. Слышал я, что царствует над вами женщина, сделайте меня ее супругом и вашим царем, и одолеем мы всех врагов наших. Когда же вы не примете этого, да разорится царство ваше. И пусть я даже удалюсь, но татары-то ведь пришли, а противостоять им вам непосильно и не выдержите борьбы с ними. Отправь посланника к царице вашей и поведайте ей все сказанное мною, а именно: не желаю я разорения Грузии, но защиты ее от врагов и при вашем содействии моего усиления и пребывания нашем [во взаимном] мире».

Выслушав слова султана, Аваг не ответствовал ему, но сказал: «Я поведаю о словах этих царице и вазирам ее». Спешно отправил к государыне гонца и сообщил сказанное [хорезмшахом]. И как только достигли [царицы и ее вазиров] то предложение и прочие послания, диву далась царица, необычным было для нее это дело. Сообщили Авагу не внимать делам его [хорезмшаха] и совершенно их отклонить. И Аваг тут же сообщил обо всем султану; тот же, узнав об этом [решении], снялся с места и с боем двинулся на город Тпилиси в намерении захватить его.

Узнав о наступлении султана, царица снялась и отправилась в Кутаиси, а защиту Тпилиси поручила войску во главе с братьями Боцо и Мемна — сыновьями Боцо [36]. Пришел султан в Армению и разорил ее сполна; пали жители ее от острия мечей. И затем [хорезмийцы] подступили к Тпилиси.

Защитники города вооружились и дали жестокий бой, показали грузины блестящую битву. Затем [в одну] из ночей тпилисские персы отправили [своего] человека к султану Джалалдину [и обещали] предать город изнутри, отворить ворота, к которым они будут приставлены, и поднять внутри мятеж. С рассветом вновь вооружился султан в уповании на предательство персов. А защитники города сыновья Боцо — Мемна и Боцо, не подозревая о том, вооружились и отправились к Гандзийским воротам [37] и, собираясь сделать вылазку, стали надевать шлемы. [В это время] некий перс большим и плоским мечом с силой ударил Мемну по непокрытой голове, раскроил ее, и [Мемна] тут же замертво пал.

И вспыхнула внутри война, ибо в крепости восстали персы и отверзли ворота Тпилиси. И как стало в городе [явным] предательство изнутри, бежали защитники города в Исани [38]. Боцо [сын Боцо] укрепил Исани и вступил в жестокую схватку.

Боль сердца моего не дает мне сказать о том, что натворили хорезмийцы в городе. Кто бы вынес слова, об этом сказанные, и испытания, что постигли христиан?

Здесь мне хотелось бы замолкнуть [о том], что с болью в сердце повествую, ибо нещадно они распоясались, отрывая от грудей материнских младенцев и пред матерями разбивая их о камень; у иных же вышибали глаза и мозжили головы и затем умерщвляли матерей; старцев на улицах затаптывали копытами лошадей, зарубали юнцов, и текли кровавые реки. Мозги

[35–35] Так в оригинале.

[36] Один из видных деятелей феодальной Грузии периода войн с монголами.

[37] Название одних из ворот средневекового Тбилиси, к которым подводили пути, связывающие город с Ширваном (на территории АзССР).

[38] Исани — один из укрепленных районов средневекового Тбилиси (ныне район им. 26 бакинских комиссаров).

людей — женщин, старцев и младенцев, волосы и кровь, головы и отсеченные части тел, кишки, растоптанные и затоптанные лошадьми, — все было перемешано. Не являли милосердия, предавали смерти отсечением плеча, опрокидыванием навзничь и распарыванием живота.

О, вопиющий недуг да слезы, зычно голосящие! Звуки криков и истошных стенаний сотрясали город, ибо большинство народа согнали, словно овец, и видели одни любимых детей, другие — братьев и отцов, жены — мужей, мужья — жен, в бесчестии преданных на погибель, затоптанных копями и на улицах терзаемых псами, лишенных права на погребение. Осквернены церкви и пречистые жертвенники, а благочинные священники, в церквах вместе с образами и крестами истребленные.

Постигла нас беда, подобной которой вовеки не было писано в книгах древних, сравнимая разве только с полным сокрушением Титом и Веспасианом Иерусалима иудеев, распинателей Христа. Говорит о том хронист и повествователь Иосиф Флавий, поведавший о погибели иудеев, об истребленных тогда лишь голодом и мечами трех миллионах мужчин. Подобное тому обрушилось и на город Тпилиси в пору нашествия сих сарацинов.

Поскольку не было в городе ни сил, ни [надежд] на спасение, царица Русудан отправила к Боцо и другим защитникам города людей [с повелением] оставить Исани и отступить. С трудом убедила царица Боцо покинуть [Исани], потому как многажды посылала им [грамоты] с разрешением того, как пишет об этом некий Бери Мгвимели [39].

Итак, прибрав к рукам суровым город, султан вновь начал творить супротив христиан деяния злые из злейших. Он столь нещадно сокрушал, что наполнились улицы, ущелья и ямы убиенными и большую часть трупов побросали в Куру. Это не утихомирило его, безбожного и гнусного. Изобрел иное зло, о котором упоминать мне постыдно, ибо скорбь и слезы одолевают меня за немилосердно разгневанного нами милостивого утешителя господа: стал Джалалдин разрушать церкви, разворошив их до основания; дерзнул и поднял руку на Сион, дабы разрушить купол его, замыслив на место его положить гнусное свое седалище, приложив [к куполу] для восхождения помост высокий и длинный. А к этому присовокупил и то, что образ господа нашего Иисуса Христа и всесвятой богородицы, что был собственностью Сиона, повелел принести и на помост тот возложить ликом вверх. И силой понуждал всех покоренных христиан — мужчин и женщин — попирать святые образы и отречься от веры, а тем, кто отпирался, отсекал головы. Во исполнение этой воли приводили мужчин со своими женами и силой понуждали выполнять то. Многие же выказали блестящее сопротивление и неповиновение в поругании святых образов и отречении от веры. Множество мужчин и женщин нашел [Джелал ад-дин] доблестными, принявшими венец мученичества, и число их по множеству не сосчитаемо, ибо мнится мне, что количество достигло ста тысяч убиенных.

Итак, опустошив Тпилиси, стали громить, полонить, избивать и истреблять Армению, Камбечиани [40] и берега Иори, Картли и Триалети [41], Джавахети [42] и Артани [43], часть Самцхе [44] и Тао, Карнифору и прилегавшие к Ани земли.

И длились эти беды и ниспосланный свыше гнев в течение пяти лет, ибо поначалу два года громили страну, а пять лет простояли в городе и разоряли земли вышеописанные [захватчики]. Не стало строений, кроме крепостей и укрепления, ибо страна Грузинская была отдана на разорение в силу того, что цари и мтавары отрешились от истины, милосердия, любви, покоя, справедливости, а взамен обрели высокомерие, коварство, зависть, злобность,

---

[39] Ссылка на автора не дошедшего до нас сочинения (*Джавахишвили И. А.* Древнегрузинская историческая литература, с. 255—256).

[40] Камбечиани — область в Восточном Закавказье, где в древности и раннем средневековье сходились рубежи Картли, Армении и Кавказской Албании.

[41] Триалети — одна из областей центральной Грузии.

[42] Джавахети — область юго-западной Грузии.

[43] Артани — совр. г. Ардаган (ныне на территории Турции).

[44] Самцхе — область в южной Грузии.

корыстолюбие, насилие, убийство, хищение, разврат, безнравственность, и, как говорит апостол, «горе тем, кто стали на стезю Валаама»[45] и творят дела содомские, потому как люди всякого возраста, старцы и юнцы, от мала до велика обратились ко злу. Ибо наступили недуг и страдания Содома и Гоморры, и господь своей мощью предал их на злую погибель, потому как обречены мы богом, нами позабытым и справедливо нас не помнящим. Разорилась страна Грузинская, разорилась от самого Лихи[46]. . .

Но, пребывая в горе неутешном, стране Грузинской явились и другие величайшие тяготы судьбы. А потому возобновим прерванную выше повесть. Царица Русудан, стесненная этими трудностями, пребывала в Кутаиси и всей Абхазии. И, как стало сыну ее Давиду пять лет, возжелала она сделать его царем. И, как заведено у любителей мирских [удовольствий], возлюбила преходящий мир, запамятовала страх божий и любовь брата, замыслила дела, возмутительные для всякого, потому как вышеупомянутого племянника своего Давида, что по завещанию брата ее Георгия был поручен ей и выращен ею, тайно отправила в Грецию к дочери своей и зятю султану Киасдину, дабы погубить его [племянника] и оставить царство своему сыну в безопасности и безраздельно.

А как предстал Давид пред султаном и отцовой племянницей — дочерью Русудан — Тамар, к которой султан обращался Гурджи-Хатун, узрели его и возлюбили, держали при себе в почете, а царица Гурджи-Хатун добродетельно обращалась с юношей своим двоюродным братом Давидом и не внимала убийственному повелению царицы Русудан. Так что Давида чтили весьма.

И как только [Русудан] отправила племянника в Грецию, созвала полностью свое воинство, абхазов, Дидиан-Бедианов, эристава рачинского и католикоса Абхазии. Посадили царем Давида, сына Русудан, благословили в Кутаиси и возложили венец на главу; возвели на царский престол, по обычаю поздравили с царством, а католикос исполнил обряд миропомазания.

А царству [по сю сторону от Лихи] был недосуг из-за хорезмийцев, потому как мандатурт-ухуцеси Шанше пребывал в Ани, а амирспасалар Аваг в Биджниси, а также Варам Гагели, эры и кахи, сомхитары[47], картлийцы, торельцы, шавшийцы, кларджийцы, таойцы — все они жили в крепостях, каждый в повиновении царице Русудан, и не в пору им было присутствовать на венчании Давида.

Тут вернемся к прежде упомянутому Чингиз-каену. Как только татары достигли страны нашей, гонимый султан Джаладдин бежал и покинул царство свое. [Татары] легко прибрали к рукам Туран, Турцию[48] и весь Хорасан. И поделил [Чингисхан] на четыре [части] армию свою и определил четырех сыновей ханами:

первородному вручил половину воинства и отправил в Великую Кивчакию до [страны] Мрака, Осетию, Хазарию, Русь до боргаров и сербов, ко всем жителям Северного Кавказа, как о том говорено мною;

второму же сыну — Чагата — отпустил воинов и страну уйгуров до Самарканда и Бухару до страны Алмотской[49]; это, кажется, Туран;

третьему сыну — Окота — дал, собственно, престол свой, а также Каракурум, Чин-Мачин, страны Эмелийскую, Кутакскую и Хатаети;

четвертого сына звали Тули; ему он выделил армию и земли к востоку [от владений] Окота.

Сих четырех определил ханами и уведомил: раз в году братьям старшим являться к Окоте для созыва курултая, так как престол был отдан Окоте.

---

[45] Ср.: Второе послание Петра, гл. 2, с. 15.

[46] Далее мы опустили обширную цитату из Библии.

[47] Древнегрузинское название коренного населения пограничных между южной Грузией и северной Арменией зон.

[48] Под Турцией (груз. Сатуркети) наш автор имеет в виду населенные тюрками страны.

[49] Аламут — горная крепость в Иране; с конца XI в. была центром мусульманской секты ассасинов; в 1256 г. разгромлена монголами (*Spuler B.* Op. cit., S. 33—34).

Устроив так сыновей, пришел в Туран и отправил сына своего меньшего Тули в Хорасан для разведывания. Переправился через Джеон и вступил в Нишабур, где нишабурцы трижды вступали с ними в бой. В первом же сражении захватил город, в котором отсек головы тремстам тысячам человек, в другой же раз — ста тысячам, а в третьем сражении — тридцати двум тысячам. И вот вам истина, коли не поверите в правдивость [сказанного]: свидетель разорения Нишабура брат великого сахиб-дивана Ходжи Шамшадина говаривал. Отправился сей Тули, прошел Хорасан, Мазандаран, подступил к стране Иракской.

Проведав о том, султан Джалалдин снялся с Тпилиси со всей семьей и скарбом, отправился на войну с татарами и пришел в Адарбадаган. Отправил посланника к султану хлатскому и халифу, владетелю Багдада, дабы вспомоществовали ему, себе и своим. Уведомил также и султана Ирака: «Уж коли самолично не желаешь борьбы с татарами, пришлите мне армию, ибо я сведущ в войне с ними. Но если не внемлете, то, прежде чем я прегражу им [путь], вы не окажетесь в силах [противостоять татарам]». Когда же явился посланник султана [в Ирак], не высказали желания воевать против татар.

Узнав о том, султан решил, что его и адарбадаганским войскам не выстоять против [татар], покинул Адарбадаган и вновь удалился в Тпилиси. Проведав об этом, царица Русудан созвала все свое воинство, имеров и амеров, мандатурт-ухуцеса Шанше, амирспасалара Авага, мсахурт-ухуцеса Варама, эров, кахов, сомхитаров, джавахов, месхов, таойцев, Цотне Дадиани, человека почтенного и достойного; абхазов, джиков и всех из имерского царства [50], говорить о коих порознь недосуг. И отверзла Врата Дариальские и впустила осов, дурдзуков [51] и заодно с ними всех горцев. Собрались в Начармагеви во множестве неисчислимом, и отправила царица их на войну с хорезмийцами.

Однако царский штандарт не сопроводила из-за дела атабага Иванэ. Отправились и вышли из Тпилиси. А султан стоял лагерем в Сомхити, в Болнисском ущелье.

И как увидели [грузин] сторожевые султана, донесли ему. Он же, будучи бесстрашным в бою, вооружился, шел впереди [своего войска], и произошла война жестокая, и в начале схватки одолели грузины. Когда же бой разгорелся пуще, пало с обеих сторон неисчислимое множество людей, гневно глянул господь на племя грузинское [52]. . . и одолели войско царское и бежали от хорезмийцев. Султан же вновь вступил в Тпилиси. И всех, кого где-либо настигали, грабили. И разорял [хорезмшах] вышеупомянутые страны.

А главнейший из татар Тули прошел Ирак до [самого] Казвина; разорил страну, истребил непокорных, удалился и прошел Хорасан, Джеон, вернулся и предстал пред отцом своим Чингиз-каеном и братьями своими. Как только [Чингисхан] узнал о полном бегстве султана Джалалдина, позвал к себе эрисмтаваров, коих грузины называют ноинами, по имени: Чармаган — первейший и второй — Чагата; Иосур и Бичо. Отвели им по десять тысяч воинов со [всеми их] домочадцами и отправили на розыски султана. Четверо сих ноинов были сыновьями каена. Каждого [из них] уведомили, что всюду, куда бы они ни пришли, если их начинали молить о божьей милости, — щадить, а непокорных истреблять, и дань [подвластной им] страны делили вчетверо и посылали [также] своему государю.

Так что отправились четверо этих ноинов — Чармаган, Чагата, Иосур и Бичо, прошли Джеон и Хорасан с сорока тысячами воинов и с их домочадцами, достигли страны Алмотской, тут же вступили с ней в сражение и сильно ей навредили. Из этой страны отправились в Ирак и разорили его. Тех, что явились к ним [с повинной], щадили. Затем пришли в Адарбадаган, который есть Тавриз, вышел их встречать всякий адарбадаганец с несметными подно-

---

[50] В данном случае термин «имерские» означает «потусторонние народы» и имеются в виду, вероятно (об этом свидетельствует порядок перечисленных племен), различные владетельные князья Северо-Западного Кавказа.

[51] Так в ранних грузинских летописях, а также в армянской «Географии» VII в. именуются предки современных чеченцев и ингушей.

[52] Далее мы опускаем обширную религиозную фразеологию.

шениями. Оттуда пришли в город Ардавель, они [жители города] также [покорно] вышли их встречать. Прошли Расхи [53] и подступили к сильно укрепленному [городу] Гандзе, и в течение трех дней татары с боем прибрали его к рукам, ворвались внутрь города, разорили, истребили множество душ, ибо считали мерзостной веру, проповедуемую Муамедом.

Узнав об этом, султан спешно собрал всех домочадцев и бежал в Грецию. Татары же пустились за ним вслед и нагнали его в Басиани; увидя [татар, хорезмийцы] рассеялись. Таким образом, султан остался один, добрался до какой-то небольшой деревушки и заснул под деревом. Заметил это некий человек ничтожный и убил его. Кушак, седло и колчан [султана] были отделаны драгоценными каменьями, и из-за них был умерщвлен сей человек — высокий и знаменитый государь. Ибо полна превратностями надежда на этот суетный мир, и, как гласит о том мудрый «Экклесиаст», «все суета сует и томление духа» [54]. А посему [для Джелал ад-дина] оказались тщетными рать и твердость выи его, мощь победная и неумеренные сокровища. И все суетно, разве только жизнь нетленная, вечная и беспредельная.

И как только рассеялись хорезмийцы, большинство их бежало в Гармиани, а султан Джалалдин был убит, и тут же сполна завершилось царство великое. Прослышав об убиении султана — сына хорезмийца, султан Киасдин привел того человека, что принес кушак, седло и колчан султановы, разукрашенные редко обретаемыми каменьями. Дались диву глядящие, а человека того, убийцу султана, сожгли на костре».

---

[53] Река Аракс.

[54] Ср.: Экклесиаст, гл. I, ст. 1.

ОБ УСТНЫХ ИСТОЧНИКАХ ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ КУЛИКОВСКОГО ЦИКЛА)*

С. Н. Азбелев

5

Ниже предлагается опыт предварительной реконструкции трех недошедших источников, о которых шла речь в предыдущих разделах. Запись устного рассказа участника войны 1380 г., составившая основу Повести о Куликовской битве, реконструируется по рукописи ГПБ, F.IV.238. Запись устного сказания, составившая основу Повести о Мамаевом побоище, реконструируется по тексту этой Повести, изданному И. М. Снегиревым. По тому же тексту реконструируется Память о Мамаевом побоище. Исходные тексты берутся без внесения каких бы то ни было дополнений или изменений (кроме исправления описок рукописи F.IV.238, что оговорено в подстрочных примечаниях). После каждого цельного фрагмента указывается номер листа или страницы, где находится предшествующая этому указанию часть использованного текста.

Рассказ	Сказание	Память
Окоянны (245) Мамаи разгордевся, мнев себе аки царя. И (245) яко же при Батыи цари было (245), двигнувшеся вся колена татарская. И пача посылати к Литве, к поганному Ягаилу и ко (245 об.) Олгу Рязанскому (245 об.), стати им у реки Оке на Семен день на благовернаго великого князя Дмитрия (245 об.). Олег (245 об.) посылаша к безбожному Мамаю и ко Ягаилу своего боярина (245 об.) Епифана Кореева,	Безбожныи царь Мамаи нача завидовати (2) безбожному Батыю и (2) пача глаголати своим упатом и князем и уланом, яко не хощу аз тако творити, како Батыи, аз князи их изжденю, а которые грады их красные, тех хощу видети тихо и безмятежно (3). И распусти облаву свою, заповеда улусом своим, яко да ни един у вас пашет хлеба, будите готови на Рускую землю и хлебы. Слышав же то Олг Резанскии, яко царь Мамаи близь кочюет, а идет на Русь ратию, стоит на Воронеже, а идет на великого князя Димитрия Ивановича. Бысть же у Олга князя Резанскаго скудость ума во главе (3). Нача посылати послы к Мамаю царю со многою честью и дарьми. Ярлык же свои писа к нему сице: «Восточному царю Мамаю твои посаженныи присяжник Олг Резанскии, слышах тя, господина моего	Князь великии Димитреи Ивановичь (11) избра юношу доволна смыслом (11) Захарию Тошкова и дав ему два толмача (11) и злата много отпусти с ним ко царю. Захария же дойде земли Резанские и слышав то, яко Олг Резанскии и Олгирд Литовскии приложилися к Мамаю царю, и посла к великому князю таино посла (11—12). Князь же великии Димитреи

* Окончание. Начало см.: Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976.

Рассказ	Сказание	Память
(245 об.) совет с[ове]ща стати ему у Оке на брезе (245 об.). Бысть же месяца августа (246), Олг (246) послав к великому князю Дмитрию Ивановичю весть лестную, что «Мамаи идет со всем царством в мою землю Рязанскую на тобе и на мене. А тобе ведомо буди, и князь литовскии идеть на тебя же со всею силою своею, а ркущи: еще рука наша высока». Се же слышав князь велики Дмитреи Иванович (246) и посла [1] по брата своего по князя Володимера Ондреевича и по всех князеи руских, и по воевод по великих. И рече князь великии ко брату своему князю Володимеру Ондреевичю и ко всем князем руским и воеводам: «Поидем противу (246 об.) безбожьнаго (246 об.) Мамая, за православную веру христианскую» (246 об.). И поиде противу их вборзе с Москвы хотя боронити [2] своея отчины. И приде на Коломну (246 об.). Опроче князеи руских и воевод	милостива, хощеши итьти на Русь, на своего посаженника и служебника, на князя Димитрея Московскаго, огрозитися ему хощеши. Ныне же, господине, припти время есть, злата и богатства наполнися земля его. И тако бо вем, всесветныи царю, яко кроток есть человек Дмитреи, егда же услышит имя ярости твоея, то отбежит от тебе в дальный оток, где есть место пусто и неключимо. Злато же и богатество все будет в твоих руках. Мене же, раба твоего, царю, держава твоя пощадит, аз бо ти Русь велми устрашаю и князя Димитрея. Но и не то одно, царю, егда о своеи обиде и твоим имянем погрожу ему, а он о том не радит, еще де град мои Коломну взял за себя, да о том о всем молю тя, царю, не презри моления моего». Ярлык списав, посла же не послав, но посла посолство к великому и велеречивому и к велеумному Олгирду Литовскому, смысливше худым своим умом. И писа грамоту сице: «Великому князю Олгирду Литовскому Олг Резанскии пишу радоватися. Ведаю бо, яко издавна мыслил еси на Московскаго князя Димитрея изъгонити его, а Москвою владети. Ныне же приспе время нам, яко великии царь Мамаи идет на него и хощет пленити землю его. Ныне же приложимся и мы к нему, да тебе даст Москву и иныя присяжныя грады, а мне Коломну и которые близ Муром и Володимер. Ты же и аз пошлем послы к нему и дары, елико имам какие, и пиши книги к нему, елико сам веси паче мене. Аз же писах, по не послах, хощу бо единого с тобою и жду твоего послисаря». Прииде же посол и вдаст грамоту Олгирду от Волга. Олгирд же прочет грамоту и рад бысть и похвалив друга своего Олега великою похвалою. Посла посол свои ко царю и дары безчисленыи. И книгу писав к нему сице: «Великому восточному	Ивановичь (13) послаша на сторожу крепкия юноша Родиона Ржевскаго, Якова Усатаго Андреева сына, Василия Тупика. И повеле им ехати близ орды и до Быстрыя Сосны. Повеле им языка добывати, дабы истинно слышали царева хотения. Грамата же разослав князь великии по всем градом, да будете готови на брань, и збиратися на Коломну (13—14). Сторожи же в поле замедлиша, он же другия сторожи посла и повеле им вскоре возвратитися. А посла Климента Полянинова, да Ивана Съяслова, да Григория Судока и иных много с ними. Они же сретоша Василия Тупика еще близ Оки реки, везуще язык к великому князю. Язык же поведа великому князю, яко не ложно идет царь на Русь. Совокупився со многими ордами и еще с ним совокупился Олг Резанскии и Олгирд Литовскии.

[1] *В рукописи*: посла посла.
[2] *В рукописи*: боронитьи.

Рассказ	Сказание	Память

местных (246 об.—247) бяше всеи силы и рати с полтораста тысящь или з двесте тысящь. Еще же к тому приспеша (247) князь Андреи Полоцкии с полочаны и брат его князь Дмитрии Брянскии со всеми своими вои (247).

Приде великому князю Дмитрею Ивановичю другая весть и поведаша ему Мамая за Доном и собрашась в поле стояша и ждуще к собе на помощь князя литовскаго Ягаила с литвою (247).

И нача Маман слати ко князю великому Дмитрию, выхода просити, как было при Чанибеке цари, а не по своему докончанию. Христолюбивыи же князь великии Дмитрии Ивановичь не хотя кровопролития и хотяше ему выход дати по крестьянскои силе и по своему докончанию, как с ним докончал. Он же не восхоте, но высоко мысляше (247). Олег же (247) нача выход ему давати да и силу свою в помощь к нему присылати на великого князя Дмитрия Ивановича

царю Мамаю князь Волгирд Литовскии многу милость. Слышав, господине, хощеши улусь свои казнити и Московскаго князя Димитрия. Да того ради молю тя, царю, яко обиду сотвори Олгу Резанскому, а мене тако же накости дея. Но молим тя оба, да при державе царствия твоего видит твое смотрение нашу грубость от Московскаго князя Димитрея. Все же глаголют лестию на великаго князя Димитрия, и ркучи в себе: егда услышит имя твое царево и нашу присягу к тебе, то отбежит в Великии Новъград или на Двину, а мы сядем на Москве и на Коломне. Егда царь же приидет, и мы ему большая сих срящем. Царь же возвратится, а мы и княжение Московское разделим ино к Вилне, ино к Резане. Но и ведаем, яко царь имает ярлык дати нам и родом нашим» (4—6).

Придоша же книги по сореченному словеси от Олгирда Литовскаго и от Олга Резапскаго к безбожьному царю Мамаю и дары многочестныи вдаша ему и книги писаны. Безбожныи же возрев писания и рече: «облестьми сие писание». И нача думати со алпауты своими, они же разумеша, яко прилежно писание их. И рече царь: «Аз чаях, яко воедино совокуплени будут на мя, ныне же разумею, яко разность между их велика есть. Имам бо на Русь быти». Послов же тех чествовах отпусти их. А писание писа Олгирду Литовскому и Олгу Резанскому: «Елико писасте ко мне, познах, а на дарех ваших хвалю вам. Колико хощете Руския вотчины, тем вас одарю, токмо присягу ко мне имейте. Ныне же сретите мя с своими силами, где успеете, да одолесте своего недруга, а мне ваша пособ не добро надобна. Аще бо хотел, то и своею силою древнии Иерусалим пленил бых. Но чти вашея хощу, а моим именем и вашею рукою распущен будет князь Димитреи Московскии, да огрозится имя ваше во странах ваших. А мне бо достоит победити царя себе подобна и довлет ми царска честь. Спце князем своим рцыте».

Не спешит бо царь того деля, яко осени ждет, хочет быти на руския хлебы(14).

Князь же великии рече всем князям и воеводам быти на Успение святеи богородицы на Коломну, яко да преберем полки и дав коемуждо полку воеводу.

В то же время приспели князи белозерскии, подобни суть воинам крепким, вельми доспешни и кони воински наряжены под ними. Приде князь Феодор Семеновичь Белозерскии, Семен Михаиловичь, князь Андреи Кемскои, князь Глеб Карголомскои. И приидоша князи ярославскии со всеми силами, князь Андреи Ярославскои, князь Роман Прозоровскои, князь Лев Серповскии, князь Димитреи Ростовскии (15—16).

Приспевшу же дни четвертку, августа в 22 день, на память святых мученик Агафоника и Лупна, восхоте уже изыти князь же Димитреи противу безбожных печенег. И поим брата своего князя Владимера, и иде

Рассказ	Сказание	Память
(247 об.), новыи Святополк (247 об.). Святитель же Герасим благослови великого князя Дмитрия Ивановича и вся воя его (248), и поиде с Коломны с великою силою противу безбожных татар месяца августа 20 (248). Яко прошед свою отчину и великое свое княжение, ста у Окы на усть Лопасны и перенмая вести про поганых. Та бо наехав князь Володимер Андреевич, брат его, и великии его воевода Тимофеи Васильевич, и вси вои остаточныи, что были оставленны на Москве. И нача возити за Оку за неделю до Семеня дни, в день неделныи. Переехавше за реку и внидоша в землю Рязанскую. А сам князь великии Дмитреи Иванович в понеделник перебродил с своим двором. А на Москве остави воевод своих у великоя княгини у Евдокеи и у сынов своих у Василия и у [Ю]рья и у Ивана, Федора Андреевича (248). Великии же князь Дмитрии Иванович приде к реце к Дону за	Послы же возвратишася к ним поведаша, яко царь здравит, велми хвалит (7—8). Олг же нача паче поспешивати и слати послы к Мамаю царю и рече: «подвизаися скоро» (9). Ныне сего Олга нарече втораго Святополка. Слышав же то князь Димитреи Ивановичь (9) и посла по брата своего по князя Владимера Анъдреевича (10), по вся воеводы и по местныя князи (10), и ркучи им тако: «Братия моя, рустии князи и воеводы и бояря, гнездо есмя князя Владимера Киевскаго (14), аз, братие, за веру християнскую готов есмь умерети». И рече князь Владимер Андреевичь и вси рускии князи (15): «Мы же, господине, готовимся умерети и главы своя сложити за святыя церкви и за христову веру, и за твою обиду великаго князя» (15). Уже бо, братие, не стук стучит и не гром гремит в славне граде Москве, стучит рать великаго князя Димитрея Ивановича (16). Княгиня же великая Овдотия и княгиня князя Владимера и иных православных князеи княгини с воевоцкими женами ту стоячи проводу деют, а в слезах захлипаяся ко сердечному (21). Князь же великии Димитреи Ивановичь вступи во златокованное стремя и седе на своего любовнаго коня. Вси же князи и воеводы на свои кони седоша. А солнце со восхода светит и путь его поведает и ветрец тих и тепл по них веет. Уже бо тогда яко соколи от златых колодец рвахуся, выехали князи Белозерскии ис каменна града Москвы со своим полком. Урядьни бо полцы их видети, яко достоит им избавити стада лебедина (22). Князь великии Дмитреи Ивановичь рече брату своему князю Владимеру Андреевичю и иным князем и воеводам: «Братия моя милая, не пощадим живота своего за веру христианскую и за святыя церкви, за землю Рускую!» И говорит князь Владимер Андреевичь: «Господине князь Дмитреи Ивановичь, воеводы у нас велми крепцы, а руские удал-	в церковь святеи богородицы (18) ко гробу блаженнаго чюдотворца новаго Петра (20). Княгиня же великая Евдокея отдаст конечное целование государю своему великому князю Димитрею Ивановичю (21). Княгини и бояроны и воевоцкия жены своим князем и бояром отдаша конечьное целование (22). Князь же великии Димитреи Ивановичь отпусти брата своего князя Владимера Андреевича на Брашево дорогою, а белозерския князи отпусти Болваискою дорогою рекше Деревскою, а сам поиде на Котел (23—24). Поят с собою от сурожан (25) 10 мужеи поведания ради дальних земель (25): перваго гостя Василия Капица, втораго Сидора Алферьева, 3 Констянтина Болкова, 4 Козму Коверю, 5 Семена Коротопоса, 6 Михаила Самарева, 7 Тимофея Восякова, 8 Димитрея Чернова, 9 Ивана Шиха, 10 Дементия Сараева (25—26). Князь же великии Димитреи Ива-

два дни Рожества святыя богородица. И тогда приде к нему грамота от преподобнаго игумена Сергия (248 об.), в ней же написано благословение его таково, воля ему битися с татары: «чтобы еси, господине, таки пошел, а поможеть ти бог и святая троица».

Великии же князь (248 об.) нача полки ставити. И устрояша во одежю их местную, яко велицы ратницы. Воеводы ополчиша своими полки и придоша к Дону. И сташа ту, и много ту думаша. Овии глаголаше: «поиде, княже, за Дон», а друзи реша не ходити (248 об.—249). Великии же князь Дмитреи (249) повеле мост мостить через реку Дон и брод пытати тоя пощи, в канун Пречистыя (249 об.).

Заутра же в суботу порану (249 об.) бысть тма велика (250). И мгла бяше того утра до 3 часа (250). Князь же великии Дмитреи Иванович (250) и вси его князи руския вся полки устроиша, и великия его воеводы во одежи местныя облекошася (250), и переидоша

цы сведоми, имеют под собою борзы кони, а доспехи имеют велми тверды, злаченные колантыри и булатныя баиданы, и колчары фряиския, корды лятцкие, сулицы немецкие, щиты червеныя, копья злаченыя, сабли булатныя. А дорога им велми сведома, березн им по Оце изготовлены. Хотят головы своя сложити за веру хрпстиянскую и за твою обиду государя великого князя» (22—23).

Спереди ему солнце сияет и добре греет, а по нем кроткии ветрец веет (24).

Княгини же великая Евдокея (24) взыде на златоверхии свои терем в набережныи и сяде под южными окны и рече: «Уже бо конечно зрю па тебя великого князя? (21). От Калкинскаго побоища до Мамаевы рати 160 лет (24—25), от тое бо рати Руская земля уныла (25). Аз же унылая имею две отрасли князя Василия да Юрия (25). Возврати им, господи, отца их поздорову» (25).

Тогда же возвеяша силни ветры по бервице широте, воздвигошеся велицы князи, а по них рускии сынове успешно грядут, аки медвяны чаши пити и стебле винны ясти. Но не медвяны чаши пити, не стебле винны ясти грядут, хотят укупити чти и славнаго имени во веки земли Рускои, великому князю Димитрию Ивановичю похвалу и многим государем. Дивно и грозно бо в то время слышати, а громко в варганы бьют, тихо с паволокою ратные трубы трубят, многогласно и ч[ас]то коне ржут. Звенит слава по всеи Рускои земли.

Велико вечье бьют в Великом Новеграде. Стоят мужи новъгородцы у Святыя Софеи премудрости божия, а ркучи межу собою таковое слово: «Уже нам, братие, на помощь не поспети к великому князю Димитрию. Уже бо яко орли слетелися со всеи Рускои земли, съехалися дивныя удалцы, храбрых своих пытати».

Не стук стучит, не гром гремит по зоре, стучат и гремят руские

новичь прииде на Коломну на память святого отца Моисея Мурина, в среду, августа 28 день. И ту быша многи воеводы и ратницы срстоша его на речке на Чевеке. Епископ же Еуфимеи срете его во вратех градных с честными кресты (27).

В утрии же день князь великии повеле всем воеводам выехати на поле Девиче и всем людем сниматися в четверк, августа 29 день, на память Усекновения главы Иоанна Крестителя, по заутрени (28), в саду Памфилове (28).

Князь же великии (28) урядив коемуждо полку воеводу. А себе прием князи белозерския, храбри бо суть в ратное время; а брату своему князю Владимеру даст ярославские князи; с правую же руку себе урядив брата своего князя Владимера Андреевича; а с левую руку себе уряди князя Глеба Дручевскаго; передовои же полк Димитреи Всеволжь, да Володимер брат его; коломенскаго же полку воевода Микула Василье-

Рассказ	Сказание	Память
за Дон вскоре (250). Князю же великому Дмитрию Ивановичю приидшю за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки, и став ту князь велики по достоянию полки разрядив и воеводы учинив. И была у него тогда в передовом полку (250) князь Андреи и Дмитреи Олгердовичи, да боярин и воевода Микула Васильевич, да князь Федор Романович Белозерскии. А у себя же имеяше князь великии Дмитреи в полку некоего боярина своего и воеводу Ивана Родионовича Квашню, да боярина же своего и воеводу Михаила Брянка, да князя Ивана Васильевича Смоленского. А в правои руке воеводы учини: князя Андрея Федоровича Ростовского, да Федора Грунку, да князя Ондрея Федоровича Стародубскаго. В левои руке воеводы учини: князя Васильевича Ярославского, да Льва Морозова, да князя Федора Михаиловича Можайскаго. В сторожевом полку тогда	удалцы, князь Володимер Андреевичь возится реку на Красном перевозе в Боровске (26—27). И начаша мнози гласи труб ратных гласити и варганы шепут, и стязи ревут наволочени (28). И рече князь великии брату своему князю Владимеру (30): «Не утулим лица своего от поганых! Аще смерть случится нам (30), от смерти бо, брате, не избыти» (30). Князь Олг Резанскии (30) нача преходити от места на место и глаголати со всеми бояры (30): «Како мыслити нам, уже бо заступиши пути наша (31). Приложил бы ся к великому князю и поборал бы по нем (32). Или ни единому помощи не сотворю, то впреди како могу от обоих прожити? Ныне же, кому господь поможет, к тому присягу имею». Олгирд же по сореченному словеси и уроку совокупи литвы много (32) и поиде на помощь к Мамаю царю. Приде же в Одоев, еси слышав, яко Олг убояся итти (32), и нача размышлять (33): «Николи же литва хулила от Рязани. Ныне же изведе мя от ума Олг Резанскии, а сам преже мене погыбе. Ныне убо пробуду зде, дондеже услышу победу князя Димитрея Московскаго». В то же время слышав князь Андреи Половецкии и князь Димитреи Ярославскии Олгирдовичи, что велико належание князю Димитрею Московскому належит от безбожнаго царя Мамая. И рече князь Андреи Олгирдовичь: «Идем и мы з братом своим к великому князю Димитрею на помощь». И писав грамоту к брату своему князю Дмитрею (33—34): «Поидем, брате, на помощь к великому князю Московскому. Велика бо ему, брате, туга належит от поганых татар, но еще и отец наш поборает по них, а Олг Резанскии приводит их на Русь» (34). Прочет же князь Димитреи грамоту (34—35) и рече (35): «Слышах, братие, приидох бо ко мне медокормцы с севера и скажут уже ве-	вичь, володимерскаго же полку воевода князь Роман Прозоровскои, юрьевскаго же полку воевода Тимофеи Волуевичь, костромскаго полку воевода Ивани Родионовичь Квашня, переаславскои воевода Андреи Сирикизов; у князя Владимера воевода Данило Белеут да Констянтин Конановичь, мещерскои воевода князь Феодор Елецкои, муромъскии же князь Юрье и князь Андреи. Князь же великии Димитреи Ивановичь урядив полки и повеле за Оку реку возитися. Заповедав же всякому человеку и рече: «Кто же ни поидет по земли Резанскои и по улусом, да никто же не приткнется ни ко единому власу в земле их». Сам же взем благословение от епископа коломенскаго и переведеся Оку реку. И посла трех сторожеи избранных витязеи и рече им: «Нелпы своима очима видетися с татарскими полками». А посла Семена Меликова да Игнатея Крня, Фому Тупина,

Рассказ	Сказание	Память

воеводы учини: Михаила Иванова сына Окинфовича, да князя Семена Костянтиновича Оболенского, да брата его князя Ивана Торусскаго[3], да Андрея Серкиза.

Иныя же свои полки многи разрядив и воеводы учини. В западном же полку в дубравах устав благороднаго и храбраго брата своего князя Владимера Андреевича, да с ним некоего мужа мудра и храбра Дмитрия Михаиловича Волынца, да князя Романа Михайловича Брянского, да князя Василья Михайловича Кашинского, да князя Романовича Новосилского (250—250 об.).

В 6 час дни нача появливатися (251) окояннии татарове в поле чисте (251). И ту сретошася полчи, и великия силы узревше, поидоша. И земля тутняше (251) от множества вои (251).

Пришедшим роком преже бо начаша сосежжати сторожевы полки рускии с татарскими. Сам же князь великии Дмитреи Иванович (251), увидев околнкого князя Димитрея Иванович на Дону, яко ту уже день пребысть» (35). Приспеша же на Дон вборзе и наехаша великаго князя у Дону на брезе стояща, и ту совокупишася велицые князи (36).

Князь же великии нача думати з братом своим и с новонареченною братиею с литовскими князи: «Зде ли нам пребыти, или Дон переземся?» И рекоша ему Олгирдовичи: «Аще хощеши крепкаго бою, то повели сего дни реку возитися. Да не будет ти ни единаго мыслящего назад, всяк бьется безо лести (38—39). Аще побием поганых, то все живи будем. Аще ли оне нас побьют, то все же общую смерть примем, от простых людеи и до князей. Мы убо, господине, видим, яко множество избранных витязь в воиску твоем» (39).

Мнози же руские удалцы возрадовалися, зря своего желаннаго подвига, его же на Русе вжелеша.

За многие же дни приидоша на то место мнози волцы, по вся нощи воют непрестанно. Гроза бо велика есть слышати, храбрым полком сердца утверждает. И мнози вороны собрашася, необычно неумолкающе грают, галицы же своею речью говорят. И мнози орли от усть Дону приспеша, лисицы на кости брешут (39—40). От великия грозы дерева приклоняются и трава постилается.

И много обоих унывает, видяще пред очима смерть (40).

Князь же великии поим брата своего князя Владимера и литовские князи, и воеводы, и вся местныя князи, выеха на высокое место и виде (42) стязи ревут наволочени простирающеся, аки облацы тихо трепещущи. Хоругви аки живи пашутся, а доспеси руския аки воды во вся ветри колыблются. Шеломы на главах их златом украшены, аки утренняя заря во время ведряна солнца светящеся. Ловцы же шеломов их аки пламя огнено пашется

Петра Юрскаго, Карпа Алексина, Петрушу Чюрыкова (28—30).

Князь же великии быв на месте, нареченном Березе, приспевшу дни четвертку, на память святаго пророка Захария, сентября в 5 день (35), приехаша два от сторожеи, Петр Горскии да Карп Олексин, и приведоша язык нарочит (38). Той же язык поведа великому князю, яко «уже царь на Кузмине гате, но ожидает Олга Резанскаго и Олгирда Литовскаго. Твоего же собрания и сретения царь не знает, а три дни имает быти на Дону». Князь же великии спроси о силе его. Он же рече: «Несть мощно никому же исчести силы его» (38).

Князь же великии повеле вою своему Дон возитися: сторожи многи ускаривают, яко ближутся татарове (39). Уже бо напрасно прибеже 7 сторожеи в 6 час дни, в суботу. Прибеже Семен Мелик с дружиною своею и за ним гнашеся мно-

[3] *В рукописи:* Поружскаго.

Рассказ	Сказание	Память

явныя полки татарския, наеха наперед в сторожевых полцех на поганнаго царя Теляка, нареченнаго плотного диавола Мамая. Паче по-[то]м, не долго попустя, отъеха князь великии в полк, но воеводы удержаша его, не даша ему напереди своим полком битися.

А се, поиде великая рать Мамаева и вся сила татарская. А отселе поиде князь великии Дмитреи Иванович со всеми князи рускими, изрядясь, проти[в] поиде поганых половец, со всеми ратми своими (251—251 об.). И покрыша полкы поле яко на 10 верст от множества вои (251 об.).

И в те же поры хотяше князь Владимер Андреевич своим полком ударитися на агаряны. Но Дмитреи Волынец глаголаше ему: «пожди мало, господине, како будет время» — понеже бе[4] мудр и храбр и искусен многажды ратному чину.

Биющем же ся им от 6-го часа до девятаго (251 об.). И много руси по(42). Князь же великии Димитрии Ивановичь, видев полки своя достоино уряжены, обвеселися сердцем и сшед с коня (43), прямо великому полку и черному знамению (43).

Осени же тогда одолжившеся днем летным, и бысть теплота и тихость в нощи тои (45). Рече же Дмитреи Волынец великому князю примету: «Воиску уже бо вечерняя заря потухла». Дмитреи же сяде на конь свои, поим с собою великого князя, выехав на поле Куликово и став посреде обоих полков. Обратився на полки татарские, слышах стук велик и крик, аки торзи снимаются, аки городы ставят, аки трубы гласяще. И бысть же назади татарских полков волцы воют велми грозно, по правои же стране их вороны и галицы беспрестанно кричаше (45—46). Противу же им на реце на Непрядве гуси и лебеди и утята крилами плещут необычно и велику грозу подают. Рече же Волынец великому князю: «что еси, господине княже, слышав?». И рече князь великии: «Слышах, брате, гроза велика есть». И рече Волынец: «Обрати же ся, князь же, на полки руския!» И яко же обратишася и бысть тихость велика. Волынец же рече великому князю: «Что еси, господине, слышал?» Он же рече: «Ничто же, брате, слышати, по токмо видехом, от множества огней зари имашася». И рече Димитреи Волынец: «Княже господине, добра суть примета и знамения!» (46).

И паки рече: «Еще ми примета есть». Сшед с коня и паде на землю на правое ухо, предлежа на долг час и став, абие пониче. И рече ему князь великии: «Что есть, брате, примета?» Он же не хоте сказати ему. Князь же великии нудив его добре, он же рече ему: «Едина ти есть на ползу, а другая скорбная. Слышах землю плачушеся на двое. Единая страна, зи от татар. И то напрасно и безстудно гонишася, полны о полцы великого князя ударишася (40). Семен же Мелик поведает великому князю, яко уже царь бредет на Гусине броду, уже бо одна нощь между их полки и наши (41).

Нача от шестаго часа полцы уряживати. Есть же некто воевода, приде с литовскими князи, именем Дмитреи Бобров, родом волынец. И тот бе нарочитыи воевода, и полководец, велми по достоянию полцы урядив, елико где кому подобает по достоянию быти (41—42).

Брата же своего князя Владимера Андреевича отпусти вверх по Дону и с ним отпусти известнаго воеводу Димитрея Боброва Волынскаго (44).

В то же время придоша книги от преподобнаго игумена Сергия. В них же написано есть: «Великому князю и всем руским князем мир и благословение всему православному воинству» (50—51).

[4] *В рукописи*: бе аще.

Рассказ	Сказание	Память
бьено от татар бысть и от руси татар (251 об.). И зде бяше видети, русин за тотарином гоняшеся, а тотарин русина [на]стигаше. Смятоша бо ся и размесишася кождо бо своего супротивника искаше победити. И за мал час знамян болших не подсекоша, а самого же великого князя велми язвиша и с коня збиша.	аки некая жена плачющеся чад своих еллинским языком, другая же страна, аки некая девица, просопе аки в свирель, едина плачевным гласом (46—47). Аз чаю победу на погаиых, а крестиян множество падет» (47). И рече ему Волынец: «Не подобает ти, государю, того никому в полцех поведати» (47).	Передовые же полки ведет Димитреи Всеволжь, а с правую руку ему идет Микулаи Васильевичь со многими людьми. Погании же бредут оба полка, не где бо им раступитися, мало есть места им. Безбожныи же царь Мамаи выеха на высокое место с темными своими князи, зря пролития человечьския крови.
При часе же девятом глаголаше Волынец князю Владимеру Андреевичю: «время ти, господине княже». И тогда попотаеныи полк, благодныи храбрыи брат великаго князя Владимер [5] Андреевич с своими полки, удари на татары, и (251 об.—252) главы аки камение валяхуся [6] в дуброве (252), москвичи мнози же небывалци, то видевше, устрашишася (252 об.) и побегоша (252 об.).	Приспевше же (48) Рожеству святеи богородицы (48), бывше же утра того мгла. Начаша гласы трубныя от обоих стран сниматися. Татарския же трубы аки онемеша, руския же паче утвердишася. Полцы же еще не видятся, занеже утро мгляно. Но велми земля стонет, а ту грозу подает на восток до моря, на запад же до Дуная. Поле же Куликово прегибающеся, востренешаша лузи и болота, реки же и озера из мест своих выступиша. Но николи же убо толким полком быти на месте том (49).	
В 9 час дни (252 об.) безбожныи Мамаи (253) рече (253): «Братия измалтяне, безаконнии агарене, побежите неготовыми дор[ог]ами» (253). И то	Великому же князю преседающе, на борзыя коне ездущу по полком своим и глаголюще (49): «Отцы и братия, господа ради подвизаитеся и святых ради церквеи и веры крестьянския!» (49) И паки прииде под свое черное знамение и спиде с коня на иныи конь, совлачая с себя приволоку царскую и воиную облечеся. Тот же конь даст под Михаила под Андреевича под Бренка и ту приволоку на него же облече, иже бе ему любим паче меры. И то знамя повеле рыделю своему возити перед ним. Под тем же знамением и убиен бысть за великого князя.	
	Князь же великии (50) приим же конь свои крепко и взем палицу свою железную, подвизався ис полку вон, восхоте преже сам начати от горести души своея. Мнози же князи, руские воеводы удержаша его, глаголюще: «Не подобает тебе, великому князю, самому и в полку быти» (51). Князь же великии рече им: «Братия моя милая (52), аще ли умру, вместе	
		До пятаго часа бьющеся неослабно, 6-му же часу наставшу (56—57), самого же великого кня-

[5] *В рукописи*: Владимера.
[6] *В рукописи*: вяляхуся.

Рассказ	Сказание	Память

слышавше темныа его вси власти и князи и вся сила татарская (253) побегоша (253).

Видев же то князь Владимер и иные многие восводы, яко татарове с Мамаем побегоша, и погнаша за ними (253), и гониша их и бьюще до Мечи реки и до станов их. И взяша все богатство их и стада. И тамо бежащих безчисленое множество погибоша. Тогда же бе и руси избито множество.

И тогда же возрадовашеся радостию великою благородныи храбрыи князь Владимер Ондреевичь о побежении агарян. И востав, повеле на костех трубити собранными трубами. И не обретеся тогда в собрании сам благородныи и великии князь Дмитреи Иановичь. И оскорбеся тогда благородныи князь Владимер [7] Андреевич и с ним оставши вои его. И повеле князь Владимер искати великого князя в трупия, жива или умерша. И глаголя: «Аще кто наидет первоначалника нашему с вами, аще ли жив буду, вместе с вами же (53). Видите, братья, гости наша ближуться. Уже бо время приближися и час приспе».

Удариша каждо по коню своему (55) и крепко ступишася. Треснуша копия харалужная, звенят доспехи злаченныя, стучат щиты черленыя. Гремят мечи булатныя и блистаются сабли булатныя. И много напрасно бьющеся, не токмо оружием бьющеся, но и сами о себя избивахуся. И под конскими погами умираху, от великия тесноты задыхахуся (55). Сильни полки ступишася, из них же вытекают кровавые ручьи. И трепетали силнии молние от блистания мечнаго и от саблеи булатных (55—56). Тутошныя реки мутно пошли, вострепеташа лузи и болота, озера выступиша из мест своих. Протопташеся холми высокие, траву же кровию подъмывало (56).

Начаша одолевати погании, мнози бо от вельмож руских побиени суть. И руские удалцы побиени суть, аки сильнии древа сломишася. Не турове возревеша, возревеша мнози удалцы, урывающеся на землю под конскии копыта, и мнози же сынове рустии сотрошася (57). Уже бо мало есть полков крестьянских, все полки татарские.

Видев же то князь Володимер Андреевичь, не могши победы терпети. И рече Димитрею Волынцу: «Брате Димитреи, что убо ползует наше стояние, да кому хощем помощи?» И рече ему Димитреи Волынец: «Беда велика, княже, не уже бо еще пришла година» (57—58). Сынове же рускии в полку его плачющеся, видяще други свои побиваеми (58). Лепо бо есть в то время стару помолодитися, а молоду храбрости испытати. Волынец же возбраняше им, рече: «Мало пождите, буявии сынове рустии! Есть бо вам еще с кем утешитися, пити и веселитися» (58—59).

зя велми уязвиша. Он же уклонися с коня и соиде с побоища едва могии. Татарове же мнози стязи великаго князя подсекоша (57). Яко же 6-му часу минующе, погании всуду задеша и около крестьян обступиша татарове (57).

Приспевшу же осмому часу (59), стязи направлены крепким воеводою (59), и обратишася погании (59—60). Мнози же и уязвени наших помогаху, секуще без милости. Ни единому же их не могущу убежати, понеже кони их истомишася (60). Иные же удалые люди гонишася, егда всех достуиша. Токмо царь Мамаи убеже с четырми мужи (61).

Стояв же князь великии за Доном 9 дней, дондеже разобраша крестьянская телеса с нечестивыми. Крестьяне же похраниша, колко успеша, а нечестивии повержени зверем на расхищение.

Поганому же царю Мамаю отселе збежавшу и добеже идеже есть град Кафа. Имя

[7] *В рукописи*: Владидмитример.

Рассказ	Сказание	Память
спасению, сеи первыи будет». И разидошася полцы по дубравам и начаша искати великого князя. И некто от благородных храбрых воин, костромичи родом (253—253 об.), Феодор Сабур да Григореи Холопищев, пандоша великого князя в дубраве, под сечепным древом велми язвена лежаще. Падше, поведоша ему, яко побежени быша агаряне (253 об.). И тогда приидоша к нему брат его князь Владимер Андреевичь и вси вои его (253 об.). И тогда благородныи великии князь Дмитреи Иванович встав, и виде[8] брата своего князя Владимера и все воиньство свое здраво, а погании побежении, и (253 об.) целовав брата своего и вся оставши его воеводы и воиньство и нача ездити по побоищу. И наеха тогда убитых воевод своих на побоищи (254). Мнози бо на тои брани побьены быша, а поганых агарян избитых не бе числа, по дубровам главы аки каменне валяшеся. А самому же великому князю	И повея ветрец южныи позади их, возопи же Волынец гласом великим (59), и выедоша из дубравы (59) аки соколи испущени, и ударишася на стада журавлина (59). Погании же видевше и крикнуша, глаголюще: «Увы нам, паки Русь нас умудрина. Хутчие с пами бишася, а лутчие соблюдошася!» (59) Сынове же рускии (60) бьяху их (60), аки лес клоняху. Аки трава от косы постилается, рускими мечи секутся татарския же полки. Бежаша же татарове, глаголюще своими языки: «Увы и тебе, честныи царю Мамаю!» (60) Мамаи же царь рече алпаутам своим: «Побегнем, братия! Ничто уже добра чаяти имам, хотя, братие, головы унесем!» Абие побеже с четырьми мужи. Мнози же от крестьян гонишася за ним, но кони их неодолеша. Цели бо кони под ними, яко не быша в бою (60—61). И возвращаху же ся рускии сынове коиждо под знамя свое. Князь же Владимер Андреевичь став на костех под черным знамением и не обрете князя Димитрея Ивановича, брата своего, и повеле собранною трубою трубити. И жда часа, не обрете великаго князя, нача плакатися и по полъком ездити, глаголати: «Братия, кто видел или слышал есть государя своего князя Димитрея?» (61—62) И рекоша литовския князи: «Мы чаем, яко жив есть, но уязвлен велми, егда во трупе будет». А инои рече: «Аз видех его в пятыи час бьющеся крепко». А инои рече: «Аз видех его еще поздее того бьющеся, но четыре татарина належат ему». Некто же юрьевскои юноша князь Стефан Новоселскои ту стоя рече: «Аз видех его пред самым твоим приездом, пеша по побоищу идуща и уязвлена велми, и еще ему стужают 4 татарина. Аз же бился с татарином и (62) борзо победих его, и погнахся за теми, иже стужают великому князю. Немощно бо бе борзо гонитися, не може конь	же свое потаил бяше и позанан бысть некоим купцем фряжским, ту и убиен (66—67).

[8] *В рукописи*: вонде.

Рассказ	Сказание	Память
Дмитрию Ивановичю беяше видети весь доспех его бит на нем и [я]звен, но на телеси его раны не бысть ни коея же. А бился с татары в лице, став напереде, па 1-м суиме. И о сем убо великому князю князь и воевода многажды глаголаша ему: «Княже господине, не ставися напереди битися, но назади или на криле, или негде во опришеннем месте». Он же отвещеваше им: «Да како аз возглаголю[9]: братия моя, потягнем вси со единого, а сам лице свое почну крыти или хоронити назаду?» (254 об.). Да яко же рече, тако и сотвори. Биящеся с татары тогда став напереди всех (254 об.). А отселе, от страны Литовския, Ягаило князь Литовскии приде со всею силою литовскою и ляцкою Мамаю пособляти и татарам поганным на помощь, а христианом на пакость. Но и от тех бог избавил: не поспеша бо на срок за малым, за едино днище или меньши (255).	ительи в трупу человечю борзо, но угонив татарина, убил. Три же их на мя нападоша, много ми стужаху, и (62) два от них убих, третеи же побежа. Аз же гнахся за тем, узрев же иные татарове, наехаша на мя и многии ми стужиша, и раны многи напесоша ми. Крепко от них пострадах, едва избых от них, и в трупу пребых, дондеже ты приспе». Рече же ему князь Владимер Андреевичь: «Известно есть, брате Стефане, видение твое. Аще кто ныне обрящет великаго князя, поистинне честен будет». Рачители же отроцы разсупушася по великому грозному побоищу, ищуще победе победителя. Овии же наидоша Михаила Андреевича Бренка и чаяше великим князем. А иные наехаша князя Феодора Семеновича Белозерскаго, чающе великим князем. Два же воина, великие витязи, уклонишася на десную страну в дубраву. Единого зовут Сабуром, а другои Григореи Холопищов, родом же оба костромичи. Мало же выехав с побоища, наехаша великого князя бита велми и сечена, отдыхающа под посеченным древом под березою. Видевше же его, скочиша с копеи и поклонишася ему с радостию. Сабур же возвратися и поведа великому князю Владимеру (62—63). Вси же князи и бояре скоро супушася, скочиша с копеи и поклонишася великому князю (64). Князь великии едва нуждою промолвил, рече: «Поведаите ми победу сию». Рече же брат его князь Владимер Андреевичь (64): «Супостати наши побеждени суть, а мы спасохомся» (64). И приведоша ему конь кроток. Он же (64) сед на конь и выехав на побоище. Видев многое множество бито воинство своего, а поганых вчетверо того боле битых, обратився к Волынцу и рече: «Брате Димитреи, воистинну разумлив еси и неложна примета твоя. Подобает ти всегда быти воеводою». И нача з братом	

[9] *В рукописи*: возглаголють.

Рассказ	Сказание	Память
Князь же великии Дмитрии Иванович с братом своим князем Володимером Андреевичем, со князьми и всеми русскими воеводами, и с прочими бояры, и с всеми вои оставшемися стоя ту нощь на поганых обедищах, на костех татарских (255 об.), дружину свою похвали, иже крепко бишася со иноплеменники и твердо бравшеся, и мужески храброваше (256). И возвратишася оттуду в (256) Москву, во свою отчину (256). И мнози вои[10] его возрадовшеся, яко обретоша корысть многу. Пригнаша бо с собою многа стада конеи и велбуды, и волы, им же несть числа, и доспехи, и порты и товар (256).	своим и з новонареченною братиею, с литовскими князи, и с ными оставшими ездити по побоищу, а сердцем кричаше и слезами умываяся. Наехал на место, идеже лежат князи белозерстии, вси вкупе посечены, и ту лежит близ Микула Васпльевичь. Над ними же став государь проплакав (64—65) и паки на иное место приеде. Наиде своего нацересника Михаила Андреевича Бренка и близ его Семена Мелика, крепкаго сторожа. Близ его Тимофеи Валуевич. И туто же близ Пересвет чернец, близ нарочитаго богатыря лежаща. Видев же его князь великии рече: «Видите, братие, своего починальника! Тои победи подобна себе человека, от него же было пити многим горкую чашу» (65—66). Удальцы восплескаше в татарских узорочиях, везучи в землю уюсы и насычи, бугаи, коне и волы, и вельблюды, меды и вина, и сахари. Предъвознесеся слава руская над поганых землею. Ревут рози великого князя по всем землям. Поиде весть по всем градам, ко Орначу, к Риму, х Кафе, к железным вратом, ко Царюграду на похвалу: Русь поганыи одолеша на поле Куликове, на речке Непрядве. Воздадим хвалу Рускои земли! (67—68).	

6

Составители Повести о Куликовской битве и Повести о Мамаевом побоище вряд ли только распространяли тексты основных своих источников. Кое-что они, вероятно, изменяли, кое-что опускали. Вследствие этого текстуальные реконструкции таких источников, извлекаемые из текстов этих повестей, неизбежно в той или иной степени приблизительны. Они могут получить более прочные основания после того, как будут реконструированы архетипы самих повестей. Тогда, например, данные одного списка, изданного И. М. Снегиревым, могут быть откорректированы более

[10] *В рукописи*: враги его вои.

первичными в некоторых случаях чтениями других списков [11]. Сложнее всего было реконструировать Память о Мамаевом побоище. Автор Повести положил в основу своей работы, очевидно, Сказание, и поэтому почти все то, что в Памяти соответствует Сказанию, своим отражением в Повести не дает достаточного материала для реконструкции Памяти. Исключение составляет, как можно предполагать, описание подвига Пересвета. Текст Повести позволяет думать, что оно присутствовало в обоих ее источниках, но что изложение дано на основе Памяти (возможно, с некоторыми добавлениями из Сказания, которые при реконструировании пришлось опустить).

Вообще этот третий объект реконструкции — памятник — в некотором отношении загадочный. Еще А. А. Шахматов предполагал, что вскоре после Куликовской битвы была составлена своего рода «реляция» о ходе военных действий, которая предназначалась, как он думал, для официальной Московской летописи. Но оказывается, что как раз в летописях XV в., реально сохранившихся, фигурирует обычно текст Повести о Куликовской битве, а «реляция» отразилась в дошедших памятниках летописания позже — через посредство Повести о Мамаевом побоище, положившей в основу уже Сказание.

Если принять предположение Шахматова о том, что именно эта «реляция» отразилась и в Новгородской летописи Дубровского (когда та сообщает об уряжении полков), и в уникальных фактических данных Повести о Мамаевом побоище [12] (что само по себе трудно принять, поскольку данные обоих памятников об уряжении полков расходятся), то все равно остается неясным, почему данные «реляции», предназначавшейся для летописи, не попали ни в один из представленных дошедшими летописями сводов первой половины XV в. Можно предположить, что Память о Мамаевом побоище долго не отражалась в летописи из-за того, что подробно упоминаемые ею участники войны 1380 г. и их потомки в какой-то своей части являлись одиозными фигурами в обстановке острой внутриклассовой борьбы XV столетия. По тем же причинам только в XVI в. полностью попала в летопись и сама Повесть о Куликовской битве. Хотя в ней заметен некоторый налет фольклоризации легшего в основу устного рассказа (в частности, концентрация основного внимания на небольшом

---

[11] На нынешней стадии работы поправки такого рода принципиально не вносились в этот текст даже в случаях очевидных описок (ошибочное «трех сторожей» вместо «третью сторожу», «гречене» вместо «печенег» и т. п.). При наличии целого ряда списков одного вида Повести лучше дать все исправления сразу, обосновав их полной реконструкцией архетипа, которая является делом будущего. Что же касается Повести о Куликовской битве, то данный вид ее дошел в единственной рукописи (если не считать копии, снятой с нее же, — ГПБ, F.IV.188).

[12] *Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». — В кн.: Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академией наук премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910, с. 175—176.

числе персонажей), рассказчик, как видно, стремился к точности и объективности.

Вплоть до появления Повести о Мамаевом побоище сведения о делах прославившихся участников Куликовской битвы были почти исключительно достоянием устной традиции. Сказание о Мамаевом побоище существовало, как видно, в нескольких версиях, которые затем, после составления этой Повести, влияли на появление все новых ее разновидностей. Из-за этого так трудна текстологическая работа над многочисленными ее списками. По той же причине сложно и изучение судьбы обеих Повестей о войне 1380 г. в составе летописей.

Исследователи часто отмечали близость Повести о Мамаевом побоище и Повести о Куликовской битве. Конкретное сопоставление сюжетов обеих повестей было произведено еще Шахматовым, наблюдения которого по данному вопросу продолжил и значительно расширил В. С. Мингалев [13]. В их работах можно найти достаточно полную сводку существующих параллелей [14]. Мингалев объясняет их предположением, что Повесть о Куликовской битве была прямым источником Повести о Мамаевом побоище (хотя и неединственным). Он исключает «возможность независимого развития одного произведения от другого» [15]. Это утверждение, по-видимому, основывается на том, что существует близкое текстуальное сходство завершения Повести о Куликовской битве в летописях с окончанием Повести о Мамаевом побоище в ее Летописной редакции, по которой Мингалев производил сопоставление [16]. Но, во-первых, Летописная редакция Повести о Мамаевом побоище испытала, как нам представляется, влияние летописей, в которых находилась Повесть о Куликовской битве; во-вторых, завершение самой этой Повести в летописях — рассказ о событиях после Куликовской битвы — не является, на наш взгляд, органичной частью самой Повести. Судя по его спокойному тону в отношении Олега Рязанского, рассказ этот был добавлен к Повести позже ее составления. Собственно же Повесть о Куликовской битве завершается описанием победоносного возвращения русских войск. Добавления о последующем делались не только в ней, но и в раз-

---

[13] Там же, с. 170—174; *Мингалев В. С.* Летописная повесть — источник «Сказания о Мамаевом побоище». — Труды Московского гос. историко-архивного института, М., 1966, т. 24, с. 58—70.

[14] Два добавления принадлежат М. А. Салминой: слово «три», когда говорится о числе противников Дмитрия Донского (но их действительно было три), и оборот «плачущеся чад своих» (но он употреблен в двух памятниках по двум разным поводам и является, вероятно, речевым штампом) (*Салмина М. А.* К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 29, с. 121).

[15] *Мингалев В. С.* Указ. соч., с. 70.

[16] Такой выбор автор обосновывает результатами своего сравнения этой редакции с Основной, которое «показало наибольшую близость к первоначальному тексту Летописной редакции» (Там же, с. 58). Конкретная аргументация этого вывода пока не отражена в печати, поэтому приходится ограничиться лишь констатацией моего расхождения с автором в данном вопросе.

ных редакциях и даже в отдельных списках Повести о Мамаевом побоище [17]. Но это особый вопрос.

Результаты сопоставлений как раз свидетельствуют о независимом появлении этих двух Повестей в рукописях. Несмотря на то что обе они посвящены описанию одних и тех же событий, главные из которых и трактуются, в общем, одинаково, сколько-нибудь значительных текстуальных совпадений практически нет. То очень немногое, что справедливо отмечалось, — крайне немногочисленные совпадения отдельных словесных оборотов — объясняется двумя причинами. Во-первых, тем, что обе повести, как установлено их исследователями, использовали Житие Александра Невского (и другие литературные источники). Во-вторых, тем, что обе повести восходили к устной традиции о Куликовской битве. Текстуальные совпадения не только отдельных оборотов, но иногда и целых эпизодов довольно обычны, например для разновременных записей былин (в том числе и относящихся к разным сюжетам). Конечно, в самой рукописной традиции, особенно в составе летописей, повести о событиях 1380 г. контаминировались. Из наиболее известных примеров достаточно назвать Вологодско-Пермскую летопись, Новгородскую Забелинскую и особенно Никоновскую, где читается своего рода литературный синтез двух памятников.

В средневековой рукописной традиции создание произведения на основе предшествующего почти всегда сопровождалось текстуальными заимствованиями. Они были неизбежны в тех случаях, когда один и тот же факт описывался в одинаковой интерпретации и с одинаковой или почти одинаковой степенью подробности. Таких значительных совпадений *содержания* двух повестей о войне 1380 г. немало. Но совпадений *текста* в первоначальных видах этих повестей практически нет. Это особенно хорошо видно при сопоставлении приведенных выше реконструкций первоисточников двух Повестей. В реконструкциях мы, естественно, стремились убрать то, что уже было выявлено исследователями этих повестей как заимствования из посторонних литературных источников, но за вычетом этого сохранены все общие мотивы.

Близок к истине был Шахматов, который предполагал несохранившийся общий источник этих повестей, названный им «Слово о Мамаевом побоище». Эта гипотеза Шахматова не получила, однако, признания, думается, как раз потому, что очертания «Слова о Мамаевом побоище», которое Шахматов считал письменным текстом, оказались в его работе лишенными необходимой для такого случая конкретности и определенности.

Но Шахматов был прав, полагая, что общий источник Повести о Куликовской битве и Повести о Мамаевом побоище следует связывать, прежде всего, с военно-служилой средой, окружавшей князя Владимира Андреевича Серпуховского и князей Андрея

---

[17] Редакторы и переписчики ее усматривали, как видно, назидательный смысл в дальнейшей судьбе Мамая, Ольгерда и Олега; о ней добавлялись и совершенно фантастические данные.

и Дмитрия Ольгердовичей, с которыми первый был связан «не только родством, но, по-видимому, и дружбой» [18]. Этот общий источник был в действительности достоянием устной традиции. Первоначальный вид его лег в основу Повести о Куликовской битве, а развившееся постепенно устное героическое сказание — в основу Повести о Мамаевом побоище.

Изучая Троицкую летопись, А. Н. Насонов попутно суммировал материал, бесспорно свидетельствующий о многолетней и прочной связи Троице-Сергиева монастыря с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и его окружением [19]. Эти обстоятельства позволяют объяснить, почему в Повести о Мамаевом побоище соединились запись устного сказания, прославлявшего Владимира Андреевича Серпуховского, Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, и предания, связанные с Сергием Радонежским и участием Пересвета в Куликовской битве.

Устные героические сказания о ней (помимо относительно кратких преданий) оказались довольно живучими. Одно из них было записано известным собирателем русского фольклора уже в XIX в. [20] Сказания о подвигах Пересвета и Ослябя еще сравнительно слабо отразились в Повести о Мамаевом побоище при ее возникновении, но влияли на ее позднейшие списки. Они еще не успели попасть в Повесть о Куликовской битве, но дальнейшая судьба ее в составе летописей и хронографов связана с развитием этих сказаний [21].

Героические сказания XIV—XV вв., будучи конкретным отражением исторических событий, оказали влияние и на былинный эпос. Они вызвали переработку ряда древних былин, актуализировав их содержание путем соотнесения с борьбой за освобождение от монголо-татарского ига [22]. Противники исторического подхода к изучению фактической основы былин приписывают его сторонникам представления о «летописно-историческом характере» былинного эпоса [23]. Между тем никто никогда не отождествлял былину и летопись. Генетическая же их связь несомненна. Исто-

---

[18] *Шахматов А. А.* Указ. соч., с. 181.

[19] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969, с. 365—369.

[20] Анализ этого текста в сопоставлении с другими фольклорными отражениями событий 1380 г. см.: *Азбелев С. Н.* Куликовская битва в славянском фольклоре. — В кн.: Русский фольклор. М.; Л., 1968, т. XI.

[21] Так, Хронограф редакции 1512 г., давая перечень павших в 1380 г., добавляет: «С ними же Александр Предсвет и чернец Ослябя богатыри и инех множество безчислено. А там у них богатырь же был татарин, его же уби Ослябя, да и сам от его ран умре» (ПСРЛ. СПб., 1911, т. 22, ч. 1, с. 415).

[22] Подробно см.: *Азбелев С. Н.* Былины об отражении татарского нашествия. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1971, т. 12; *Он же.* Мотивы убиения вражеского царя в былинах и в косовских песнях. — В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1971; *Он же.* Оппозиционные мотивы в былинах и историческая реальность XIV—XV вв. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1975, т. 15.

[23] *Путилов Б. Н.* Севернорусская былина в ее отношении к древнерусскому эпосу. — В кн.: Фольклор и этнография русского севера. Л., 1973, с. 181.

рический факт фиксируется прежде всего в устных рассказах его очевидцев. Такие рассказы отражались в летописях как непосредственно, так и через посредство последующей устной традиции в виде исторических преданий и героических сказаний. Те же устные источники отражались и в былинах [24].

Попытки деисторизации русского героического эпоса внутренне близки попыткам деисторизации важнейших письменных памятников средневековой Руси: былины о борьбе с захватчиками трактуются как порождения внеисторичного «эпического сознания», а важные показания источников о событиях 1380 г. (и о ряде других) — как плоды позднейшего литературного вымысла. Полемические работы, стремящиеся утвердить эти представления, в большой степени игнорируют реально существующий материал и неубедительны по аргументации, но отличаются завидной настойчивостью.

Необходимо расширение смыкающихся в своем существе исследований историзма эпоса и соотношения письменных средневековых источников с устными [25]. Интенсификация работ в этой области позволит обогатить привлекаемые историками материалы, откорректировав существующие представления о степени достоверности многих сведений и показав несостоятельность тенденций обеднить наши данные о прошлом.

Как справедливо отмечалось в литературе, вышедшей к 600-летию Куликовской битвы, предстоит еще большая работа над совокупностью источников [26]. Существенно, что расширение традиционного круга их — с учетом источниковедческих разысканий, привлекших материал фольклористики, — уже теперь позволяет полнее и точнее, чем прежде, обрисовать некоторые из важных аспектов событий 1380 г. [27]

---

[24] Подробно см.: *Азбелев С. Н.* После дискуссий об историзме былин.— Русская литература, 1977, № 4.

[25] Вторая тема разрабатывалась мало и почти исключительно в направлении фольклористическом (*Никифоров А. И.* О фольклорном репертуаре XII—XVIII вв.: На материале «Слова о полку Игореве», «Задонщины», «Повести о разорении Рязани», Псковской летописи, Азовских повестей и других памятников. — В кн.: Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981).

[26] *Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г.: (Некоторые итоги и задачи ее изучения в исторической науке). — Вестник МГУ, 1980, История, № 4.

[27] *Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. Л., 1980.

СОЛОВЕЦКИЙ ВИД «СОКРАЩЕННОГО СВОДА» ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XV в.

В. К. Зиборов, Я. С. Лурье

Сходный в своей основе летописный свод последней трети XV в., изданный в двух редакциях под наименованиями «Сокращенного летописного свода 1493 г.» (Погодинской летописи; далее: Пог.) и «Сокращенного летописного свода 1495 г.» (Мазуринской летописи; далее: Маз.), достаточно прочно вошел в науку [1]. Текст обеих редакций «Сокращенного свода» конца XV в. совпадает до 6980 (1472) г. (далее в Пог. следует 6983 г., а затем 6982 г. и снова 6983 г.; в Маз. этой перебивки годов нет), но обе они не заканчиваются, а продолжены: в одном случае — до 7002 (1493) г., в другом — до 7003 (1495) г. При этом весь текст после 6982 г., довольно сходный в обоих памятниках, неоригинален: он совпадает с текстом большинства общерусских летописей (Московский свод конца XV в., Симеоновская летопись и др.) за 80-е и 90-е годы XV в.

Что же представляет собой «Сокращенный свод» в целом? На широком протяжении он совпадает с Устюжским летописцем (Уст.), восходя, очевидно, к общему с ним оригиналу; в разделе за XV в. близок также к Ермолинской летописи (Ерм.) [2]. Некоторые различия между Пог. и Маз. дают основания считать текст «свода 1495 г.» (Маз.) более первичным, а текст «свода 1493 г.» (Пог.) в ряде случаев дополненным по Московскому своду конца XV в. [3] Однако определение протографа обеих редакций («Сокращенного свода» в его первичном виде) [4] представляет значительные трудности: мы не знаем, был ли этот памятник сходен с Маз. в целом, на чем он оканчивался и к какому времени он может быть отнесен.

За последнее время было обнаружено еще несколько списков «Сокращенных сводов» конца XV в. [5] Один из них заслуживает особого внимания. Это список из рукописей Соловецкого монастыря — ГПБ, Сол. собр., 922/1032, 8°, на 127 л. [6]

[1] ПСРЛ. М.; Л., 1962, т. 27, с. 163—367. О наименовании этих летописей см.: *Лурье Я. С.* Новые памятники русского летописания конца XV в. — История СССР, 1964, № 6, с. 118—119.

[2] *Шахматов А. А.* Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904, с. 12—15, 78—79; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969, с. 344—351; *Лурье Я. С.* Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в.» и Устюжского летописца. — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972, с. 121—127.

[3] *Клосс Б. М.* О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ. Л., 1971, т. 26, с. 248, примеч. 27.

[4] Ср.: *Насонов А. Н.* Указ. соч., с. 341.

[5] Перечислены в книге: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 170, примеч. 9.

[6] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной семинарии. Казань, 1885, ч. 2, с. 551—553.

Текст, сходный с Пог.-Маз., начинается в Соловецком списке с л. 49 — с середины 6611 г. («. . . сий же Святополк много пострада») [7]. Перед ним на л. 45—48 об. также помещен летописный текст, но он фрагментарен (обрывается на 6555 г.), не примыкает к последующему тексту, сходному с Пог.-Маз., и, вероятно, представляет собой совершенно самостоятельный памятник.

Ввиду уникальности этого текста приводим его полностью.

(*л. 45*) Начало князей руских, отнуду же начаша княжити в Руской земли...

Поидоша Русь, словене, кривичи за море, к варягам и реша: «Земля наша добра и обильна всем и велика, а нарядника в ней нет, поидите к нам княжити и владети нами». И избрашась три брата с роды своими: первый Рюрик, старейший брат, седе в Новгороде Великом, а другой брат Синеус, седе на Белеозере, а третий Трувор, седе во Изборьсце.

В лето 6370 Трувор и Синеус оба умроста, и ста приа (?) всю Рюрик власть Руская земли, и по тем градом суть первии наследници в Киеве, варязи в Новгороде, (*л. 45 об.*) в Полотьске кривичи, в Ростове моря, на Белеозере весь, в Муроме мурома, теми ж всеми Рюрик обладаше, княжив лет 17 и умре, предав княжение свое Олгови, сроднику своему; а сын его мал еще Игорь, того ради и княжение приказа Рюрик Олгу. Сий же Олег поиде из Новгорода к Смоленьску и от Смоленьска к Киеву, и нача грады ставити, и дани уставлити и оброки по всей земли Руской. И прииде Днепром под Киев и три браты убив, Кия, Щека, Хорива, и поча княжити в Киеве и рече: «Се буди мати всем градом руским». Сий же Олег Царьград взя в дву тысящах кораблях, (*л. 46*) а в корабли по 100 муж, и корабли те шли посуху на колесах парусы. Греци ж мняху, яко святый Дмитрей послан на них от бога, и добиша ему челом на всей его воли. Сий же Олег княжил лет 33 и умре от змиа уязвлен ис коневы главы сухие кости. По словеси волхвов, ему же прорекоша умрети от своего коня любимаго. Посем нача княжети Игорь Рюрикович, оженися в Плескове и поят за себе княжну Олгу, иж мудра бе зело. Сий же Игорь плени Деревьску землю и поиде пакы на них в мале дружине и убиен бысть от них, княжив лет 34 и оста Олга княгини и съ сыном Святославом, бе бо велми детеск. (*46 об.*) Сиа же Олга своею мудростию поплени всю землю Деревьскую и весьма ю погуби и пожже и князя их, именем Мала, уби. Посем же иде к Царюграду и крестися, и наречено бысть имя ей Елена. Сиа же Олга явись, яко заря пред солнцем, тако и ея прояви святое крещение земли Рустей и преставися в жизнь вечную и не повеле сыну своему могылы над собой сыпати ни трызны творити по обычаю.

В лето 6477. Възрастъшу же великому князю Святославу Игоревичу и нача вои совокупляти и многы храбры, легко скача, яко пардус, а воз по собе не возяше, ни мяс в котлех варяше, (*л. 47*) ни пища многыя требоваше, ни постеля мягкы, но на войлоце спаше, а седло в головы полагаше, а мясо у огня на рожне испек ядяше, и яздяше с многою легостию, посылаше во многы страны послы, а иныя пленяше. Сий же великий князь Святослав единой десяти тысущь греком одоле, 100 изби и приведе Царьград в свою волю и за зиме там луце моря и изомроша воя его с голоду и поиде Днепром Киеву и убиен бысть в порозех от печенежского князя Редери (?) и оковавше лоб его, пиахуть им; княжив 28 лет.

В лето 6481. Нача княжити великый князь Владимир Святославович, владея всей землею (*л. 47 об.*) Рускою, бысть ему 5 жен, а сынов 12, а наложниц 300 в Вышеграде, а 300 на Берестове, а в Белегороде множество. Сий же Владимир, яко Соломон бысть — Соломон бе имея 300 жен, а наложниц седмьсот, премутр же бе, но на конецъ погибе; святый же Владимир на конци благодать изъобрете и люди заблуждьшаа к спасению приведе силою крестною.

В лето 6496. Самодержець Руския земли, велики князь Владимир Святославич крестися сам в граде Корсуни и наречен бысть Василий и, пришед в Киев, кресги всю Русь и раздели сынам своим грады, беяше бо ему сынов 12 — Вышеслав, Изяслав, Святополк, Ярослав, Всеволод. . . (*л. 48*). . .

[7] Ср.: ПСРЛ, т. 27, с. 318.

тную к единому богу веляше прити и крещением приведе к пресвятей Троици, отцю и сыну и святому духу, аминь.

В лето 6523 месяца июня в 15 преставись князь великий Владимир, нареченный Василий, царь и самодержец всея Рускиа земли, княжив лет 27, и положено бысть тело его в церкви Святыа Богородица, юже сам съезда. Того же лета седе в Кыеве на великом княжении Святополк Окаянный и уби братью свою Бориса и Глеба и княжи 3 лета в Киеве, по два лета бьяся с Ярославом, и поможе бог Ярославу — оканный же Святополк побеже, гоним гневом божиим, зле испроверже живот свой, межи чахов (*л. 48 об.*) и ляхов в пустыни. Есть же могила его и до сего дни, из нея ж исходит злый смрад—се же прояви бог на показание князем руским.

В лето 6527. Седе Ярослав на столе отца своего, бе ему сынов 6 — Изяслав, Владимир, Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь.

В лето 6553. Князь Володимир Ярославич в 28 лето княженна своего заложи церковь Святую Софию в Новеграде Великом.

В лето 6555. Заложи Ярослав великий град Киев, у него же Злата врата, и заложи церковь Святую Софью в Киеве и митрополию устави и церкви многи постави и при сем Антоний Печерский бысть. В то же вре. . .

Совпадений с Пог.-Маз. этот текст не имеет, только в двух случаях мы можем отметить сходство с летописями, имевшими, очевидно, текстологическую связь с Пог.-Маз.: под 6370 г. упоминание о гибели Олега от «коневы главы сухие кости» сходно с упоминанием в Уст. (под 6430 г.), что Олега «уязви» змий, вышедший «из главы ис коневы ис сухой кости»; слова о Святославе («скача, яко пардус» — под 6477 г.) сходны с Ерм. («съкакаше же яко пардус» — под 6472 г.).

Основной текст разбираемого летописного памятника из Соловецкого списка (далее: Сол.) читается на л. 45—119. Текст этот имеет ряд дефектов:

1) утрачены листы между л. 47—48, 48—49, 54—55, 110—111;

2) л. 112 перевернут при переплете — текст л. 112 об. предшествует тексту л. 112;

3) листы переставлены: текст л. 71 об. продолжается на л. 114—119 (повесть о Куликовской битве) [8]; текст на л. 119 об. продолжается (с перерывом в один лист, утраченный перед л. 72) на л. 72 и следующих;

4) летописный текст Сол. обрывается на середине 6980 г. словами: «и прииде к реце Оце под городок под Алексин с литовского рубежа, а в граде том. . .» [9] (л. 113 об.; на л. 114—119, как уже отметили, читается предшествующий текст, перемещенный при переплетении).

Сопоставление с Пог.-Маз. обнаруживает прежде всего, что во всех случаях, когда Пог. расходится с Маз., совпадая с Московским сводом конца XV в., Сол. оказывается сходным с Маз. [10] Однако в ряде случаев Сол. расходится с обоими «Сокращенными сводами», содержа иные чтения; многие из них совпадают с чте-

[8] В «Описании рукописей Соловецкого монастыря» (ч. 2, с. 553) ошибочно указано, что летописный текст оканчивается «на л. 119 описанием битвы в. кн. Дмитрия с Мамаем».

[9] Ср.: ПСРЛ, т. 27, с. 352.

[10] О первичности текста Маз. во всех этих случаях см.: *Клосс Б. М.* Указ. соч., с. 248, примеч. 27.

ниями тех летописей, которые, как мы отмечали, восходили к общим с Пог.-Маз. протографам: с Уст. и Ерм.

Так, под 6790 г. в Сол.: «прииде *другая* рать татарская на князя на Дмитрея» (так в Уст., в Пог.-Маз. нет). Под 6869 г.: в Сол. нет известия Пог.-Маз. об ограблении ростовских князей (нет и в Уст.). Под 6877 г.: нет известия Пог.-Маз. о том, что Дмитрий Иванович заложил град Переяславль (нет и в Уст., в сп. Арх. «свода 1495 г.» это известие написано на полях). Под 6880 г.: известие о том, что Михаил Тверской привел в числе литовских князей «князя Дмитрия Дрютского» (в Пог.-Маз. нет; в Уст. — «Дмитрия Вручьского»). Под 6897 г.: дата смерти Дмитрия Донского — 19 мая (так в Уст.; в Маз. и двух списках Пог. — 9 мая). Под 6915 г.: известие о том, что Константин «со пьсковичи немецкий город Порхов взял» (так в Уст.; в Пог.-Маз. — город Явизну). Под 6933 г.: в начале года — «индикта 3» (так в Уст.; в Пог.-Маз. нет). Под 6959 г.: татары побежали «мняху князя великого *пришедша*» (так в Уст., Ерм.; в Пог.-Маз. — «князя великого Мазовша»). Под. 6963 г.: противник «прелез Оку» (так в Уст., Ерм; в Пог.-Маз. — «прелез реку»). Под 6964 г.: дата пленения Василия Ярославича — 10 июля (так в Уст., Ерм.; в Пог.-Маз. — 3 июля). Под 6979 г.: нет известия Пог.-Маз. о пребывании в Новгороде Михаила Олельковича (в Уст., Ерм. тоже нет).

В двух случаях известие Сол. не отыскивается в Уст., но находит соответствие в Ерм. Под 6941 г.: приход Юрья Дмитриевича под Москву 5 апреля (так в Ерм.; в Пог.-Маз. — 25 апреля). Под 6979 г.: смерть архиепископа Ионы Новгородского 8 ноября (так в Ерм., в Пог.-Маз. — 5 ноября).

Протографичность указанных чтений делает особенно интересными те оригинальные чтения, которые обнаруживаются в Сол. при сравнении с Пог.-Маз. и отсутствуют также и в Уст. и Ерм.

Под 6623 г.: «преставися Володаир и брат его Василко Ростиславич» (в Пог.-Маз. нет сказуемого и текст непонятен). Под 6760 г.: «прииде Неврюй царевич ратью и Котян на Русь» (упоминания о Котяне нет ни в Пог.-Маз., ни в Уст., но оно есть в Софийской I). Под 6756 г.: запись на поле, относящаяся к известию о смерти великого князя Ярослава в Орде и о его наследниках: л. 53 об. — «. . . князя велики брат Святослав тому Юрьев достося, а Ивану Стародуб, от того вси Стародубские князи. Князь Василью Ярославичу Кострома, князь Константину брату его Галич да Дмитров, князь Михаилу Москва, князь Ярославу Малому Тверь, князь Александру Новгород»; л. 54 — «. . . Володимере, а сын его князь Юрьи да князь Михаил, а у князя. . . сын Александр да Константин. А у Константина. . . Дмитрий, Борис. А род пошел Суздальских князей после Батыя от Ярослава Всеволодовича». Под 6812 г.: уникальное сообщение, что Иоакинф был «боярин княж Ондреев Александровича» (в Пог.-Маз. — «Ивана Даниловича», в Уст. нет годовой статьи). Под 6863 г.: указаны предки умершего князя Константина Васильевича Суздальского — «внук великого князя Андрея, правнук великого Ярослава», дата

смерти 21 ноября (в Пог.-Маз. — 25) совпадает с Моск.-Акад. летописью. Под 6878 г.: «а князь Михайло поиде Тферской в Орду» (в Маз. нет; в Пог. — текст из Московского свода). Под 6894 г.: война за Смоленск, «и одоле князь литовский Скиргайло» (так в Троицкой), среди новгородских послов в Москву назван «посадник Василий Федорович». Под 6904 г.: река Кама впадает в Волгу «близ града Болгар» (Пог.-Маз. — «ниже Казани 60 верст»). О рождении Ивана III в Сол. сообщается один раз под 6949 г. задним числом в связи с рождением его брата Дмитрия — «а дотоле за год на тот же день родился князь великий Иван Васильевич, а крестил его игумен Зиновий Троицкий»; в Пог.-Маз. о рождении Ивана сообщается дважды — под 6948 и 6949 гг. (в Уст. — только под 6948 г.).

Приведенные примеры достаточно убедительно, на наш взгляд, доказывают, что в Соловецком списке до нас дошел первоначальный вид того памятника, который может быть назван «Сокращенным сводом конца XV в.». Каковы же были хронологические грани этого памятника — до какого года он был доведен и когда составлен? Текст Сол., к сожалению, не оканчивается, а обрывается на середине 6980 (1472) г. В связи с этим особое значение приобретает вопрос о датировке Сол. рукописи по ее палеографическим данным.

В «Описании рукописей Соловецкого монастыря» [11] интересующая нас рукопись описана, но не все положения этого описания можно считать окончательными. Так, там указано, что основная часть рукописи (л. 1—119) относится к XVI в. После дополнительного специального изучения оказалось, что рукопись представляет собой конволют, состоящий из трех частей:

1) л. 1—12 — один почерк, филигрань — буква «Р» готическая с раздвоенной оконечностью, датируется началом XVI в. (см.: *Лихачев*, № 1433, 1513 г.);

2) л. 23—119 — один почерк, беглый полуустав, три филиграни, из которых одна, первая, преобладает [филигрань — бычья голова с крестом — на л. 15, 17, 19, 23, 27, 31, 32, 52, 53, 59, 60, 65, 66, 76, 77, 83, 85, 89, 95, 96, 97, 119, датируется последней третью XV в. (см.: *Briquet*, № 14541, 1470 — 1481 гг.); филигрань — буква «Р» готическая с розеткой сверху — на л. 40, 42 (филигрань неполная, что затрудняет указание аналогий); филигрань — бычья голова, между рогами черта, заканчивающаяся цветком из шести лепестков — на л. 105, 113 (сохранилась только верхняя часть филиграни)];

3) л. 120—127 — два почерка, скоропись XVII в., на л. 124, 126 видны только части филиграней; для этой части рукописи характерна своя буквенная нумерация листов.

Летописный текст помещается на л. 45—119, т. е. в древнейшей части рукописи. Как уже отмечалось, летописный текст в рукописи обрывается на событиях 6980 (1472) г.

---

[11] Описание рукописей Соловецкого монастыря, ч. 2, с. 551—553, № 682.

Возникает вопрос: до какого года доводились события этого летописного текста? Однозначного ответа на этот вопрос нет.

Однако, если исходить из состава рукописи Сол., есть основание предполагать, что текст Сокращенного свода не продолжался здесь далеко за 6980 (1472) г. Как обычно, каждая тетрадь этой рукописи состоит из 8 листов. От последней тетради, содержащей Сокращенный свод, сохранились три листа (л. 111, 112, 113); между л. 112 и л. 113 один лист утерян. Следовательно, из последней тетради 4 листа до нас не дошли (после л. 113 в рукописи Сол., как мы уже отмечали, ошибочно помещен текст за более ранние годы — с 1380 г.). Если конечный текст Сокращенного свода читался в последней тетради (с л. 111) и если даже предполагать, что вся последняя тетрадь была закончена, то текст Сол. оканчивался бы на 6987 г. (это можно установить по объему соответствующего текста в Маз.-Пог.).

Значение списка не только в том, что он содержит первоначальный Соловецкий вид Сокращенного свода. Принадлежность этого списка XV в. — явление весьма редкое. Напомним, что в рукописях XV в. до нас дошло считанное количество летописей, в основном отражающих древнейшее летописание (Ипатьевская, Радзивилловская) или летописание первой половины XV в. (Софийская I, Новгородская IV). Из сводов второй половины XV в. только Ермолинская известна по списку того же времени. Теперь к числу этих летописей присоединяется и Сокращенный свод, Соловецкий вид которого с достаточным основанием может быть отнесен к 70—80-м годам XV в.

К ВОПРОСУ О РОЛИ СИНОДАЛЬНОГО СПИСКА НОВГОРОДСКОЙ I ЛЕТОПИСИ В РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ XV в.

В. Л. Янин

В. А. Кучкин обратил внимание на основательно забытую исследователями приписку конца XIII в. к тексту пергаменной служебной минеи XII в. № 161 из Синодального собрания: «В лето 6804 индикта 10 при владыце Клименте, при посаднице Андрее съгониша новгородци наместниковъ Андреевыхъ съ Городища, не хотяще князя Андрея. И послаша новгородци по князя Данилья на Мъсквоу, зовоуще его на столъ в Новъгородъ на свою отциноу. И присла князь переже себе сына своего въ свое место именемъ Ивана. А самъ князь Данилии. Того же лета поставиша мостъ великыи чересъ Вълхово. А писал Скорень, дьяконъ святыя Софии» [1].

Поскольку 6804 год соответствует 9-му индикту (индикты отсчитывались с 1 сентября), а приписка помещена в ноябрьской минее, сочетание годового и индиктного (единицей больше) чисел в приведенной записи свидетельствует о применении дьяконом Скоренем мартовского летосчисления и датирует само изложенное в ней событие ноябрем 1296 г.

Достоверность сообщения о приглашении в Новгород на княжение московского князя Даниила Александровича подтверждена Кучкиным анализом договорных грамот тверского князя Михаила Ярославича с Новгородом [2] и разбором общей политической обстановки на Руси конца XIII в. В грамоте князя Михаила, в частности, говорится: «Поклон от князя от Михаила къ отьцю ко владыце. То ти, отьче, поведаю: с[ъ бр]атомь своимь съ стареишимь съ Даниломъ один есмь и съ Иваномь; а дети твои, посадникъ, и тысяцьскыи, и весь Новъгородъ на томь целовали ко мне крьстъ, аже будеть тягота мне от Андрея, или от тат[ар]ина, или от иного кого, вам потянути со мною, а не отступити вы ся мене ни въ которое же веремя» [3]. Аналогичное место имеется и в новгородской грамоте

---

[1] ГИМ, Синод., № 161, л. 260 об.; *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1917, отд. 3, с. 33; *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голыщенко В. С.* Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея, ч. 1. Русские рукописи. — В кн.: Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965, с. 146; *Кучкин В. А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 60.

[2] ГВНП. М.; Л., 1949, с. 13—14, № 4, 5.

[3] Там же, с. 14, № 4.

князю Михаилу: «Кде будеть обида Новугороду, тобе потянути за Новъгородъ съ братомь своимь съ Даниломъ и съ мужи съ новъ[го]родьци» [4]. Сопоставление этих текстов с припиской Скореня дает возможность понять, что в них Даниил выступает как новгородский князь, а упомянутый в тверской грамоте Иван — не переяславский князь Иван Дмитриевич, как всегда было принято думать, а новгородский наместник Даниила Александровича, его сын Иван, которого впоследствии прозвали Калитой.

Союз Твери и Москвы против Андрея Александровича возник еще в конце 80-х или в начале 90-годов XIII в., когда Михаил Ярославич и Даниил Александрович выступили в поддержку Дмитрия Александровича; он четко проявился во время Дюденевой рати 1293 г., приведенной Андреем против Дмитрия, и просуществовал до 1300 г., когда Михаил Тверской отошел от своих прежних союзников и присоединился к Андрею Александровичу [5].

Приглашение в ходе этой борьбы на новгородский стол московского князя Даниила, возглавлявшего московско-тверскую коалицию князей после смерти Дмитрия Александровича в 1294 г., подтверждается теперь группой сфрагистических памятников, получившей достоверную атрибуцию в результате новейшей находки.

Летом 1979 г. в Новгородский государственный объединенный музей-заповедник поступила найденная Г. Л. Поповым в окрестностях Торговой стороны Новгорода, близ Тихвинского кладбища, свинцовая печать диаметром 25—27 мм [6], несущая на себе следующие изображения и надписи.

Л. с.: Изображение столпника; по сторонам: СТ ОЛ ПН ИК Ъ ДА НИ ЛЪ

О. с.: Изображение всадника в короне, с мечом, скачущего вправо; по сторонам: [АЛ] ЕК [СА] НДР

Принадлежность буллы князю Даниилу Александровичу не вызывает сомнений. Между тем несомненно и новгородское происхождение этой печати, поскольку она оказывается уже четвертым экземпляром, оттиснутым теми же матрицами, — три предыдущих также найдены в Новгороде [7], однако из-за их посредственной сохранности надпись оборотной стороны на них не читалась совершенно. Публикуя эти буллы в своде новгородских печатей, я не знал о приписке Скореня и объединил их в одну хронологическую

[4] Там же, № 5.
[5] *Кучкин В. А.* Указ. соч., с. 59, 63.
[6] НМ, кп, № 27749.
[7] *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. М., 1970, т. 2, с. 163, № 403.

группу с многочисленными вполне однотипными с ними печатями (таких булл известно в новгородских находках уже 10 экземпляров), несущими на одной стороне изображение св. Даниила Столпника, а на другой — всадника с надписью:

[Г] Е
[Р]ГИОС ,

принадлежавшими сыну Даниила Александровича новгородскому князю Юрию (1315—1316, 1319—1325 гг.) [8].

Новая находка позволила дать атрибуцию еще одной булле, обнаруженной И. П. Пахомовым в 1975 г. на Городище под Новгородом [9]. Эта печать диаметром 25—26 мм, к сожалению, не отличается хорошей сохранностью и утратила надписи лицевой стороны, однако ее изображения читаются достаточно четко.

Л. с.: Изображение столпника.

О. с.: Поясное изображение Христа; по сторонам: ІС Х[С].

На протяжении XIII в. печати новгородских князей, как правило, представлены двумя сериями. На одной принадлежность обозначена изображениями патрональных святых владельца буллы и его отца, на другой — изображениями патронального святого владельца буллы и Вседержителя. Наличие двух указанных серий фиксируется в сфрагистике Ярослава Всеволодовича, Дмитрия Александровича, Михаила Ярославича. Как видим, оно проявилось и во времена новгородского княжения Даниила Александровича, к которому и следует отнести найденную в 1975 г. буллу.

* * *

Изложенные материалы позволяют поставить вопрос, немаловажный прежде всего для истории новгородского и общерусского летописания. Почему княжение Даниила Александровича в Новгороде не нашло никакого отражения в летописи? В этой связи рассмотрим сначала хронологию новгородских князей второй половины XIII — начала XIV в.

После смерти 14 ноября 1263 г. Александра Ярославича Невского новгородцы в 1264 г. изгоняют его сына Дмитрия, «зане князь еще мал бяше», и посылают в Тверь приглашать к себе на стол Ярослава Ярославича [10]. Нет возможности предполагать в Дмитрии новгородского князя, пользовавшегося официальными правами на основе докончания. При жизни отца он наместничал в Новгороде [11], после кончины Александра не был принят на стол из-за сугубой молодости.

---

[8] Там же, № 402.
[9] НМ, поступления 1975 г.
[10] НПЛ. М.; Л., 1950, с. 84, 313, 455.
[11] Грамота, составленная в 1262—1263 гг. в отсутствие Александра в Новгороде, начинается словами: «Се аз князь Олександр и сын мои Дмитрии. . .» (ГВНП, с. 56, № 29).

Ярослав, интронизованный 27 января 1265 г. [12], занимал стол, постоянно конфликтуя с новгородцами, до смерти в зиму 1271/72 г. [13] Возникший после этого спор о новгородском княжении между Дмитрием Александровичем и Василием Ярославичем Костромским решился в пользу Дмитрия, который занял стол 9 октября 1272 г. [14] Однако в ту же зиму «съступися Дмитрии стола волею и поиде прочь с любовью», а новгородским князем стал Василий Ярославич, остававшийся на столе до смерти в зиму 1276/77 г., «новгородци же послаша по Дмитрия Александровича» [15].

Дмитрий принял новгородский стол 23 мая 1277 г. [16] 8 февраля 1284 г. он был сменен Андреем Александровичем. Осенью 1284 г. Андрей вернул стол Дмитрию, севшему на княжение зимой 1284/85 г. [17] В результате Дюденевой рати 28 февраля 1294 г. новгородским князем снова сделался Андрей Александрович [18], который, как стало известно из приписки Скорпя, в ноябре 1296 г. был сменен Даниилом Александровичем.

Полагаю, что прямое указание на это событие содержится в рассказе Новгородской IV (далее: НIVЛ) и Софийской I (далее: СIЛ) летописей о княжеском съезде во Владимире после приезда в 1296 г. ордынского посла Неврюя: «Бысть нелюбие межи княземь Андреемь, и Иваном Переяславьским, и Данилом Московьским, Михаилом Тферьским. Прииде посол от орды Олекса и Неврюя, и тогда бысть съезд княземь в Володимер: Андрею и Ивану, Феодору Ярославьскому, Костянтину, а противу сташа Данило, брат его Михаил и с Переславци, поделившеся княжениемь. И сведоша их на любовь владыка Семион и владыка Измаило, а за малым Бог упасл кровопролитиа и разъехашася коиждо в свояси» [19]. Не представляю, каким иным способом можно поделиться великим княжением, кроме отказа от Новгорода при сохранении владимирского стола.

Кучкин, определяя возможную продолжительность княжения Даниила Александровича в Новгороде, отмечает, что в мае 1299 г. в Новгороде упоминается сын Андрея Александровича Борис, участвовавший в качестве представителя княжеской администрации в выборах нового архиепископа после смерти Климента 22 мая [20]. Из этого сообщения очевидно, что в указанное время Андрей Александрович вернул свои права на новгородский стол, однако СIЛ называет и более раннюю дату возвращения новгородского княжения Андрею. В ее рассказе за 1298 г. сообщается: «Великыи

---

[12] НПЛ, с. 84, 313, 455.
[13] Там же, с. 89, 321.
[14] Там же, с. 90, 322.
[15] Там же, с. 322, 323, 456.
[16] Там же.
[17] Там же, с. 324—325; *Янин В. Л.* О дате Новгородской Синодальной кормчей. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 290—291.
[18] НПЛ, с. 327.
[19] ПСРЛ. Пг., 1915, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 249; СПб., 1851, т. 5, с. 202 (в СIЛ: «и поделишася великим княжением»).
[20] НПЛ, с. 90, 330; *Кучкин В. А.* Указ. соч., с. 63.

князь Андреи Александровичь поеха в Переяславль; великыи же князь Данило Московскии и брат его князь Михаило не съступишася Переяславля ему; он же еха в Новъгород» [21].

Новгородским князем Андрей Александрович оставался до смерти 17 июля 1304 г. Вопрос о его преемнике был новгородцами поставлен в зависимость от судьбы великокняжеского ярлыка, претендентами на который выступили Михаил Ярославич Тверской и Юрий Данилович Московский; наместники Михаила, присланные тверичами в 1304 г., в Новгороде приняты не были. Спор о ярлыке решился в пользу Михаила, который сел на новгородское княжение 16 июля 1308 г. [22], хотя, по-видимому, его наместники прибыли гораздо раньше; во всяком случае, говоря об освящении церкви Бориса и Глеба 9 декабря 1305 г., Новгородская 1 (далее: НІЛ) летопись сообщает, что оно было произведено «в державу христолюбивого князя Михаила» [23].

В 1314 г. приехавший от князя Юрия Федор Ржевский изымал наместников Михаила Ярославича, а в конце января 1315 г. на новгородский стол прибыл Юрий Данилович вместе с братом Афанасием; последний был оставлен наместничать в Новгороде, когда 15 марта того же года Юрий отправился в Орду [24]. Начавшаяся война Новгорода с Михаилом Ярославичем привела 10 февраля 1316 г. к тяжелому поражению новгородцев под Торжком, «и посла князь Михаило наместникы своя в Новъгород, а посадничьство даша Семену Климовичю». Этой фразой заканчивается в НІЛ рассказ 6823 г. Рассказ же следующего, 6824 г. открывается сообщением: «Выидоша наместници Михаиловы из Новагорода, и поиде князь Михаило к Новугороду со всею Низовьскою землею». Поход Михаила оказался трагическим для него, так как его войско заблудилось в низовьях Ловати и разбежалось от голода и лишений. На протяжении последующего времени Новгород оставался без князя в ожидании решения нового спора о ярлыке между Юрием и Михаилом, пока в 1319 г. не был убит в Орде князь Михаил Ярославич, а великое княжение дано Юрию Даниловичу [25], оставаясь за ним до гибели в Орде в конце 1325 г. [26]

В виде хронологической таблицы смена новгородских князей может быть выражена следующим образом:

До 14.XI.1263 г.	—Александр Ярославич
27.I.1265 г. — зима 1271/72 г.	—Ярослав Ярославич
9.X.1272 г. — зима 1272/73 г.	—Дмитрий Александрович
Зима 1272/73 — зима 1276/77 гг.	—Василий Ярославич
23.V.1277 г. — 8.II.1284 г.	—Дмитрий Александрович
8.II — осень 1284 г.	—Андрей Александрович
Зима 1284/85 г. — 28.II.1294 г.	— Дмитрий Александрович
28.II.1294 г. — XI.1296 г.	—Андрей Александрович

[21] ПСРЛ, т. 5, с. 202.
[22] НПЛ, с. 92, 332.
[23] Там же.
[24] Там же, с. 94, 335—336.
[25] Там же, с. 95—96, 336—338, 457.
[26] Там же, с. 97, 340, 458.

XI. 1296 г. — 1298 г.	—Даниил Александрович
1298 г. — 17.VII.1304 г.	—Андрей Александрович
1305 — 1314 гг.	**—Михаил Ярославич**
I.1315 г. — II.1316 г.	**—Юрий Данилович**
II.1316 г. — весна 1316 г.	**—Михаил Ярославич**
1319—1325 гг.	**—Юрий Данилович**

Эту таблицу полезно сравнить со списком новгородских князей, содержащимся в Комиссионной рукописи НИЛ младшего извода в двух контекстах — в летописной статье 6497 г. и в статьях, предшествующих Комиссионному списку летописи (оба документа практически идентичны) [27]. Однако прежде остановимся на выяснении даты составления этого княжеского реестра.

В разделе, предшествующем летописному тексту, список «А се князи Великого Новагорода» составляет часть большого обзора, который складывается из следующих рубрик: «Сице родословятся велицеи князи русьстии», «Родословие тех же князеи», «Кто колико княжил», «А се князи русьстии», «А се, по святемь крещении, о княжении киевьстем», «А се князи Великого Новагорода», «А се посадници новгородьстии», «А се тысячьскыи новгородскыи», «А се русьстии митрополити», «А се новгородскыи епископы», «А се архиепископи», «А се архимандриты новгородскыи», «А се имена всем градом рускым, далним и ближним».

Рубрика «Сице родословятся велицеи князи русьстии» доведена до Василия Васильевича включительно. Формально эту запись надо было бы датировать не ранее 1425 г., когда умер Василий I и началось московское княжение Василия II. Однако титуловаться великим князем Василий Васильевич стал еще при жизни отца, с 1419—1420 гг. С этого времени начинается характерное для Москвы XV в. наименование великим князем не только правителя, но и его официального наследника. Следующая рубрика — «Родословие тех же князей» — завершается перечислением сыновей Василия Дмитриевича, младший из которых, Василий, родился в 1415 г. В рубрике «Кто колико княжил» последним назван Дмитрий Иванович (умер в 1389 г.). Исчисление лет княжения Василия Дмитриевича (1389 г. — 28 февраля 1425 г.) отсутствует, что говорит о составлении рубрики до 1425 г. В рубрике «А се князи русьстии» последним показано имя Василия Дмитриевича, что снова свидетельствует о ее составлении до 1425 г. В рубрике о киевском княжении имеются только древние даты, и она для нас бесполезна. В главной для нас рубрике — «А се князи Великого Новагорода» — последним назван Василий Дмитриевич, что также датирует ее временем до 1425 г., а точнее — до 1424 г., если принять во внимание, что в 1424 г. Новгород заключил докончание с Василием Васильевичем как великим князем, наследником Василия I [28]. Рубрика «А се посадници новгородьстии» заканчивается именем Захарии Кирилловича, а рубрика «А се тысячьскыи новгородскыи» — именем Ивана Василье-

[27] Там же, с. 161—163, 470—471.

[28] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 265.

вича; однако для датировки начала деятельности этих магистратов мы не располагаем независимыми датами, как и для точного определения времени деятельности лиц, именами которых завершается рубрика «А се архимандриты новгородскыи». Зато весьма важен раздел о новгородских владыках, перечисление которых завершается сведениями о смерти и погребении архиепископа Симеона (умер 15 июня 1421 г.). Следующий за ним владыка Феодосий (1421 г. — сентябрь 1423 г.) не назван. Следовательно, рубрика составлена между июнем 1421 г. и сентябрем 1423 г. [29] Большему уточнению этой даты способствует указание в статье «Кто колико княжил» на то, что от Турлаковы рати минуло 97 лет. Турлакова рать была в 1327 г., 97-й год после нее пошел в 1423 г.

Эту согласную картину нарушает только одна рубрика обзора — «А се русьстии митрополиты», в которой последним назван не Фотий (1410—1431 гг.), как этого следовало бы ожидать, а его преемник Герасим (1433—1434 гг.). Однако это единственное противоречие может быть отвергнуто следующим способом. В Новороссийском списке HIVЛ, где объем списков посадников и тысяцких совпадает с их объемом в Комиссионном списке HIЛ [30], перечисление митрополитов заканчивается именем Фотия, что позволяет ограничивать этим именем и перечисление митрополитов в общем источнике этих двух списков.

Список новгородских князей в летописной статье 6497 г. находится в окружении рубрик «А се по святем крещении, о княжении киевьстем» (того же объема), «А се рустеи митрополиты» (заканчивающейся именем Герасима, 1433—1434 гг.) «А се новгородчкыи архиепископы» (доведенной до имени Евфимия, 1423—1429 гг.) [31], «А се число колко есть епискупии в Русе» и «А се посаднице новгородчьскыи», в которой последним назван Тимофей Васильевич, избранный в 1416 г. В интересующем нас списке князей Новгорода изложение доведено до Василия Васильевича, т. е. до времени не ранее 1424 г. В целом обзор при летописной статье 6497 г. демонстрирует более поздний этап редактирования, хотя включенный в него посадничий список принадлежит к более раннему виду, нежели в статьях, предшествующих Комиссионному списку HIЛ.

---

[29] Феодосий не был хиротонисан, поэтому можно было бы предположить, что он не упомянут именно по этой причине, и датировать составление рубрики началом деятельности следующего архиепископа, Евфимия I. Однако в той же рубрике мы легко обнаружим упоминание другого нехиротонисанного владыки — Арсения.

[30] ПСРЛ. Л., 1929, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 626. В этот обзор включены сведения только о городах, митрополитах, новгородских епископах (до смерти Давида; так же в Уваровском списке Ермолинской летописи. Там же. СПб., 1910, т. 23, с. 165), посадниках, тысяцких и архимандритах.

[31] Феодосия в этом списке нет, но в нем нет и Арсения; следовательно, на этом этапе редактирования отсутствие хиротонии уже последовательно учитывалось как повод для невключения в список не утвержденных митрополитом владык.

Таким образом, протограф списка новгородских князей, фигурирующего в Комиссионной рукописи НІЛ младшего извода, был изготовлен в 1423 г. Каковы были его источники? Естественным для ответа на такой вопрос представляется сравнение княжеского списка с материалами самого летописного изложения в НІЛ.

Список новгородских князей в целом насыщен деталями. В частности, в нем отмечаются повторные княжения одних и тех же лиц, а в ряде случаев исчисляется продолжительность занятия стола тем или иным князем. Однако в той части, которая касается интересующего нас периода, этот список крайне лаконичен и имеет очевидные отличия от приведенной выше и реконструированной по НІЛ (за исключением сведений о Данииле Александровиче) хронологической таблицы:

«. . .и опять Александр;
по сем Ярослав Ярославич;
по том Дмитрии Александрович, и тъ седев 3 месяци, выиде из града;
и по семь Василии Ярославич;
по семь Аньдреи Александрович;
и по сем Михаило Ярославич, и тъ седев 3 месяци и неполны, выиде из града;
и по семь Юрьи Данилович, внук храбраго Александра. . .»[32]

Совершенно очевидно, что при составлении списка князей были допущены две лакуны. До имени Василия Ярославича (зима 1272/73 г. — зима 1276/77 г.) князья перечисляются без пропусков, затем следует перерыв до последнего княжения Андрея Александровича (1298—1304 гг.); наконец, еще один пропуск привел к тому, что для Михаила Ярославича оказалось отмеченным только его последнее кратковременное княжение (февраль — весна 1316 г.), в силу чего были потеряны первое княжение Михаила и первое княжение Юрия.

Если вторая лакуна может быть объяснена элементарной гаплографической ошибкой составителя списка или редактора общего протографа обоих княжеских списков Комиссионной рукописи, то такое объяснение не может быть выдвинуто для понимания природы первой лакуны, в которой потерялись многократные чередования на новгородском столе Дмитрия и Андрея, а также княжение Даниила Александровича.

* * *

Поскольку список князей составлялся в 1423 г., когда НІЛ младшего извода еще не существовало, он нуждается в сопоставлении с НІЛ старшего извода, который, как известно, представлен единственным Синодальным списком. Дошедшая до нас Синодальная рукопись не сохранила первые 16 тетрадей (128 листов); ее нумерация, сделанная почерком XV или XIV—XV вв., начинается с 17-й тетради и заканчивается обозначением последней, 37-й тетради; 3 листа дополнительно сброшюрованы в конце

[32] НІЛ, с. 471.

рукописи, переплетенной заново в XVIII в. Тетради 17—31 (с середины 6524 до середины 6742 г.) написаны двумя почерками XIII в., тетради 32—37 — третьим почерком первой половины XIV в. (в них излагаются события от середины 6742 до 6838 г. включительно); на трех дополнительных листах текст написан разными почерками второй четверти — середины XIV в. [33]

К моменту нумерации тетрадей более всего интересующая нас часть рукописи, написанная третьим почерком, была дефектна. В ней отсутствовала целая тетрадь, которая располагалась после 35-й и должна была бы приобрести номер 36-й. Иными словами, первоначально в Синодальной рукописи было не 37, а 38 тетрадей. Текст 35-й тетради обрывается на середине изложения событий 6780 г., первый же лист тетради, получившей позднее номер 36, начинается описанием событий 6807 г., но не имеет начальной фразы с обозначением года, оставшейся на обороте последнего листа утраченной тетради. Исчезнувший лист, следовательно, содержал изложение событий с конца 1272 до начала 1299 г.

Легко заметить, что этот разрыв совпадает с лакуной княжеского списка, приходящейся на тот же период. Этим обстоятельством решается вопрос об источнике княжеского списка 1423 г. Таким источником могла быть только Синодальная рукопись НИЛ старшего извода.

Существует, однако, немаловажная деталь, которая ведет к утверждению о том, что к 1423 г. отсутствующая ныне тетрадь была утрачена не полностью, а от нее сохранялся ее первый лист. Текст 35-й тетради кончается сообщением о вокняжении в Новгороде Дмитрия Александровича 9 октября 1272 г.: «Того же лета приеха князь Дмитрии Александрович в Новъгород и седе на столе месяца октября в 9» [34]. Естественно, что из этого сообщения невозможно извлечь перешедшие в княжеский список 1423 г. сведения о том, что Дмитрий оставался на новгородском столе только три месяца и что его сменил Василий Ярославич. Все эти сведения содержатся в окончании летописного рассказа 6780 г., сохраненном в НИЛ младшего извода: «Того же лета приходи князь Василии к Торжьку, и пожьже хоромы и посади тивун свои, и иде назад на Кострому. И Святослав с тферици и начаша воевать волость новгородскую: Волок, Бежици, Вологду; а в Новегороде бысть хлеб дорог, и у гостебников по Низовьскои земли товар отъимаша. Тои же зиме князь Дмитрии с новгородци и со всею областью идоша к Тфери, а к Василью послаша Смена Михаиловича, Лазаря Моисиевича, Стефана Душиловича: „что еси поимал волости повгородчкои, то въспяти; а с нами мир возми". Василии же отпусти послы с честью и мира не да. И яко быша новгородци на Торжку, и възмятошася люди, и восхотеша Василья; и съступися Дмитрии стола волею и поиде прочь с любовью. Тогда же отъяша посадничьство у Павши, и бежа с Романом

[3] Там же, с. 5 (предисловие А. Н. Насонова).
[4] Там же, с. 90.

к Дмитрею, и оттоль идоша к Василью и поклонишася; и даша посадничьство Михаиле Мишиничю, и послаша по Василья, и целоваша на Торжку образ господень, яко всем одинакым быти с посадником Михаилом. Седе князь Василии Ярославич в Новегороде на столе. Того же лета отъяша посадничьство у Михаила и даша опять Павши, с Костромы привед» [35]. Этот текст, соответствующий одной странице Комиссионного списка, занимает в последнем издании НІЛ 18 строк, что точно соответствует одному листу с оборотом в Синодальной рукописи.

Сохранялся ли этот лист к моменту составления протографа НІЛ младшего извода? Как вообще в этом протографе выглядел не уцелевший в Синодальном списке раздел летописного рассказа, охватывающий события 1273—1298 гг.? Поскольку заданный вопрос имеет в виду состояние протографа НІЛ младшего извода, нам следует прежде всего сравнить соответствующие тексты НІЛ младшего извода, НІУЛ и СІЛ, поскольку все они восходят к единой протографической основе. Во всех трех только что упомянутых сводах рассказ 1273—1298 гг. идентичен в этой основе, но тексты НІУЛ и СІЛ отражают результат дополнительной обработки рассказа НІЛ младшего извода.

Эта обработка была проведена по двум линиям. Во-первых, исходный текст общего протографа всех трех сводов был дополнен общерусскими, точнее — неновгородскими известиями, набор которых одинаков для НІУЛ и СІЛ: под 6780 г. — известие о смерти князя Михаила Ярославича и рассказ о победе Довмонта над рижским магистром, под 6785 г. — о пребывании князей в Ясах в Орде и о смерти Бориса Васильевича, под 6786 г. — о смерти Глеба Васильевича и о вокняжении в Ростове Дмитрия и Константина, под 6787 г. — о смерти Юрия Александровича Суздальского, под 6790 г. — о рати Туратемира и Алына на Дмитрия и о поездке Дмитрия к Ногаю, под 6791 г. — о поставлении митрополита Максима, о возвращении из Орды Дмитрия и примирении его с Андреем, под 6793 г. — о смерти Романа Владимировича Угличского, о приходе Андрея с царевичем из Орды и новом разрыве с Дмитрием, под 6794 г. — о разделении отчины между Дмитрием и Константином и о рождении у них сыновей, под 6796 г. — о смерти ростовского епископа Игнатия, под 6797 г. — о походе Дмитрия Ростовского к Кашину и о смерти тверского епископа Симеона, под 6798 г. — о поставлении тверского епископа Андрея, о лунном затмении и о победе Тохты над Телебугой и Алгуем, под 6802 г. — о смерти Дмитрия Ростовского и о вокняжении в Ростове Константина, под 6803 г. — о поездке Андрея Александровича с княгиней в Орду, пвд 6804 г. — о междукняжеском конфликте и съезде во Владимире, под 6805 г. — о захвате Александром Глебовичем Смоленска, под 6806 г. — о переяславском конфликте Андрея с Михаилом и Даниилом и о походе Федора Ярославского на Смоленск,

[35] Там же, с. 322.

Некоторые неновгородские известия дополнительно включены только в HIVJ или только в CIJ и, следовательно, не восходят к их общему протографу. Так, только в HIVJ имеются известия: под 6786 г. — о взятии Дмитрием Тетякова, под 6788 г. — о сооружении митрополитом Кириллом оловянной кровли на церкви Богородицы во Владимире, под 6798 г. — об освящении церквей Спаса в Твери и Богородицы в Устюге, под 6801 г. — о вокняжении Ивана Дмитриевича в Костроме, поездке князей в Орду и смерти Михаила Глебовича. Только в CIJ говорится под 6802 г. о вокняжении Федора в Ярославле, а Александра в Угличе, под 6806 г. — о том, что после переяславского конфликта Андрей Александрович отправился в Новгород.

Таким образом, вся сумма новгородских известий восходит к общему протографу всех трех сводов, т. е. к тому тексту, который больше всего присущ HIJ младшего извода.

Вторым направлением обработки этого общего протографа на стадии возникновения протографического текста HIVJ и CIJ было сокращение новгородских известий. В обоих этих сводах нет известий: под 6781 г. — о предоставлении посадничества Михаилу Мишиничу, а затем о возвращении его Павше, под 6782 г. — о приезде в Новгород Василия Ярославича, о смерти Павши, о предоставлении посадничества Михаилу Мишиничу, а также подробного рассказа об избрании Климента новгородским архиепископом, под 6783 г. — о пожаре в Новгороде, под 6784 г. — о дате падения северной стены Софийского собора и о приглашении на новгородский стол Дмитрия, под 6788 г. — сообщения о том, что новый посадник Семен Михайлович был приведен из Ладоги, под 6795 г. — нет даты смерти Семена Михайловича, под 6798 г. — сведений о том, что посадничество в пользу Юрия Мишинича было отнято у Андрея Климовича, отсутствует календарная дата этого события, нет также упоминания о предоставлении ладожского посадничества Матфею Семеновичу, под 6799 г. нет сведений о большой воде в Волхове, бескормице и падеже коней, а также сентенции летописца по этому поводу, под 6800 г. — о начале нового строительства рухнувшей церкви св. Феодора.

Дополнительное сокращение новгородских известий было произведено на стадии создания HIVJ и CIJ. Так, только в HIVJ отсутствуют известия: под 6781 г. — о лишении Павши посадничества и его поездке к Дмитрию Александровичу, под 6782 г. — о дате кончины архиепископа Далмата, под 6787 г. — об основании Дмитрием Копорья, под 6802 г. — о посылке князем Андреем посадника из Торжка в Новгород и о поездке в Низовскую землю. Еще больше сокращений демонстрирует CIJ. Только в ней нет известий: за весь 6784 г., под 6788 г. — о смерти посадника Михаила Мишинича и предоставлении посадничества Семену Михайловичу, под 6790 г. — о дороговизне хлеба в Новгороде, под 6794 г. — о предоставлении посадничества Андрею Климовичу и о смене в Новгороде тысяцких, под 6795 г. — подробностей рассказа о «мятеже» в Новгороде, под 6798 г. — об убийстве

Самуила Ратшинича и последовавшем за ним восстании, под 6799 г. — о грабеже новгородского торга «коромольниками», их казни и расправе Ногая над Телебугой и Алгуем, под 6800 г. — о закладке церкви Николы на Липне, под 6802 г. — о «свершении» церкви св. Феодора, под 6804 г. — о сооружении надвратной Воскресенской церкви в Детинце, под 6805 г. — о сооружении надвратной церкви Преображения в Юрьевом монастыре.

Какую бы степень усечения ни испытали новгородские известия 1273—1298 гг. в процессе возникновения первых общерусских сводов XV в., их сумма, демонстрируемая НІЛ младшего извода, навсегда осталась единственным новгородским источником, питавшим все позднейшее летописание. Поэтому чрезвычайно важным представляется выяснить соотношение этого источника со старшим изводом НІЛ. Здесь, на мой взгляд, возможно только альтернативное решение. Если в момент возникновения в 30-х годах XV в. младшего извода НІЛ (или при создании гипотетически предшествовавшего ему «Софийского временника 20-х годов XV в.») фундаментом нового свода послужил старший извод НІЛ как таковой, представленный достаточно исправным списком, то рассказ НІЛ младшего извода за 1273—1298 гг. должен быть адекватен утраченной тетради Синодального списка. Если же сам Синодальный список был единственным носителем летописной традиции НІЛ старшего извода, то отсутствие в нем интересующей нас тетради должно было потребовать привлечения летописи иного вида, и рассказ НІЛ младшего извода за 1273—1298 гг. отражает эту иную летописную традицию. Ставить проблему именно так понуждает использование Синодального списка в 1423 г. как единственного в руках составителя списка новгородских князей летописного источника.

* * *

Поставленный вопрос можно сформулировать и по-другому: является ли утрата раздела летописного рассказа за 1273—1298 гг. частным фактом биографии Синодальной рукописи или же это факт истории новгородского владычного летописания в целом? Рассмотрим этот хронологический раздел в НІЛ младшего извода.

Наиболее значительной его особенностью оказывается наличие очевидного шва именно на том месте, где обрываются сведения Синодального списка. Если в Синодальном списке последняя уцелевшая в конце 35-й тетради фраза «Того же лета приеха князь Дмитрии Александрович в Новъгород и седе на столе месяца октября в 9» в полном соответствии с принятым в нем мартовским циклом летосчисления отнесена к 6780 г., то в НІЛ младшего извода той же фразой открывается рассказ о событиях 6781 г.; иными словами, весь рассказ 6781 г. дан здесь в ультрамартовском летосчислении. В рассказе следующего, 6782 г. имеется календарная дата: «Преставися архиепископ Далмат новгородчкыи, месяца октября в 21, в суботу, в 1 час нощи; а заутра в неделю погребен бысть честно». Но суббота 21 октября была в 1273 г., что соответ-

ствует 6781 мартовскому году; поскольку дата здесь обозначена единицей выше, следовательно, и в этом случае употреблен ультрамартовский цикл. Календарная дата имеется и в рассказе 6784 г.: Климент прибыл в Новгород после поставления в Киеве «в неделю, месяца августа в 2 день». 2 августа падало на воскресенье в 1276 г., т. е. действительно в 6784 мартовском году. Однако в рассказе 6784 г. объединены события двух лет: в этой статье последовательно рассказывается о падении стены Софийского собора 9 мая, поставлении Климента «на зиму» и его возвращении в Новгород 2 августа. Поэтому падение стены относится к 1275 г., т. е. к мартовскому 6783 г., что снова свидетельствует о применении ультрамартовского цикла.

Н. Г. Бережков путем сопоставления годовых дат рассматриваемого раздела НІЛ младшего извода с соответствующими датами Симеоновской летописи пришел к выводу, что применение ультрамартовского цикла продолжается только до 6792 г.[36] Одним из важных аргументов для такого вывода послужила календарная дата, содержащаяся в рассказе НІЛ младшего извода под 6795 г.: свергнутый посадник Семен умер 16 июля в понедельник, что соответствует 1287 г., или, иначе, действительно мартовскому 6795 г. Однако этот аргумент в известной степени ослабляется полным отсутствием сообщений за следующий, 6796 г., к которому может относиться и указанная дневная дата.

Впрочем, вне зависимости от стиля, принятого в рассказе 6793—6806 гг., отчетливо замечается наличие еще одного шва, соответствующего переходу от интересующего нас раздела к изложению событий 1299 г., т. е. переходу от неуцелевшей тетради Синодального списка к сохранившейся 36-й тетради. Под 6807 г. в НІVЛ и СІЛ содержится следующее сообщение: «Изгониша Немци посад у Плескова, марта 4; черноризци, убозии, жены и дети избиша, а муж бог ублюл, а монастыри пожгоша. В утреи же день Немци оступиша град Псков, Домонт же с Иваном с Дорогомиловым выехаша на них, и победи а у святаго Петра и Павла на брезе; и бысть сеча зла, яко николи же не бывала такова сеча у Пскова: ових избиша, а иных раниша, и кумендеря раниша по главе, а инии метаху в брег, а Велнивици, изимав, послаша к князю Андрею на Русь, а прочии въскоре повергше оружиа, и устремишася на бег, страхом грозы храброства Домонтова и Ивана Дорогомилова»[37]. Изложенное здесь событие относится к первым числам марта 1299 г., т. е. к началу мартовского 6807 г.[38] Оно не описано в Синодальном списке, и это вполне естественно, поскольку изложение событий начала 6807 г., надо полагать,

---

[36] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, с. 286—290. До 6790 г. удается проследить применение в НІЛ младшего извода ультрамартовского стиля сравнением ее рассказа с сообщениями Никоновской летописи (*Янин В. Л.* О дате Новгородской Синодальной кормчей, с. 289, 290).

[37] ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 250; ср. т. 5, с. 203.

[38] *Бережков Н. Г.* Указ. соч., с. 291.

находилось в самом конце утраченной тетради. Однако в краткой редакции мы находим его в НІЛ младшего извода, где оно завершает рассматриваемый нами раздел за 1273—1298 гг.: «В зиме изгониша Немци Плесков и много зла створиша: посад пожьжен бысть, а по манастырем все чернци исекоша; и плесковици же с князем Домонтом, укрепившеся богом и святою богородицею, прогнаша их, давши им рану не малу» [39]. Здесь оно обозначено 6806 г., т. е. на единицу ниже мартовского, что вообще не соответствует никакому из принятых на Руси хронологических циклов. Такое насильственное перемещение рассказа под другую дату могло быть вызвано только потребностью замаскировать возникший шов.

Таким образом, я прихожу к выводу о том, что при составлении протографа НІЛ младшего извода лакуна Синодального списка, приходящаяся на период с октября 1272 г. по март 1299 г., была заполнена летописным рассказом отнюдь не того вида, который существовал некогда в НІЛ старшего извода, а заимствованным из летописи иной семьи. Соответствующий раздел этой летописи не мог быть органично введен в существовавшую лакуну из-за использования иного цикла летосчисления, что и демонстрируется наличием обоих швов такой вставки.

Вместе с тем особое значение для истории новгородского и общерусского летописания приобретает Синодальный список НІЛ старшего извода. Дважды он оказывается главным источником летописной работы. В 1423 г., когда в нем еще сохранялся первый лист утраченной тетради за 1273—1298 гг., с единственной опорой именно на него в Новгороде был составлен список новгородских князей. Позднее, когда был потерян и этот лист, Синодальный список снова служит основой ранних разделов нового свода. Утрата в нем тетради с летописным рассказом за 1273—1298 гг. — не частный факт его собственной биографии, а биографии старшего извода НІЛ в целом.

* * *

Мы видим, что протографический текст НІЛ младшего извода возник на основе сверки Синодального списка с летописью иного вида. Попытаемся теперь отыскать те характеристики этой летописи, которые отличают ее от Синодального списка, иными словами — от НІЛ старшего извода.

Как уже отмечено, первые 16 тетрадей Синодального списка к настоящему времени не сохранились, и представление о новгородской традиции изложения исторических событий до середины 1016 г. основывается на летописном рассказе НІЛ младшего извода об этом периоде. Была ли утраченная часть Синодального списка идентична параллельным текстам НІЛ младшего извода? Процитирую новейшее мнение по этому вопросу:

«Исследователи разошлись во мнении, какой текст читался в утерянной части Синодального списка. Наиболее вероятно,

[39] НПЛ, с. 329.

что эта часть была сходна с младшим изводом. Помимо того, что последующий текст в обоих изводах очень близок, приведем еще следующие соображения. Помещенный в Синодальном списке отрывок под 6746 г. (со слов: „Грех же ради наших попусти бог поганыя на ны“ до конца) извлечен из статьи 6576 г., читающейся в младшем изводе. Другой отрывок из той же статьи читается в Синодальном списке под 6776 г. (от слов „крестом бо побежены бываютъ“ и до слов „муку вечную“). В Синодальном списке фрагмент под 6704 г. от слов „помолися глаголя“ до слов „молитвами святыя богородица“ заимствован из статьи 6504 г., помещенной в младшем изводе» [40].

Мне представляется, что цитированные соображения ведут к диаметрально противоположному выводу, нежели предложенный Б. М. Клоссом и Я. С. Лурье. Если статья 6576 г. частично разошлась в Синодальном списке по статьям 6746 и 6776 гг., значит, она в своем первоначальном виде имелась лишь в протографе Синодального списка, а не в нем самом и, следовательно, никак не могла быть в этом первоначальном виде переписана из Синодального списка в статью 6576 г. НІЛ младшего извода. Более того, в статьях 6746 и 6776 гг. в НІЛ младшего извода имеются тексты, заимствованные Синодальным списком из статьи 6576 г. Эти статьи в младшем изводе отложились в редакции Синодального списка, что привело к дублированию соответствующих текстов, помещенных один раз под 6576 г., а вторично — под 6746 и 6776 гг. Так же обстоит дело и с переносом текста из статьи 6504 г. в рассказ 6706 г. (а не в рассказ 6704 г., как ошибочно указано Б. М. Клоссом и Я. С. Лурье). Этот текст в НІЛ младшего извода дублируется под 6504 и 6706 гг. Оба случая дублирования, надо полагать, дают основание заключить, что статьи 6706, 6746 и 6776 гг. в младшем изводе воспроизводят текст Синодального списка, а статьи 6504 и 6576 гг. взяты в младший извод из той летописи, с которой Синодальный список сверялся в ходе работы по составлению протографа младшего извода.

Об особом характере текста на утраченных первых 16 тетрадях Синодального списка свидетельствует и его объем. В 16 тетрадях содержалось 128 листов или, иначе, 256 страниц, что примерно соответствует 65 листам или 130 страницам Комиссионного списка НІЛ младшего извода. Между тем параллельная утраченной в Синодальном списке часть летописного рассказа в Комиссионном списке заканчивается на 79-м листе или, иначе, на 157-й странице. Это значит, что в утраченных 16 тетрадях Синодального списка объем летописного рассказа был меньше примерно на три тетради, нежели в параллельном тексте НІЛ младшего извода.

В большей лапидарности утраченной части Синодального списка убеждает и сопоставление параллельных текстов этой

[40] *Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания). — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, с. 82, Ротапринт.

рукописи за 6524—6582 гг. с рассказом НІЛ младшего извода за те же годы. Вопреки мнению Б. М. Клосса и Я. С. Лурье о том, что «последующий текст в обоих изводах очень близок», сравнение текстов не демонстрирует такой близости. Если в Синодальном списке рассказ 6524—6582 гг. заканчивается в начале л. 5, т. е. занимает чуть больше 8 страниц, то в Комиссионном списке рассказ о событиях тех же лет изложен на л. 79—98, т. е. на 40 страницах, а это примерно соответствует 40 листам Синодального списка.

Отметим избыточные тексты НІЛ младшего извода сравнительно с Синодальным списком: под 6524 г. — о бесследном исчезновении Святополка, о Правде и Уставе, данных Ярославом новгородцам; здесь же текст Краткой Правды, под 6552 г. — о походе Ярослава на Литву и о постройке Новгорода Владимиром, под 6555 г. — о походе Ярослава на мазовшан, под 6557 г. — о гибели от пожара деревянной Софии, под 6558 г. — о сооружении на ее месте каменного Софийского собора и о смерти княгини Ярослава, под 6559 г. — о том, что Илариона поставили «в святеи Софеи, събравши епископы», под 6560 г. — о погребении Владимира в Софии, под 6561 г. — о рождении Владимира Всеволодовича, под 6562 г. — о разделении Ярославом Русской земли между сыновьями, о его смерти и погребении, под 6563, 6565, 6566 гг. — все сообщения, под 6567 г. — подробности, связанные с освобождением Судислава, под 6568 и 6569 гг. — в обоих случаях весь годовой рассказ, кроме первой фразы, под 6571 и 6572 гг. — все сообщения, под 6573 и 6574 гг. — в обоих случаях весь годовой рассказ, кроме первой фразы, под 6575 г. — весь годовой рассказ, кроме первых трех фраз, под 6577 г. — весь годовой рассказ, кроме его первых сюжетов, кончающихся сообщением об обретении креста Владимира в Софийском соборе, под 6578 г. — о том, что Ростислав родился «у Всеволода», под 6579 г. — весь годовой рассказ, под 6580 г. — весь годовой рассказ, кроме первой фразы, под 6581 г. — весь годовой рассказ, кроме двух последних фраз, однако и к ним добавлено, что в закладке Печерской церкви принимал участие епископ Михаил, что митрополит Георгий был тогда в Греческой земле, а в Киеве сидел Святослав, под 6582 г. — весь годовой рассказ, кроме первой фразы.

Не менее важны тексты Синодального списка, отсутствующие в НІЛ младшего извода: под 6545 г. — о закладке Ярославом Киева и киевской Софии, под 6547 г. — об освящении Владимиром церкви Богородицы, под 6550 г. — о походе Владимира Ярославича на Емь, под 6552 г. — о погребении Ярополка и Олега и крещении их костей, под 6553 г. — о гибели от пожара деревянной Софии, под 6558 г. — о рождении Святополка.

Таким образом, очевидно, что протограф НІЛ младшего извода в рассмотренной части не опирается на Синодальный список, а пользуется летописным текстом иного вида, более насыщенным историческим содержанием, но в то же время не включившим некоторых сообщений, имеющихся в Синодальном списке. Прин-

ципиальная разница между этими двумя летописями, использованными сводчиком протографа младшего извода, может быть наглядно продемонстрирована взаимоисключающими рассказами о пожаре деревянной Софии:

Синодальный список

«В лето 6553. Съгоре святая София, в суботу, по заутрьнии, в час 3, месяца марта в 15. В то же лето заложена бысть святая София Новегороде Володимиромь княземь».

Комиссионный список

«В лето 6557. Месяца марта в 4, в день суботныи, сгоре святая Софея; беаше же честно устроена и украшена, 13 верхы имущи, а ту стояла святая Софея конець Пискупле улице, идеже ныне поставил Сотъке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховом.

В лето 6558. Свершена бысть святая Софеа в Новегороде, повелениемь князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа Луки. . .»

Не будем пока останавливаться на сравнительно позднем характере цитированного текста в младшем изводе (Сотко заложил церковь Бориса и Глеба в 1167 г., освящена она была в 1173 г.[41]). Сейчас важно отметить, что Синодальный список и использованная сводчиком младшего извода летопись указывают для пожара деревянной церкви Софии не только разные годовые, но и разные дневные даты.

Создается впечатление, что сводчик младшего извода, положив в основу летописного рассказа о событиях до 6582 г. включительно текст иной летописи, резко отличающейся объемом, не привлекал в этой части своей работы Синодальный список даже для сверок. Во всяком случае нет никаких оснований предполагать идентичность текста в утраченных 16 тетрадях Синодального списка с текстом, сохранившимся в НІЛ младшего извода. Это две разные летописные версии, хотя обе они отражают особую новгородскую традицию Начального свода, предшествовавшего Повести временных лет.

Совпадение текстов Синодального списка и НІЛ младшего извода начинается с годовой статьи 6583 г. Их сопоставление удобно провести поэтапно, ограничившись сначала отрезком рассказа с 6583 по 6712 г., т. е. включая вставную Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г.

Разночтения между Синодальным списком и семьей списков НІЛ младшего извода могут быть сгруппированы по их характерным особенностям. Оговорюсь, что имеются в виду принципиальные разночтения, а не стилистическая обработка текста редактором протографа младшего извода, существо которой не имеет отношения к объему информации о событиях.

Первая группа разночтений — всякого рода ошибки и описки, вызванные небрежностью сводчика: «Илькину чадь» вместо «и Книну чядь» (6605 г.), «гость» вместо «съ Готъ» (6638 г.), «с посломъ»

[41] НПЛ, с. 219, 223.

вместо «съломь» (6642 г.), «положиша» вместо «пополошишася» (6646 г.), «с воеводою» вместо «съ Водью» (6657 г.), «Мьстислава, сына Ростиславля» вместо «Ростислава, сына Мьстиславля» (6662 г.), «Озарьи» вместо «Захарии» (6669 г.), «архиепископъ» вместо «епископъ» (6671 г.), «наворотишася» вместо «наворопиша» (6672 г.), «шетиници; шетеничи; шетеничь» вместо «шетициници» (6673 г.), «уступиша» вместо «отступиша» (6775 г.), «в Володимере» вместо «Володимирь вънукъ» (6678 г.), «Ростиславци» вместо «ростовьци» (6684 г.), «июня в 8» вместо «июля в 8» (на св. Прокопия; 6704 г.), «генваря въ 30» вместо «генваря въ 1, на святого Василия» (6707 г.).

Вторая группа разночтений — исправление явных несообразностей Синодального списка, очевидных по смыслу или же в зависимости от контекста: «митрополит рускыи» вместо «митрополитъ сурьскыи» (6612 г.), «в Ладозе» вместо «въ городе» (6640 г.), «седевъ лето и 4 месяци» вместо «седевъ въ Новегороде 8 лет и 4 месяце» (6647 г.), «пояша новгородьци себе у Всеволода князя Ярослава Мьстиславица» вместо «и пояша новгородьци у Всеволода сынъ собе Ярослав» (6684 г.), «декабря въ 10, на память святых мученик Мины и Ермогена и Еуграфа» вместо «и месяця декабря въ 10, на святого Данила стълъпника» (Мина, Ермоген и Евграф отмечаются 10 декабря, а Даниил столпник — 11 декабря; 6701 г.), «сгореша 3 церкви» вместо «съгореша церкъви 10» (далее перечислены три церкви; 6702 г.), «генваря въ 12» вместо «генваря въ 19, на святыя Татианы, при игумене Онисиме» (Татьяна отмечается 12 января; 6704 г.).

К той же группе относятся некоторые минимальные вставки, сделанные по смыслу рассказа: «Иоанн его же зваху» (о митрополите скопце, смерть которого отмечена уже под следующим годом; 6598 г.), «Василько Ростиславиць» вместо «Василько» (6605 г.), «манастырь» (об Антонове; 6627 г.), «преставися» (6646 г.), «патриарха Цесаряграда» (6677 г.), «сынъ свои посади Святослава» вместо «сынъ свои посади» (6683 г.), «Бориса, еже Романа и Давыда» вместо «Бориса и Глеба» (6685 г.), «от Коснятина двора» вместо «от Къснятина» (6689 г.), «святого Еупатиа чюдотворца и епископа Ганьграньскаго» вместо «святого Еупатия» (6691 г.), «в лоивахъ» (6699 г.), «съ Югрою», «анхимандрит новъгородчкыи» (6702 г.), «иже в Халкопратии» (6703 г.), «въ своемь монастыре» (о Спас-Преображенском монастыре в Русе; 6706 г.), «въ Клине» (6708 г.).

Третья группа разночтений — разгрузка текста Синодального списка от излишних календарных подробностей. В младшем изводе отсутствуют следующие детальные указания: «индикта лета 14», «преже 14 каланда августа, въ неделю», «въ 3 час дне, а луне небеснеи въ 19 день», «наставъшю индикта 15», «месяца сентября» (6644 г.), «индикта лету 15» (6645 г.), «въ неделю 3 по пасце» (6646 г.), «тои же нощи бысть знамение въ луне: вся погыбе, въ заутрьнюю пакы напълнися, феурар» (6657 г.), «въ въторую неделю по велице дни, индикта пьрваго» (6676 г.), «на святого Иерофея» (6678 г.), «индикта 10, месяца априля въ 20» (6686 г.), «на свя-

тую цесарю Костянтина и Елены», «на святого апостола Тита» (6687 г.), «месяця септября» (6692 г.), «на святого Варихисия», «на святого мученика Ермиа» (6695 г.), «на святого Митрофана» (6697 г.), «на святого Игнатия перенесение мощьмь» (6702 г.), «на святого Исакия», «на святого Стефана» (6703 г.), «на святого Корнилия, на канонъ святого Въздвижения, при игумени» (6704 г.), «настануюю лету», «до Сменова дни» (6705 г.), «на святую цесарю Костянтину и Елены», «на святыя Улиты» (6706 г.), «на святого апостола Варфоломея» (6707 г.).

Четвертая группа разночтений — различного рода пропуски, одни из которых, не имея принципиального характера, могут быть квалифицированы как случайные; причины других более сложны. Случайны, на мой взгляд, следующие: «и Мьстислава на Трьполи» (6601 г.), «а дьяволу пагуба» (6661 г.), «Давыда» (6662 г.), «у святеи Богородици въ печере» (6664 г.), «Володимири» (6685 г.), «съ братомь» (6687 г.), «а князи Мьстиславе Давыдовици» (6693 г.), «Анания, Азария и Мисаила, и Данила пророка» (6697 г.), «въ дворе у себе», «одаренъ» (6699 г.), «вънизу» (6700 г.), «на горе, а прозвище» (6706 г.), «Завижюю» вместо «Завижюю посадника» (6707 г.).

Явно не случайный характер имеет другая группа пропусков: «Въ то же лето погоре Хълмъ вьсь и церкы святого Илье», «Въ то же лето постави мя попомь архепископъ святыи Нифонтъ» (6652 г.); «Въ то же лето преставися раба божия Анна, игумения святыя Варвара; и поставиша на месте ея Марьмьяну» (6675 г.); «Томь же лете преставися раба божия Елисава, игумения святого Иоанна; и поставиша на месте ея Фегнию» (6687 г.); «Въ то же лето сърубиша церковь нову святого Власия» (6692 г.); «Томь же лете делаша мостъ новъ чересъ Волхово по сторонь ветъхаго. Томь же лете переставися рабъ божии Герман, иереи святого Якова, зовемыи Воята, служивъшю ему у святого Иякова полъпятадьсятъ лет въ кротости и съмерении и богобоязньстве: поя съ собою Пльскову архепископъ Гаврила, и дошьдъ Пльскова разболеся, и постриже и владыка и въ скиму, и преставися месяця октября въ 13, на святую мученику Карпа и Папула, и положиша и у святого Спаса въ манастыри. Покои, господи, душю раба твоего Германа, отпусти ему вся прегрешения вольная и невольная» (6696 г.); «Въ то же лето родися Новегороде у Ярослава дъци княгыни на Рожьство богородици» (6697 г.); «Родися Новегороде у Ярослава сынъ Михаилъ, а княже имя Изяслав, а вънукъ Володимирь» (6698 г.); «Тъгда же родися у князя сынъ у Ярослава» (6699 г.); «Томь же лете переставися игумения Мария святого Въскресения и поставиша на месте Евдокию» (6700 г.); «Въ то же лето родися въ Новегороде у Ярослава сынъ Ростислав. Томь же лете сърубиша церковь святую Апостолу на Хълме Живогложю и святого Иоанна Милостиваго на воротехъ о Въскресения» (6701 г.); «Тои же зиме преставися игуменъ Герасимъ у святыя Богородиця въ Аркажи манастыри, и поставиша на месте его Панъкратия попина» (6702 г.); [Заложили церковь Воскресения в монастыре] «и възделаша

до двьрии около до осени. Томь же лете преставися раба божия Хрьстна святыя Варвары; и поставиша на месте си, избра владыка и сестры все, кротъку и съмерену именьмь Варвару Гюргевую Олекшиниця; и постави ю владыка на сборъ святыя Еуфимие. Томь же лете сърубиша церковь нову святого Въздвижения и святого Василия и святого Дмитрия Ноздрьцину» (6703 г.); «а писець Грьцинъ Петровиць» (6704 г.).

Главной особенностью этих не перешедших из Синодального списка в НІЛ младшего извода текстов является их узкая территориальная специализация, связанная с Людиным концом Софийской стороны Новгорода. Здесь находился Варварин монастырь, церкви Власия, Воздвижения и Василия Парийского; в ближайших окрестностях Людина конца располагались Воскресенский и Аркаж монастыри, ктиторами последнего были Михалковичи, крупнейшие бояре Людина конца [42]. Ивановский (Росткин) монастырь находился в Загородье, местности, тяготевшей в XII—XIII вв. к Людину концу. В Людином конце, как это выяснилось в результате археологических раскопок 1973—1977 гг., жил и художник Гречин Петрович.

Происхождение записей, отличающихся столь локальным характером, легко объяснимо. Герман Воята, имевший прямое отношение к авторству отложившегося в Синодальном списке текста за 6652 г. и прослуживший священником 45 лет до смерти в 6696 г., священствовал в церкви св. Якова, с которой связана и деятельность пономаря Тимофея — владельца второго почерка Синодального списка, работавшего над перепиской этой рукописи во второй половине XIII в. Между тем вопреки распространенному мнению о том, что эта церковь находилась в Неревском конце на Яковлевой улице, в действительности она локализуется на Добрыне улице, поскольку переписанный рукой того же Тимофея Лобковский пролог 1282 г. был предназначен для соседней церкви Образа, стоявшей на той же Добрыне улице. Церковь Якова на Добрыне в летописи достоверно упоминается с 1181 г.[43] и находилась в Людином конце [44].

Несколько особняком стоят в этой группе запись о пожаре на Славне (в Холме) и четыре заметки о рождении детей у князя Ярослава Владимировича. Однако в целом рассматриваемые тексты могут быть квалифицированы как локальные приписки яковлевского причта, присущие только Синодальному списку. Иными словами, они были сделаны в той рукописи, с которой во второй половине XIII в. копировался Синодальный список. Обращает на себя внимание то, что большинство рассматриваемых записей помещено в конце годовых статей.

---

[42] *Хорошев А. С.* Боярское строительство в новгородском Аркаже монастыре. — Вестник МГУ, Сер. IX. История, 1966, №2, с. 77—82.

[43] НПЛ, с. 37, 227.

[44] *Подвигина Н. Л.* К вопросу о месте составления Синодального списка Новгородской первой летописи. — Вестник МГУ, Сер. IX. История, 1966, № 1, с. 67—75.

В этой связи возникает неизбежный вопрос: мог ли составитель протографа НІЛ младшего извода произвести столь безупречную ампутацию всех этих растворившихся в тексте Синодального списка «домашних» записей, если при этом он не опирался на другой источник, позволивший их вычленить? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Произвести указанную операцию возможно только при наличии такого источника, в котором отсутствуют перечисленные выше «домашние» записи, но имеются все остальные тексты. Можно эту мысль выразить и иначе: в распоряжении сводчика для исключения приведенных заметок должен был находиться текст, адекватный протографу Синодального списка, но без этих дополнительных записей. Поскольку мы уже знаем, что в руках сводчика, кроме Синодального списка, была еще одна летопись, легко сделать логический вывод об адекватности этой летописи протографу Синодального списка в разделе, освещающем события с 6583 г. до рубежа XII—XIII вв.

Проверим это предположение наблюдениями над пятой группой разночтений между Синодальным списком и НІЛ младшего извода за указанный период — текстов, присущих младшему изводу, но отсутствующих в Синодальном списке: «Всеволожа дщи» (6597 г.), «месяця августа» (дата победы черниговцев над киевлянами; 6643 г.); «тои же зиме преставися» (о митрополите Иоанне; 6673 г.; правда, фразой о смерти Иоанна открывается и летописный рассказ следующего года); «нь еще бо тогда детескъ бяше сыи» (о князе Романе; 6677 г.); «выиде Рюрикъ из Новагорода» (6682 г.); «Ефросинию Петровую Купщевица» (названо имя новой игуменьи Зверина монастыря; 6700 г.); [думаша] «собе: инии хотяху Митрофана поставити, а друзии Мантуриа, а и сии хотяху паки Гричина; в них паки распря бысть немала, и ркоша къ себе: „да сице положим три жребиа на святеи тряпезе въ святеи Софеи“. И абие положиша и повелеша пети святую литургию, и по совершении службы и послаша с веца слепца, да котораго дасть богъ, и вынеся божиею благодатью жребии Мантуриевъ», «и симъ тоже сътвориша и по сих рече Савка князю югорьскому: „аще, княже, не убиешь еще Яковца Прокшиница, а живого пустиши в Новъгород, то тому ти, княже, опять привести вои семо, и землю твою пусту сътворит“. И призвавши князь Яковца Прокшиница, и повеле его убити. И рече Яковець Савици: „брате, судит ти богъ и святая Софея, аще еси подумалъ на кровь братьи своеи; и станеши с нами пред богомъ и ответаеши за кровь нашю“. И то ему рекъшю, убиенъ бысть. Тъ бо Савица перевет держаше отаи съ княземь югорьскымъ» (6701 г.); «Радослав Даниловичь» (добавлено имя боярина, поставившего церковь Филиппа; 6702 г.); «а мастер бяше Коров Яковичь» (имя зодчего церкви Кирилла; 6704 г.); «с Прокшею с Малышевицемъ» (имя боярина, начавшего строительство церкви Сорока мучеников) (6707 г.).

Все приведенные здесь тексты (возможно, кроме фразы в статье 6673 г.) органичны летописному рассказу. Они, несомненно, находились в протографе Синодального списка и были потеряны от-

части случайно, а отчасти и сознательно писцами Синодального списка. Можно аргументировать причины утраты в нем наиболее значительных по своему объему текстов 6701 г. Один из неудачливых претендентов на обладание владычной кафедрой в 6701 г. — Гречин, как было установлено раскопками, был ставленником Людина конца, и акцент на получение «божией благодати» его соперником Мартирием в глазах яковлевских клириков мог показаться неуместным. Полагаю, что жителем Людина конца был и Савка, обвиненный в изменнических сношениях с Югрой и в подстрекательстве к убийству Яковца Прокшинича. В Синодальном списке сохранена более осторожная оценка этих событий в статье 6702 г.: « И тъгда придоша избытъкъ живыхъ изъ Югры. И убиша Сбышку Волосовиця и Негочевиця Завида и Моислава Поповиця сами путьники, а друзии кунами ся откупиша; творяхуть бо я советъ дьржаще на свою братью, а то богови судити» [45]. По крайней мере один из этих убитых, заподозренных вместе с Савкой в измене, — Моислав жил в Людином конце: в 1977 г. при раскопках на Черницыной улице этого района Новгорода была найдена адресованная ему берестяная грамота № 548. Исключая недвусмысленный рассказ о действиях Савки, яковлевские клирики тем самым демонстрируют свое несогласие с позицией летописца.

В ходе последовательного сравнения текстов Синодального списка и НІЛ младшего извода мы подошли к чрезвычайно важной системе разночтений между ними, отразившейся в составе статей 6711—6712 гг. В Синодальном списке статья 6711 г. включает в себя две части. В первой описывается взятие Киева и его разорение Рюриком Ростиславичем, вторая содержит следующий текст: «Въ то же лето победиша Олговиця Литву: избиша ихъ 7 сотъ и 1000. Томь же лете преставися Мирошьшка, посадникъ новъгородьскыи, постригъся у святого Георгия; и по том даша посадницьство Михалку Степаницю. Томь же лете, по грехомъ нашимъ, измроша кони Новегороде и по селомъ, яко нелзе бяше поити смрады никуда же». Вся статья 6712 г. занята Повестью о взятии Царьграда крестоносцами.

В НІЛ младшего извода первая часть статьи 6711 г. идентична первой части той же статьи в Синодальном списке, однако на месте цитированной выше второй части стоит иной текст, вообще отсутствующий в Синодальном списке: «Тогда же ходиша рустеи князи на Половци: Рюрикъ, Романъ, Мьстиславъ и инии князи мнози; тогда же зима бысть люта; и взяша мног полонъ и стада их отгониша. Того же лета посла Романъ Вячеслава, веля ему Рюрика постриги в черници». Статья 6712 г. содержит Повесть о взятии Царьграда крестоносцами, но после нее помещен тот текст, который в Синодальном списке составил вторую часть рассказа 6711 г., и еще один текст: «Тогда же, на вербьницю, приидоша Латина под Цесарьград, въ бучах и взяша Цесарьград на щит, исекоша Греце; и кто ся их где хоронилъ, и тех, выводяще, исекоша; а свя-

[45] НПЛ, с. 41, 234.

тую Софею всю пограбиша и что в неи; а что манастырь силных и церквии, а тыи излупиша вся; а патриархъ и игумены и игумениа выводяще и въ ужищах, и взимаша злато у нихъ».

Приведенный отрывок не имеет текстологической связи с Повестью о взятии Царьграда, не представляет выборки из нее или краткого ее конспекта. Мы встречаемся здесь с двумя разными летописными версиями, соединение которых в НІЛ младшего извода привело к дублированию известия о взятии Константинополя. И коль скоро Повесть находится в Синодальном списке, можно уверенно предполагать, что краткое известие содержалось в иной летописи, где Повести не было. В этом убеждает и местоположение текста о победе Ольговичей над Литвой, кончине Мирошки и конском падеже в Новгороде, который в Синодальном списке дан по мартовскому, а в НІЛ младшего извода — по ультрамартовскому счислению. Иными словами, в указанном месте наблюдается очевидный шов, наличие которого возможно обосновать и другими способами.

В начальном разделе НІЛ младшего извода изложена программа некоего сводчика: «Мы же от начала Рускы земля до сего лета и все по ряду известьно да скажем, от Михаила цесаря до Александра и Исакья» [46]. В более исправном виде эта фраза сохранилась в Троицком списке НІЛ: «. . . от Михаила царя до Олекси, Исакья» [47]. Это важное хронологическое указание ведет нас к событиям 1195—1203 гг., когда Алексей III Ангел (Комнин) сверг своего брата Исаака, ослепил его и долгое время держал в заключении, после чего на короткое время вернул ему престол.

Другим, не менее важным обстоятельством оказывается особое состояние того раздела НІЛ, который следует за Повестью о взятии Царьграда: «Группа статей Новгородской I летописи, излагающая события восемнадцатилетнего промежутка, с 6713 (1205/6) по 6730 (1222/3) г., отличается очень большой неправильностью, непоследовательностью в обозначении годов» [48]. Мы уже убедились, что такая непоследовательность начинается даже несколько раньше, в летописной статье НІЛ младшего извода 6712 г.

Эти обстоятельства дают право предположить, что именно до 6712 г. был доведен свод, озаглавленный в НІЛ младшего извода: «Временникъ, еже есть нарицается летописание князеи и земля Руския, и како избра богъ страну нашу на последнее время, и грады почаша бывати по местом, преже Новгородчкая волость и потом Кыевская, и о поставлении Киева, како во имя назвася Кыевъ» [49]. В ходе всего сопоставления Синодального списка с НІЛ младшего извода вплоть до 6712 г. мы убеждались в том, что младший извод в этой его части опирается не на Синодальный список, а на «Временник», текст которого в то же время оказы-

---

[46] Там же, с. 104.
[47] Там же, с. 512.
[48] *Бережков Н. Г.* Указ. соч., с. 247.
[49] НПЛ, с. 103, 511.

вается протографическим для Синодального списка в пределах периода с 6583 по 6712 г. С какого же места текст Синодального списка сделался основным для сводчика НІЛ младшего извода? Продолжим сопоставление текстов, сосредоточившись теперь на летописном рассказе 6713—6780 гг.

Первая группа разночтений между ними — ошибки и описки сводчика младшего извода: «на Плътеске» вместо «на Плоскеи» (6718 г.), «Ивора Чапоноса» вместо «Ивора и Чапоноса», «за Рожество» вместо «за Тържькъ» (6723 г.), «Костянтинъ» вместо «Къснятинь» (6724 г.), «в ту нощь» вместо «въ коньць» (6726 г.), «сына» вместо «брата» (6730 г.), «Мьстиславъ» вместо «Ярослав» (6731 г.), «тысячкыи Михаиловъ» вместо «тысячьского и Михаиловъ» (6732 г.), «на Въсте» вместо «на Въсвяте» (6733 г.), «въ островъ далече» вместо «въ островълець» (6736 г.), «Иосифа» вместо «Осафа», «Гостислава» вместо «Ростислава» (6737 г.), «по местомъ» вместо «по стомъ», «избиша» вместо «извешаша» (6738 г.), «под Мосаискомъ» вместо «подъ Мосальскомь», «Водовикъ и Внездъ» вместо «Водовикъ Вънездъ» (6739 г.), «тма» вместо «1000» (6776 г.), «Ельферья Сбыславича» вместо «Юрья Сбыславича» (6777 г.) [50].

Вторая группа разночтений — исправление явных несообразностей Синодального списка — представлена единственным случаем: «месяца марта въ 20, на память преподобных отець наших, иже в манастыре святого Савы избиеных от Срачинъ» вместо «месяця марта въ 20, на святого Герасима» (Герасим отмечается 4 марта, а 20 марта — преподобные обители св. Саввы; 6713 г.). Однако к этой группе можно отнести и минимальные вставки, смысловые или стилистические, не увеличивающие объема информации: «в манастыре» (6715 г.), «и святого Тимофея и преподобномученика Анастасиа Персянина» (6719 г.), «новгородцомъ же люба бысть речь си» вместо «и тако» (впрочем, эта замена имеется только в Комиссионном списке НІЛ; 6722 г.), «на память святого цесаря Костянтина и матери его Елены», «на память святого отца нашего Мелентея архиепископа Мелетиискаго» (6723 г.), «на память святыя Марьи Египтяныне», «якоже елене» (последняя вставка — только в Комиссионном списке НІЛ; 6724 г.), «на память святого апостола Еремея» (6725 г.), «на память святого отца нашего Семеона иже в Персиде» (6728 г.), «и отпущение греховъ, иже много трудися о святых мученицех, и устрои собе память до века вечнаго» (6735 г.), «или на неве или в вежах, и тех», «мало же их въ свою землю убежа, ано вся кость ту паде» вместо «а то все мертво» (6736 г.), «на память святого отца Павла исповедника», «на память святого отца Пота-

[50] Елферий Сбыслович упомянут перед тем под 1256 и 1267 гг. (Там же, с. 81, 85, 309, 315). Документальное подтверждение действительного существования Юрия Сбыславича было обнаружено в 1970 г. при раскопках на древней Михайловой улице Новгорода, где найдена свинцовая печать с надписью: «Еигорь[е]ва печать Сбыс[л]авли[ч]а [т]иоуна новгоро[ч]кого» (*Матюшкина Г. И.* Новые находки вислых печатей из раскопок 1970—1973 гг. — Вестник МГУ, Сер. IX. История, 1976, № 1, с. 70, табл. II, 7, ж).

лиа Аллилугиа», «на зачатие святыя Анны», «на Ярославле дворе» (6738 г.), «и болши», «на память святых мученик Бориса и Глеба» вместо «на Боришь день», «на память святыя мученица Пелагиа», «месяца марта въ 17, на память святого Алексея человека божиа» вместо «на святого Ольксия» (6740 г.), «на память святого отца Тимофея в пяток въ 1 час дни» (6741 г.), «около Юрьева и около Медвежии голове», «месяца июня въ 10, на память святого отца Тимофея въ 1 час нощи» вместо «июня въ 10, съ вечера» (6742 г.), «и в конех, в белых 10, в вороных 10, и в бурых 10-е, в рыжих 10-е, в пегих 10-е» вместо «и в конихъ, во всякомь десятое» (6746 г.), «а погребенъ бысть въ понедельник въ 17» (здесь логическое восстановление очевидной лакуны; 6751 г.), «и бысть в недузе крепци велми нездравъ» (парафраз следующей далее фразы; 6770 г.), «на святого Иоанна Златоустаго пренесение честных мощии его» (6773 г.), «на всеи воле новгородскои» (6778 г.).

Следующая группа разночтений — различного рода пропуски: «и убиша новгородци смолнянина», «князь же Мьстиславъ въ вече поча звати, они же не поидоша» (6722 г.), «ано тамо измано вячьшие мужи» (6723 г.), под 6726 г. исключен подробный рассказ о вероломной расправе Глеба Владимировича Рязанского над рязанскими князьями объемом около трех страниц Синодального списка; вместе с ним оказался потерянным и конец предыдущей фразы: «по Ростиславиця и, приде в Новъгород месяця августа въ 1»; «и сънъ его», «Богъшю, а иныхъ» (6732 г.), «и Олоньсь» (6736 г.), «исходяче» (6737 г.), «и Творимиричь, иныхъ много дворовъ. А Водовикъ, то зло услышавъ, побеже съ Торжьку съ братьею, и Борис тысячьскыи», «и мне грешному Тимофею понамарю» (6738 г.), «Обрадовица» вместо «Павла Обрадиця» (6742 г.), «створи манастырь у святого Павла Семеновая Борисовича» (6746 г.), «в пяток» (6771 г.).

В рассказах 6722 и 6738 гг. потерянные места ограничены одинаковыми словами, что свидетельствует о гаплографической причине этих пропусков. В целом же надо отметить бросающуюся в глаза разницу в подходе редактора к дневным датам. Здесь он их развивает, уснащая числа сведениями, взятыми из месяцеслова. В предыдущем разделе (до 6712 г.) редактор, напротив, стремился максимально избавиться от обозначения церковных праздников. Полагаю, что разгрузка летописного рассказа от календарных подробностей — дело сводчика «Временника», обрабатывавшего свой протограф, тогда как развертывание календарных дат после 6712 г. принадлежит сводчику НІЛ младшего извода. Принципиальный характер имеет исключение записи Тимофея пономаря, заметки, имеющей личный смысл.

Последняя группа разночтений — избыточные тексты НІЛ младшего извода сравнительно с Синодальным списком. Две самые значительные вставки надо назвать в первую очередь. Под 6748, 6750, 6754 и 6759 гг. с годовыми известиями спаяно разбитое на фрагменты Житие Александра Невского в той его редакции, которую Ю. К. Бегунов датирует 30-ми годами XV в., относя

включение жития в НІЛ ко времени работы над протографом Новгородско-Софийского свода [51], иными словами — над протографом НІЛ младшего извода. Под 6753 г. в НІЛ младшего извода помещена Повесть о гибели в Орде черниговского князя Михаила и боярина Федора, заполнившая всю годовую статью, что потребовало переноса известий 6753 г. (так они датированы в Синодальном списке) под 6754 г.

Рассмотрим другие добавления: «месяца априля въ 1 день; а самъ выихавъ въ 5 день» (6726 г.), «а Ярославици, смолняне взяле Полтескъ, генваря въ 17, при князе Борисе и Глебе» (6730 г.), «брат Домажировъ, иконнаго писца», «по 7 гривне и поболши» вместо «по гривне серебра» (6738 г.), «Борисовичь», «Трубечьскымъ на средоговение; и быша в Буици, селе святого Георгиа, и оттоле въспятится назадъ», «Горислалица» (6740 г.), «преставися князь Ярославъ Всеволодичь в канове Орде» (6754 г.), «тогды же прииде Неврюи на Суздалкую землю, на князя Андрея; и бежа князь Андреи Ярославичь за море въ Свиискую землю, и убиша и» (6759 г.).

Происхождение одной из этих вставок особое. В Синодальном списке писцом, переписывавшим известия 6740 г. (т. е. Тимофеем; этот раздел написан вторым почерком), была допущена гаплографическая ошибка. Годовая статья начинается следующим сообщением: «Приидоша ис Чернигова Борисъ Негочевичь, тысячскыи, Михаилъ с братом, и Водовикович Петре, Глеб Сменовъ брат Борисович, Миша, съ княземъ Святославомъ Трубечьскымъ на средоговение; и быша в Буици, селе святого Георгиа, и оттоле въспятися назадъ князь Святославь в Русь, и уразумев, яко сии солгаша имъ. . .». Из-за двукратного употребления в тексте слов «съ княземъ Святославомъ», «князь Святославъ» Тимофей пропустил фрагмент текста между этими словами, причем этот пропуск пришелся на переход к оборотной стороне л. 115. Лист 115 кончается словами «Миша съ кня. . .», а л. 115 об. начинается словами «зьмь Святославомъ опять въ Русь, уразумевъ. . .». Однако эта ошибка была замечена: «зьмь» в начале л. 115 об. зачеркнуто киноварью и отмечено тремя киноварными крестами [52]. Это значит, что в составе Синодального списка имелся несохранившийся теперь отдельный лист с восстанавливающей правильность текста вставкой.

Объяснимо и разночтение «по 7 гривне и поболши» вместо «по гривне серебра» под 6738 г. Равенство «а за гривну сребра полъ осме гривне» зафиксировано в статье «А се бещестие» Устава князя Владимира, имеющегося, в частности, в статьях, следующих за текстом НІЛ в Комиссионной рукописи [53]. Сводчиком был сделан элементарный перерасчет.

[51] *Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959, вып. 9, с. 229—238.

[52] Новгородская харатейная летопись/Издано под наблюдением акад. М. Н. Тихомирова. М., 1964, с. 235—236.

[53] НПЛ, с. 498.

Остальные немногочисленные дополнения, несомненно, заимствованы из иного источника, характер которого выясняется наблюдениями над его хронологическими особенностями. Этот источник относит Неврюеву рать и бегство князя Андрея за море к 6759 г. Однако указанные события произошли в 6760 мартовском году [54]. Смерть Ярослава Всеволодовича, случившаяся в 6754 мартовском году [55], описана в НІЛ под 6754 г., однако вставленное сообщение о ней заключает фрагмент текста, который был перенесен сводчиком НІЛ младшего извода из статьи 6753 в статью 6754 г. Следовательно, первоначально это известие было датировано годом, на единицу меньшим. Эти хронологические отклонения родственны тем, которые мы наблюдали в летописном рассказе, восполняющем утерянную в Синодальном списке тетрадь с изложением событий 6781—6806 гг.

Отсюда следует вывод об использовании сводчиком НІЛ младшего извода для освещения событий 6713—6780 гг. в качестве основного источника Синодального списка, сверенного с той летописью, которая продолжила «Временник» 6712 г.

Нам осталось сопоставить Синодальный список с НІЛ младшего извода в тех их частях, которые освещают события после 6806 г.

К первому виду их разночтений относится единственная описка: «Ростиславьского» вместо «Рязаньского» (6828 г.).

Имеется ряд пропусков: «того же лета срубиша 4 церкви: святыя Богородица в манастыри въ Зверинци, и святого Лазоря, и святого Дмитрия на Бояни улке, и святою Бориса и Глеба на Подоле» (6808 г.), «отъяша посадничьство у Семена Климовича и даша брату его Андрею. Того же лета срубиша 4 церкви деревяны: святого Георгия в Торгу, и святого Ивана Ишкову, и святою Козмы и Демьяна на Холопии улици, и святого Георгия на Борькове улици» (6811 г.), «того же лета, на зиму, даша посадничьство Михаилу Павшиничю» (6817 г.), «того же лета отъяша посадничьство у Михаила и даша Семену Климовичю» (6819 г.), «Михаила Павшинича» (6823 г.), «того же лета постави церковь святои богородици Рожество архиепископъ Моисии въ Десятине» (6835 г.).

Наиболее любопытным фактом, проявившимся в системе этих сокращений, представляется последовательное истребление упоминаний боярина Михаила Павшинича. Непонятно, какие политические страсти водили пером сводчика НІЛ младшего извода, но он исключил из летописного рассказа не только сведения о предоставлении Михаилу посадничества и лишении его степени, но даже его имя из списка новгородцев, погибших под Торжком в 1316 г.

Весьма незначительны в этой части летописи дополнения к текстам Синодального списка. Под 6809 г. прибавлено славословие князю Андрею Александровичу, под 6810 г. — обращение к св. Михаилу в связи с окончанием строительства церкви его имени,

[54] *Бережков Н. Г.* Указ. соч., с. 113.
[55] Там же, с. 112.

под 6818 г. сообщение о строительстве церкви Покрова монахом Олонием продолжено словами: «нарицаемаго Сшкила; и бысть монастырь крестьяномъ прибежище», которые могут быть объяснены как реакция на распространившуюся в XV в. Повесть о посаднике Щиле; под тем же годом введено славословие архиепископу Феоктисту; под 6824 г. картина голода в лагере Михаила Ярославича дополнена словами: «а инии, съ щитовъ кожю сдирающе. ядяху», «якоже древле иерусалимляне, внегда предасть я богъ в руце цесарю Титу Римъску»; под 6883 г. вставлена со ссылкой на Ивана Богослова сентенция о братолюбии; под 6834 г. к сообщению о чудесах у гроба митрополита Петра добавлено: «три человеци прощени быша» (отметим, что в 1416 г. в Новгороде была освящена церковь во имя митрополита Петра, и житийные подробности должны быть хорошо известны сводчику младшего извода НІЛ).

Лишь два дополнения могут быть возведены к дополнительному летописному источнику — сообщение под 6830 г. о том, что укрывшегося в Новгороде литовского князя Давыдка «поставиша в Загородьи, въ Офоносове дворе, в диаконове», и известие под 6837 г. о том, что приехавший в Новгород митрополит Феогност «прокля плесковичь».

Перенесение акцента на преимущественное использование сообщений летописи, продолжившей «Временник» 6712 г., наблюдается с 6839 г. Статья 6838 г. в младшем изводе НІЛ еще воспроизводит текст Синодального списка, однако конец этого текста о послах от митрополита и поставлении архиепископа Василия в младшем изводе перенесен под 6839 г. и продолжен рассказом, отсутствующим в Синодальном списке; известия же последнего за 6839 г. в этот рассказ не вошли. События 6840 г. в младшем изводе изложены по Синодальному списку, как и часть событий заключающего Синодальный список 6841 г., но из последнего убрана заключительная фраза, а рассказ 6841 г. в младшем изводе продолжен по другому источнику.

Особой темой, наглядно демонстрирующей использование Синодального списка сводчиком НІЛ младшего извода, является судьба приписок к Синодальному списку. Две первые — 6845 и 6853 гг. — целиком влились в младший извод. Приписка 6860 г. очевидных совпадений с НІЛ младшего извода не имеет.

Вместе с тем использование Синодального списка сводчиком протографа НІЛ младшего извода, по-видимому, может быть отмечено еще раз при обращении к летописным сводам, зависимым от этого протографа. В НІУЛ под 6395 г., а в СІЛ под 6392 г. помещено отсутствующее в НІЛ младшего извода родословие русских князей. Если в СІЛ в полном соответствии со временем написания ее Толстовского списка в последнем родословие заканчивается именем сына Ивана III Ивана [56], то в НІУЛ последними в этом списке стоят имена сыновей Ивана Ивановича — Дмитрия и

[56] ПСРЛ, т. 5, с. 90.

Ивана [57]. Дмитрий Иванович родился в 1350 г., дата рождения его младшего брата Ивана неизвестна, но в 1362 г. он вместе с Дмитрием уже участвовал в сражении, значит, родился вскоре после 1350 г. Поскольку последняя приписка к Синодальному списку сделана в 1352 г., не фигурировало ли кончающееся именами Ивана Красного родословие русских князей в начале Синодального списка? Оттуда оно могло перейти в общий протограф НІЛ младшего извода, НІУЛ и СІЛ, но в НІЛ младшего извода было изъято в связи с помещением подобного рода списков в рассказе о крещении Руси.

* * *

Подведем краткие итоги сделанным выше наблюдениям.

В распоряжении сводчика НІЛ младшего извода были две летописи: сохранившийся до нашего времени Синодальный список и летопись, в которой текст свода 1204 г. («Временника») был продолжен более поздними записями вплоть до первой четверти XV в.

Несохранившийся «Временник» 1204 г. по своему составу в целом тождествен тексту НІЛ младшего извода до 1205 г., исключая Повесть о взятии Царьграда крестоносцами. Его заключительная статья воспроизведена в НІЛ младшего извода под 1205 г. «Временник» 1204 г. и Синодальный список в пределах 6583—6711 гг. основываются на общем протографе.

Сводчиком НІЛ младшего извода был воспроизведен текст «Временника» до 6711 г., основой текста следующего раздела с 6712 по 6838 г. послужил Синодальный список, сверенный с продолжением «Временника». Отсутствующий лист Синодального списка с описанием событий 6781—6806 гг. был восполнен с помощью этой летописи, использованной как основа описания и событий XIV—начала XV в. начиная с 6839 г.

[57] Там же, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 14.

РАБОТА АВТОРА ПЕРВОГО БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОГО СВОДА НАД РУССКИМИ ИСТОЧНИКАМИ

В. А. Чемерицкий

Белорусское летописание эпохи Великого княжества Литовского представлено памятниками самого разнообразного характера. Среди них особое место занимают три летописных свода XV—XVI вв.: Белорусско-литовская летопись 1446 г. (иначе — Белорусская I летопись), «Хроника Великого княжества Литовского и Жомойтского» и «Хроника Быховца», произведения общегосударственные, белорусско-литовские по своему содержанию. Несмотря на то что названные летописи генетически связаны между собой, они далеко не тождественны по своему составу. Каждый из этих сводов возник путем обработки и соединения в одно целое самых разнообразных историко-литературных материалов, причем одни источники были использованы более полно, другие — только в кратких извлечениях.

Наиболее примечателен по своему составу первый белорусско-литовский летописный свод, сохранившийся в Никифоровском, Супрасльском, Академическом и Слуцком (Уваровском) списках [1]. С ним, как с самым древним сводом, непосредственно связано возникновение последующих летописных сводов в Великом княжестве Литовском. Поэтому для изучения истории белорусского летописания этот памятник имеет первостепенное значение. Вместе с тем как источник он представляет большую ценность и для восстановления более полной картины русского летописания XV в., поскольку его составитель широко пользовался русскими летописными материалами своего времени. Не случайно рассматриваемая летопись привлекала пристальное внимание таких крупнейших исследователей русского летописания, как А. А. Шахматов, М. Д. Приселков и Я. С. Лурье [2].

Белорусско-литовская летопись 1446 г. состоит из трех основных частей: первые две — общерусская и смоленская — объединены общим заглавием «Избрание лѣтописания изложено вкратце», третья названа «Лѣтописец великих князей литовских». В общерусской части, которая составляет более половины всего текста первого свода, излагается политическая история восточных сла-

[1] Указанные автором летописные списки в ПСРЛ (М., 1980, т. 35) называются летописями. (*Примеч. ред.*)

[2] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 329—345; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 155—158; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

вян от «начала земли Рустеи» (854 г.) до 1446 г. включительно. Однако по сравнению с русскими летописями названная летопись передает эту историю очень кратко, неполно. В сущности, перед нами лишь сжатый, «изложенный вкратце», местами фрагментарный очерк истории Древней Руси.

В связи с этим представляет большой интерес характер редакторской работы автора первого белорусско-литовского свода над русскими источниками: что и как он заимствовал, сокращал, дополнял и т. д. Данный вопрос подробно еще не освещался в научной литературе. А между тем выяснение характера использования, направленности обработки источников в Белорусско-литовской летописи 1446 г. имеет существенное значение для определения замысла автора (или авторов) этого свода, идейного содержания и даже жанровых особенностей названного памятника. Правда, при сопоставлении этой летописи с близкими ей по тексту русскими летописями мы сможем получить лишь самое общее представление о работе белорусского летописца, поскольку не знаем во всех деталях состав тех русских сводов, которыми он пользовался.

Как установлено еще Шахматовым, текст общерусской части рассматриваемой белорусско-литовской летописи наиболее близок к Новгородской IV (известия до 1309 г. включительно), Симеоновской (1310—1388 гг.), Софийской I (1383—1418 гг.) и отчасти Никоновской (с 1419 г.) летописям.

Сравнивая текст этой летописи с соответствующей частью Новгородской IV [3], мы видим, что автор первого белорусско-литовского свода не копировал русский источник. Так, он полностью опустил первоначальную недатированную повесть о восточнославянских племенах, которой обычно открываются все летописи, следующие в начале Повести временных лет. Вместо нее белорусский летописец поместил краткое «Сказание о вѣрных святых князех руських» [4], которое полностью не сохранилось в известных сегодня русских летописях, а затем перешел начиная с 854 г. к краткому изложению истории Киевской Руси в хронологическом порядке («В лѣто 6362. Начало земли Рустеи») [5].

Делая выборку из русского источника, белорусский летописец одни известия сознательно опускал, а другие сокращал. Сначала он опускал преимущественно те известия, которые не имели непосредственного отношения к истории восточных славян (о царях византийских и болгарских, о Кирилле и Мефодии и др.). Однако постепенно он все более решительно стал опускать и известия о событиях в Древней Руси (за 992—1014, 1022—1036, 1055—1072 гг.). Поэтому целые периоды правления древнерусских князей от Рюрика до Ярослава представлены в белорусско-литовской летописи очень сжато и отрывочно. Более подробно описаны только

[3] ПСРЛ. Пг., 1915, т. 4, ч. 1, вып. 1.

[4] Текст Белорусско-литовской летописи 1446 г. дается на основании Никифоровского и Супрасльского списков, изданных в ПСРЛ (т. 35), как наиболее близких по своему составу и тексту к общему протографу.

[5] ПСРЛ, т. 35, с. 19, 36.

отдельные, наиболее яркие и значительные эпизоды деятельности этих князей, как, например, походы Олега на греков, Владимира на Киев и Корсунь и некоторые другие. История Киевской Руси прерывается в нашей летописи на событии 1074 г. («В лѣто 6582. Преставися игумен печерскыи»)[6].

Сделав более чем полуторавековой перерыв в изложении политической истории восточных славян, белорусский летописец довольно полно выписал затем из своего русского источника ряд рассказов о мужественной борьбе населения Руси с монголо-татарскими ордами и немецкими крестоносцами (под 1237, 1238 и 1240 гг.). Известия же за вторую половину XIII в. были им сокращены настолько значительно, что в тексте белорусско-литовского свода они скорее имеют вид фрагментарной хронологической таблицы, чем обычной летописи:

«В лѣто 6761. Сѣде Александр на ст[о]лѣ Владимери. [Того ж лѣта] воева князь Александр с новгородци.

В лѣто 6766. Бысть число на всю Рускую землю царьства Батыева [в 21 лѣто].

В лѣто 6771. Преставися князь Александр Ярославичь, княжив 10 лѣт во Володимери.

В лѣто 6788. Кирил митрополит крыл церков оловом святую Богородицю во Володимери.

В лѣто 6791. Поставлен бысть Максим, митрополит греческыи, на трети год ко Суздалию.

В лѣто 6793. Заложена бысть камена церкви на Твери святы Спас и освещана бысть в лѣто 6798» [7].

Очень своеобразно сокращал и обрабатывал текст русского источника автор первого белорусско-литовского свода. Как правило, он не выписывал всех известий одного года, а выбирал несколько кратких известий, наиболее важных и значительных, по его мнению. Причем от некоторых записей он оставлял только по одному предложению, как это хорошо видно на примере приведенного выше отрывка. Всякие подробности и длинноты (пространные описания событий, благочестивые размышления русских летописцев, длинные диалоги и монологи и т. п.) он, как правило, решительно опускал. Если в русской летописи читалось несколько однотипных известий, то белорусский летописец иногда излагал их содержание одним предложением. Например, в Новгородской IV летописи под 964 г. дается пространная характеристика князя Святослава как воина, а затем под 965—968 гг. описываются его победоносные походы на хазар, яссов, косогов, вятичей, болгар и печенегов. Общий смысл всех этих сообщений автор первого белорусско-литовского свода передал в одном предложении, замыкающем известия 947 г.: «Князь Святослав, сын ея, возмужав и бысть храбор велми, и приклони под свою руку земли многы» [8].

---

[6] Там же, с. 23, 41.
[7] Там же, с. 27, 45.
[8] Там же, с. 21, 39.

Пожалуй, наиболее примечательной особенностью редакторской работы составителя Белорусско-литовской летописи 1446 г. является его стремление строить на основе отдельных записей разных лет русской летописи связное, прагматическое повествование. Он смело сводит рядом под одну дату известия о самых разновременных событиях, если они касались одного и того же героя или были близки между собою тематически. Так, в первом белорусско-литовском своде под 881 г. помещены известия, которые читаются в Новгородской IV летописи под 881, 883, 903 и 907 гг.; под 913 г. — известия 913, 914, 941, 944, 945 и 946 гг.; под 947 г. — известия 947, 958 и 964 гг. Вот как, например, выглядит в белорусской обработке начало годовой статьи, датированной 913 г.: «В лѣто 6421. Начя Игорь княжити по Олгѣ, и деревляне заратишася с Игорем. Иде Игорь на деревляны и побѣди я и дань възложи на них болши Олговы. И по сих Игорь ходи на грекы и не одолѣ их и отбѣжа в малѣ дружинѣ. И по сих пакы Игорь събрав всю свою силу, наят же и печенегы и поиде на грекы. . .» [9] В Новгородской же IV летописи о походе Игоря на древлян рассказывается под 914 г., о первом походе на греков — под 941 г., о втором — под 944 г.

Белорусский летописец порой органически не мог принять погодового способа изложения событий русской летописи, когда известия, очень близкие по своему характеру, перебиваются другими и искусственно разъединяются и, наоборот, совершенно различные известия нередко оказываются рядом. И поэтому он неоднократно делал попытки освободиться от погодовой рамки, сковывающей историографа. Но эта работа оказалась слишком трудоемкой. Не одолев сопротивления материала, белорусский летописец отдался стихии русской летописи — регулярно проставлял даты и следовал погодовому изложению событий. Тем не менее сам факт этого усилия, сама попытка изменить летописную форму исторического повествования очень знаменательны: видимо, составитель первого белорусско-литовского свода находился под сильным влиянием произведений, написанных в форме связного рассказа, или, возможно, был даже автором какой-нибудь исторической хроники.

Сравнение текстов Белорусско-литовской летописи 1446 г. с Симеоновской (начиная с известий 1310 г.) и Софийской I (с 1385 г.) летописями дает нам ряд новых ценных наблюдений. XIV век представлен в нашей летописи намного полнее, чем все предыдущие. Обилие и хронологическая густота известий за XIV столетие в этом своде свидетельствуют о том, что его автор проявлял большой интерес к истории восточных славян этого периода. И его нетрудно понять: события XV в., в котором он жил, были в более близкой и тесной связи и преемственности с событиями предыдущего, XIV в., чем с историей Киевской Руси. Политическая деятельность некоторых князей (например, Витовта) была в одинаковой

[9] Там же, с. 20, 38.

степени связана и с XIV и с XV в. Исторические судьбы отдельных княжеств (например, Смоленского) решались на грани именно этих двух столетий. Поэтому многие современные белорусскому летописцу явления общественно-политической жизни восточных славян могли быть лучше поняты на фоне и в связи с событиями прошлого столетия.

Повышенный интерес автора рассматриваемого белорусско-литовского свода к событиям XIV в. был в свою очередь компенсирован относительным богатством известий по истории Великого княжества Литовского данного периода в его русских источниках. И тем не менее и в изложении истории XIV в. белорусский летописец не перешел на полное копирование русских летописей. Он сокращал уже значительно меньше, но по-прежнему делал выборку, по-прежнему отдавал предпочтение лаконичным записям, записям-сообщениям, а не летописным рассказам. Вот одна из наиболее типичных годовых статей рассматриваемой части летописи:

«В лѣто 6897. Митрополит Пумин соиде с митрополъи таино без вести поиде во Царьград. Того ж лѣта в Новгород приеха князь Семен Лыньгвении Олгирдовичь на пригород на Успѣние святыя Богородици. Того же лѣта уеха князь Василии Дмитреевич от царя Тактамыша за Яик. Того же лѣта преставися Деонисии митрополит в Киевѣ» [10].

Очень характерно отношение белорусского летописца к известиям, касающимся истории Великого княжества Литовского. Большинство из них, даже значительных по объему, он выписал максимально полно; например, известия 1395 г. (первое взятие Витовтом Смоленска), 1399 г. (битва на Ворскле), 1401 г. (возвращение в Смоленск Юрия Святославича), 1404 г. (последнее взятие Витовтом Смоленска), 1410 г. (битва под Грунвальдом), 1418 г. (освобождение Свидригайлы) и др. Однако известия, в которых выражалось отрицательное отношение русских летописцев к литовским князьям, а события освещались с недружелюбных Великому княжеству Литовскому позиций, он вовсе опускал (например, рассказ о битве литовских князей со смоленскими в 1386 г.) или сокращал. Так, в Белорусско-литовской летописи 1446 г. в рассказе о походе князя Ольгерда на Москву (в 1368 г.) сообщение Симеоновской летописи о том, что литовский князь «волости повоева, и села и дворы огнем пожже, много христиан посѣче, а иных в полон поведе, а имѣние их пограбиша» [11], передано короче: «людии множество посѣче и полони» [12]. Некоторые выражения приобрели совсем иное звучание: вместо «Олгерд. . . убояся и начат мира просити» [13] (у Дмитрия Ивановича Московского) стало «взем мир» [14].

---

[10] Там же, с. 30, 51.
[11] Там же. СПб., 1913, т. 18, с. 108—109.
[12] Там же, т. 35, с. 29, 48.
[13] Там же, т. 18, с. 110.
[14] Там же, т. 35, с. 29, 48.

Очень кратко передал белорусский летописец и пространное сообщение русской летописи о смерти князя Ольгерда в 1377 г.: «В лѣто 6885. Умре князь [великий] литовский Олгирд, и сѣде по нем сын его меншии Ягаило» [15]. В Симеоновской и других русских летописях это известие начинается несколько иначе: «В лѣто 6885 умре князь великий Олгерд Гедимоновичь Литовскии, зловѣрныи и безбожныи и нечестивыи, и сѣде по нем сын его меншии именем Ягаило» [16]. Как видно, смысл всех этих сокращений сводился к одному: смягчить или вовсе удалить из текста летописи места с негативной характеристикой литовских князей, данной русскими летописцами.

К концу XIV в. известия в первом белорусско-литовском своде становятся почти непрерывными. Значительно увеличиваются и размеры годовых статей, и количество известий, которые не отыскиваются в сохранившихся русских летописях. Все это делает часть данного летописного свода, повествующую о событиях XIV—первой половины XV в., особенно ценной для выяснения некоторых важных вопросов столь запутанной и трудноисследуемой истории русского летописания XV столетия.

Заканчивая краткий анализ редакторской работы автора первого белорусско-литовского свода над русскими летописями, следует остановиться еще на одной ее особенности. Сравнивая общерусскую часть этой летописи с русскими сводами, нетрудно обнаружить частое хронологическое несоответствие их сообщений. Как правило, датировка отдельных известий в белорусско-литовском своде расходится с близкими ему по тексту русскими летописями на один год. И это не случайно, как может показаться на первый взгляд, а связано с пользованием разными стилями летосчисления. Наблюдения показывают, что белорусский летописец вел счет годам начиная с сентября. Поэтому известия за сентябрь—август, если они были точно датированы и следовали в хронологической последовательности, он пытался подавать под одним и тем же годом. В связи с этим нередко известия, отнесенные в русских летописях к двум разным годам, в белорусско-литовской оказались в статье одного года, и наоборот. Например, две записи, датированные в нашей летописи 17 января и 19 мая 1388 г., в русских летописях (Софийской I, Новгородской IV, Симеоновской и др.) читаются соответственно под 1388 и 1389 гг. В то же время известия об избрании епископа Самсона (11 августа) и митрополита Григория Цамблака (15 ноября), отнесенные в Новгородской IV и Симеоновской летописях к 1415 г., в белорусско-литовской находим под разными годами: первое — под 1415 г., второе — под 1416 г. Аналогично этому в рассматриваемом своде записи о событиях весны и лета 1371 г. датированы одним годом, а осени 1371 г. и зимы 1372 г. отнесены уже к следующему, 1372 г. Все эти известия в Симеоновской летописи читаются под 1371 г.

---

[15] Там же.
[16] Там же, т. 18, с. 118.

Белорусский летописец производил, таким образом, хронологическую перегруппировку русских известий, чтобы привести их расположение в соответствие с сентябрьским стилем летосчисления. Но он не был до конца последовательным. Поэтому в Белорусско-литовской летописи 1446 г. можно встретить ряд годовых статей с расположением известий, соответствующих мартовскому стилю летосчисления (см., например, статьи под 1340, 1354, 1360, 1410 гг. и др.).

Если теперь бросить общий взгляд на белорусскую выборку из русских летописей, то становится очевидным, насколько целенаправленно, а не чисто механически, как считал Т. Сушицкий [17], работал автор первого белорусского свода. Используя несколько русских летописей, он сознательно выбирал из них известия по гражданской и церковной истории Киевской, Московской и Литовской Руси и опускал известия чисто местного значения (например, новгородские), т. е. он создавал свод, общерусский по своему характеру, к которому дополнительно присоединил и местные материалы по истории Великого княжества Литовского. Короче говоря, перед нами первая попытка создать историю Литвы и Литовской Руси (Белоруссии и Украины) в ее связи с историей Московской Руси и в ее преемственности с историей Руси Киевской. Все это говорит о том, что автор первого белорусско-литовского летописного свода рассматривал историю Великого княжества Литовского как неразрывную, органическую часть истории восточных славян.

Русские источники белорусский летописец сократил настолько, чтобы в новом своде история Киевской и Московской Руси, с одной стороны, и история Литовской Руси, с другой стороны, уравновешивали друг друга. Благодаря этому были достигнуты определенная композиционная соразмерность и идейно-тематическое единство составных частей всего свода. Таким образом, в отличие от московских сводов XV в., в которых история Великого княжества Литовского почти не находила своего отражения, в Белорусско-литовской летописи 1446 г. она заняла равноправное положение рядом с историей Московского и Киевского государств. Более того, характер обработки русских летописей и особенно содержание местных историко-литературных материалов, включенных в рассматриваемый свод, придали последнему направленность, противопоставленную в определенной степени направленности русских сводов первой половины XV в., промосковских по своим тенденциям. А это уже, несомненно, было актом политического значения.

Первый белорусско-литовский летописный свод, общегосударственный и общерусский по своему характеру, явился своего рода идеологическим выражением и обоснованием внешнеполитической линии Великого княжества Литовского своего времени.

---

[17] *Сушицький Т.* Західно-руські літописи як пам'ятки літератури. Київ, 1921, ч. 1, с. 121.

Его появление во второй четверти XV в. указывает на то, что в этом государстве в указанный период еще существовали определенные общественные круги, признававшие Великое княжество Литовское одним из главнейших центров объединения восточнославянских земель и стремившиеся продолжить осуществление общерусской программы, положенной в основу политики великих литовских князей Ольгерда и Витовта [18].

Уникальность данной белорусско-литовской летописи, ее большая ценность для правильного решения некоторых важнейших проблем сложной истории русского летописания XV в., что мы настоятельно подчеркивали в своей предыдущей работе [19], в последнее время была убедительно подтверждена Я. С. Лурье. Углубленное изучение текста этого памятника дало возможность исследователю существенно уточнить и дополнить отдельные места реконструкции Троицкой летописи [20], проведенной в свое время М. Д. Приселковым, а также окончательно отбросить гипотезу А. А. Шахматова о существовании Полихрона 1418—1423 гг.[21] Дальнейшее исследование Белорусско-литовской летописи 1446 г., несомненно, даст еще немало важных результатов, ценных для восстановления более полной и объективной картины как белорусского, так и русского летописания.

---

[18] *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 39—41, 115—118, 136—138.

[19] *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969, с. 41, 75—77.

[20] *Лурье Я. С.* Указ. соч., с. 38—42.

[21] Там же, с. 70—71, 107 и др.

ТРИ ПРОДОЛЖЕНИЯ «НОВОГО ЛЕТОПИСЦА»

И. А. Жарков

Среди летописных памятников начала XVII в. выдающееся место занимает «Новый летописец» (далее: НЛ), сохранившийся в огромном количестве списков. Он подробно рассказывает о Крестьянской войне под руководством И. Болотникова, о героической борьбе народов России под командованием К. Минина и Д. Пожарского против иностранной интервенции и о событиях по 1630 г.[1]

НЛ редакции 1630 г. неоднократно редактировался и дополнялся статьями за последующие годы. Л. В. Черепнин впервые изучил его продолжения по 1680, 1686 гг. и «Летопись о многих мятежах» [2].

В рукописных собраниях сохранилось несколько продолжений, еще не изученных. Н. А. Дворецкая ввела в научный оборот рукопись ГБЛ, Муз. 8628 (далее: Музейный список), которая сохранила продолжение НЛ по 1645 г. [3] Автор этих строк обнаружил идентичный список в ГПБ, собр. Погодина, № 1511 (далее: Погодинский список). Рассмотрим их.

Музейный список в 1°, на 144 листах, скорописью середины XVIII в. Водяной знак ярославской фабрики Затрапезного, большой формы, датируется 1748—1752 гг.[4] Переплет кожаный.

Погодинский список в 1°, без нумерации, скоропись середины XVIII в. Водяной знак с буквами ЯФЗ датируется 1762 г.[5] Переплет кожаный.

Оба списка идентичны по составу. Сравнение их текстов показывает несколько гаплографий в Погодинском списке. Так, в статье об избрании Бориса Годунова на царство в Музейном списке читаем: «. . . царства Московского всякие люди ото всех градов и весей збираху людей и посылаху к Москве на избрание царское. Бояре же и все воинство и все люди собирахуся патриарху ж Иову и моляху его. . .» [6]. В Погодинском списке слова «ото всех гра-

---

[1] Редакция «Нового летописца» 1630 г. разбирается в книге С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник» (2-е изд. СПб., 1913, с. 311—339) и в статье Л. В. Черепнина «„Смута“ и историография XVII в. (Из истории древнерусского летописания)» (ИЗ. М., 1945, т. 14, с. 81—128).

[2] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 110—114, 116—120.

[3] *Дворецкая Н. А.* Археографический обзор списков и повестей о походе Ермака. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 479.

[4] *Клепиков С. А.* Филиграни и штампели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959, № 786, 787.

[5] Там же, № 1044.

[6] ГБЛ, Муз. 8628, л. 28 об.

дов. . . воинство» механически пропущены переписчиком [7]. В статье об убийстве царевича Дмитрия в Музейном списке читаем: «Бог храняй праведника, не хотя в тайне его праведную душу увести прияти, а хотя его праведную душу и неповинную кровь объявити всему миру» [8]. В Погодинском списке слова «увести прияти, а хотя» механически пропущены переписчиком [9].

Следовательно, Музейный список ближе к протографу, чем Погодинский.

Первое продолжение рассказывает о Смоленской войне 1632—1634 гг. Летописец осуждает бездеятельность Д. М. Черкасского: «А как Михайла (Шеин. — *И. Ж.*) стоял у Смоленска, и на выручку к нему посылан князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский. И стоял в Можайску и помочи ничего не учинили» [10]. Далее первое продолжение сообщает о смерти патриарха Филарета и о поставлении в патриархи Иоасафа, о заключении мира с Польшей. Подробно говорится о приезде датского королевича Вальдемара. В продолжении имеется очень интересная статья о требовании дворян в 1641 г.: «В то же время были дворяне из Великого Новограда и из иных городов по вестям многие люди и били челом государю на князь Семене Урусове за то, что у себя на дворе муромца сына боярского бил и медведем травил. И ходили по Москве кругами и о крестьянех и об иных своих обидах учинили челобитьем на бояр. И из городов для челобитья выбраны были двойники. И по их челобитью крестьян велено отдавать беглых с десять лет» [11].

Затем в продолжении кратко сообщается о смерти И. Б. Черкасского, место которого занял Ф. И. Шереметев. Последнему дается отрицательная характеристика в продолжении: «Сей Федор был жестокоправен, а в делах не искусен» [12]. Эта антипатия, видимо, связана с отставкой его после смерти царя Михаила Федоровича, когда новое правительство возглавил Б. И. Морозов, поставивший своих сторонников во главе важнейших приказов [13]. Очевидно, в этих кругах и возникло первое продолжение НЛ, которое заканчивается статьей о смерти царя Михаила Федоровича.

Следующее, до сих пор не изученное продолжение по 1653 г. хранится в ЦГАДА, ф. 181, № 61/84. Рукопись в 4°, на 341 листе, скорописью середины XVII в. Водяные знаки: лилия образца

---

[7] ГПБ, Погод. 1511, гл. 50. К сожалению, в Погодинском списке нет полистной нумерации.

[8] ГБЛ, Муз. 8628, л. 20.

[9] ГПБ, Погод. 1511, гл 24.

[10] ГБЛ, Муз. 8628, л. 143 об.

[11] Там же. Подобное известие имеется в публикации А. Н. Зерцалова «Сыск про „грамоту Прохора Колбецкого отцу о том, что в Москве хотят бояр побить, об осаде Азова турками накрепко“ и пр. 1641—1642» (ЧОИДР, 1894, кн. 2, Смесь, с. 13).

[12] ГБЛ, Муз. 8628, л. 144.

[13] *Смирнов П.* Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент, 1929, с. 14.

1660 г., шут семилопастной образца 1665 г., рожок образца 1662 г.[14] Переплет кожаный. На л. 1 скорописью XIX в. написано: «Хронограф или летописец Новый с 1584 по 1653 год на 341 листах (под Г. Действ. стат. советником Алексеем Малиновским)». На л. 2 написано: «Московской коллегии иностранных дел архива». На л. 341 об. почерком второй половины XVIII в. написано: «Сии тетради Петра Григорьева сына Верещагина». Поэтому условно назовем это продолжение Верещагинским.

Содержание:

На л. 3—18 «Сия книга гранограф, сиречь летописец Новый, главы книги сея». Перечислены главы с покорения Сибири по рождение царевны Анны Михайловны.

На л. 18 об.—27 об. «Сия история о Скифии русской» рассказывается легенда о Словене и Русе. Кончается известием о призвании из Пруссии Рюрика.

С л. 28 начинается НЛ, который обрывается на статье «О послах кизилбашских». Вторая половина листа не записана. Возможно, здесь обрывался протограф Верещагинского списка.

Далее следуют дополнительные статьи, которые были изданы М. А. Оболенским [15]. Некоторые из них разрядного происхождения.

Дворцовые разряды

«Того же месяца сентября в 28 день на память преподобного отца нашего Харитона исповедника великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Русии самодержец, венчался царским венцом и диадемою и святыми бармами на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства Российского царства. А идучи в соборную церковь, был государь в золотой полате и пожаловал государь их столников в бояре Никиту Ивановича Романова — Юрьева, а у скаски стоял боярин и дворецкий князь Алексей Михайлович Львов» [16].

Верещагинское продолжение

«7154 году сентября в 28 день в неделю, государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея России самодержец, венчался царским венцом и диадимою, осыпал государя золотыми боярин Никита Иванович Романов; боярство Никите Ивановичу дано того ж числа преже царского венчания, сказывал боярство боярин и дворецкий князь Алексей Михайлович Львов» [17].

Наиболее полно совпадает статья о поставлении Ионы митрополитом ростовским и ярославским.

Дворцовые разряды

«Того же месяца августа в 22 день поставлен Иона митрополит Ростовской и Ярославской, взят из Ростова и Богоявленского монастыря архимандрит» [18].

Верещагинское продолжение

«Того же месяца августа в 22 день поставили Иону митрополита Ростовского и Ярославского, взят из Ростова, был в Богоявленском монастыре архимандритом» [19].

[14] *Гераклитов А. А.* Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, № 218, 1102.
[15] Временник ОИДР. М., 1853, кн. 17, Прилож. 1, с. 1—14.
[16] Дворцовые разряды. СПб., 1854, т. 3, с. 15.
[17] Временник ОИДР. М., 1853, кн. 17, с. 5.
[18] Дворцовые разряды, т. 3, с. 325.
[19] Временник ОИДР. М., 1853, кн. 17, с. 12.

Известия статьи «О перенесении мощей Филиппа Митрополита к Москве», видимо, заимствованы из летописного свода 1652 г. или общего с ним источника, так как в Верещагинском продолжении имеются сведения, отсутствующие в летописном своде 1652 г.

Летописный свод 1652 г.

«Тогда же шел за кресты Ростовский митрополит Варлаам во всем святительском сану. И не дошед мощи святого немного место внезапу паде и обретеся мертв. Его же вземше положиша на Ростовском подворье, понеже время бе летнее. Потом же связоша в Ростов и погребоша его» [20].

Верещагинское продолжение

«В то же время на встретении за кресты шел пеш Варлаам митрополит Ростовский и Ярославский, леты стар бе немногими леты не доспевшу сотнаго лета. День же той от солнечного зноя зело жарко бяше, и как будет митрополит Ростовский не дошед до чюдотворных мощей Филиппа митрополита, сажен за 100, или мало больши, учел изнемогать, ноги у него подогнулись и тако волею божиею в той час преставися: тело его. . . погребли на Ростовском подворье до зимнего времени» [21].

Где и когда составлено Верещагинское продолжение? Вот событие, о котором говорится в продолжении: «Того же году мая в 4 час дни за Ильинскими вороты в стрелецкой слободе. . .и горело до вечера, а выгорело Покровка, Кулишки, Фроловка до Устретенской улицы» [22]. Из приведенного отрывка, указывающего час стихийного бедствия, видно, что Верещагинское продолжение составлено в Москве. Летописное продолжение заканчивается статьей о царском смотре на Девичьем поле: «7161 года июня в 13 день государя царя великого князя Алексея Михайловича всея Руси пришествие было на Девичье поле, смотрил своего царского величества двор столников со всею службою. . .» [23]. Следовательно, рассматриваемый летописец был составлен не ранее 13 июня 1653 г.

Во всех статьях продолжения царь Алексей Михайлович титулуется еще только царем «всея России» [24], а не царем «всея Великия и Малыя и Белыя России», как Алексея Михайловича стали титуловать после воссоединения Украины с Россией в 1654 г. Следовательно, Верещагинское продолжение было составлено накануне этого события. Летом 1653 г. царь Алексей Михайлович решил объявить войску о возможности скорой войны с Польско-Литовским государством. Поэтому 28 июня был устроен смотр царскому двору на Девичьем поле [25]. 1 октября 1653 г. Земский собор принял решение о воссоединении Украины с Россией [26].

---

[20] ГБЛ, ОИДР, 128, л. 220.
[21] Временник ОИДР. М., 1855, кн. 17, с. 9—10.
[22] Там же, с. 8.
[23] Там же, с. 13.
[24] Там же, с. 5, 12, 13.
[25] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1961, кн. 5, т. 10, с. 620.
[26] Там же, с. 594 - 595.

Наконец, последнее известное нам продолжение НЛ по 1703 г. пока в единственном списке. Впервые его упомянул П. М. Строев [27]. Рукопись хранится в ГПБ, Q.IV.142. Список в 4°, на 249 листах. Водяные знаки: герб семи провинций с буквой J под фигурой 1696 г., голова шута 1689, 1697 гг.[28] Очень ветхий кожаный переплет.

Записи. На л. 248 после слов «град Петербург» написано тем же почерком: «спаси господи», ниже позднейшими почерками XIX в. написано «Петербурх», «При (далее неясно. — *И. Ж.*) NB», «Милостивому моему государю благоприятелю». На обороте листа написано поздним почерком: «1815 года прирозися убо всякою мне ненавистию вековечно». Ниже нарисована лошадь. На л. 248 стерты чернильные записи. На обороте листа крупным почерком XVIII в. написано: «Сия книга летописец». На л. 248 вычисление:

«7236
7113
123
7236»

На обороте последнего листа написано поздним почерком: «А человек ленивый и праздный, приходя в скудость, понуждает разбивать (далее слово неясно. — *И. Ж.*) или иным каким неправедным образом наполняет скудость», «Сия книга», «Склонен (?) приходить»; внизу верхним почерком написано: «А еще кто от сих недуг не сохранит, себе не может хранить благо, в душе ея и тако всегда будет в чаянии вечного осуждения».

Первую половину рукописи занимает текст НЛ редакции 1630 г. с заголовком киноварной вязью «Летопись Московского государства о нарочитых делах».

В небольшой статье мы не можем воспроизвести полностью обширное последнее продолжение НЛ. Поэтому ограничимся его описанием.

После статьи о рождении Анны Михайловны, которой заканчивается редакция 1630 г., кратко говорится о Смоленской войне 1632—1634 гг. О блокаде польской армией лагеря М. Б. Шеина под Смоленском сказано: «И все дороги от Москвы заступиша и острошки ратные люди покинуша». Поэтому боярин М. Б. Шеин, «видя свое изнеможение, покиня острошек, пошел с ратными людьми к Москве без государева указа, а наряд и всякие запасы покинул в остроге» [29]. Далее сообщается о смерти патриарха Филарета, о начале патриаршества Иоасафа, о неурожае, о возвращении останков Шуйских из Польши, о смерти царя Михаила, о воцарении Алек-

[27] *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Ф. А. Толстого. М., 1825, отд. 2, № 400. Ссылался на него и А. Н. Насонов [*Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы: (новые материалы). — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1955, т. 4, с. 280].

[28] *Клепиков С. А.* Указ. соч., № 1145; *Гераклитов А. А.* Указ. соч., № 1386, 1306.

[29] ГПБ, Q.IV.142, л. 123 об.

сея Михайловича. Затем приводится манифест о воссоединении Украины с Россией, близкий по тексту к решению Земского собора 1 октября 1653 г.[30]

После манифеста кратко говорится о смерти царя Алексея Михайловича, о его сыновьях, приводится стихотворение Симеона Полоцкого о рождении Петра I, изданное Леонидом [31], о царствовании Федора Алексеевича со ссылкой на известия Синопсиса о Чигиринских боях, о воцарении Иоанна и Петра, о Московском восстании 1682 г.

Приводится «*список* (курсив мой. — *И. Ж.*) грамоты великих государей, какова прислана ис походу и села того Воздвиженского в смутное время к Москве в полки стрелецкие» [32]. В. И. Буганов предполагает, что этот «извет» на Хованских был сфабрикован в окружении Софьи [33].

Далее помещен текст «вечного мира» с Польшей 1686 г. по «именному [указу] объявленному боярам, окольничим и прочим служивым людям о пожаловании им вотчин и денежных наград за подвиги их в войне с Польшею» [34]. Характерно, что в тексте «вечного мира» пропущено имя и титул царевны Софьи, которая упоминалась в первоначальном тексте [35]. Затем кратко говорится о Крымских походах 1687 и 1688 гг., об опалах В. В. Голицына и Л. Р. Неплюева, о «заговоре» Ф. Л. Шакловитого [36].

Потом продолжение сообщает о рождении царевича Алексея, о смерти патриарха Иоакима, о наречении в патриархи Адриана, о «потехе» в Семеновском, о смерти царицы Натальи Кирилловны, о «потехе» в Кожухове. Подробно рассказано об Азовских походах 1695—1696 гг., помещены письма Петра из-под Азова, говорится о взятии Казыкермена. Очень интересно рассказано о фейерверке в Красном в 1697 г. Далее говорится о деле Циклера [37], о «великом посольстве» в 1697 г., о поражении турецкого султана в 1698 г., о стрелецком восстании 1698 г., о постройке судов в Воронеже. Подробно говорится о посольстве Е. И. Украинцева в Константинополь на основании статейного списка и писем Е. И. Украинцева [38]. Кратко сказано о смерти патриарха Адриана, упоминаются указы Петра I о новой одежде, о новых челобитных, о постройке каменных зданий [39]. Затем говорится о поражении под Нарвой, перечисляются русские митрополии и епархии, сообща-

[30] Воссоединение Украины с Россией. М., 1953, т. 3, с. 407 и след.
[31] *Леонид.* К биографии Симеона Полоцкого. — Древняя и Новая Россия, 1876, № 4, с. 398.
[32] См. последнюю публикацию В. И. Буганова и Н. Г. Савич «Восстание в Москве 1682 года. Сб. док.» (М., 1976, с. 89).
[33] *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII в. М., 1969, с. 267.
[34] ПСЗ — 1, т. 2, № 1197.
[35] ГПБ, Q.IV.142, л. 151 об.
[36] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884, т. 1, с. 1—219.
[37] *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957, с. 86—100.
[38] Имеются сведения, отсутствующие в исследовании М. М. Богословского «Петр I: Материалы для биографии» (М., 1948, т. 5).
[39] ПСЗ — 1, т. 4, № 1884, 1887, 1889, 1963.

ется о пожаре в Кремле в 1701 г. Очень интересно рассказано о фейерверках в Москве по случаю побед в Прибалтике. До сих пор о них мы знали по сообщению очевидца Де Бруина [40], известны поздние гравюры, воспроизведенные и истолкованные в брошюре В. Н. Васильева [41].

В продолжении воспроизведены рисунки «малых четырехугольных потешных огней, постоянно горевших» с надписями, которые видел Де Бруин. В. П. Гребенюк подчеркивает их первенствующую «роль в политической пропаганде» [42]. Далее приводится ведомость Г. Ф. Долгорукова из Польши, на архивный список которой ссылается В. Д. Королюк [43]. Затем имеются письма Б. П. Шереметева Петру I о военных действиях в Прибалтике. Среди них неопубликованное письмо от 10 августа 1702 г.[44] Заканчивается продолжение известием об основании Петербурга в 1703 г.

В последнем продолжении царевна Софья описана еще живой. Известно, что она умерла в 1704 г., 7 июля. Следовательно, последнее продолжение составлено в 1703 г. Петр I намеревался «исправить на печатном дворе „Новый летописец“», о чем говорится в грамоте Петра от 24 мая 1703 г. стольнику И. М. Кологривову [45]. Видимо, в связи с этим мероприятием составлялось последнее известное нам продолжение НЛ.

---

[40] Путешествие через Московию Корнелия Де Бруина. М., 1873, с. 45.

[41] *Васильев В. Н.* Старинные фейерверки в России (XVII—первая четверть XVIII в.). Л., 1960, с. 29, рис. 1, 4, 5.

[42] *Гребенюк В. П.* Публичные зрелища Петровского времени и их связь с театром. — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). М., 1976, с. 164.

[43] *Королюк В. Д.* Русская дипломатия и подготовка вступления Речи Посполитой в Северную войну. — Учен. зап. Ин-та славяноведения, М., 1953, т. 8, с. 215.

[44] Ср.: Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева. М., 1778, ч. 1, с. 116—122.

[45] Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1897, ч. 2, с. 252.

ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О СМЕРТИ ФЕДОРА И ВОЦАРЕНИИ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА

А. П. Богданов

В советской историографии последнего времени, в частности в источниковедческой литературе, все большее внимание уделяется изучению источников по политической истории феодальной России, в том числе XVII столетия — начального периода ее «новой истории». Из многих примечательных событий этого бурного века с его народными восстаниями, войнами и др. особое место занимает анализ политических перемен, коллизий конца XVII в. — времени кануна и в известной степени кануна и начала преобразований первой четверти следующего столетия. Многие из этих событий так или иначе связаны с именем Петра I, вступившего на престол весной 1682 г. в сложной и трудной политической обстановке.

Восшествие на престол 9-летнего царевича Петра 27 апреля 1682 г. представляет интерес не только как факт биографии будущего царя-реформатора. Петр Алексеевич был посажен на трон после ожесточенной борьбы в верхах господствующего класса, в то время, когда в Москве разгоралось широкое возмущение служивых по прибору и посада, и его воцарение оказало значительное влияние на дальнейшее развертывание народного восстания в столице [1]. Среди дошедших до нашего времени источников, содержащих сведения о событиях в Кремле 27 апреля 1682 г., преобладают записки современников в летописной форме. Подобные сочинения, представляющие большой интерес для исследователя политической истории России конца XVII в., сделались объектом выявления и изучения главным образом после Октябрьской революции в трудах М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова, В. И. Буганова, В. И. Корецкого и др. В этой статье ставится вопрос об источниках и степени достоверности летописных известий об обстоятельствах восшествия на престол Петра I, производится анализ как уже упоминавшихся в специальной литературе, так и вновь выявленных произведений конца XVII—начала XVIII в.

Сообщения современников об обстоятельствах смерти Федора Алексеевича не вполне согласуются друг с другом. Противоречия начинаются уже с определения времени кончины царя. В хронологических записях московского площадного подьячего Ивана Шантурова говорится, что Федор «в другоноцотом часу в послед-

[1] *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII в. М., 1969, с. 96, 110 и др.

ней четверти преставись» [2]. О «другинатцатом часу дни» пишет и автор Мазуринского летописца [3]. С. Медведев и автор Поденных записей сообщают о «13-м часу дни» [4]. Согласно Летописцу Посольского приказа, царь Федор почил «13 часа в первой четверти» [5], а по тексту Летописца 1619—1691 гг. он только «в 13 час дни во второй чети часа преставися» [6]. Заметим, что записи в Разрядном приказе менее детальны: по ним Федор «отъиде» «в 13-м часу дни» [7]. В кратком Московском летописце конца XVII в. указывается, что смерть произошла «во втором часу дни» [8]. Самое позднее время указывает автор Летописца Черкасских: «перед вечернями благоверный государь преставися» [9].

Прежде чем рассматривать эти разночтения, необходимо уточнить вопросы авторства упомянутых летописцев. Краткий Московский летописец конца XVII в. известен нам в трех списках, относящихся к двум редакциям. Списки ГБЛ, ф. 29, № 8, и ГБЛ, ф. 178, № 5710 [10], датируемые первой половиной XVIII в., в записях за XVII в. совпадают. В ранней части (с древнейших времен до начала XVII в.) они весьма схожи с кратким Московским летописцем конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея, обнаруженным В. И. Бугановым [11]. В сведениях за вторую половину XVII в. в списках ГБЛ отсутствует та пронарышкинская направленность, которая, по мнению Буганова, заставила автора летописца из Ивановского музея окончить записи 1676 г. В отличие от последнего автора краткого Московского летописца интересуют не столько церковные, сколько воинские дела: взятие Смоленска, «служба Конотопская», Крестьянская война 1667—1671 гг., «служба Чигиринская», восстание 1682 г. в Москве, первый Крымский и первый Азовский походы и т. п. Можно предположить, что автор был человеком служилым.

Иную редакцию представляет список БАН, 16.14.24. Его текст несколько сокращен (исключена, например, запись о Крестьянской войне 1667—1671 гг.) и дополнен как общими для ле-

---

[2] *Тихомиров М. Н.* Записки приказных людей конца XVII в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1956, т. 12, с. 457.

[3] ПСРЛ. М., 1968, т. 31, с. 173.

[4] Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся в гражданстве. — ЧОИДР, 1894, кн. 4, отд. 2, с. 42; *Богданов А. П.* Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 г. — Советские архивы, 1979, № 2, с. 35.

[5] ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 23, № 257, л. 974 об.; ср. с другими списками: ЦГАДА, ф. 181, кн. 20/25, л. 826—826 об.; ГБЛ, ф. 256, № 364, л. 621 об.; ГПБ, F.XVII.16, л. 533.

[6] ПСРЛ, т. 31, с. 186.

[7] Восстание в Москве 1682 г.: Сб. док. М., 1976, с. 254.

[8] БАН, 16.14.24, л. 527 об.; ГБЛ, ф. 29, № 8, л. 59 об.; ф. 178, № 5710, л. 461.

[9] ЦГАДА, ф. 357, оп. 1, № 274, л. 243 об.

[10] Последний описан А. Н. Насоновым в ранней части [*Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы: (новые материалы). — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1955, т. 4, с. 284].

[11] *Буганов В. И.* Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея. — В кн.: Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976, с. 283—293.

тописания того времени записями (о перемене служивого платья при Федоре и пр.), так и оригинальными московскими сведениями, которые отчетливо указывают, что над текстом этой редакции работал житель столицы. Список БАН представляет, казалось бы, вторичную по отношению к спискам ГБЛ редакцию, но генетически он не связан с ними, так как не восстановимые логически пропуски в текстах ГБЛ в списке БАН не повторены. Сходство некоторых дополнительных текстов редакции БАН с записями летописца из Ивановского музея, например выделяемых Бугановым как очень характерные (статей о женитьбе Алексея на Наталии Кирилловне Нарышкиной и о пожаре 9 июня 1676 г.), дают возможность предположить существование третьей, протографической (по крайней мере для списка БАН) редакции (извода?) краткого Московского летописца конца XVII в., теснее связывающей обе его редакции с ивановским летописцем, хотя мы не можем еще сказать, в каком отношении к ней находится этот летописец. Для нас важно отметить возможность параллельного возникновения двух известных редакций летописца. Поскольку текст списков БАН, 16.14.24, и ГБЛ, ф. 29, № 8, заканчивается статьей о солнечном затмении 30 сентября 1699 г., возникновение предполагаемой редакции следует отнести к концу XVII—первым годам XVIII в., а две известные редакции датируются первым десятилетием XVIII в., так как второй список ГБЛ (ф. 178, № 5710) уже имеет дополнительные статьи, доводящие изложение до Полтавской баталии.

Краткий Московский летописец конца XVII в. представляет собой, таким образом, постоянно дополняемый и переписываемый летописец. Интересно отметить, что оригинальные дополнительные статьи редакции БАН приходятся на период с 1682 по 1689 г., подобные сообщения исчезают в записях за последующие годы. Это может быть объяснено лишь предположением, что редактор начала XVIII в. использовал какие-то, возможно семейные, записи за период регентства наподобие хроники семейства Шантуровых.

Для решения вопроса о времени смерти Федора Алексеевича сказанное означает, что проставленное во всех списках летописца время, во-первых, является результатом наблюдений москвича — продолжателя неизвестной пока традиции краткого Московского летописца в 80-х годах, а не нескольких авторов редакций; во-вторых, может быть результатом ошибки переписчика списка, протографического по отношению ко всем известным спискам.

Вписанные на свободные странички нравоучительно-исторического сборника хронологические записи семьи Шантуровых, обнаруженные и частично опубликованные М. Н. Тихомировым [12], по приемам их составления схожи с рассмотренным летописцем.

[12] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 444, 456—457. Автором опубликованы записи за 1646—1682 гг., помещенные на л. 1—2 сборника ГБЛ, ф. 29, № 59. Однако записи продолжаются и далее — на л. 2 об. —3 об., 38, 74 — и охватывают период с 1656 по 1696 г.

Площадной подьячий Иван Шантуров однажды за один присест записал основные события в жизни своей семьи. Сначала он перечислил «службы»: и военные походы отца, и перипетии своей бурной служебной биографии, в которой имелись и пожалования, и увольнения от дел из-за «льсти» неких злопыхателей. Вслед за повествованием о служебных делах, закончившимся 1682 г., Иван записал даты рождения и преставления членов семьи (до ноября 1684 г.), а затем всякие занимательные события с 1682 по 1684 г.: пожары, освящение церкви и пр. Наконец автор вспомнил кое-какие подробности своей службы за лето 1684 г.; вероятно, в этом году он и написал свой текст записей. Перечитывая их позже, он на свободном листке описал встречу в Москве царя Арчила в декабре 1685 г. После смерти Ивана 16 декабря 1688 г. рукопись перешла к площадному подьячему Михаилу Шантурову, который продолжил семейную хронику по тем же разделам, дополняя и исправляя предыдущие записи.

Подробная запись о смерти царя Федора Алексеевича была сделана Иваном Шантуровым через два года после этого события. Хорошая память автора и многократное обращение и его, и Михаила к рукописи позволяют утверждать, что сообщенное в хронике время кончины царя — последняя четверть 12-го часа — именно то, которое было известно обоим подьячим, служившим на Ивановской площади в Кремле. Это же время сообщает совершенно отличный от хроники памятник — Повесть о народном восстании 1682 г.[13], представляющая собой законченное авторское сочинение в составе сложного компилятивного памятника — Мазуринского летописца, составленного в 1680-х годах, как предполагает В. И. Корецкий, в окружении патриарха Иоакима [14]. Повесть написана очевидцем событий в Кремле, видимо, по горячим следам [15]. Весьма схожие с шантуровской хроникой Поденные записи очевидца восстания, сделанные подьячим средней руки одного из патриарших приказов непосредственно вслед за событиями, называют другое время — 13 часов дня — и совпадают в этом с некоторыми авторскими сочинениями [16].

Повесть о Московском восстании 1682 г. в составе Летописца 1619—1691 гг.[17] типологически идентична повести в составе Мазуринского летописца, но более тесно связана с обрамляющими ее текстами. Она написана позднее (летописец закончен между 3 октября 1691 г. и 14 мая 1692 г.). Тем не менее автор повести сумел подробно и точно передать детали [18]. Весьма вероятно, что

---

[13] ПСРЛ, т. 31, с. 173 —179.

[14] *Корецкий В. И.* Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени. — В кн.: Славяне и Русь: Сб. статей. М., 1968, с. 282—290.

[15] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 448—456.

[16] *Богданов А. П.* Указ. соч., с. 34—37.
ПСРЛ, т. 31, с. 186—202.

[17] *Буганов В. И., Кучкин В. А.* Новые материалы о московских восстаниях XVII в. — Исторический архив, 1961, т. 1, с. 151—153; *Буганов В. И.*

[18]

он использовал современные событиям записи наподобие Поденных. В пользу этого мнения свидетельствует его социальное положение (он служил при патриархе, как и автор Поденных записей) и состав сборника, в котором помещен Летописец («справочник» церковно-исторического характера, включающий и сведения за XVII в.). Сообщение о смерти Федора входит в конвой повести, и его детальность при обычной осторожности автора может свидетельствовать о том, что данные почерпнуты из какого-то церковного источника.

Летописец Посольского приказа, впервые исследованный Л. В. Черепниным, был составлен приблизительно в 1686 г. под руководством В. В. Голицына [19]. Он представляет собой цельное литературное произведение, всем своим содержанием призванное прославлять крупный внешнеполитический успех правительства регентства — заключение в 1686 г. вечного мира с Польшей. Составители Летописца использовали документы Посольского приказа как при описании дипломатических сражений, так и для составления обрамляющих их общеисторических статей, одной из которых является сообщение о смерти Федора в первой четверти 13-го часа.

Ко времени составления Летописца Посольского приказа было создано другое, очень сходное с ним сочинение — «Созерцание краткое» С. Медведева [20]. Написанное при участии напарника В. В. Голицына по власти думного дьяка Ф. Л. Шакловитого «Созерцание» имело целью всестороннее обоснование историческими, богословскими и литературными средствами права существующего правительства на власть. В отличие от Летописца Посольского приказа оно по форме ближе к исторической повести. Автор широко использовал документы Разряда. Как и в Летописце, статья о смерти Федора не играет важной роли в повествовании. Но источник ее сохранился: в «Созерцании» буквально воспроизводится сообщение в записи Разрядного приказа о кончине царя «апреля в 27 день в 13-м часу дни в четверток», а объявительная грамота о воцарении Петра Алексеевича, созданная на основе текста разрядной записи, включавшей статью о смерти Федора, воспроизведена в сочинении [21].

Исходя из всего сказанного мы можем констатировать, что сообщение о кончине Федора Алексеевича во второй четверти 13-го восходит, вероятнее всего, к церковным записям; в первой четверти 13-го — к документам Посольского, а просто в 13-м часу — к документам Разрядного приказа. В начале 13-го, по данным Поденных записей, о смерти было объявлено в Кремле. Если

Повесть о Московском восстании 1682 г. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967.

[19] *Черепнин Л. В.* «Смута» и историография XVII в.: (из истории древнерусского летописания). — ИЗ, М., 1945, т. 14.

[20] Сильвестра Медведева Созерцание краткое, с. XXXV—XXXVI.

[21] Ср. там же, с. 42, 43—46; Восстание в Москве в 1682 г., с. 454—457.

верить сообщению краткого Московского летописца конца XVII в., то москвичи были уведомлены об этом только через час, но зато кремлевские площадные и патриаршие подьячие выведали о случившемся почти на час раньше, чем это было официально констатировано. Ни официальные сообщения, ни сообщения подьячих у нас нет оснований оспаривать. Придется, следовательно, признать их право на параллельное существование: в 12-м часу среди приказных дельцов прошел слух о смерти царя, в 13-м часу она была официально зарегистрирована, причем светскими властями раньше, чем церковными.

Петр Алексеевич был наречен на царство почти сразу по объявлении о смерти брата: согласно записям Разрядного приказа «дня в 13-м часу»; по Поденным записям очевидца — «того ж (т. е. 13-го) часа» [22]. В соответствии с объявительной грамотой о наречении «того ж часу» сделал запись и автор повести в составе Мазуринского летописца, придя, таким образом, в противоречие со своей датировкой смерти Федора 12-м часом [23].

Итак, между официальным объявлением о смерти Федора и наречением Петра прошло меньше часа по данным Разряда, около 45 минут по посольским и 30 минут — по церковным записям. Что же произошло за это время в Кремле?

Согласно официальному соборному акту, недавно введенному в научный оборот [24], и объявительной грамоте об избрании [25], двор в полном составе (от касимовских царевичей до дворовых людей) простился с телом Федора, затем было проведено заседание Боярской думы, вынесшей решение об организации избирательного земского собора; наконец, проведен был и сам собор по всей форме (со вступительной речью патриарха, двухпалатным заседанием представителей сословий, прениями, выборами и пр.), после которого Петр был наречен на царство непосредственно в его хоромах. В данном случае сведения актов, вероятно, неверны — собор, описанный в них, невозможно созвать за три четверти часа [26].

Мнения современников по этому вопросу разделяются. Некоторые из них поддерживают официальную версию о земском соборе. Наряду с ней в летописных сочинениях бытует версия о «завещании» Федором престола Петру (с вариантами: Ивану; Ивану и Петру) и версия о наречении Петра патриархом и Боярской думой. Прежде всего рассмотрим источники двух первых версий.

---

[22] Восстание в Москве в 1682 г., с. 9; *Богданов А. П.* Указ. соч., с. 35.

[23] ПСРЛ, т. 31, с. 173.

[24] Восстание в Москве в 1682 г., с. 254—257; ср. копию XVIII в.: БАН, 32.4.3, л. 12—15 об.

[25] СГГД. М., 1828, т. 4, № 132, с. 412—413; Сильвестра Медведева Созерцание краткое, с. 43—46.

[26] *Латкин В. Н.* Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб., 1885, с. 252—256; *Беляев И. Д.* Земские соборы на Руси. 2-е изд. М., 1902, с. 65—67; ср. также: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978, с. 355—358.

Оказывается, идея представить наречение Петра как «всенародное избрание» посетила его сторонников не сразу. Напряженную работу правительства над мотивировкой перехода власти к младшему царевичу раскрывают черновые отпуски объявительных грамот, составлявшихся в Посольском приказе. Палеографический анализ многократно редактированных текстов [27] приводит к выводу, что первоначально, в последних числах апреля, приказные дельцы руководствовались версией о «завещании», «избирательная» же версия была придумана в начале мая, что хронологически соответствует резкому росту активности восставших москвичей. Впрочем, иностранцы отнеслись к «избирательной» версии холодно. Польский король Ян III, отправив в Москву любезную грамоту, для себя отметил, что «Петр его (Ивана Алексеевича. — *А. Б.*) затерл насильными способы» [28]. Менее куртуазные голландцы заметили, что сами знают о случившемся в Москве, имея, по-видимому, в виду сообщение своего резидента о существовании заговора в пользу Петра еще при жизни Федора [29].

Первые гонцы, уже 28—29 апреля отправившиеся в разные концы страны, чтобы возвестить о начале нового царствования [30], должны были разнести исходную версию — о «завещании». Эта версия нашла отражение в интересной Повести о народном восстании 1682 г., составленной, по-видимому, в 90-х годах XVII — начале XVIII в. на основе более ранних записей и дошедшей в составе исторического сборника в списке 1743 г.[31] Другой источник с сообщением о «завещании» — так называемый «Летописец русский краткий», составленный в самом начале 80-х годов в Спасо-Прилуцком монастыре и продолженный одним из авторов до февраля 1700 г. в Вологде; он был описан А. Н. Насоновым и В. И. Бугановым [32]. Его записи о событиях 1682 г. тем более важны, что делались непосредственно по получении новых известий из столицы и постоянно поправлялись и дополнялись; практически это памятные исторические записки (л. 180—190 об.).

Появившаяся затем версия об «избрании» вытеснила первую и нашла отражение в Поденных записях, Мазуринской повести и «Созерцании» [33]. Автор Летописи Самовидца (видимо, Р. О. Ра-

---

[27] ЦГАДА, ф. 79, св. 1682 г., № 4, л. 1—7, 10; св. 1682 г., № 5; ф. 74, св. 1682 г., № 1, 34; ф. 50, св. 24, 1682 г., № 1; ср. кн. 205; Восстание в Москве в 1682 г., № 204, с. 256—257.

[28] Ответная грамота. — ЦГАДА, ф. 79, св. 1682 г., № 5, л. 7—7 об.; секретная инструкция Яна III. — Там же, № 8, л. 7.

[29] ЦГАДА, ф. 50, св. 24, 1682 г., № 1, л. 10—15; *Белов М. И.* Письма Иоганна фан Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964, с. 307.

[30] Восстание в Москве в 1682 г., с. 11—12 и др.; см. также: СГГД, т. 4, № 133—134; АИ. СПб., 1842, т. 5, № 82; Архив ЛОИИ, Собр. грамот, № 2869, л. 1—22; и др.

[31] ГБЛ, ф. 310, № 792, л. 1б—13.

[32] *Насонов А. Н.* Летописные памятники, с. 276—277; *Буганов В. И.* Летописные заметки. . ., с. 341—342, 345.

[33] *Богданов А. П.* Указ. соч., с. 35; ПСРЛ, т. 31, с. 173; Сильвестра Медведева Созерцание краткое, с. 43.

кушка-Романовский) зафиксировал даже время, когда соответствующее сообщение пришло в Стародуб взамен предыдущего, — 6 мая [34]. После наречения первым царем Ивана (26 мая) эта версия была в свою очередь вытеснена версией о «воцарении» двух братьев сразу; хотя она и не имела под собой никакой основы, будучи официальной точкой зрения, была отражена в наибольшем количестве исторических сочинений, в том числе таких основательных, как Летописец Посольского приказа 1686 г., Латухинская степенная книга, Свод Ф. Поликарпова и т. п.[35] Сочинениям с версией об «избрании» более других повезло в историографии — почти все они были выявлены и опубликованы, — и исследователям земских соборов не оставалось ничего другого, как видеть в них доказательство существования собора 27 апреля 1682 г.

Ни в одном современном сочинении, упоминающем «избрание» Петра, не сообщается других подробностей «собора», кроме почерпнутых из объявительной грамоты. В повести в составе Летописца 1619—1691 гг., содержащей подробный рассказ о событиях в Кремле 27 апреля, определенно говорится, что Петр был «наречен» на царство Боярской думой, а не «избран» земским собором. Народное возмущение, вызванное этим произволом бояр, автор описывает довольно подробно [36]. Версию наречения поддерживает и самостоятельный в оценках автор Летописца Черкасских [37]. В начале XVIII в. даже такой предубежденный автор, как А. А. Матвеев, отмечал возмущение кандидатурой нового царя в Кремле сразу же после его наречения [38]. В это же время версию «наречения» принял С. Пуфендорф, которого процитировал в своей Летописи С. Величко [39]. И лишь Б. И. Куракин [40] считает необходимым возрождать версию о «соборном избрании» Петра, родившуюся и исчезнувшую в ходе политической борьбы 1682 г.

Любопытные подробности происходивших в Кремле событий сообщает хорошо осведомленный автор крупного летописца начала

---

[34] Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Киев, 1878, с. 153.

[35] ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 23, № 257, л. 975; ср.: ГБЛ, ф. 256, № 364, 413. См.: ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 23, № 171, л. 104—104 об.; ср. ГПБ, собр. Погодина, № 1559; ГПБ, собр. Толстого, F, 221; ГБЛ, Муз. собр., № 2900; ГБЛ, собр. Пискарева, № 179; Публ. б-ка АН УССР, собр. КДС, № 188; ГПБ, собр. Латухина, Fiv. 597; Историко-архитектурный музей г. Костромы, собр. КОК, № 645; ГИМ, Син. собр., № 293. См.: ГПБ, собр. Вяземского, № Q, CCXI, л. 215 об. См.: БАН, 15.14.24, л. 528; ГБЛ, ф. 29, № 8, л. 59 об. См.: ГБЛ, ф. 199, № 69, л. 101; и др.

[36] ПСРЛ, т. 31, с. 186—187.

[37] ЦГАДА, ф. 357, оп. 1, № 274, л. 243 об.

[38] Записки Андрей Артамоновича графа Матвеева. — В кн.: *Сахаров И. П.* Записки русских людей. СПб., 1841, с. 6.

[39] Летопись событий в юго-западной России в XVII веке/Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского, 1720. Киев, 1851, т. 2, с. 512.

[40] *Куракин И. П.* Гистория о царе Петре Алексеевиче. — В кн.: Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб., 1890, кн. 1, с. 43.

XVIII в., определяемого А. Н. Насоновым как официальный свод петровского времени сочинения Г. Г. Скорнякова-Писарева [41]. Пропетровски настроенный автор излагает сначала версию о «завещании» царства Петру, которое якобы не состоялось «происками» неприятелей, а затем рассказывает о наречении Петра от патриарха Иоакима. Когда же царевна Софья созвала думу для решения вопроса о наследовании, оказалось, что младший царевич уже наречен. Все попытки Софьи Алексеевны и Милославского организовать в этот день земский собор с участием стрельцов и «черни», дабы «что народу годно, то б исполнить», оказались тщетны. Софья подчеркивала, что в противном случае в условиях всеобщего возмущения в столице следует ожидать кровопролития, так как стрельцы боятся боярского правления при Петре Алексеевиче [42]. Тексты Летописца 1619—1691 гг. и «Созерцания» подтверждают, что народное возмущение экономическими и социальными притеснениями было подстегнуто сознанием того, что совершеннолетний царевич Иван был обманом отстранен от власти, чтобы «государством владети и людми мять им, бояром». «И народ весь погубят!» — такова была оценка москвичами событий в Кремле [43].

Ближайшие родственники умершего царя могли пропустить церемонию наречения младшего царевича, минуя старшего, только в том случае, если придворные деятели во главе с патриархом Иоакимом приступили к наречению еще в то время, когда был жив Федор, а главные сторонники Ивана Алексеевича находились у постели умирающего. Этим может быть объяснена разноголосица в определении времени кончины Федора: приказные дельцы могли сделать вывод о смерти давно больного царя, узнав о готовящемся наречении, еще в 12-м часу; официальное объявление было сделано после смерти, в 13-м часу. Впрочем, обязательно ли после смерти? Если, согласно данным Скорнякова-Писарева, Милославские прибыли к месту действия, когда Петр был уже наречен, допустимо предположение, что, узнав о начавшейся церемонии, они оставили покои еще живого Федора. Эта догадка находит подтверждение в тексте упомянутого выше Летописца Черкасских — так называемого «Русского летописца с древнейших времен до 1683 г.», дошедшего в списке середины XVIII в., который отличается пристрастием к описанию подвигов представителей рода Черкасских и включает много весьма любопытных сведений за XVII в. Автор Летописца, составленного, судя по расположению оригинальных известий, в 80—90-х годах, был, по-видимому, связан с Черкасским. Он сообщает, что царь преставился «перед вечернями», т. е. примерно в 5—6 часов попо-

---

[41] ЦГАДА, ф. 181, № 358; *Насонов А. И.* Материалы и исследования по истории русского летописания. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1958, т. 7, с. 262—263; *Буганов В. И.* Летописные заметки. . ., с. 340—341.
[42] ЦГАДА, ф. 181, № 358, л. 1177—1178.
[43] ПСРЛ, т. 31, с. 187—188; Сильвестра Медведева Созерцание краткое, с. 47.

лудни, после наречения Петра [44]. Отметим, что Д. Г. Черкасский находился в это время у постели Федора [45].

Среди современников ходили толки об отравлении царя Нарышкиными. В середине мая об этом объявили восставшие москвичи. И. К. Нарышкина и немецких докторов подвергли пытке, после которой они «признались» в существовании заговора на жизнь Федора. Розыскное дело не обнаружено, однако результаты следствия отразились в челобитной стрельцов и московских посадских жителей от 6 июня 1682 г.[46] О следствии подробно сообщает автор повести в составе Летописца 1619—1691 гг.; итоги розыска описаны Самовидцем, папским резидентом в Варшаве и дьячком Аверкием. Сопоставление текстов современных сочинений позволяет считать, что восставшие уделяли большое внимание распространению этой версии, формально оправдывающей кончину «в мелочь изрубленных» ими бояр.

Таким образом, анализ летописных известий позволяет выяснить некоторые обстоятельства наречения на престол младшего царевича Петра I в результате деятельности одной из группировок господствующего класса. Их победа лишила народ надежды на обуздание «налогов начальничских и обид» «добрым» царем. С этого времени заканчивается начальный период народного восстания и москвичи готовятся к вооруженному выступлению, которое и произошло в середине мая. Сочинения конца XVII—начала XVIII в., написанные в летописной форме, как правило, передают одну из бытовавших в то время версий, причем крупнейшим фактором формирования версий является правительственная пропаганда. Официальные же версии формировались в результате политической борьбы в верхах и отражают более особенности ситуации времени своего создания, нежели реалии описываемых событий. Эта особенность актового материала по крупным политическим вопросам (в данном случае по вопросу о наследовании короны) подчеркивает актуальность изучения сочинений современников, на которые хотя и наложился сильный отпечаток официальной информации о событиях, но содержание которых не исчерпывается этой информацией. При комплексном анализе летописных источников мы имеем возможность выявить, сопоставить все бытовавшие версии и получить, таким образом, четкое представление об относительной достоверности сообщаемых сведений.

---

[44] ЦГАДА, ф. 357, оп. 1, № 274, л. 243 об.
[45] Восстание в Москве в 1682 г., с. 10.
[46] Там же, с. 36—39.

II. ИСТОРИОГРАФИЯ

ТРУДЫ В. Т. ПАШУТО ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

В. И. Буганов

Владимир Терентьевич Пашуто — специалист по истории Древней Руси, глубокий знаток источников, советской и зарубежной литературы, исследователь, создавший ценные труды по конкретно-историческим проблемам и по теории, методологии научного исследования, источниковедению, отечественной и зарубежной историографии отечественной истории, мастер научно-популярного жанра. Настоящая статья посвящена исследованиям ученого в области русского летописания.

Летописи В. Т. Пашуто исследует с самого начала своей научной деятельности. Этот источник — один из основных, положенных в основу ряда общеисторических трудов Владимира Терентьевича; посвящены они истории Древнерусского государства, Галицко-Волынской Руси, Великого княжества Литовского, внешней политике Древней Руси и др. Летописям же посвящены специально источниковедческие исследования. Условно его научные труды можно разделить на два цикла.

Первый цикл посвящен изучению летописных памятников в тесной связи с исследованием древней истории западных регионов нашей страны. Так, в ряде работ Пашуто, основываясь на изучении различных летописных традиций, разрабатывает сложный вопрос о вызревании государственности у восточных славян до образования Древнерусского государства, о роли норманнов (варягов) в политической истории этого региона [1].

Почти половину работы о Галицко-Волынской Руси XIII в. занимают главы о юго-западном летописании того времени, объединенные заглавием «Очерк истории летописания юго-западной Руси (XIII в.)» [2]. В предисловии автор обосновывает выбор темы исследования — и это очень показательно — тем, что Галицко-Волынская летопись — этот «основной источник сведе-

---

[1] *Пашуто В. Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы. — Скандинавский сборник, Таллин, 1970, вып. 15; *Он же.* Норманский вопрос в свете летописной традиции о племенах и княжениях. — В кн.: Тезисы V Международной конференции по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. М., 1971; *Он же.* Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос. — В кн.: Летописи и хроники. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова. М., 1974.

[2] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 17—133.

ний по истории Западной Украины XIII в.» и «весьма важный источник по истории Литвы» — «доныне оставалась в основном не изученной» [3]. В подтверждение этой мысли приводятся мнения таких исследователей, как К. Н. Бестужев-Рюмин, А. С. Орлов, Д. С. Лихачев, М. Д. Приселков.

Опираясь на достижения современной науки (например, исследования Л. В. Черепнина, Д. С. Лихачева, Н. Н. Воронина и др.) в изучении древнерусской культуры, в частности летописания XIII в., Пашуто проводит детальное конкретное исследование текста Галицко-Волынской летописи, находящейся в составе Ипатьевского свода. Автор при этом исходит «из марксистского понимания задач изучения истории идеологии феодальной формации», считая «основным критерием при реконструкции того или иного летописного свода определение его классовой, политической направленности». В предпринятом изучении, как отмечает автор, использованы «технические приемы расслоения текстов», которые ввел в научный оборот Шахматов и развил Приселков, но методология исследования первого и переоценка вторым роли церковно-политических отношений, особенно русско-византийских, естественно, приняты быть не могут [4].

С именем Пашуто связаны разработка и обоснование (с опорой на труды Б. Д. Грекова и других ученых старшего поколения) марксистско-ленинской методики работы с историческими источниками, классового подхода к их оценке. И это ярко проявилось в его интерпретации русских летописей как памятника, отражавшего идеологию господствующего класса феодалов. Так, Галицко-Волынская летопись, по его наблюдениям, с одной стороны, «обосновывает незыблемое право великого князя распоряжаться судьбами всей Галицко-Волынской земли» и даже всей Русью, с другой — осуждает местное знатное боярство и князей, враждебных восхваляемому правителю. При этом эксплуатация трудовых масс господствующей верхушкой, наступление великокняжеской власти на их права замалчиваются составителями летописей или летописных повестей. Те же черты характерны и для летописных памятников, составлявшихся в других княжествах [5].

Основываясь на марксистско-ленинской методологии и методике исследования, Пашуто приступает к изучению Галицко-Волынской летописи со стороны истории текста, выявления источников, положенных в ее основу. Он отмечает при этом, что отразившаяся в Ипатьевской летописи «литературная манера наших древних книжников, как правило, оставлявших в тексте следы перегруппировки и комбинирования источников своей работы, во многом облегчает дело». Но Галицко-Волынская в этом отношении трудна для исследования, поскольку ее текст не имеет

[3] Там же, с. 3.
[4] Там же, с. 8.
[5] Там же, с. 8—10.

параллельных текстов, необходимых для сравнения; он, этот текст, неоднократно перегруппировывался; в нем отсутствуют хронологическая последовательность и окончание [6].

В основу юго-западного летописания XIII в., по мнению Пашуто, положены два важнейших летописных свода — знаменитая Повесть временных лет начала XII в. и продолжавшая ее текст Киевская летопись, составленная не в 1200 г., как до этого считалось в научной литературе, а в 1238 г. Объединил два этих свода, прибавив к ним местный галицко-волынский материал за XII—XIII вв., какой-то автор и редактор, работавший при дворе Даниила Романовича Галицкого после нашествия Батухана. Именно этот автор, продолжает Владимир Терентьевич, написал во введении к Ипатьевской летописи слова: «Се же суть имена княземь кыевским, княжившим в Киеве до избитья Батыева» (что произошло в 1240 г.). Он же и в том же введении называет боярина Дмитра, при котором «взяша Батый Киев», наместником князя Даниила Романовича [7].

Тезис о существовании Киевской летописи 1238 г. Владимир Терентьевич обосновывает сравнением текстов ряда летописей московской, юго-западной, северной редакций, русского летописного материала, помещенного в «Истории Польши» Яна Длугоша. Летопись 1238 г. вошла в качестве одного из источников в Новгородскую I летопись старшего извода и Галицко-Волынский свод 1246 г. князя Даниила Романовича [8].

Летописный свод 1246 г. включил, по Пашуто, Киевский свод конца XII в., продолженный киевскими же записями до 1238 г., ряд повестей (о войне волынских князей с черниговскими, о княжении жены князя Романа Мстиславича Анны и ее сыновей, о военных подвигах Даниила Романовича и его воинов в войнах с Польшей и Литвой), документы княжеского архива, отчеты военных и дипломатов и др. Составление этого свода автор связывает с именем приближенного к князю Даниилу печатника, а затем (по воле того же сюзерена) митрополита Кирилла [9]. После отъезда последнего во Владимир-на-Клязьме летописное дело, которое велось в городе Холме, продолжалось трудами местного епископа Ивана. Летопись Ивана охватывает время с 1246 по 1263 г., до смерти Даниила Романовича, и характеризует государственную деятельность последнего и его сына Льва Даниловича. В ее составе также сохранились некоторые воинские повести (например, о походах на ятвягов, о нападениях Куремсы и Бурундая).

Последующие памятники составлялись во Владимире Волынском. Это летописи князя Василько Романовича (умер около 1269 г.) и князя Владимира Васильковича (умер около 1290 г.).

---

[6] Там же, с. 4.
[7] Там же, с. 17—18.
[8] Там же, с. 21 и след.
[9] Там же, с. 89—92.

В первой из них, помимо Холмской княжеской летописи епископа Ивана (включавшей свод Кирилла), использованы местная придворная хроника, донесения военных и дипломатических деятелей, воинские повести; во второй — придворная княжеская летопись, которая велась лицом духовного чина, вероятно находившимся при владимирском епископе Евстигнее, Литовская летопись (Новгородская летопись о литовских князьях), различные повести, документы княжеского архива (русские, татарские, польские грамоты) и др.[10] Наконец, выявляются остатки владимирской летописи времени князя Мстислава Даниловича [11].

Пашуто внес большой вклад в изучение южнорусского летописания. По некоторым моментам его истории он высказал суждения, отличающиеся от трактовки других исследователей. Все это представляет несомненный и немалый вклад в летописное источниковедение.

То же можно сказать и о книге Пашуто о Великом княжестве Литовском; в ее первом разделе («Источники») главное внимание отводится летописям. Автор подробно характеризует тот материал по проблеме образования Литовского государства, который имеется в киевском, галицко-волынском, владимиро-суздальском, новгородском, псковском, московском, литовском (литовско-русском) летописании. В связи с этим автор касается вопросов состава летописных памятников (их редакции, списки, взаимоотношения между собой), полемизирует с И. П. Ереминым по вопросу о киевском и галицко-волынском летописании XII—XIII вв. Пашуто отстаивает (вполне успешно, на мой взгляд) положения об идейной, классовой природе летописей, их сложном сводном характере (что, по существу, отрицал Еремин), о церковно-идеологической окраске галицко-волынского летописания. Он же пишет об отражении в последнем «Литовской летописи», которая являлась для него одним из источников (автор полемизирует здесь с В. Д. Королюком) [12].

Ряд важных вопросов, касающихся истории русского летописания, Пашуто ставит и решает в отзывах на публикации летописных текстов или исследования специалистов-летописеведов.

В рецензии на издание текста Повести временных лет (ПВЛ) [13], подготовленное Д. С. Лихачевым, Владимир Терентьевич давал ему очень высокую оценку («перед нами выдающееся издание ценнейшего историко-литературного памятника прошлого нашей Родины, издание, в которое вложен многолетний труд ученых»), отмечал плодотворность разработанной Д. С. Лихачевым концепции о народном устном творчестве как основном, определяющем источнике древнейшего летописания. Другая группа источников — письменных — также вобрала в себя плоды народного творчества.

---

[10] Там же, с. 109, 129—130.
[11] Там же, с. 130—133.
[12] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959, с. 9—77.
[13] Вопросы истории, 1951, № 7, с. 117—121; рецензируемое издание: Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 1.

Подчеркивается сугубо классовый характер освещения в летописях исторических событий, в связи с этим подвергаются критике недостатки шахматовского метода филологической критики летописных текстов, игнорировавшего тот факт, что в ПВЛ «господствующей . . . была идеология феодальная, идеология княжеско-дружинная и церковная» [14]. Пашуто ставит очень важный вопрос о необходимости теснее связать анализ ПВЛ как прежде всего исторического памятника с изучением классовой борьбы и внутриклассовых противоречий в Древней Руси. Важны его замечания о национальном, самобытном и патриотическом характере ПВЛ, о принципах издания ее текста (критика попыток издания «сводного текста» ПВЛ, шахматовской гипотетической реконструкции), языке памятника, его терминологии, особенностях перевода на современный русский и другие языки. В рецензии подвергаются острой и обоснованной критике представители зарубежной буржуазной историографии, пытающиеся доказать культурную отсталость Древней Руси. Богатейшее культурное наследство, оставленное нашими далекими предками, и в том числе замечательная ПВЛ, полностью опровергают, подчеркивает Пашуто, эти измышления.

Высокую оценку дает Владимир Терентьевич и труду М. Д. Приселкова по реконструкции текста Троицкой летописи, рукопись которой сгорела в московский пожар 1812 г.[15] В то же время он критикует Приселкова за недостаточно четкий классовый анализ летописей как памятника феодальной идеологии, за переоценку роли церковно-политических отношений, степени византийского влияния на зарождение и развитие русского летописания. В этой работе Пашуто снова ставит вопрос о необходимости определения классовой, политической сущности летописных сводов.

Большое внимание уделил Владимир Терентьевич и летописеведческим изысканиям ряда отечественных ученых. Этой проблеме посвящен второй цикл его трудов. В первую очередь нужно назвать его статью об А. А. Шахматове [16]. Рассматривая с позиций марксистско-ленинской методологии источниковедческие труды ученого, Пашуто отмечает, с одной стороны, его крупный вклад в летописное источниковедение, с другой — неприемлемость буржуазной методологии исследования памятников прошлого, органически связанной с его общественно-политическими и историческими взглядами. К достижениям Шахматова относятся разработка концепции о летописях как исторически сложившихся сводах, ряда ценных приемов расслоения летописных текстов (выявление дублировок известий, хронологических ошибок, смены стилей, почерков и т. д.). Сильной стороной его

[14] Там же, с. 118.

[15] Вопросы истории, 1950, № 11, с. 145—148; рецензируемый труд: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

[16] *Пашуто В. Т.* А. А. Шахматов — буржуазный источниковед. — Вопросы истории, 1952, № 2, с. 47—73,

трудов является сравнительно-текстологический анализ многочисленных списков летописей, представляющий собой фактическую основу источниковедения. Шахматов осуществил ряд реконструкций (небесспорных в ряде случаев), ввел в научный оборот большое число новых списков летописей, осуществил ряд важнейших публикаций летописных текстов.

Важные принципиальные положения содержит статья-рецензия, посвященная анализу содержания т. V—VII издания «Труды Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР [17]. При создании истории древнерусской литературы, составной частью которой является русское летописание, по мысли Пашуто, «нужно, во-первых, показать, как отражена в литературе реальная классовая борьба; во-вторых, всесторонне осветить национальную самостоятельность и оригинальность нашей литературы и, наконец, дать глубокий анализ идейного содержания литературы в связи с породившей ее конкретной исторической действительностью. Осуществление этих задач органически связано с необходимостью самой решительной борьбы против буржуазной теории „единого потока“, против формализма, открывающего лазейки идеализму и буржуазно-космополитической идеологии» [18]. С этих методологических позиций Пашуто сделал несколько критических замечаний в адрес работ по истории русского летописания. Так, акад. А. С. Орлова он критикует за формально-филологический анализ галицко-волынского летописания, отрыв последнего от исторической обстановки в юго-западной Руси. Пашуто отмечает серьезные изъяны исследовательского метода И. П. Еремина и Н. Л. Рубинштейна в изучении летописей, который приводит к недооценке высокого уровня русской исторической мысли Древней Руси (недоучет сложного состава летописных памятников, их эволюции, богатого идейного содержания Повести временных лет и сводов, за ней последовавших). Принципиально и правильно ставится вопрос об отношении к научному наследию Шахматова и его последователей: необходимость, с одной стороны, полного пересмотра его ошибочной методологии, с другой — учета достижений в области методики, техники текстологического изучения летописей как исторически сложившихся, сложных по составу источников сводов; нельзя, пишет Пашуто, отбрасывать, как это делает Еремин, достижения Шахматова, вошедшие в мировую науку [19].

В рецензии на книгу И. П. Еремина [20] В. Т. Пашуто подвергает резкой критике концепцию автора, согласно которой ПВЛ не сложный исторический памятник, составление которого

---

[17] *Пашуто В. Т.* За марксистско-ленинскую историю литературы. —Вопросы истории, 1950, № 3, с. 114—120.
[18] Там же, с. 114.
[19] Там же, с. 117, 118—119.
[20] *Еремин И. П.* Повесть временных лет: (Проблемы ее историко-литературного изучения). Л., 1947.

прошло ряд этапов (что установлено Шахматовым), а «реальный, т. е. безусловно достоверный текст», взятый в отрыве от его генеалогии. Столь же ошибочно мнение Еремина об авторе ПВЛ как моралисте, а не политике, как выразителе мнения «земли Русской», как простом регистраторе событий времени «допрагматического исторического мышления». Подобные ошибочные оценки, как справедливо подчеркивает Пашуто, вытекают из ненаучной методологии Еремина, книга которого явилась «неудачной попыткой ревизии именно тех результатов, достигнутых А. А. Шахматовым и его школой в области изучения русской средневековой историографии, которые признаны нашей советской наукой» [21].

Ряд важных замечаний сделал Владимир Терентьевич о методологии и методике применительно к летописному источниковедению [22]. Автор исходит из положения о подчиненности методики как совокупности приемов, способов или правил исследования исторического источника методологии (теории исторического познания). В работе отмечается «размытость», неопределенность ряда понятий теории источниковедения, необходимость обсуждения проблем терминологии источниковедения, вопроса об уровнях методов и методик в исторической науке, разграничения функций литературного и исторического источниковедения. Ставится вопрос об изучении различных методических приемов изучения летописей, характерных для советских ученых, всестороннем и историческом подходе при изучении их взглядов.

Методом изучения летописи, созданным советским летописным источниковедением, продолжает Пашуто, является их исследование на основе марксистско-ленинской теории познания как исторической хроники. Этот метод качественно новый; его отнюдь нельзя смешивать, как это нередко делалось в историографии, со сравнительно-текстологической методикой Шахматова. Справедливо положение об историчности, партийности текстологии как вспомогательной историко-литературной дисциплины; до уровня подлинной науки ее поднял марксизм-ленинизм. Текстологический поиск должен быть подчинен классовому анализу, принципу партийности.

Большое внимание уделяет Пашуто анализу принципа партийности в источниковедении, пишет в связи с этим о целесообразности создания работ, посвященных критике основ современного буржуазного источниковедения. Столь же важными и плодотворными являются предложения о создании трудов по методике источниковедения, о развитии источниковедения в союзных республиках, об источниковедческом опыте источниковедов из стран социалистического содружества.

---

[21] Вопросы истории, 1948, № 6, с. 105—106.

[22] *Пашуто В. Т.* Некоторые общие вопросы летописного источниковедения. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1, с. 64—77.

Достойны упоминания и высокой оценки работы Пашуто, в которых подвергаются убедительной критике представители западногерманского «остфоршунга» в плане их ненаучных общеисторических построений, посвященных истории Древней Руси, и тесно связанных с ними столь же ошибочных методов использования источников, в том числе и летописных [23]. Автор убедительно вскрывает общий невысокий уровень источниковедческой оснащенности ряда трудов остфоршеров, замечая в связи с этим: «Пока остфоршеры будут считать труды В. О. Ключевского и П. Б. Струве пределом источниковедческой мудрости и не обратятся к самостоятельному изучению летописей, актов, житий и т. п. материалов (как это плодотворно делают их английские и французские коллеги Р. Смит, Р. Порталь, М. Конфино и др.), они неизбежно будут плестись в хвосте международной славяноведческой историографии» [24]. На примере Г. Штёкля, известного западногерманского остфоршера, Пашуто показывает типичные черты, недостатки «творческой практики источниковедения, основанной на современной буржуазной философии истории и ее прагматической „теорией ценностей", с ее потребительским отбором „экзистенциальных истин", с ее креном в теологию и эсхаталогию». Штёкль берет из источников не все факты, а лишь те, которые кажутся ему подходящими; ставит перед источниками вопросы, не интересуясь проблемой их сущности, пригодности для ответа на них [25].

Краткий обзор трудов Пашуто показывает его большой вклад в разработку ряда конкретно-летописеведческих проблем (особенно южно- и западнорусское летописание), теоретических вопросов летописного источниковедения (соотношение методологии и методики изучения летописей как памятников феодальной идеологии, возникших в определенной исторической обстановке; классовый анализ, партийный подход; сложный характер летописных сводов, их политическая направленность и др.). Важное значение имеют его работы по историографии летописного источниковедения, наконец, соображения о тех задачах, которые стоят перед советской исторической наукой в этой важной отрасли исторических исследований.

---

[23] *Пашуто В. Т.* Истоки немецкой неофашистской концепции истории России. — Вопросы истории, 1962, № 10; *Он же.* Признаки феодализма и призраки прошлого. — История СССР, 1964, № 2; *Он же.* Профессор Г. Штёкль размышляет об уроках истории. — Вопросы истории, 1968, № 8; *Он же.* Реваншисты — псевдоисторики России. М., 1971.

[24] *Пашуто В. Т.* Реваншисты — псевдоисторики России, с. 133.

[25] *Пашуто В. Т.* Профессор Г. Штёкль размышляет об уроках истории, с. 39.

III. АРХЕОГРАФИЯ

ОБ ИЗДАНИИ ЛЕТОПИСНОГО СВОДА 1560 г.

Б. М. Клосс

В своем последнем обобщающем труде по истории русского летописания А. Н. Насонов подверг тщательному анализу неопубликованный летописный свод, сохранившийся в рукописи из Румянцевского собрания ГБЛ (ф. 256) под № 255. Текст начинается с известия 1389 г. о вокняжении Василия Дмитриевича и обрывается под 1558 г. словами послания александрийского патриарха царю Ивану Грозному: «толико же несказанне превысочайшая благодать» [1]; но в оглавлении, помещенном перед летописью, последним показано известие 1560 г. «о отпуске Ивана Черемисинова в Тюмень и на Шавкалы» — событие, которым завершается изложение и в Львовской летописи. Насонов пришел к выводу, что источниками Румянцевской летописи являются: свод 1533 г. и Никоновская летопись [2]. Исследование Насонова показало «всю важность Румянцевской летописи для изучающих историю летописания, историю нашей родной страны» и поставило на повестку дня вопрос об ее издании [3].

Уникальные известия Румянцевской летописи давно привлекали внимание историков, некоторые из них введены в научный оборот. Так, по этой летописи изданы Повесть о псковском взятии [4] и подробный рассказ об «отъезде» Глинских в 1508 г. [5] Но в полном виде памятник не издавался.

Существует, однако, еще один список той же летописи, который существенно увеличивает нашу информацию о характере памятника: имеем в виду так называемый Архивский летописец, который в числе «главных, лучших, по крайней мере известнейших списков» был использован Н. М. Карамзиным среди источников «Истории государства Российского». «Архивским (в библиотеке Архива Иностранной Коллегии) назвал я, — писал Карамзин, — список XVII века, подобный Никоновскому, весьма исправный, от времен Василия Дмитриевича до 1560 г.» [6] Рукопись нахо-

[1] ПСРЛ. СПб., 1914, т. 20, ч. 2, с. 602.

[2] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969, с. 450—476.

[3] Там же, с. 463, 472.

[4] *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, с. 185—194.

[5] *Зимин А. А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г. — Советские архивы, 1970, № 5, с. 68—73.

[6] *Карамзин Н. М.* История государства Российского/Изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842, с. XVI, примеч. 5.

дится ныне в ЦГАДА, ф. 181, № 11. Небольшое исследование о ней принадлежит А. Е. Преснякову [7].

Архивский летописец, как и Румянцевский, имеет оглавление и также начинается с 1389 г., но доведен, как и Львовская летопись, до 1560 г., заканчиваясь известием о посылке Ивана Черемисинова. Пресняков наметил основные источники Архивского летописца (Воскресенская, Никоновская, Софийская II летописи), указал на близость его к «Русскому Временнику» (рассказ об «отъезде» Глинских, статья о взятии Пскова). Кроме того, им выделены материалы разрядов, читающиеся под 1502, 1503, 1506, 1514, 1515, 1519, 1520 гг. (они имеются и в Румянцевской), отличающиеся удивительной настойчивостью в упоминании когонибудь из Колычевых [8]. Заслуживает внимания наблюдение Преснякова о вставке под 1548 г. (ее нет в Румянцевской), произведенной в интересах рода Шетневых. Это наблюдение дало повод историку отнести Архивский летописец в разряд «фамильных» летописцев, в которых материалы официальных сводов обрабатывались в интересах тех или иных представителей феодальных верхов.

Летописный памятник, представленный Архивским и Румянцевским списками, мы назовем сводом 1560 г. Насонов отметил близость в части 1518—1533 гг. Румянцевской летописи с Львовской. Данные Архивского списка свидетельствуют, что текст Львовской летописи близок к своду 1560 г. на всем протяжении 1518—1560 гг., начиная с сообщения о смерти князя Семена Ивановича и вплоть до известия 1560 г. о посылке в Тюмень Ивана Черемисинова, которым заканчиваются Львовская летопись и Архивский список. Таким образом, Львовская летопись является соединением свода 1518 г. со сводом 1560 г.[9]

В части до 1533 г. свод 1560 г. представляет собой компиляцию, в которой великокняжеская летописная традиция (Воскресенская летопись, материалы архива Разрядного приказа) сближена с митрополичьей (Никоновская и Софийская II летописи, Новгородский свод 1539 г., житие Михаила Клопского). Данная компиляция продолжена в составе свода Летописцем начала царства, доведенным до 1560 г.

Как известно, Летописец начала царства существует в нескольких редакциях. Первоначальная редакция, доведенная до 1552 г. (основные списки: ЛОИИ СССР, Арх. № 244 и ГПБ,

---

[7] *Пресняков А. Е.* Архивский летописец. — В кн.: Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902, с. 1—14.

[8] Добавим еще выписки из разрядов под 1535 г. с подробностями о Н. И. Колычеве (ПСРЛ, т. 20, ч. 2, с. 432).

[9] Причем составитель Львовской летописи пользовался тем же экземпляром свода 1518 г., к которому обратился составитель Архивского списка Софийской II летописи [*Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания). — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, с. 117—119. Ротапринт].

F.IV.585), опубликована в т. 29 ПСРЛ (М., 1965). Существенной переработкой первоначальной редакции является продолжение ее до 1556 г., представленное Патриаршим списком Никоновской летописи [10]. Последний текст, дополненный до 1558 г., образовал новую редакцию, представленную списком Оболенского Никоновской летописи. Редакция 1558 г., продолженная до 1560 г., и была использована при составлении летописного свода 1560 г.[11]

По мысли Насонова в основании Румянцевской летописи лежит свод 1533 г., отразившийся в свою очередь в «Русском Временнике». Этот свод был составлен по предположению Насонова в годы влияния Глинских, в 1545—1547 гг., и использовал первоначальную редакцию 1533 г. Воскресенской летописи.

Однако гипотеза о самостоятельном существовании свода 1553 г. не представляется нам обоснованной. Во-первых, в составе свода 1560 г. статья Воскресенской летописи 7041 г., завершая великое княжение Василия III, естественно и без всякого перерыва переходит в статью 7042 г. Летописца начала царства Ивана Васильевича, т. е. после окончания одного княжения изложение непосредственно переходит к другому. Поэтому окончание «Русского Временника» на статье 7041 г. кажется явно искусственным, оборванным перед рассказом о княжении Ивана Васильевича. Во-вторых, источники, использованные в части до 1533 г., являются достаточно поздними: новгородский источник близок к своду 1539 г., составленному после занятия Макарием митрополичьего престола. Нет никаких оснований считать текст Воскресенской летописи относящимся к первоначальной редакции: он ничем не отличается от списков Воскресенской летописи, доводящих изложение до 1541 г. Более того, рассказ Воскресенской под 1508 г. о захоронениях в Архангельском соборе Кремля, одинаково изложенный в своде 1560 г. и «Русском Временнике», содержит, как и все другие списки Воскресенской, данные о захоронениях Юрия Дмитровского (1536 г.) и Андрея Старицкого (1537 г.). Наконец, отметим, что материалы разрядов с упоминанием Колычевых использованы как до 1533 г., так и после этого года (см. сноску 8).

Вызывает возражение и тезис о составлении протографа свода 1560 г. и «Русского Временника» в 1545—1547 гг., в годы влияния Глинских. Рассказ об «отъезде» Глинских, вероятно, и был введен в состав летописного свода, исходя из интересов этого семейства, а может быть, и самого царя, но отнюдь не в годы безраздельного

---

[10] Об отличиях редакций см.: *Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи. — Летопись занятий Археографической комиссии, Л., 1927, вып. 1 (34), с. 74—87; *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 29—41.

[11] О редакциях 1556, 1558 и 1560 гг. писал еще А. А. Шахматов (последняя была ему известна по Львовской летописи) в отзыве на труд И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» (Отчет о сороковом присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1899, с. 175—176).

их господства. Иначе трудно объяснить, почему резкий выпад против Михаила Глинского под 1514 г. («Князь же Михайло Глинской, забыв бога и своея правды и преступив крестное целование, государю великому князю изменил да учал ссылатися с королем и со всеми паны с лятцкими и с литовскими и наводити их на великого князя люди» — Рум., л. 533 об.) и объяснение в следующей статье 1515 г. причин крупной военной неудачи под Оршей именно «изменой» Глинского (все эти тексты перешли из Воскресенской) ничем не сглажены в период редактирования свода.

Думается, что более правильным будет признать, что в «Русском Временнике» использован тот же свод 1560 г., но только в части до 1533 г. Другие соображения Насонова — о том, что оригинал «Русского Временника» был составлен в начале XVII в., — следует признать правильными, поскольку здесь использован Хронограф редакции 1601 г.

Перейдем к вопросу о датировке свода 1560 г. Не вызывает сомнений, что в 60-х годах XVI в. свод уже существовал, поскольку Львовская летопись, использовавшая его, представлена Эттеровым списком именно этого времени [12]. Некоторые особенности текста свода позволяют уточнить время его создания. Так, если в Никоновской летописи и более позднем Лицевом своде под 1558 г. говорится: «прислали из Ругодива воеводы боярин Олексей Даниловичь и Данило Федоровичь с товарищи» [13] (имеются в виду Алексей Басманов и Даниил Адашев), то в своде 1560 г. эта фраза уже переделана: «прислали из Ругодива воеводы боярин Алексей Даниловичь Плещеев-Басманов с товарищы» [14]. Здесь текст носит явно вторичный характер (оставлено чтение «воеводы», но упомянут только один Басманов) и свидетельствует о времени не ранее 1562 г. (казнь Даниила Адашева), а вернее, даже 1564 г. (возвышение Алексея Басманова). Другое исправление под тем же годом не менее тенденциозно — чтение «прислали . . . бояре и воеводы князь Петр Иванович Шюйской да князь Ондрей Михайлович Курбьской и все воеводы» [15] переделано в своде 1560 г.: «. . .князь Петр Иванович Шуйской с товарищы» [16]. Опущение имени князя Андрея Курбского также указывает на 1564 г. как на нижнюю дату создания свода. Упомянутые выше вставки из разрядных записей, включающие Колычевых, дают возможность ограничить сверху время создания памятника 1568 г., когда Колычевы были подвергнуты гонениям в связи с «делом» митрополита Филиппа, и приблизить дату создания к 1566 г. — году вступления на митрополичий престол Филиппа Колычева.

---

[12] ГПБ, F.IV.144. Бумажный знак: перчатка под звездой, на перчатке тройка и литеры «RP» — Хивуд, № 2513 (1558 г.).
[13] ПСРЛ. СПб., 1904, т. 13, с. 295.
[14] Там же, т. 20, ч. 2, с. 593; ГБЛ, ф. 256, № 255, л. 846—846 об.
[15] Там же, т. 13, с. 303.
[16] Там же, т. 20, ч. 2, с. 597; ГБЛ, ф. 256, № 255, л. 852.

Итак, мы пришли к следующим выводам: 1) летописный свод 1560 г. составлен в середине 60-х годов XVI в.; 2) в «Русском Временнике» использован тот же свод 1560 г., но только в части до 1533.

Архивский список свода 1560 г. имеет некоторые редакционные отличия, отмеченные Пресняковым: под 1547 и 1548 гг. в текст добавлены свадебные разряды царя Ивана Грозного и его брата Юрия, причем во втором разряде имеется вставка в пользу Шетневых («Любо лучитца Петрову племяннику с кем спор, ино слатца на государеву царьскую записку, что Петр Шетнев на княжь Юрьеве радости Васильевича больши был Игнатья Вешнякова» — Арх., т. IV, л. 92). Постельничий Игнатий Вешняков сошел с политической сцены после падения Алексея Адашева, а Петр Иванович Шетнев, как отметил Пресняков, упоминается постельничим только в 1576 г.[17] Поэтому вставка, скорее всего, произведена в конце XVI—начале XVII в., когда местнические споры происходили между потомками Игнатия Вешнякова и Петра Шетнева. В связи с этим следует заметить, что разряды фиксируют службу Владимира Игнатьевича Вешнякова в 1591—1603 гг.[18]

Переходим к обзору списков свода 1560 г.

Румянцевский список: ГБЛ, ф. 256, № 255, в 4°, на 859 листах. В начале рукописи помещено оглавление, первые два листа которого переписаны в первой половине XVIII в. (филигрань: герб Амстердама). Как уже сообщалось, текст прерывается словами послания александрийского патриарха Иоакима царю Ивану Грозному под 1558 г.: «толико же несказанне превысочайшая благодать», причем большая часть л. 859 об. оставлена чистой. Можно предполагать поэтому, что список копировался с дефектного оригинала, утратившего окончание. Водяные знаки: 1) кувшин с одной маленькой ручкой, над кувшином украшение в виде цветка, собранного из кружочков, — в опубликованных справочниках не обнаружен; 2) кувшин с одной ручкой — имеется в альбоме Лихачева, № 4102 (1598 г.). Список может быть отнесен к концу XVI—началу XVII в.

Архивский список: ЦГАДА, ф. 181, № 11, в 1°, разделен на четыре тома. Переплетные листы имеют филигрань: герб Ярославля с буквами ЯМСЯ и датой выпуска 1783 г. Том I заключает в себе 37 листов оглавления и 196 листов (в отдельной нумерации) летописного текста 1389—1418 гг., кончается словами грамоты митрополита Фотия против Цамблака: «и отметници явишася от единаго». Том II содержит 176 листов текста летописи, охватывающего события с 1425 по 1462 г. Между концом тома I и началом тома II произошла утеря тетради (33-й по общему счету), поэтому статья 1425 г. начинается с оборванной фразы: «князю

---

[17] *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 2—3.

[18] Разрядная книга 1559—1605 гг./Сост. Л. Ф. Кузьмина; Под ред. В. И. Буганова. М., 1974. Ротапринт.

Юрью Дмитреевичю отца своего Фотея митрополита». В конце тома II приплетены четыре листа особой бумаги середины XVIII в., на которых написана статья «О изгнании Улу-Ахмета царя от Златыя Орды и о смирении его и о бранех его с великим князем Василием Василиевичем Московским», с указанием источника: «Выписано из хронографа соборныя церкви Софии премудрости божия Великаго Новаграда и что в академической библиотеке под нум. 10, лист 472». Том III охватывает события с 1462 по 1533 г., на 258 листах; его первая страница продолжает текст, оборванный на л. 176 об. тома II. Наконец, 349 листов тома IV содержат в себе Летописец начала царства, доведенный до 1560 г.

Водяные знаки рукописи: 1) кувшин с одной ручкой под полумесяцем, на тулове изображены полумесяц и буквы PB — в справочниках не обнаружен; 2) кувшин с одной ручкой под полумесяцем с буквами IB — в справочниках не обнаружен; 3) кувшин с одной ручкой под розеткой, с буквами AV — Хивуд, № 3561 (1600 г.); 4) кувшин с двумя ручками под цветком с датой 1601 г. (два варианта, воспроизведены по данной рукописи у Лихачева, № 3525, 3526); 5) гроздь винограда — Лихачев, № 3103 (1603 г.); 6) кувшин с двумя ручками — того же типа, какой воспроизведен у Брике под № 12885 и имеет дату выпуска 1598 г.; 7) кувшин с одной ручкой под цветком с буквами P и GG (воспроизведен по данной рукописи у Лихачева, № 3327) — Хивуд, № 3578 (1597 г.). Таким образом, рукопись датируется началом XVII в.

Эрмитажный I список: ГПБ, Эрм. № 547, в 1°, на II+209 листах. Филигрань: лилия с литерами R и M (вариант: D и M) и датой выпуска 1792 г. Начинается с известия о вокняжении Ивана III под 1462 г. и кончается словами статьи 1533 г.: «приде к великому князю из Астарахани от царя Абдыл-Рохмана Кудыяр с грамотою о дружбе, и отпустил его и в дружбе ся с ним князь великий учинил и в любви», что в точности соответствует содержанию тома III Архивской рукописи. Текст на л. I, II—II об., 1—40 об. писан одним писцом. На л. I читаем: «Список летописи, содержащей в себе государствование всероссийских великих князей Ивана Васильевича и Василья Ивановича, с 1462-го по 1533-й год». Чрезвычайно интересно описание оригинала, с которого копировался данный список, помещенное на л. II—II об. Приводим его.

«Предуведомление

Летопись сия почитается одною из лучших в библиотеке, предоставленной от щедрот попечительнейшей монархини для Московскаго государственной Коллегии иностранных дел Архива, после действительного статскаго советника и известного в свете по историческим сочинениям господина Миллера. Она писана в лист одною рукою по тераксе скорописным и недовольно четким шестаго на десять столетия почерком; каждая страница состоит из 19-ти строк; годы, заглавия, боковыя прописи и начальныя

буквы всех статей отличены киноварью, и в некоторых словах встречаются поправки той же самой руки; но, к сожалению, начало сей летописи потеряно и по старой переметке тетрадей недостает к оной семи. Покойный г. Миллер для удобнейшаго употребления разделил оную на четыре части следующим образом:

Первая часть содержит княжение великаго князя Василья Дмитриевича и, начинаясь со вступления его на великокняжеский престол в 1389-м году, продолжается токмо до 1418-го года, ибо последней тетради недостает. Листов всех в первой части 196.

Вторая часть заключает в себе княжение великаго князя Василья Васильевича Темнаго с 1425-го по 1462-й год и состоит из 176 листов.

Третья часть составляет список сей самой книги, в оригинале которой находится 258 листов.

Четвертая часть начинается со вступления на всероссийский престол царя Иоанна Васильевича, оканчивается же 1560-м годом царствования его и состоит из 349 листов, после которых следуют уже белыя листы.

По сличении сей летописи с изданною от императорской Академии наук под названием Никоновской, найдено мною во многих местах от слова до слова сходство между ими; но сюда внесены некоторыя довольно важныя произшествия, о каковых совсем умолчено в Никоновской летописи, и при том о многом с большею, нежели там, подробностию и ясностию повествуется».

Внизу под текстом подпись: «Переводчик Алексей Малиновский. 1794-го года маия 9-го дня. Москва».

Поскольку данные, перечисленные в «Предуведомлении», в точности характеризуют Архивский список, то отсюда следует, что этот список и явился оригиналом при составлении копии 1794 г. Мы извлекаем также важные сведения, что Архивский летописец принадлежал историографу Г.-Ф. Миллеру и что именно ему обязана рукопись разделением на четыре части [19].

Между прочим, высокая точность в описании Архивской рукописи, продемонстрированная А. Ф. Малиновским, и совсем незначительная ошибка в ее датировке (письмо самого начала XVII в. он отнес к XVI в.) позволяют теперь с большим основанием принять датировку XVI веком рукописи «Слова о полку Игореве», которую Малиновский указал в одном из писем Н. П. Румянцеву [20].

Эрмитажный II список, разделенный на четыре тома: ГПБ, Эрм. № 397, 398, 399, 568. Все четыре тома написаны на одной бумаге (размером в 1°) и заключены в одинаковые переплеты. Филигрань («Pro Patria») соответствует знаку, отмеченному

[19] О принадлежности Архивского летописца прежней библиотеке Г.-Ф. Миллера свидетельствует также И. Стриттер [*Стриттер И.* История Российского государства. СПб., 1800, ч. 1 (предисловие)].

[20] *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960, с. 155—156.

у Клепикова и Кукушкиной под № 202 (1779—1788 гг.) [21]. Рукопись может быть отнесена к концу 80-х—началу 90-х годов XVIII в. Четыре тома Эрмитажного собрания являются копиями соответствующих частей Архивского списка и, видимо, были изготовлены для поднесения Екатерине II.

Академический список: БАН, 16.12.9, в 1°, на 11+271 листах. Это копия с тома IV Архивской рукописи, сделанная в Библиотеке Академии наук в 1754 г. На л. 270 имеется помета: «Списана с оригинала, полученного от профессора Миллера, 1754 году». Очевидно, тогда же ко второму тому Миллеровского летописца были добавлены четыре листа со сказанием об Улу-Ахмете, списанные с Хронографа, «что в академической библиотеке под нум. 10».

Библиотечный список: ГПБ, F.IV.585 — в составе летописного сборника (размером в 1° на 1079 листах) находится фрагмент свода 1560 г. (л. 970 об.—1079 об.), писанный особым почерком и на особой бумаге конца XVI в. (филигрань: двуглавый орел под короной, на другой стороне листа пятиконечная звезда — типа Брике, № 254—1581 г.). Фрагмент начинается со статьи 1553 г. «О премененнии царской одежи» [22] и кончается под 1560 г. известием о приезде гонца Андрея Иванова словами «приказ от панов о гродских делех к околничему к Олексею Федоровичю Адашеву да х казначею Феодору Ивановичю Сукину да к дияку к И. . .» [23] — текст обрывается на полуслове из-за утраты последующих листов.

Копиями последней рукописи являются списки середины XVII в.: *Карамзинский* (ГПБ, F.IV.601) и *Музейный* (ГБЛ, ф. 178, № 1509) [24].

Рассматривая взаимоотношение двух главных списков летописного свода 1560 г. — Архивского и Румянцевского, приходим к выводу, что Румянцевский не может восходить к Архивскому, содержащему вставки свадебных разрядов под 1547 и 1548 гг. В свою очередь, и Архивский не мог быть списан с Румянцевского, в котором отсутствует окончание летописи. Следовательно, Архивский и Румянцевский списки (последний посредством дефектного оригинала) независимо восходят к общему протографу и оба должны быть приняты во внимание при издании памятника. За основной список рекомендуем взять Архивский, как более полно представляющий текст свода 1560 г. и сохранивший киноварные заголовки, в большинстве случаев утраченные в Румянцевском. При подведении вариантов должны быть использованы списки Румянцевский и Библиотечный.

---

[21] *Клепиков С. А., Кукушкина М. В.* Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного производства. — В кн.: Сборник статей и материалов по книговедению. Л., 1973, вып. 3, с. 319—383.

[22] ПСРЛ, т. 13, с. 227.

[23] Там же, с. 322.

[24] *Левина С. А.* Тринадцатый список Воскресенской летописи. — В кн.: Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969, с. 96—98.

IV. ПУБЛИКАЦИИ

СОЛОВЕЦКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ КОНЦА XVI в.

В. И. Корецкий

Соловецкий летописец конца XVI в. был обнаружен и опубликован в 1951 г. М. Н. Тихомировым [1]. Исследователь выделил его из состава большой и сложной летописной компиляции, составленной в первой половине XVII в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 184) [2]. Он подчеркнул оригинальность известий Соловецкого летописца за вторую половину XVI в., которым присущи «черты современности» [3].

В настоящее время удалось обнаружить новые списки Соловецкого летописца, и уже не в составе летописных компиляций, а в самостоятельном виде, и среди них публикуемый список, наиболее полно передающий первоначальную редакцию, сохранившую упоминания об его авторе. Летописец, охватывающий события 862—1606 гг., занимает л. 34—83 сборника ГПБ, Сол. 22/1481 [4]. Состав летописца неоднороден. Основная часть, доведенная до 1585 г., писана одним почерком (л. 34—73; в рукописи этот почерк начинается с л. 6); бумага со знаком кувшинчика с одной ручкой под короной с розеткой, на тулове буквы Р, D и В — Брике, № 12793 (1583—1599 гг.). Таким образом, рукопись современна созданию памятника. Другой рукой на л. 74—77 об. написаны статьи 1588—1590 гг. Особым почерком на оставшейся части л. 77 об. вписано родословие русских великих князей (последним указан Иван IV) и сделаны приписки на л. 34, 34 об., 35. Последняя часть летописца (л. 78—83) с известиями 1598—1606 гг. механически присоединена к предшествующим; она писана другим почерком на бумаге со знаком гербового щита, пересеченного полосой, под щитом буквы М и Р — Гераклитов, № 313 (1623 г.). М. В. Кукушкина отметила совпадение этой части летописца с дру-

---

[1] *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники. — Исторический архив, М., 1951, т. VII, с. 217—236. Переизд.: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979, с. 199—206.

[2] *Попов А. Н.* Описание рукописей библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 372.

[3] *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники, с. 219; *Он же.* Русское летописание, с. 193.

[4] О составе сборника см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находившихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885, т. 2, с. 535. Палеографическое описание рукописи и окончательная сверка текста выполнены по просьбе автора Б. М. Клоссом.

гой Соловецкой рукописью (ГПБ, Сол. 41/1500), созданной в начале XVII в.[5]

Заслуживают внимания приписки на полях публикуемого летописца. Против статьи 7023 г. на полях написано: «24 писать». Действительно, 7024 год в летописце пропущен. На полях между известиями 7032 и 7034 гг. помечено: «Писати ис тетратей», как видно, с тем, чтобы восполнить пропущенный 7033 г. После 7050 г. идет сразу 7055 год, на полях помечено: «Писать же из [о]беих тетратей не ис [ко]женых». После 7055 г. пропуск до 7060 г. — на полях запись: «Писати ис тр[ех]», ниже: «56, 59 писать из две тетратей», и др. Здесь указаны источники пополнения нашего летописца — какие-то летописные материалы в «тетратях», бывшие в руках у редактора XVII в. Причем оговорка «Писать из две тетратей» или из «трех» наводит на мысль, что у него в руках было два летописных источника, восполняющих пробелы в нашем летописце.

Итак, в XVII в. публикуемый летописец подвергся в Соловецком монастыре серьезной переработке. Следы ее обнаруживаются в другом Соловецком летописце (Сол. 877/978, л. 100—218 об.), написанном, между прочим, на той самой бумаге, которая была употреблена в последней части летописца Сол. 22. Например, под 7084 г. в нашем летописце рассказано о поставлении Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Русии» и о казнях на Москве. На полях против этого рассказа написано: «Писати по[со]лства». В Сол. 877 далее действительно на л. 200—210 об. помещена повесть о посольствах к цесарю Максимилиану. Среди известий 7092 г. говорится о поездке игумена Иякова в Москву к государю, далее тем же почерком, что и остальные пометы, приписано «с Соловков». В Сол. 877 эта приписка находится уже в основном тексте.

Мы видим, таким образом, что в начале XVII в. публикуемый летописец послужил основой для составления в Соловецком же монастыре более пространного летописца, куда были включены повесть о посольствах к цесарю Максимилиану и отдельные приписки и восполнены пропуски за XVI в., отмеченные в пометах. В то же время известия об авторе летописца в Сол. 877 оказались сокращенными. Текст этого Соловецкого летописца, составленного в начале XVII в., был использован при создании большой летописной компиляции Хлуд. 184, возникшей, по мнению М. Н. Тихомирова, «где-то на севере или северо-западе Русского государства» и основанной «на новгородских и псковских летописях» [6]. В Хлуд. 184 специфически соловецкие известия подверглись дальнейшему сокращению.

Проследим совокупность известий об авторе в публикуемом Соловецком летописце, позднее сокращенных, и попробуем определить, кто же он был?

---

[5] *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977, с. 158.

[6] *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники, с. 218; *Он же.* Русское летописание, с. 192.

Первое упоминание об авторе Соловецкого летописца помещено под 1560/61 г.: «В лето 7069. Писцы в Новегороде писали Шелонскую пятину, *а был* (летописец. — *В. К*) *в ту пору в Великом Новегороде* (курсив здесь и далее мой. — *В. К.*)» (л. 58 об.).

Второе известие об авторе относится к 1566 г. и следует за сообщением о взятии соловецкого игумена Филиппа на митрополию: «Того же году *ездили ко государю к Москве с мощми чюдотворцовыми и з святыми водами. А ездили* [с] *старцом Спиридоном*» (л. 59 об.).

Очевидно, поездка летописца со старцем Спиридоном в Москву к царю в 1566 г. не ограничивалась передачей ему святой воды и мощей соловецких чудотворцев, а имела еще и практическую цель — переговоры о кандидатуре нового игумена. Следствием этой поездки явилось поставление в следующем, 1567 г. на Соловки игумена Паисия, фигуры компромиссной, устраивавшей пока и царя, и митрополита Филиппа, учеником которого он был, и монастырскую братию.

Следующий комплекс известий об авторе связан с бурными событиями опричнины и конфликтом между Грозным и митрополитом Филиппом в 1568 г. Зима 1567/68 г. прошла для летописца и соловецких монахов относительно спокойно. Летописец записал: «В лето 7076-го. [*С*] *Паисея игуменом в монастыри зимовал*» (л. 59 об.).

Покой был нарушен весной 1568 г.: «Того же году *на весну* в монастырь в Соловки приехал суздальской владыка Павнутей да архимандрит Феодосей, да князь Василий Темкин, да с ними 10 сынов боярских дворян, про Филиппа обыскивали. И игумена Паисею к Москве взяли да десять старцов» (л. 59 об. — 60). Исследователи опричнины, имевшие в руках житие Филиппа и Соловецкий летописец в редакции XVIII в., сильно попорченный, относили приезд следственной комиссии из Москвы для сбора компрометирующих материалов против митрополита Филиппа к сентябрю 1568 г., т. е. к заключительному этапу его конфликта с царем, когда в Москве казнили боярина И. П. Федорова, стоявшего во главе антиопричной оппозиции [7]. Теперь стало известным, что комиссия была послана на Соловки царем уже в начале его открытой борьбы с митрополитом, что не могло не придать этой борьбе еще более ожесточенный характер.

Между тем соловецкие монахи с момента ареста Паисия весной 1568 г. вновь остались без игумена. Поэтому летом 1569 г. они обратились к Ивану IV с челобитьем о назначении им нового игумена (л. 60 об.), причем одним из ходатаев, очевидно, как и в 1566 г., был сам летописец. Об этом становится известно из дальнейшего летописного текста, помещенного под 7078 (1569/70) г.: «Тое же

---

[7] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966, с. 399—400; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 254. А. А. Зимин даже предполагал, что в печатном тексте Соловецкого летописца XVIII в. дата 7076 (1567/68) г. поставлена ошибочно вместо 7077 (1568/69) (*Зимин А. А.* Указ. соч., с. 254, примеч. 4).

зимы государь ходил на Новгород и на Псков с опалою, *а мы в ту пору зимовали на Москве с Горонтеем*» (л. 61) [8].

Ивану IV ни осенью, ни зимой 1569/70 г. было явно недосуг заниматься соловецкими делами. Челобитчики застряли в столице и перезимовали там. Некогда было царю и в 1570 г., когда велось следствие по новгородскому делу, завершившееся грандиозными казнями. Их очевидцем оказался и наш летописец: «Того же году на Москве в государеве опале казнь была многим князем и бояром, и детем боярским, и дияком навгородцким и владычним» (л. 61). Характерно для соловецкого летописца, тесно связанного с Новгородом и совершавшего туда поездки, указание на казнь в Москве летом 1570 г. дьяков «новгородцких и владычных», хотя тогда были казнены и многие видные столичные дьяки, как, например, И. М. Висковатый, Н. А. Фуников и др.

Сообщив о «выезде» «на государево имя» датского принца Магнуса (прибыл в Москву 10 июня 1570 г.) [9], летописец говорит о назначении Иваном IV «*нам на Соловки*» строителя Меркурия, а затем игумена Варлаама (л. 61). Еще более важно сообщение о том, что в следующем сентябрьском году, т. е. после 1 сентября 1570 г., челобитчики вместе со строителем Меркурием и игуменом Варлаамом, наконец, вернулись в Соловецкий монастырь: «Того же году приехал в монастырь соловецкой игумен Варлаам да строитель Меркурей, *а мы приехали с ними же*» (л. 62 об.). То, что это возвращение произошло осенью 1570 г., явствует из последующей заметки о поездке Меркурия «ко государю в Слободу» «тое зимы», т. е. зимой 1570/71 г. (л. 62 об.).

Последняя запись, из которой выступает личность автора Соловецкого летописца конца XVI в., помещена под 7080 (1571/72) г. Хронология в этой статье оказалась несколько сбитой, что наблюдается и в других статьях, где одновременно повествуется об общерусских и соловецких событиях. Летописец, сообщив о победе летом 1572 г. при Молодях над татарами, далее говорит о другой победе — взятии «на зиму» Иваном IV Пайды (Вайсенштейна) в Прибалтике, последовавшем 1 января 1573 г. Поход на Пайду относится к осени 1572 и зиме 1572/73 г.[10], поэтому о нем следовало бы говорить в статье 7081 г. Привлекает внимание в этой статье известие о пребывании летописца с игуменом Варлаамом у Ивана IV в Новгороде: «Того же году *были со игуменом мы с Варлаамом у государя были в Новегороде*. Того же году в Новегород Великий приехал архиепископ Леонид на архиепископью» (л. 66 об.).

Иван IV находился в Новгороде с 24 декабря 1571 г. по 18 января 1572 г., но он заезжал в Новгород и во время похода в При-

---

[8] Геронтий в начале 70-х годов XVI в. занимал в Соловецком монастыре должность келаря (ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, прих.-расх. кн. 207, л. 103 об., 160 об.).

[9] *Зимин А. А.* Указ. соч., с. 433.

[10] Разрядная книга 1475—1598 гг./Подгот. текста, вводная статья и ред. В. И. Буганова; Отв. ред. акад. М. Н. Тихомиров. М., 1966.

балтику, начавшегося 21 сентября 1572 г.[11] Для определения, к какому же сроку следует отнести поездку летописца с игуменом Варлаамом к царю в Новгород, важное значение имеет указание на то, что «того же году» туда приехал на архиепископию Леонид. Последний же был поставлен в новгородские архиепископы вместо опального Пимена 6 декабря 1571 г.[12] Как видно из новгородских летописей, Грозный занимался тогда церковными делами, улаживал конфликт, возникший между новгородским духовенством и новым архиепископом[13]. К этому времени надо отнести и поездку в Новгород летописца вместе с игуменом Варлаамом, когда они не только побывали «у государя», но и могли представиться новому архиепископу. Позднее соловецкие монахи представлялись новгородскому архиепископу Александру, сменившему Леонида.

Обращение к соловецким расходным книгам 1571—1572 гг. позволяет назвать имя автора Соловецкого летописца, неоднократно упоминавшего о себе на его страницах. В расходной книге 7080 (1571/72) г. сохранилась запись о пребывании игумена Варлаама в Новгороде: «Дано Смирному, слуге Соловецкого монастыря, рубль, поехал за игуменом за Варлаамом в Новгород, и те деньги все издержал»[14]. Оказывается, Варлаам ездил в Новгород к Ивану IV. В следующей книге 7081 (1572/73) г. приведены общие итоги расходов на поездки Варлаама в Новгород и Москву «ко государю»: «Игумен Варлаам ездил ко государю в Великий Новгород и к Москве, издержал на мелкий росход и лошади покупал — 84 рубля 20 алт. 10 ден.»[15]. Интересно отметить, что в это же время из монастырских старцев в Новгороде находился только старец Петр. В расходной книге 7080 (1571/72) г. сказано: «Дано дияку Фоме Борисову, брату Серебреникову, найму полтора рубля, что его наймовал старец Петр из Новгорода к Москве от монастыря в слугах»[16]. Тот же старец Петр купил тогда же в Новгороде полотен, холстов и других тканей и разных товаров на 152 рубля[17]. В 1571 г. священник «Галасей соловецкой прислал из Новагорода с старцем Петром на храм на Николин полтину»[18]. В публикуемом летописце под 7085 (1576/77) г. отмечено, что в этом году «зачат бысть на Соловках делати храм камен Никола чюдотворец» (л. 68).

Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря за 60-е годы XVI в., к сожалению, не сохранились, но деятельность старца Петра за 70—80-е годы прослеживается в приходо-расходных книгах достаточно хорошо. В приходных книгах 1572 г. отмечены

---

[11] *Зимин А. А.* Указ. соч., с. 467, 468, 476.
[12] *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. — Вопросы истории, 1967, № 5, с. 35.
[13] Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 102, 103, 117.
[14] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 207, л. 184.
[15] Там же, л. 196 об.
[16] Там же, л. 186.
[17] Там же, л. 187.
[18] Там же, л. 41.

поступления кутейных и рыбных денег от «келаря Петра» [19]. Тут же находится запись о том, что «*старец Петр, келарь бывшей*, купил треть кельи, меньшее место, в которой он живет, дал рубль» [20]. Таким образом, оставив должность келаря, старец Петр перешел в разряд соборных соловецких старцев, руководивших монастырем и выполнявших ответственные поручения.

Помимо Москвы и Новгорода, куда старец Петр ездил «к государю» и по монастырским делам, ему приходилось не раз бывать в 70—80-х годах в Вологде, Соли Вычегодской, Холмогорах и других местах на Севере [21]. Продолжались его поездки и в Москву. Так, в 1578 г. старцу Петру было дано 32 рубля: «послали его к Москве о монастырских нужах» [22]. В это время усилилась опасность набега шведов на монастырь, о чем соловецкие старцы и извещали правительство. Из Москвы в августе 1578 г. прибыли пушкари и стрельцы, ружья и затинные пищали. Военные подкрепления были отправлены в монастырь и из Вологды [23].

В конце 80-х годов XVI в. деятельность старца Петра прекращается. Последние упоминания его среди соборных старцев, считавших монастырскую казну, относятся к 12 декабря 1587 г. и 1 января 1588 г.[24] В 1588 г. его среди соборных старцев нет [25], возможно, его уже не было в живых. Надо думать, что в конце 80-х годов он был в преклонном возрасте, имел учеников. Так, в приходо-расходных книгах под 1588 г. упомянут «Никита Конанов сын Ковшаков, а в иноцех Неофит, *старца Петра ученик*» [26]. Не ему ли передал старец Петр летописное дело?

В одном случае приведено прозвище старца Петра. В приходо-расходной книге 1588/89 г. имеется запись о том, что «*старец Петр Ловушка* привез с Вологды 16 рублей 6 алтын, что у него осталось за расходом» [27]. В «Ономастиконе» С. Б. Веселовского имеются прозвище «Ловушка» и фамилия «Ловушкин» [28].

Итак, по крайней мере с конца 50-х годов XVI в. до конца 80-х годов XVI в. роль летописца выполнял в Соловецком монастыре келарь, а затем соборный старец Петр Ловушка (Ловушкин). Он систематически выполнял важные монастырские поручения и был принят у царя Ивана IV, относившегося к нему благосклонно. Ему неоднократно и подолгу приходилось бывать в Москве, Новгороде, Вологде и ряде других северных городов и местностей, встречаться со столичными и новгородскими должностными лицами.

---

[19] Там же, л. 74, 88.
[20] Там же, л. 88 об. В конце 80-х годов XVI в. «старец Петр да старец Кондратей каргополец купили келью иосифовскую священника по половинам, дали десять рублев» (Там же, кн. 424, л. 43).
[21] Там же, кн. 207, л. 110 об., 117, 140; кн. 211, л. 40 об.; кн. 424, л. 8 и др.
[22] Там же, кн. 208, л. 49 об.
[23] *Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV—XVII в. Пермь, 1927, с. 55.
[24] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, кн. 424, л. 32, 35.
[25] Там же, л. 66 об. — 67.
[26] Там же, л. 34 об.
[27] Там же, кн. 212, л. 5 об.
[28] *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974, с. 182.

Старцу Петру были доступны и летописные памятники, хранившиеся в большой соловецкой библиотеке. Поэтому в Соловецком летописце отразились не только местные, северные, но и общерусские известия как по личным впечатлениям его автора, так и почерпнутые им из других письменных источников. В этой связи привлекает внимание сообщение о сдаче Петром Волынским «со стрельцами» Полоцка в 1580 г. Стефану Баторию. Пребывание П. И. Волынского на воеводстве в Полоцке отмечено в разрядных книгах, Московском и Пискаревском летописцах [29]. Однако в них ничего не говорится о его предательстве. В то же время тождественное с Соловецким летописцем известие о сдаче Полоцка «Петром Волынским со стрельцами» содержится в одном из летописцев из собрания Забелина [30]. Здесь же помещено сообщение о взятии польскими войсками Сокола, присутствующее и в Соловецком летописце. Очевидно, при составлении Соловецкого летописца был использован какой-то летописец, сходный с летописцем из собрания Забелина, откуда были взяты некоторые общерусские известия, выходившие за круг наблюдений, доступный его автору. В публикуемом летописце содержатся также интересные сведения о событиях времени опричнины, происходивших как в Соловецком монастыре, так и вне его, о поставлении Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Русии» и о казнях в Москве осенью 1575 г., о смерти в Александровой слободе царевича Ивана Ивановича, о восстании в Москве 1584 г. и др.

Перечень вкратце из летописца. *л. 31*

В лето 6370. Князь Рюрик с братьею приде из Немець в Русь.

В лето 6496. Крестися князь великий Владимер Святославич в Корсуне и всю землю Рускую крести. По крещении же поживе лет 27.

В лето 6523. Убиение Бориса и Глеба.

В лето 6553. Заложил Владимер Ярославич святую Софею в Великом Новеграде[а]. //

В лето 6609. Заложил Владимер Манамах святую Богородицу *л. 34 об.* в Смоленску и епископию устави[б].

В лето 6666. Князь великий Андрей Боголюбский заложи в Владимере церковь Успение святыа богородицы о едином версе.

В лето 6677. Наста великое княженье Владимирское князем Андреем Боголюбским [в].

---

[29] Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 289, 298; ПСРЛ. М., 1978, т. 34, с. 193, 227.

[30] ГИМ, Забел. 263, л. 162.

[а] *Другими чернилами и почерком по нижнему полю л. 34 вписано:* В лето 6600. Бысть знамение предивно в Полотске: вои токмо топот конской чюти и копыта видети, а коней ни людей не видети. И аще кто из храму вылазяше, хотя видети (*далее срезано 2—3 слова*).

[б] *Далее вписано:* В лето 6632. Погоре град Киев весь в 2 дни, изгорело 600 церквей, людий и животов безчислено.

[в] *Далее вписано:* Того же лета побиша новгородцы под своим городом суздальцов 72 князей помощию пречистей богородицы.

л. 35 **В лето 6731.** Бой был великому // князю Мстиславу Романовичю киевъскому, внуку Ростислава Мстиславича смоленскаго, и всем руским князем на Калках [г].

В лето 6745, дек[абря]. Прииде Батый на Рускую землю и великого князя Юрия Всеволодича убил и всю землю поплени.

В лето 6807. Прииде в Владимер пръвый митрополит ис Киева Максим. //

л. 35 об. **В лето 6813.** Преставися Максим митрополит. А по нем седе на митрополию Петр чюдотворец.

В лето 6834. Преставися Петр, митрополит всеа Русии. А по нем поставлен на митрополию Феогнаст.

В лето 6847. Заложен бысть град Москва и срублен.

В лето 6862. Преставися Феогнаст митрополит. А по нем поставлен на митрополию Алексей [д]. //

л. 36 **В лето 6885, фев[раля] 12.** Преставися Алексей митрополит.

В лето 6888. Поби князь великий Дмитрей Иванович на Дону Мамая.

В лето 6889. Прииде Киприян митрополит на Москву.

В лето 6890, августа 23. Царь Тахтамыш Москву взял. Того же лета съиде с Москвы Киприян митрополит на Киев. И князь великий приведе на митрополию Пимина из заточения. //

л. 36 об. **В лето 6897.** Преставися князь великий Дмитрей Иванович Донской. А по нем седе на великом княжении сын его Василей. Того же лета преставися Пимин митрополит в Цареграде.

В лето 6898. Приде Киприян митрополит из Царяградя опять на Москву на митрополию.

В лето 6900. Преставися игумен Сергий Радонежьский.

л. 37 **В лето 6903.** Темир-Аксак приходил к Руси. // Того же лета Витофт Смоленеск взял.

В лето 6908. Бой был Витофту да Тахтамышу с Темир-Кутлуем на Ворскле.

В лето 6912. Витофт в другие Смоленеск взял под князем Юрием Святославичем.

В лето 6914. Преставися Киприян митрополит. //

л. 37 об. **В лето 6916.** Князь великий Василей стояв с Витофтом об Югру и помирися. Того [е] же лета, декабря, Едигей под Москвою был.

В лето 6918. Прииде на митрополию из Царяграда Фотий.

В лето 6923, марта. Родися великому князю Василью Дмитриевичю сын Василей.

В лето 6928. Мор бысть силен на люди в всех градех руских. Того же лета снег паде на Никитин день на четыре пяди. //

л. 38 **В лето 6930, июня 31** [ж]. Глад бысть по всей земли Русской.

В лето 6933, февраля. Преставися князь великий Василей Дмитриевич. Того же лета сел на великое княженье сын его Василей.

В лето 6935. Мор бысть велик на люди в всех градех руских. Того же лета, июня, преставися Кирил, игумен белозерской.

л. 38 об. **В лето 6936.** Витофт приходил // к Порхову.

В лето 6938. Явися в Смоленску волк [з] гол, без шерсти, многие люди ел. А в Троцех езеро жидовъское стояло три дни кроваво. Того же лета князь великий Василей Васильевич был у деда своего у Витофта в Троцех. Того же лета Витофт и преставися.

В лето 6939. Князь великий Василей Васильевич спръся з дядею своим с княземь Юрием Дмитриевичем о великом княжении. И хо-

---

[г] *Далее вписано*: В лето 6712. Немцы, венедицы и фрязи взяша Царьград и веру свою и царя поставиша, а церкви пограбиша. В лето 6738. Маия в 8, в пяток, 4 недели по пас[це] в Новеграде Великом потрясеся земля. [д] *Далее зачеркнуто киноварью*: **В лето 6880-го.** Донское было побоище. *На полях отмечено*: **Опись.** [е] *В рукописи*: Тотого. [ж] *Так в рукописи.* [з] *В рукописи*: влъкъ.

дили в Орду и дал царь великое княже//ние великому князю Василью. Того же лета преставися Фотей митрополит. *л. 39*

В лето 6940. Преставися князь Андрей Дмитриевич можайской.

В лето 6941, февраля. Женился князь великий Василей Васильевич. Того же лета бой был великому князю Василью с князем Юрием на Клязьме. И побил князь Юрьи и седел на великом княжении. Того же лета князь Юрьи с великим князем помирился. И прииде князь великий с Коломны и седе опять на Москве. Того же лета бой был // великого князя воеводе князю Юрию Патрекиевичю *л. 39 об.* с Юриевичи на Костроме на Куси и побиша Юрьевичи.

В лет[о] 6942. Бой был великому князю з дядею своим с князем Юрием в Ростовской области у Николы на горе. И одоле князь Юрьи и седе на Москве. Того же лета и преставися. И князь великий Василей седе опять на Москве.

В лето 6943. Бой был великому князю Василью с князем Васильем с Косым у Козьмы и Дамьяна на Которосли. И побил // князь *л. 40* великий.

В лето 6944, апреля. Великому князю Василью бой был вторый с князем Васильем с Косым в Ростовской области у Покрова в Скорятине. И на том бою князь Василей Косой изыман и ослеплен. Того же лета преставление преподобнаго Саватия, Соловетцкаго монастыря начальника.

В лето 6945. Прии[де] из Царяграда Исидор митрополит на митрополию.

В лето 6946, декаб[ря]. Побиша на Беле//ве дву князей Дмитриев Юриевичев и воевод великого князя. *л. 40 об.*

В лето 6947. Царь Махмет прииде к Москве и посады пожже.

В лето 6948, генваря. Родися великому князю Василью сын Иван.

В лето 6949. Сидор митрополит збеже с Москвы в Киев.

В лето 6953. Бой был Литве в Суходрови с княжь Ивановым воеводою Андре//евича да с княжь Михайловым Андреевича. Того же *л. 41* лета бой был великому князю с Маматяком да с Егупом под Суздалем.

В лето 6954, февраля. Поиман бысть князь великий у Троицы и ослеплен бысть.

В лето 6955, февраля. Князь великий Василей седе опять на Москве.

В лето 6957, авгус[та]. Приходили скорые татарове до Похры и полонили княжь Василиеву Ивановича Оболенского // княгиню *л. 41 об.* Марию. Того же лета поставлен на митрополию на Москве Иона.

В лето 6958, генваря. Бой был великого князя воеводам с Шемякой под Галичем.

В лето 6959, июля. Мазовша царе[вич] приходил к Москве и посады пожже.

В лето 6960, генваря. Князь великий Василей посылал сына своего Ивана на Кокшенгу. Того же лета князь великий // Василей *л. 42* жени сына своего Иоанна у тверскаго.

В лето 6961. Турской царь взял Царьгород майя. Того же лета, июня, преставися князь Дмитрей Шемяка. Того же лета, июня, преставися Софья Витофтова.

В лето 6962. Побежал князь Иван Андреевич в Литву.

В лето 6964, июля. Поиман князь Василей Ярославич. //

В лето 6966, февраля. Родися великому князю Ивану сын Иван. *л. 42 об.*

В лето 6967. Посылал князь великий на Вятку князя Ивана Юриевича.

В лето 6968. Ходил князь великий Василей к Новуграду Великому миром. Того же лета царь Ахмут приходил к Переаславлю Рязанскому.

В лето 6969. Преставися князь великий Борис Александрович тферский. Того же лета преставися Иона митрополит. // А по нем *л. 43* поставлен на митрополью Феодосей.

В лето 6970, мар[illegible]. Преставися князь великий Василей Васильевич.

В лето 6971. Обретены быша мощи князя Феодора Ростиславича смоленскаго в Ярославле.

В лето 6973. Сниде с митрополи Феодосей в монастырь к Михайлову чюду, а по нем поставлен на митрополью Филипп. //

л. 43 об. **В лето 6976.** Посылал князь великий царевича Кайсыма да воевод своих х Казани.

В лето 6978. Посылал князь великий братью свою князя Юрия да князя Андрея х Казани.

В лето 6979, июля. Бой был великого князя воеводам на Шелоне.

В лето 6980. Явися звезда хвостата. Того же лета, августа, царь Алексин взял. //

л. 44 **В лето 6981, ноября.** Преставися князь Юрьи Васильевич. Того же лета женися князь великий Иван Софьею. Того же лета преставися Филипп митрополит. А по нем поставлен бысть на митрополью Геронтей.

В лето 6984. Ходил князь великий Иоан в Новгород Великий на миру. Того же лета на масленое заговенье тма была.

В лето 6985, маия. Преставися игумен Пафнутие боровъский. //

л. 44 об. **В лето 6986, февраля.** Князь великий Иван Великий Новъград взял. Того же лета, априля в 17 день, преставися преподобный отец Зосима, Соловецкаго монастыря начальник.

В лето 6987, марта. Родися князь великий Василей от Софьи. Того же лета священа бысть церкви [и] на Москве святая Богородица на площади.

В лето 6988, октября в 26 день. Ходил князь великий Иван в Новград Великий миром. Того же лета родися великому князю *л. 45* сын // князь Юрьи. Того же лета братия отступали от великого князя [князь] Андрей да князь Борис на Луки. Того же лета царь на Угру приходил.

В лето 6989, июля. Преставися князь Андрей Васильевич Меньшой.

В лето 6990. Родися великому князю Ивану сын Дмитрей. Того же лета посылал князь великий Иван князя [к] Ивана Булгака в Немецкую землю.

л. 45 об. **В лето 6991, генваря.** Женися князь // великий Иван Иванович Младый.

В лето 6992. Менли-Гирей, царь крымъский, Киев взял. Тое же осени, ноября, родися великому князю Ивану Ивановичю сын Дмитрей.

В лето 6993, июля. Преставися великая княгини Марфа, мати великого князя Ивана.

В лето 6994, сентября. Князь великий Иван Тферь взял. //

л. 46 **В лето 6995, марта.** Родися великому князю Ивану сын Симеон. Того же лета, июля, князя великого воеводы князь Данило Холмъской с товарыщы Казань взял.

В лето 6997. Преставися Горонтей митрополит. Того же лета великого князя воеводы князь Данило Щеня Васильевич на Григорей Васильевич Морозов Вятку взяли.

В лето 6998, марта. Преставися князь великий Иван Иванович. Того же лета, августа, родися великому князю Ивану сын Андрей. //

л. 46 об. **В лето 6999, сентября.** Поставлен на митрополию на Москву Изосима. Того же лета посылал князь великий царевича Салтагана и воевод своих на Большую орду.

В лето 7000, сентября. Поимал князь великий брата своего князя Андрея.

В лето 7001. Воеводы великого князя Вязму взяли. Того же

[и] *Так в рукописи.* [к] *Написано над строкой.*

лета, июля, был пожар на Москве болший, а загореся за рекою на Песке церковь святый Николае.

В лето 7002, ноября. Преставися князь Андрей // Васильевич *л. 47* Больший в поиманьи. Того же лета, маия, преставися князь Борис Васильевич волоцкий. Того же лета сведен с митрополи Изосима.

В лето 7003, генваря. Отпустил князь великий Иван дщерь свою княжну Елену в Литву за великого князя Александра.

В лето 7004, сентября. Посылал князь великий воевод своих князя Данила Васильевича да Якова Захарьича под Выбор. Тое же осени, сен[тября], поставил князь великий Иван Симона на митрополью. Тое же осени, октября, // князь великий был в Новеграде, *л. 47 об.* а из Новаграда в Гамскую землю посылал воевод своих князя Василья Косого да Андрея Федоровича Челяднина, генваря 17. Того же лета, майя, Мамук приходил х Казани. И князь великий посылал на пособь Казани боронити князя Семена Ряполовского. Того же лета немцы Иванград взяли.

В лето 7006, декаб[ря]. Всполелся князь великий Иван на сына своего на князя Василья. Тое же зимы, февраля, посадил князь великий Иван на великое княжение внука своего князя // Дмитрея. *л. 48*

В лето 7007, генваря. Поимал князь великий бояр своих князя Ивана Юриевича з детми да зятя его князя Семена. Тое же зимы, марта, пожаловал князь великий Иван сына своего Василья, нарек его государем Новуграду и Пскову. Того же лета посылал князь великий воевод своих на Югорьскую землю.

В лето 7008. Послал князь великий воеводу своего князя Феодора Белского в Казань. Того же лета приехал из Литвы служити к великому князю князь Семен Бельской. // А после его при- *л. 48 об.* ехали князь Семен Можайской да князь Василей Шемячич. Того же лета великого князя воеводы Дорогобуж взяли. Того же лета, июля, великого князя воевода князь Данило Васильевич побил литовских воевод на Ведроши.

В лето 7010. Бой был великого князя воеводам под Мстиславлем с литвою. Тое же осени бой был великого князя воеводам с немцы на Серице. Того же лета князь великий Иван пожаловал сына своего Василья, посадил его на великом княжении на Владимерском. А на внука на своего на князя Дмитрия опалу // положил. *л. 49* Того же лета М[е]нли-Гирей под Шиахматом Орду взял. Того же лета посылал князь великий Иван сына своего князя Дмитрея под Смоленеск ратию. Того же лета бой был с немцы на Смолине.

В лето 7011. Преставися великая княгини Софья.

В лето 7013, июня. Изымал казанский царь Магамед-Аминь посла великого князя Михаила Кляпика да и торговых людей москвич пересек. //

В лето 7014, сен[тября]. Князь великий Иван жени сына своего *л. 49 об.* Василья. Тое же осени, октября 27, преставися князь великий Иван. А по нем седе на великое княжение сын его Василей. Того же лета, весне, апреля, посылал князь великий Василей брата своего князя Дмитрея и воевод своих под Казань. Того же лета, августа, преставися князь великий литовский Александр.

В лето 7016. Приехал к великому князю Василью служити князь Михайло Глинской. Тое же весны, маия, вшел князь великий в новой двор кирпичной жити. Тое же весны // послал князь великий *л. 50* с Москвы воевод своих Якова Захарьича, а из Новагорода князя Данила Васильевича литовъские земли воевати. Того же лета половина Великого Новагорода згоре.

В лето 7017, февраля. Преставися великого князя внук князь Дмитрей. Тое же зимы сведен из Новагорода архиепископ Серапион.

В лето 7018, сентяб[ря]. Был князь великий Василей в своей отчине в Великом Новеграде да и во Пскове. И при//вел Псков *л. 50 об.* в свою волю. Того же лета крымъская царица Нурсалтана на Москве была.

В лето 7019. Князь великий Василей был в объезде с великою княгинею в Переславле и в Юрьеве, и в Суздале, и в Владимире, и в Ростове. Тое же зимы князь Симеон Иванович хотел в Литву бежати. Тое же зимы, априля, преставися Симон митрополит. А по нем тоя же весны поставлен на митрополью Варлам.

л. 51 **В лето 7020.** Приходил Ахмат-Кирей // Хромой да Бурнаш царевич на великого князя украйну па Одоевские места. Того же лета Махмут царевич пошел был на Рязань. И воеводы великого князя его въстретили и ходили за ним до Сернавы.

В лето 7021. Приходил Бурнаш царевич на Резань да и острог взял. Тое же зимы, декабря, князь великий Василей ходил впервые под Смоленеск.

л. 51 об. **В лето 7022, сен[тября].** Ходил князь великий из Боровска второе под Смоленеск. // Того же лета, июня, ходил князь великий в третей под Смоленеск и взял его августа в 1 день. Тое же осени бой был воеводам великого князя с литвою под Оршею.

В лето 7023, маия. Приде весть к великому князю, что Мин-Гирея, царя крымскаго, в животе не стало. А по нем седе на Крыме сын его Магмет-Кирей [л].

В лето 7025. Приходили тотарове крымские на Тулу и многих тогда татар по лесом побили. //

л. 52 **В лето 7026, сентяб[ря].** Приходили воеводы литовские князь Констянтин Острожский и иные под Опочку. И многих тогда литовъских людей побили. Тое же осени, ноября, Абделетифа, царя казанскаго, в животе не стало [м]. Того же лета, июня, преставися брат великого князя князь Симеон Иванович.

В лето 7027. Жил князь великий в Острове, а приехав на Москву да жил до Ильина дни в Воронцове. Того же лета посылал

л. 52 об. князь великий воевод своих князя Василья Шуйскаго и и//ных на Литовъскую землю. Они же ходили мало не до самые Вильны.

В лето 7028. Князь великий съвръши город Тулу камен.

В лето 7029. Преставися брат великого князя князь Дмитрей Иванович фев[раля] 14. Того же лета, июля, царь крымский Магмет-Кирей прииде безвестно на берег к Оке реце и реку перелезе и повоева коломенская места.

л. 53 **В лето 7030.** Князь великий Василей был // на Коломне з братьею, а воевод иставил по берегу.

В лето 7031. Митрополит Варлам остави митрополию. А по нем поставлен тоя же зимы, фев[раля] 27, игумен Данил Осифова монастыря. Того же лета в Азтарахани царя крымскаго Магмед-Кирея убили нагаи и с сыном. Тое же весны поиман князь Василей Шемячич. Того же лета, августа, ходил князь великий к Новуграду к Нижнему. И Казанские земли посылал воевати царя Шигалея да воевод своих; да и город поставили на Суре. //

л. 53 об. **В лето 7032.** Посылал князь великий под Казань Шигалея царя да воевод своих судовою ратью и конною Михаила Юрьевича. И воеводы конные на Свиязе многих татар побили.

[н]**В лето 7034.** Постави князь великий Василей Иванович Девич монастырь на Москве реке под Савою святым. Тое же зимы, ноября 28, пострижеся великая княгини Соломонея. Того же лета, генваря 21, женися князь великий Василей второе, а понял дщерь княжь Васильеву Львовича Глинского княжь [о] Елену. Тоя же

л. 54 зимы, // марта, Даниил митрополит поставил архиепископа Макария Великому Новуграду, а Ростову поставил архиепископа Кирила. Того же лета приехал из Литвы на Москву великому князю служити князь Федор Михайлович Мъстиславъский.

В лето 7035. Приидоша к великому князю в Можаеск послы литовъскые о перемирии Петр Станиславич да Богушь. Тое же зимы

[л] *На полях*: 24 писать. [м] *В рукописи*: столо. [н] *На полях*: Писати ис тетратей. [о] *Так в рукописи.*

послал князь великий к королю Жигимонту своих послов Ивана Васильевича Ляцкова // да дияка своего Елизара Иванова сына Цыплетева. Тоя же зимы князь великий был у Пречистыя на Тихвине помолитися. Тоя же зимы, февраля, пожаловал князь великий князя Михаила Лвовича Глинского, из нятства выпустил. Того же лета жил князь великий и с великою княгинею [п] Еленою в своем селе Воробиеве до Успенья святыя богородица. Того же лета повелением великого князя поставиша церковь камену с приделы на его дворе Преображение господа нашего Исуса Христа и другую церковь святого великомученика Гео//ргия у Фроловъских ворот в граде, а третию церковь святых и великомученик Бориса и Глеба на Арбате. *л. 54 об.* *л. 55*

В лето 7036, сентября. Приходил Ислам царевич с великою похвалою с многими людьми на брег к Оке реце и хотел реку перелести под Ростиславлем. И великого князя воеводы с Ысламом билися и многих людей у него побили и от брега отбили и вскоре побеже въсвояси. Тоя же осени [р] пожаловал князь великий князя Ивана Данило//вича Пенкова Хомяка, дал за него своакиню свою княжну Марию, дщерь князя Василья Лвовича Глинского. *л. 55 об.*

В лето 7037, сен[тября]. Был князь великий у Троицы в Сергиеве монастыре на чюдотворцову память и с великою княгинею. И осеновал в своем селе в Новой слободе. И заговев Филипов пост, выехал из Слободы в Переславль, а оттоле в Ростов помолитися чюдотворцом, а из Ростова в Ярославль и за Волгу на Вологду. И в Кирилове монастыри был, и в Фе//рапонтове, и на Каменом. А на Москву приехал после Крещения. *л. 55*

В лето 7038. Князь великий послал ратью х Казанивоевод своих в судовой рати князя Ивана Федоровича Белского и иных. А в конной рати князя Михаила Лвовича Глинского и иных. И месяца июля в 10 великого князя воеводы поидоша к граду х Казани с многими людьми. Того же лета, августа 25 день, родися великому князю Василью сын царь и государь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии // с среды на четверг в 6 час нощы. *л. 56 об.*

[с]**В лето 7041-го.** Родися великому князю сын князь Юрьи Васильевич.

[с]**В лето 7042. Декабря в 4 день,** в 12 час нощи, преставися князь великий Василей Иванович всеа Русии, во иноцех Варлам, а на царстве был 33 лета без дву месяць.

[т]**В лето 7046. В** вечер глубок погори монастырь Соловецкой весь до основания. //

[у]**В лето 7050-го. Август[та] в 4 день,** в первом часу дни, бысть трясение в земли великое в трех погостех в Керети и в Ковде, и в Кандалакши и до Умъбы, верст на триста и больши, и горы и лисы тряслися [ф]. *л. 57*

[х]**В лето 7055.** Женился царь и государь Иван Васильевич всеа Русии на царицы Анастасии Романовне [ц].

[ч]**В лето 7060.** Зачата бысть делати на Соловках церковь с трапезою каменная. //

В лето 7061-го, октября в 2 день. Государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии царство Казань взял со всеми городы и улусы, а князей тотарских и мурц и з женами и з детми велел государь побити, а иных в плен вести, а иных многих в веру привед, крести. И многи церкви создав. А сам к Москве возвра- *л. 57 об.*

[п] *В рукописи*: княигинею. [р] *Ранее написано, а затем зачеркнуто*: зимы. [с–с] *На полях*: Писати. [т] *Между известиями 7042 и 7046 г. на полях*: Писати 44, 45, 46. [у] *На полях*: Писать же из [о]беих тетратей не ис [ко]женых. [ф] *На полях*: 52 писать. [х] *На полях*: Писати ис тр[ех]. [ц] *На полях*: 56, 59 писать из две тетратей. [ч] *На полях*: Писать же ис трех.

тися с радостию великою, славяще Христа, бога нашего, и пречистую его богоматерь и великих чюдотворцов Русские земли.

[ш] **В лето 7062-го.** Родися великому князю государю царю
л. 58 Ивану Васильевичю всеа Русии // царевич Иван Иванович, месяца марта, [от] великие царицы Анастасие Романов[ны][щ].

[э] **В лето 7065.** Священна бысть на Соловках церковь каменая во имя пречистые владычицы нашея богородицы чеснаго и славнаго ея Успения, августа в 15 день.

[ю] **В лето 7066-го,** маия. Зачат на Соловках делати большой храм Преображение господа бога и спаса нашего Исуса Христа каменой, месяца маия в 27 день. //

л. 58 об. **В лето 7068-го. И** того лета Москва г[о]рела. Того же году царица Анастаси[я] преставися.

В лето 7069. Писцы в Новегороде писали Шелонскую пятину, а был в ту[л] пору в Великом Новегороде. Того же году государь царь и великий князь взял за собя черкаску царицу великую княиню Марью.

В лето 7071-го. Государь и великий князь Иван Васильевич город литовский Полоттеск взял и владыку полотцкого к Москве свел.//

л. 59 **В лето 7072-го.** Преставися князь Юрьи Васильевич, брат государя царя и великого князя, в Филипов пост. Того же году преставися Макарей митрополит в Великий пост. Того же году на митрополью поставлен Афонасей митрополит. Того же лета Ияков, приехав на Соловки при Филиппе игумене Колычеве, постригся.

В лето 7074-го. Игумена Филиппа с Соловков на митрополью взяли к Москве. Того же году на Преображение спасово свящали
л. 59 об. храм на Соловках каменой большой Преображе//ние спасово и предилы. Того же году свящали храм преподобных чюдотворцов Зосиму и Саватея и мощи перенесли. Того же году ездили ко государю к Москве с мощми чюдотворцовыми и з святыми водами. А ездили [с] старцом Спиридоном.

В лето 7075-го. На Соловках на игуменство Паисею поставили. Того же году в Новегороде Великом и во многих городех мор был.

В лето 7076-го. [С] Паисея игуменом в монастыри зимовал. Того же году на весну в монастырь в Соловки приехал суздальской
л. 60 владыка // Павнутей да архимандрит Феодосей, да князь Василей Темкин, да с ними 10 сынов боярских дворян, про Филиппа обыскивали. И игумена Паисею к Москве взяли да десять старцов. Того же году был на Руси глад великой, купили на Москве четверть ржи в полтора рубля.

В лето 7077-го. Игумена Паисею и иных старцов розослали по манастырем. А Филиппа митрополита сослали во Тверь в Отрочь монастырь. Того же лета, маия 22, был царь князь великий и со
л. 60 об. царицею Марьею // с Темрюковною и со царевичи в Кирилове монастыре. И ис Кирилова пошел на Вологду. Того же году братья из монастыря послали бити челом ко государю к Москве о игумене. Того же лета, месяца июня в 19, горел на Углечи торг весь и дворов погорило много.

[а] **В лето 7078-го.** Не стало князь Владимера Андреевича Старитцкаго на Богоне и со княинею и з детми з большими, а двое у них детей осталось, сын князь Василей да дочь, которую государь за короля [дал] Арцымагнуса. Того же году не стало во Твери //
л. 61 Филиппа митрополита. Тое же зимы государь ходил на Новгород и на Псков с опалою, а мы в ту пору зимовали на Москве с Горопгеем. Того же году на Москве в государеве опале казнь была многим

[ш] *На полях*: Писати. [щ] *На полях*: 63 писати. [э] *На полях*: Писати. [ю] *На полях*: Писати из трех. [л] у *исправлено из* Ѣ. [а] *На полях*: Писати посолство.

князем и бояром, и детем боярским, и дияком навгородцким и владычним. Того же году был на Москве глад великой и по всей земли Руской, хлеб был дорог, многие люди гладом измирали. Того же лета король Арцымагнус на государево имя выехал из Датцкие земли. Того же году государь царь и великий князь дал нам на Соловки строителя Меркурья, а после строителя государь дал игумена Варлама. // Того же году был мор великой во всю землю Рускую; *л. 61 об.*
и в девятом году по всем градом.

В лето 7079-го. Месяца маия в 24 день, на Вознесение господа нашего Исуса Христа и на память преподобного отца нашего Симиона столпника, иже на Дивней горе чюдотворца, приходил грех ради наших к Москве царь крымъской Девли-Кирий з двемя царевичи и со всеми своими орды, и качевными тотары, и с ногаи[6] з большими и с меньшими, и с азовскими и з белогородцкими, и с турскими людьми. По божию // попущению[в] царьствующый град *л. 62*
Москву и посады пожегл, от посадов в Большем граде и в Китае в граде божии церкви выгорели и дворы и много множество людей от пожару и от зелья згорело, им же несть числа. Зажгли посады и город на пятом часу дни, до девятого часу городы и церкви и посады — все выгорело. Князь Иван Дмитреевич Бельской выезжал против крымских людей за Москву реку на луг за Болото и дело с ни[ми] делал, и приехав в град ранен и преставися. Тое же зимы приходил князь великий в Новъград и посылал воевод своих в землю в немецкую под Выбор // и многих людей побили. Того же *л. 62 об.*
году приехал в монастырь соловецкой игумен Варлаам да строитель Меркурей, а мы приехали с ними же. Того же году были в Голомяни у Соловецкаго острова карабли, а приходили на них немецкие люди. Того же году приежжал к морю обыскивати Семен Лупандин про карабли[г] о неметцком дели. А Меркурей тое зимы ездил ко государю в Слободу.

[д]**В лето 7080-го,** [е]**июля 26 день**[е]**.** Приходил крымской царь на Русь с великим собранием, и на Молодех у Воскресения Христова крымского царя побили, и вой//ска ево побито безчислено, из земли *л. 63*
побежал [с] немногими людьми, а убили у него царевича да взяли Девий мурзу. А государевых воевод тогды на берегу был против царя князь Михайло Иванович Воротынской с товарыщы. И пришел царь крымской со многими людьми да с ним нагайских тотар с мурзою с Теребердием дватцать тысяч на Оку реку. И Теребирдий мурза с нагайскими тотары пришел на Сенкин перевоз в ночи против недели **в 27 день**, а тут стояли по сю сторону Оки двесте голов детей боярских. И они тех детей боярских розгромили, а плетени исподкопали, да // перелизли на сю сторону Оки. А в те поры большие *л. 63 об.*
воводы стояли против царя от Серпухова три версты. А в понедельник в 28 день пришел Теребердий мурза под Москву, отнял круг Москвы все дороги, а не воевал и не жег. А царь крымскы[й] в недилю **в 27 день** из-за Оки стрелять ис полков [велел] с наряду по полком по нашим, по руским. А наши руские воеводы князь Михайло Иванович Воротынской из-за гуляя-города велел стрелять за Оку по тотарским полком из пушек, да того было до вечера и вечера два часа. И тое ночи царь оставил на том месте тотар//[ж]
тысячи з две, а велел с нашыми воеводы травитися. А сам в ночи той *л. 196*
на понедельник на том же на Сенькине перевозе со всем войском своим на сю сторону Оки реки перелез. И пришла нашим воеводам весть в понедельник рано, что царь на сю сторону Оки перелез. И князь Михайло Иванович Воротынской со всеми воеводами в понедельник пошел за царем. А в передовом полку пошел воевода

---

[6] *В рукописи*: нагии. [в] *На полях*: Писати. [г] *Далее зачеркнуто*: обыскивати. [д] *На полях*: Писати. [е–е] *Написано над строкой.* [ж] *Далее в рукописи отсутствует лист. Текст восстановлен по рукописи ГПБ, Сол. 877/987.*

л. 196 об. князь Дмитрей Иванович Хворостинин. // Да пришел на крымской на сторожевой полк, да с ними учял дело делати с немцы и с стрельцы и со многими дворяны и з детьми боярскими и з боярьскими людми, да мчял крымъской сторожевой полк до царева полку. А в сторожевом полку были два царевичя, и царевичи прибежали к царю да учяли говорити: «Ты, царь, идешь к Москве, а нас, государь московские люди ззади побили, а на Москве, государь, не без людей же будет». И царь послал нагайских и крымских тотар с царевичи на помощь двенатцать тысяч. И царевичи с татары с нагай-
л. 197 скими и крымъскими // мьчяли князя Дмитрея Хворостинина до большого полку до князя Михайла Ивановича Воротыньского до
л. 64 города до гуляя. И князь // Дмитрей и с полком поусторонился города гуляя направо. И в те поры из-за гуляя князь Михайло Воротынской велел стрельцем ис пищалей стреляти по тотарским полком, а пушкарем из большово снаряду изс пушек стреляти. И на том бою многих безчисленно нагайских и крымъских тотар побили. И царевичи, приехав ко царю, да учали те же речи говорити: «Ты, государь, идешь к Москве, а московские люди у нас нагайских тотар и твоих крымских из наряду многих побили». И от тех речей царь убоялся, к Москве не пошел. Да перешед Похру реку семь
л. 61 об. верст // да стал в болоте. А на завтрее понеделника, во вторник, наши полки с крымскими травилися, а сьемного бою не было. А в среду, в 30 день, нашим полком с крымцы и с нагайцы было дело великое и сеча была великая. И божиею милостию, а государьским счастьем, на том бою крымъских и нагайских татар многих побили безчисленно и нагайского большово мурзу Теребердия убили. Да на том же деле взял суздалец сын боярской Тимир Алалыков крымсково
л. 65 большого воеводу Диви[я] мурзу и многих мурз поимали, да крымских же ширинских князей трех бра//тов убили. А наших людей всяких убили на том деле человек с семьдесят. Да в четверг июля в 31 день да в пятницу августа в 1 день наши воеводы с крымскими таравилися[3], а дела сьемнаго не было. А в суботу августа в 2 день царь послал нагайских тотар многих и крымских царевичев и многие полки тотарские пеших и конных к гуляю-городу выбивати Диви[я] мурзу, да и гуляй-город велел взяти. И как тотарове пришли к гуляю-городу да ималися руками за стену, и наши стрельцы тут
л. 65 об. многих тотар убили и рук безчисленно тотар//ских отсекли. И князь Михайло Иванович Воротынской обшел своим большим полком крымских и нагайских тотар долом. А пошед, приказал из наряду всем пушкарем ударити изо всех пушек. И как выстрелили из пушек, и князь Михайло Иванович Воротынской ззаде напустил на крымъские полкы, а из-за гуляя-города князь Дмитрей Иванович Хворостинин с нимцы и стрельцы. Да учали с нагайцы и с крымцы дело делати сьемное, и сеча была великая. И божиею милостью, а государьским счастьем, на том деле убили царева сына царевича да
л. 66 внука царева царевича же Кол//бина сына, и многих мурз и тотар живых поимали. Того же дни в суботу в вечеру оставил царь в болоте крымских тотар тысячи с три ризвых людей да велел с нашими травитися, а сам тои ночи против недели августа в 3 день побежал, да той же ночи Оку первесся. А наши воеводы на утро узнали, что царь побежал, и на тех остальных тотар напустилися всеми полки, да тех тотар всех до Оки побили. Да на Оки же царь оставил для бережения тотар тысячи з две, и наши воеводы тех тотар с тысячю
л. 66 об. убили, а иные за Оку ушли. // А наши воеводы опять пошли по старым станом на Коломну и в Серпухов и по берегу и по перевозом. Того же году государь на зиму Пайду взял и нимец пожечи велил. Того же году были со игуменом мы с Варлаамом у государя были в Новегороде. Того же году в Новегород Великий приехал архис-

[3] *Так в рукописи.*

пискуп Леонид на архиепискупью. Того же лета месяца маия в 11 свящали церковь в Кирилове монастыре на святых воротех Ивана, списателя Листвицу.

В лето 7081-го. Взят с Соловков на игу//менство в Палье-остров игумен Ияков

В лето 7082-го. Паисея ездел с Соловков в Новъгород, а из Палье-острова ездел игумен Ияков о грамоте ко архиепископу Леониду. Того же году приходил из Литвы от всея земли посол ко государю Михайло Халабурда, просил на королевство государя царевича Феодора, и государь им царевича не дал. Тогда же взяли город Пернов немецкой на море.

В лето 7083-го. Государевы воеводы взяли // в Немецкой земли *л. 67 об.* шесть городов: Апсель и Лиговерь, и Коловерь и иные городы, Патцу. И князя Юрья Токмакова туто не стало своею смертью.

[и]**В лето 7084-го.** Божиим велинием, а государьским изволением государь царь на Московское великое княженство на государьство посадил великого князя Семиона Бекбулатовича, а сам государь пошел на берег на службу и стоял все лето в Колуги. А был на великом княжении год неполон. И после того пожаловал его царь и государь великий князь Иван Васильевич // всея Русии *л. 68* на великое княженье на Тверь, а сам государь опять сел на царство на Московское. И тогды не стало архиепископа новгородцкаго Леонида и архимандрита чюдовъского Еустафья и Семена Мишурина и иных многих, а побиты они в государеве опале на Москве.

В лето 7085-го. Зачат бысть на Соловках делати храм камен Никола чюдотворец. Того же году в Новъгород приехал на архиепископью Александр, а взят из Юрьева монастыря. Того же году ходили х Колы//вани с парядом великого князя воеводы, князь *л. 68 об.* Федор Иванович Мстисловъской с товарыщы, и убит тогда воевода Иван Меньшой Шереметев, а Коловани не взяли и прочь пошли. Того же году в Новгород Великой ко архиепископу Александру ездил с Соловков Геронтей, а из Палья-острова игумен Ияков.

В лето 7086-го. Государь царь и великий князь Иван Васильевич ходил в Курланскую землю и в Латыгорскую, и в Литовскую и взял дватцать семь городов, а большие горо//ды Кесь да Володи- *л. 69* мерец, да Куконас, да Невгин, да Резица, да Треград, да Орлик, да Лужа, да Летров и ины многие со всими мызами и с уезды, и князя Александра Полубенского взяли. И как государь поворотил к Москве, и изо Пскова Полубенсково отпустил в свою землю. Того же году в Летву[к] на королевство взяли Степана Оботура из Угор, Семиратцкого.

В лето 7087-го. Изменил государю царю и великому князю король Арцымагнус, по//ехал прочь из города из Лебзина, а коро- *л. 69 об.* левну взял заехав в Елмане, а была за ним княже Владимерова дочь Андреевича. Того же году взяли оманом литовъские люди город Кесь да Леливард. Того же году игумен Ияков отказал игуменство в Палье-острове да приехал на Соловки, а игумен Варлаам ездил в Новгород и к Москве. Того же году убили Михаила Озерева. Того же году зачали на Соловках делати город деревяной. Того же году под Кесью государевых воевод литовские люди и немецкие люди побили и наряд поимали.//

В лето 7088-го. Царь и государь и великий князь Иван Ва- *л. 70* сильевич всеа Русии с Москвы пошел в Немецкую землю с великим собранием и стоял во Пскове все лето, а летовской король Полотеск взял и владыку полотцкого, а Полотцко[л] королю здали Петр Волынской да стрельцы. Тогды же сожгли Сокол-город литовъские же люди и воевод государевых побили. Василья Борисовича Шеина да

[и] *На полях*: Писати по[со]лства. [к] *Так в рукописи.* [л] *Так в рукописи.*

князя Михаила Юрьевича Лыкова-Аболенскаго, да князя Андрея Палетцкаго, да князя Василья Кривоборского и иных многих
л. 70 об. князей и бояр и дворян, и бой бысть добри крепок. // А литовских людей побито и немецких и погорило в приступех вчетверо русково. Того же году государь посылал изо Пскова против немец к Ракобору воевод меньших, и немецких людей побили, и языки многие привели, и прапоры их и набаты поимали. Тое же осени государь посылал изо Пскова воевод князя Василья Дмитреевича Хелкова да Михаила Безнина, да Ивана Фустова в Летовскую землю и в Курланскую, и в Латыгорскую воевати, а с ними 40 000 дворян и тотар, и воевали
л. 71 до Вильна. Того же году было дело у Киприяна // у Оничкова с немецкими людьми. Того же году авгус[та] Луки Великие взял король литовский, и король помирился с государем и Луки назад отдал.

В лето 7089-го. О Покрове святей богородицы король Луки Великие взял и Усвят, и Велижу. А государь царь перед Филиповым заговеном женился, у Фетца у Нагово понял царицу Марью. Того же году на Соловках игумен Варлаам на весну игуменство отказал и братья послали бити челом ко государю, а просити игумена Иякова в Соловки на игуменство, и государь игумена Иякова на Соловки дал.//

л. 71 об. **В лето 7090-го.** Подо Псков пришол король летовъской Стефан и стоял у Пскова до Рожества Христова. Того же году, ноября 19 день, преставися государь царевичь Иван Иванович в неделю на утрени, почали пети: «Хвалете имя господне»; 28 лет возраста его. Того же году на Соловки приехал игумен Ияков с Москвы от государя и начат делати на Соловках город каменой, а в Сумъской волости поставили ост[р]ог. Того же году завоевала черемися накрепко.//

л. 72 **В лето 7091-го.** Родися великому князю сын царевич Дмитрей от великие царици Марьи Федоровне. Того же году игумен Ияков ездил к Москве с образы ко государю и [со] святою водою.

В лето 7092-го. Преставися государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, а во иноцех Иона, марта в 18 день. Того же году на царство и на великое государьство на Москве сел
л. 72 об. сын его, государь царевич Феодор Иванович, и бысть // царь всеа Русии. Того же лета игумен Ияков ездил к Москве ко государю[м]. Того же году на удел отпущен царевич Дмитрей Иванович, на Углеч, и с матерью своею с царицею Марьею. Того же лета на Москве[н] было смятение великое.

В лето 7093-го. Добили челом государю царю Феодору Ивановичю всеа Русии черемиса вековым мером[о]. Того же году привели к Москве ко государю казаки донские и вол[ж]ские, Ермак с това-
л. 73 рыщы, // сибирского царя, и землю ево со всеми людьми себирскими взяли и ко государю в повеновение привели. Того же году на берегу в Колуги крымских царевичей и Девиевых детей, Есиния мурзу с товарыщы на[п] устье Угры реки и на Выси[р] побили. Того же году на государево имя выехал царевич крымской со многими мурзы и тотары на Асторохань, а из Асторохани[с] приехал к Москве ко государю[т]. //

[м] *Сверху приписано другими чернилами и другим почерком*: с Соловков. [н] *В рукописи ГИБ, Сол. 877/987, л. 215 об., далее добавлено*: у бояр. [о] *Так в рукописи.* [п] *Буква* а *переправлена на* я. [р] си *написано сверху другими чернилами.* [с] *В рукописи*: Осторохани. [т] *На л. 73 об. тем же почерком, каким сделаны пометы на полях*: Писати Василья Блаженнаго на столбцы. *Другим почерком и чернилами позднейшие записи*: Во 161-м году на Троицын день был пожар на Москве. Во 155-м году июля в 12 день государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии не стало и царицы Евъдокии того же году не стало. И того же году воцарилъся царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, а на другой год же-

[у] В лето 7096-е, августа 2 день. Божиим изволением в пресловущем граде Москве при благоверном царе и государе великом князе Феодоре Ивановиче всеа Русии и при митрополите Иеве явися новый великий чюдотворец Василей Нагой и простил три души — две девицы да нищаго старца, и от того дни у чюдотворцова гроба великие чюдеса и прощение многим людем. *л. 74*

В лето 7096-го. Божиим попущением, // грех ради наших, турский царь имрек воста гонением на крестьянскую православную веру и изгна из Царяграда патриарха Иеремея и со всем его собором. И патриарх Царяграда Иеремей приехал в пресловущий град Москву на царево и государево благовернаго великаго князя Феодора Ивановича всеа Русии имя при освященом митрополите Иеве, а с патриархом приехали из Царяграда митрополит имрек да владыка, да с ними же пришли гречян 60 человек, месяца июля.// *л. 74 об.*

В лето 7097-го. Божиим благоволением благоверный царь государь князь великий Феодор Иванович, всея Русии самодержец, по совету и по благословению патриарха Царяграда Иеремея, и со отцем своим митрополитом Иевом всеа Русии, и с архиепископы, и со архимариты, и со игумены, и со вселенском собором, и с своими князи, и з бояры уложили и поставили на патриаршество на пресловущий град Москву митрополита Иева, за неделю великые мясопустны[е] недели. *л. 75*

А в Великом Новеграде поставлен бысть митро//политом бывшей архиепископ Александр, на той же недели в четверток. *л. 75 об.*

А в граде в Казани поставлен бысть митрополитом.

А во граде Ростове поставлен бысть митрополитом бывшей архиепископ Варлам, на масленой недели во вторник.

Сарский и Подонский на Крутицах поставлен бысть митрополитом Геласия [ф].//. . .

. . . в Шую Корельскую государевы московские головы воевода Стефан Борисович Колтовской, а с ним в товарыщах Смирной Шокуров да Василей Багряцов, да с ними же с Колмогор от Нового города стрелецкой голова Андрей Аничков, стрельцов 130 человек, да с ними же дети боярские Григорей Брянцов да Кудеяр, да Бахтеяр Беседного, да 10 панов, да 40 человек черкас канемских да 10 человек донских казаков, да с ними же Каргопольские земли 400 человек ратных людей, да Двинские земли с Колмогор ратных людей 400 человек, да с соловетц[к]ие вотчины из Сумъские волости 100 человек, да охочих казаков // 50 человек, да с Лопских с семи погостов двести человек. И ходили войною в Каянские немцы, а воевали Овлуи реку да Лементин острог да Колокол волость, да Остров-волость, да Сиговец реку и иные волости. И ти волости повоевали и пожгли, и жывот всякой высекли. И из Немецкие земли дал бог здраво выпли в ту же в поморскую волость в Шую в Корельскую. . . *л. 218* *л. 218 об.*

. . . // 2 день. Божьим изволением, грех ради наших, приходили немецкие люди в Печенской монастырь войною, божье милосердье церкви и монастырь пожгли и игумена Гурья и братью и слуг побили и казну монастырскую взяли, и стояли в Печенге 10 дней. И ис Печенги пришли в Колу волость под Кольской острог того же декабря месяца за два дни до Рожества Христова и к острогу приступали. И божьим милосердьем государя царя и великого князя *л. 76*

нился взял у Ильи Милославскова. Во 140-м году была смоленская служба. *Другими чернилами*: Во 160-м году пре[не]сен бысть Филип митрополит ис Соловецкого монастыря в царьствующий град Москву и многие чюдеса показал бесчислено.

[у] *С л. 74 текст писан другим почерком и чернилами.*

[ф] *Далее в рукописи утрачено несколько листов. Текст восстановлен частично (один лист) по рукописи ГПБ, Сол. 877/987.*

Феодора Ивановича всеа Русии и его царскаго величества [счастьем][x]
ис Кольского острога осадные люди на выласках немецких людей //
л. 76 об. побили 60 человек, а живых в острог взяли 30 человек. А достальные немцы Туломою рекою в свою землю побежали.

Того же, 98-го году, июля в [ц]. Прислан с Москвы в Соловецкой монастырь пан Савастьян Кобельской, а с ним 5 человек литвы.

Того же, 98-го году, августа в 7 день. Прислал царь и государь и великий князь Федор Иванович всеа Русии с Москвы в Со-
л. 77 ловецкой монастырь голову Ивана Ми//хайловича Яхонтова да с ним детей боярских Иева Изъединова да Петра Постелникова, да сотника стрелецкаго Семена Юренева, а с ним 100 человек московских стрельцов. Да с Иваном же сь Яхонтовым было 500 человек каргопольских ратных людей и жили в монастыре всю осень до Покрова святей богородицы, а с Покрова выехали на берег в Шую в Корельскую стояти.

А Смирной Шокуров, пришед из Каенских немець, годовал в Сумском остроге, а с ним атаман черкаской Василей Халетцкый //
л. 77 об. да 40 человек черкас.

[ч] Родословие великих князей руских. Рюрик роди Игоря; Игорь же поят собе жену девицу младу от Плескова именем Ольгу и родиста Святослава; Святослав роди Володимира Великаго, иже крести Рускую землю в лето 6497, в 9-е лето княжения своего; Володимир роди Ярослава, его же грамота пошлинная в Великом Новеграде; Ярослав роди Всеволода; Всеволод роди Юрья; Юрий роди Всеволода Великого Гнезда; Всеволод роди Ярослава; Ярослав роди Александра Храброго; Александр роди Данила московского; Данил роди Ивана, иже исправи Рускую землю от татей и от разбойников; Иван роди Семиона; Симеон роди Ивана; Иван роди Дмитрея; Дмитрей роди Василия; Василей роди Василья, сего князь Дмитрей Шемяка ослепил; Василей роди Ивана; Иван роди Ивана и Василия; Иван роди Дмитрея; по Дмитреи по братане княжи Василий; Василий роди Ивана и преставися лета 7042-го, а Иван младенец остася 4-х лет и трех месяц [ш]. //

л. 79 [щ] В лето 7106-го. Генваря в 6 день, в пяток, в ночи против суботы, на память честнаго и славнаго пророка и предтечи крестителя господня Иоанна честнаго его собора, преставися государь царь и великий князь Феодор Иванович всеа Русии, а сидел на царстве 13 лет и 7 месяць и 6 дней; а Московское царство и все государьства Росийскаго царствиа приказал правити шурину своему конюшему и боярину Борису Федоровичю Годунову.

И сяде на Московском царстве и на всех государьствах Росийскаго царства Борис Федорович Годунов в лето 7107-го, сентября
л. 79 об. в 3 день, потому что // после царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии детей не осталося. А царевичь Дмитрей и с матерью царицею Мариею, и с Нагими был на уделе на Углече при брате своем при царе Феодоре. И Борис Федорович Годунов еще при царе Феодоре в лето 7099-го году царевича Дмитрея велел убити Микитке Качалову да Данилку Битяговскому. И они по Борисову веленью царевича Дмитрея убили. И погребли его на Углече.

И в лето 7113-го збежал с Москвы чернець вор, что был диакон
л. 80 в Чюдове монастыре, Гришка Замятнин сын // Отрепьева, и постригся в Литве и назвался царевичем Дмитрием углецькым, которой убит по Борисову веленью, будтось убили в его место иного, а он соблюден. И собрався с литовскими людьми и з донскими казаки, пришол в Сиверские городы в Чернигов и в Путимль, и в ыные го-

---

[x] *Восстановлено по рукописи ГПБ, Сол. 877/987.* [ц] *Далее оставлено место для числа.* [ч] *«Родословие» писано особым почерком (им же сделаны приписки на л. 34, 34 об., 35).* [ш] *Листы 78 и 78 об. оставлены пустыми.* [щ] *С л. 79 текст писан новым почерком на другой бумаге.*

роды. И сиверские мужики и всякие люди чаяли, что он прямой царевичь Дмитрей, и учали ему городы здавати и, воевод перевязав, к нему отвозити. И учал тот Рострига жити в Путимле, и всею Сиверою учал владети и польскими городы. И того же году Бориса царя не стало. //

И бояря, и дворяня, и дети боярские, и гости, и торговые *л. 80 об.* всякие черные люди начаявся, что он прямой царевич, Гришка Рострига, и взяли ево на Московское государьство. И Гришка с Тулы прислал бояр князя Василья Голицына да князя Василья Мосальского, да печятника своего дияка Богдана Сутупова и велел Борисову царицу Марью и сына ево царевича Феодора задавити. И они по Гришкину веленью их велели удавити. И удавя их и Бориса выняв ис церкви архагге[л]а Михаила, всех их схоронили на Стретенской улице в Вознесенском девиче монастыре // просто, аки *л. 81* простых мирских людей. А сам Рострига, приехав к Москве, сел на Московском царстве. И сперва прелестию своею всех людей учал любить и жаловать и росправу чинити. И послал в Литву диака Офонасья Власьева к сендомирскому воеводе к Юрью Мнишку по дочерь ево по Марину. И как из Литвы сердомирской воевода Юрьи з дочерью своею и з сыном со князем Костентином Вишневецким, и с ыными со многими людьми с литовскими приехали к Москве, и Рострига учал ересь свою проявливати, женился на сердомирсково дочери, не крестив ея, и в пречистую Богородицу соборную церковь литовским // людем, ляхом и угряном и лютором, велел ходити *л. 81 об.* невозбранно в церкви, и московъских боляр и лутчих людей хотел всех побити, а городы все хотел роздать литве. И московские люди, видя такую в нем ересь, что хощет веру хрестьянскую разорити, и всем миром ево убили и сожгли во 114-м году; а был на царстве один год.

А на Московское царство выбрали и излюбили всею землею от колена руских великих князей и царей, что пошли от великаго князя Александрова брата Невскаго, от князя Андрея Ярославича, суждальского княженья, боярина князя Василья Ивановича Шуйскаго. // И сяде на Москве и на всей земли Росийскаго царства на цар- *л. 82* ство царь и великий князь Василей Иванович, всеа Русии самодержец, в лето 7114-го июня в[9] день.

И посла государь и великий князь Василей Иванович всеа Русии на Углеч ростовского митрополита Филарета Романова да бояр своих князя Ивана Михайловича Воротынского да Петра Никитича Шереметева, а велел царевича Дмитрея с Углеча мощи привести к Москве. И митрополит ростовский Филарет и бояре князь Иван Воротынской да Петр Шереметев царевича Дмитрея тело обрели цело и нетленно, но токмо[10] // земли часть отдана, и привезли *л. 82 об.* к Москве. И положен в раку в церкви собора архангила Михаила, у праваго столпа, и приходящим с верою подает исцеления[я].

---

[9] *Далее оставлено место для числа.* [10] *В рукописи:* толмо. [я] *Остальная часть л. 82 об. оставлена чистой. На л. 83 запись другим почерком:* Месяца декабря в 23 день преставися преосвещенный митрополит Филипп московьский и всея Руси во Твери, в Отроче монастыре, в лето 7078-го. И принесены честныя его моши изо Твери из Отроча монастыря игуменом Ияковом того же Соловецкого монастыря в лето 7099-го повелением царя государя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии и положены под папертию преподобных отец наших Зосимы и Саватия чюдотворцов подле старца келейного священноиного Ионы, пореклому Шамина.

V. БИБЛИОГРАФИЯ

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА О РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ ЗА 1960—1962 гг.

Ю. К. Бегунов

Настоящая библиография составлялась в 1960—1973 гг. во время работы в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР под руководством Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; в последующие годы она дополнялась. В публикуемой здесь части работы учтены статьи и книги, освещающие разные вопросы истории русского летописания и использования русских летописей в трудах зарубежных ученых. Почти все работы просмотрены de visu и аннотированы; непросмотренные труды отмечаются звездочкой.

Данная библиография носит регистрационный, научный, а не рекомендательный характер; названия работ расположены в порядке хронологии их выхода в свет, а внутри одного года — согласно латинскому алфавиту. Имеются отсылки на «Библиографию русского летописания» Р. П. Дмитриевой (М.; Л., 1962; в условном сокращении — *Дмитриева*, № 00) и на «Библиографию избранных иностранных работ по русскому летописанию» (изданную в кн. Р. П. Дмитриевой в том же, 1962 г., в условном сокращении — *Бегунов*, № 00).

Составитель приносит сердечную благодарность В. Т. Пашуто и И. П. Шаскольскому за помощь, советы и замечания. Продолжение настоящей библиографии будет опубликовано в следующем томе сборника статей «Летописи и хроники».

1960

1. **Азбелев С. Н.** Об истолковании двух известий Повести временных лет. (К болгаро-русским отношениям в X веке). — В кн.: Исследования в чест на Марин С. Дринов. София, 1960, с. 235—241.
   Анализ рассказов Повести временных лет о походах Руси на Царьград в 907 и 944 гг.; резюме на французском языке.
2. **Barnet V.** Ukrajinský příspěvek k problematice vidu a slovesných tvarů časových. — Československá rusistika, Praha, 1960, N 3, s. 171—174.
   По поводу кн.: *Генсьорський А. І.* Значення форм минулого часу в Галицько-Волиньскому літопису (Київ, 1957); см.: *Дмитриева*, № 1904.
3. **Brøndsted J.** Vikingerne. København: Gyldendal, 1960. 294 s., 1 карта, 32 табл.
   То же*. **Brøndsted J.** The vikings. London, 1960. 319 p., 24 pl.
   То же*. Vikingeonee. Copenhagen, 1960. 294 p., 32 pl.
   То же*. **Brøndsted J.** The vikings. London, 1961.
   То же*. **Brøndsted J.** Vikingarna. Stockholm, 1962.

То же*. **Brøndsted J.** The vikings. Baltimore, 1965. 347 p., 24 pl.

Аннот. по изд. 1960 г. на датском языке.

С. 59—61: анализ рассказа летописи Нестора о призвании варягов.

4. **Čiževskij D.** History of Russian literature from the eleventh century to the end of the baroque. 's-Gravenhage: Mouton and Co, 1960. 451 p. (Slavistic printings and reprintings, vol. 12).

С. 52—59: общая характеристика русского летописания (по А. А. Шахматову), состав и происхождение летописи Нестора, краткая характеристика языка и стиля Киевской летописи.

С. 59—60: новгородское летописание. С. 101—107: происхождение, состав и стиль Галицко-Волынской летописи. С. 107—109: Новгородская I и Лаврентьевская летописи. С. 204—207: Тверской сборник, Софийская I и Новгородская IV летописи и др. С. 255—260: Московский свод 1479 г., Никоновская, Воскресенская и Львовская летописи, Казанская история, новгородские и псковские летописи.

5. **Drejer M.** Häuptlinge, Kaufleute und Missionare im Norden vor Tausend Jahren. Ein Beitrag zur Beleuchtung der Umbildung der nordischen Gesellschaft während der Übergangzeit vom Heidentum zum Christentum. Marienhamn, 1960. 311 S., mit Tafeln. (Ålands Kulturstiftelse. Skrifter 2).

Критика норманской теории образования Русского государства.

6. **Дуйчев И. С.** Славяне-скити. — Slavia, Praha, 1960, roč. 29, seš. 1, s. 109—114.

Толкование слов «Великая Скуфь» из Повести временных лет.

7. **Георгиев Е.** Прабългарското летописание. — В кн.: Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1960, с. 369—380.

Анализ «Именника болгарских князей» в составе Еллинского и Римского летописца в связи с вопросом о протоболгарском летописании.

8. **Hanika J.** Olegs Tod durch die Schlange. (Zu einem Erzählmotiv). — Die Welt der Slaven, Wiesbaden, 1960, Jhrg. 5, H. 3—4, S. 299—309.

Анализ рассказа из Повести временных лет о смерти «вещего» Олега.

9. **Хисияма С.** Росия нэндайки (Равурэнтий бон) ни окэру аорисуто то кэйдзокукако но ёхō. — Гэнго кэнкю̄, Токио, 1960, т. 37, с. 69—71 (на японском языке).

Способы употребления аориста и имперфекта в Лаврентьевской летописи.

10. **Иванова А.** Следи от българско влияние в езика на Повесть временных лет и Слово о полку Игореве. — В кн.: Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски. София, 1960, с. 103—108.

Болгаризмы в языке Повести временных лет.

11. История на руската литература. Т. 1. Литература от X—XVIII в. Редколегия В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, В. Д. Кузьмина, К. В. Пигарьов, А. Н. Робинсон. Превели от руски Бл. Блажев, Г. Германов, Евд. Метева, С. Людсканов. София: Наука и изкуство, 1960. 704 с. (Академия на науките на СССР. Институт за световна литература А. М. Горки. Институт за руска литература (Пушкинов Дом). История на руската литература. В три тома. Главен редактор Д. Д. Благой).

Настоящее издание представляет собой перевод с русского издания 1958 г. Имеется раздел с краткой характеристикой русского летописания.

12. **Кисаки Р.** Гэнсё нэндайки кō. — Кагосима дайгаку бунка хōкоку сигаку хэн, Кагосима, 1960, № 6, с. 15—34; 1961, № 7, с. 50—98; 1962, № 8, с. 1—44; 1963, № 9, с. 17—57; 1964, № 10, с. 47—67 (на японском языке).

Перевод текста Повести временных лет на японский язык и комментарий; полагает, что Повесть временных лет не историческая, а религиозная книга (sic!?).

13. **Клейбер Б.** Искоростень. — Scandoslavica, Copenhagen, 1960, t. 6, с. 124—131.

Толкование слова «Искоростень» из Повести временных лет.

14. **Kleiber B.** Nordiske spor i en gammel russisk krønike. — Mål og Minne, Oslo, 1960, N 1—2, s. 56—70.

Скандинавские источники Иоакимовской летописи.

15. **Králik O.** Privilegium Moraviensis ecclesie. — Byzantinoslavica, Praha, 1960, roč. 21, sv. 2, p. 219—237.

С. 235—236: возможный западнославянский источник рассказа из Повести временных лет о Кирилле и Мефодии.

16. **Łowmiański H.** O składzie społecznym wczesno-feudalnych sił zbrojnych na Rusi. — Kwartalnik historyczny, Warszawa, 1960, rocz. 67, N 2, s. 436—447.

Повесть временных лет, Новгородская I летопись как источники по истории русского войска.

17. **Łowmiański H.** Studia nad wczesną Słowiańszczyzną. — Kwartalnik historyczny, Warszawa, 1960, rocz. 67, N 3, s. 747—756.

Толкование слова «ляхи» из Повести временных лет.

18. **Mikucki S.** Études sur la diplomatique russe la plus ancienne. II. Remarques sur la diplomatique russe des X et XIe siècles. — Zeszyty naukowe Uniwersitetu Jagiellońskiego, N 26 (prace historyczne), Kraków, 1960, sesz. 4, s. 137—145.

Анализ договоров Руси с греками 907, 911, 944 гг.

19. **Mikucki S.** Studia nad najdawniejszą dyplomatyką ruską. Z podstawy źródłowe dyplomatyki ruskiej X i XI wieku. — In: Rocznik Biblioteki Polskiej akademii nauk w Krakowie, rok. 4. Wrocław; Kraków, 1960, s. 55—64.

История русской дипломатики в X—XI вв. по данным Повести временных лет (под 907, 911, 944, 971, 996 и другие годы).

20. **Mirsky D.** A history of Russian literature/Ed. by F. J. Whitfield. New York: Vintage books, 1958. 383 p.

То же. New York: A. Knopf, 1958. 518 p.

To же. Mirskij D. S. Geschichte der russischen Literatur/Hrsg., bearb. aus dem Englische, übers. und mit einem Nachwort von Georg Mayer. München: Piper, 1964. 543 S.

Объединенный сокращенный текст двух книг Д. Святополка-Мирского «Современная русская литература» (Нью-Йорк, 1922) и «История русской литературы» (Нью-Йорк, 1926). Имеется краткая характеристика русского летописания.

21. **Menges K. H.** Тьмуторокань. — Zeitschrift für slavische Philologie, Heidelberg, 1960, Bd. 29, H. 1, S. 128—133.

Толкование слова «Тьмуторокань» из Повести временных лет.

22. **Müller L.** Die Christianisierung Russlands als Forschungsproblem. — In: XIe Congrès international des sciences historiques. Stockholm, 21—28 août 1960. Rapports. 3. Moyen age. Resumés des communications. Göteborg; Stockholm; Uppsala, 1960, S. 94—95.

Изучение известий Повести временных лет, относящихся к истории крещения Руси (Корсунская легенда).

23. **Otrębski J.** Русь. — In: Lingua poznaniensis. Poznań, 1960, t. 8, s. 219—227.

Толкование слова «Русь» из Повести временных лет.

24. **Riasanovski A. V.** The norman theory of the origin of the Russian state. A critical analysis. — In: Dissertation abstracts. Ann Arbor, 1960, vol. 20, N 11, p. 4381.

Критика норманской теории образования Русского государства.

25. **Rybakov B. A.** Problèmes en cours sur la formation de la Russie de Kiev. — In: XIe Congrès international des sciences historiques. Stockholm, 21—28 août 1960. Rapports. 3. Moyen age. Resumés des communications. Göteborg; Stockholm; Uppsala, 1960, p. 90—91.

Киевская летопись 997 г. и Новгородская летопись посадника Остромира (середина XI в.) как источники Повести временных лет.

26. **Schaskol'skij I. P.** Die Normanentheorie in der modernen bürgerlichen Geschichtsschreibung. — Sowjetwissenschaft-Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge, Berlin, 1960, H. 9, S. 993—1017.

То же. **Шаскольский И. П.** Норманская теория в современной буржуазной историографии. — История СССР, 1960, № 1, с. 223—236.

Изучение Повести временных лет в трудах современных норманистов.

27. **Schmidt K. R.** The social structure of Russia in the early middle ages. — In: XIe Congrès international des sciences historiques. Stockholm, 21—28 août 1960. Rapports. 3. Moyen age. Göteborg; Stockholm; Uppsala, 1960, p. 22—23.

Исследование социальной терминологии Повести временных лет и Новгородской I летописи.

8*. **Ševčenko I.** The christianization of Kievan Rus'. — The polish review, New York, 1960, vol. 5.

Корсунская легенда из Повести временных лет.

29. **Soloviev A. V.** Die angebliche ungarische Herrschaft in Kiev im 9. Jahrhundert. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München, 1960, Jhrg. 8, H. 2, S. 123—129.

Анализ известий Повести временных лет об уграх и Киевской Руси IX в.

30. **Stender-Petersen A.** Der alteste russische Staat. — Historische Zeitschrift, München, 1960, Bd. 191, H. 1, S. 1—17.

Анализ рассказа из летописи Нестора о призвании варягов и образовании Русского государства.

Рец.: *Рознер И. Г.* — Вопросы истории, 1962, № 5, с. 185—186.

31. **Stender-Petersen A.** Menneskekidringen i den øldrussiske litteratur. — In: Det laerde selskab i Aarhus, årbog 2 (1959—1960). Aarhus, 1960, s. 5—34.

То же. In: På taersklen til en ny tid. København, 1960, s. 35—58.

С. 11—22: характеристика князей в Повести временных лет — Владимира, Бориса, Глеба, Ярослава Мудрого, в Лаврентьевской летописи — Василька Теребовльского; близость древнерусских рассказов (о мести княгини Ольги и др.) к исландским сагам; тексты из летописей приведены в ритмической разбивке. С. 32—34: резюме на русском языке.

32. **Stokes A. D.** Tmutarakan'. — The slavonic and east european review, London, 1960, vol. 38, N 91, p. 499—514.

Первое упоминание Тмуторокани в Повести временных лет.

33. **Tikhomirov M. N.** Les debuts de l'historiographie russe. — In: XIe Congrès international des sciences historique. Stockholm, 21—28 août 1960. Rapports. 3. Moyen age. Resumés des communicatons. Göteborg; Stockholm; Uppsala, 1960, p. 13—15.

То же (в расширенном виде): **Тихомиров М. Н.** Начало русской историографии. — Вопросы истории, 1960, № 5, с. 41—50.

Источники Повести временных лет — три легенды: о князе Игоре, об Аскольде и Дире и о крещении князя Владимира.

34. **Vaillant A.** Les «tolkoviny» de la Chronique de Kiev. — В кн.: Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1960, књ. 26, св. 1—2, с. 34—38.

Толкование слова «тълковины» из Киевской летописи XII в.

35. **Widera B.** Deutsche Übersetzungen altrussischer Quellen der vormongolischen Zeit. — In: Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. Berlin, 1960, Bd. 4, S. 331—342.

Изучение Повести временных лет в Германии; использование сокращенного списка Повести временных лет С. Герберштейном; первый немецкий перевод летописи И. Б. Пауса, работы Г. Миллера и А. Л. Шлёцера по изучению Повести временных лет; немецкое издание «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, использовавшее русские летописи.

36. **Wilinbachow W.** «Opowieśc lat doczesnych» jako zródło wojskowo-historyczne. — Slavia orientalis, Warszawa, 1960, rocz. 19, N 3, s. 485—498.

Анализ известий Повести временных лет, относящихся к истории военных походов Руси.

37. **Winter E.** Russland und das Papsttum. Berlin: Akademie Verlag, 1960. Bd. 1. Von der Christianisierung bis zu den Anfangen der Aufklärung. 14, 575 S. (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Institut für Geschichte. Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas/Hrsgb. von E. Winter. Bd. 6, T. 1).

C. 19—44: крещение Руси и образование русской церкви по данным Повести временных лет и других источников.

38. **Worth D. S.** Phraseology in the Galician-Volhynian chronicle. A study in distributional stylistics. — The annals of the Ukrainian academy of arts and sciences in the US, New York, 1960, vol. 8, N 1—2, p. 55—69.

Фразеология Галицко-Волынской летописи.

39. **Zástěrová B.** Avaři a dulebové v svédectví Povestí vremennych let. — In: Vznik a počátky slovanů. Praha, 1960. T. 3. Akademiku Janu Eisnerovi k 75 narozenínám, s. 15—38.

Анализ известий Киевской летописи XII в. об аварах и дулебах.

1961

40. **Alschiz D.** Auf den Spuren eines unbekannten Geschichtsschreibers. — Sowietische Literatur, Moscaw, 1961, N 8, S. 182—193.

Приписки Ивана Грозного на полях Царственной книги.

41. **Arbman H.** The vikings/ Translated and edited with an introduction by Alan Binn. London: Thames and Hudson, 1961. 212 p., 67 plates, 38 pictures, 6 maps. (Ancient peoples and places, vol. 21).

То же. **Arbman H.** Vikingarna. Härnadståg, handelsvägar, kultur. Stockholm: Bonniers, 1962. 224 s., 67 pl.

Аннот. по изд. 1961 г.

С. 89—90: анализ рассказов летописи Нестора о призвании варягов и образовании Русского государства, о князе Олеге, о договорах Руси с греками.

42. **Brang P.** Der Zweikampf im russischen Leben und in der russischen Literatur. — Zeitschrift für slavische Philologie, Heidelberg, 1961, Bd. 29, H. 2, S. 315—345.

С. 315—316: стилистическая проблематика двух эпизодов о поединке из Повести временных лет (под 992 и 1022 гг.).

43. **Дылевский Н. М.** Сборник древнерусских текстов X—XVIII веков для практических занятий по исторической грамматике русского языка. София: Наука и изкуство, 1961. 288 с.

То же. 2-е изд. София: Наука и изкуство, 1966. 308 с.

Аннот. по изд. 1961 г.

С. 38—45, 125—127: отрывки текста из Новгородской I летописи по Синодальному списку и лингвистический комментарий. С. 45—57, 127—129: отрывки текста из Лаврентьевской летописи и лингвистический комментарий. С. 58—62, 129—130: текст Поучения Владимира Мономаха и лингвистический комментарий. С. 62—63: отрывки текста из Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку и лингвистический комментарий. С. 64—70, 130—133: отрывки текста из Ипатьевской летописи и лингвистический комментарий.

44. **Fillipowiak W.** Wolinianie. Studium osadnice. Szczecin, 1961. Cz. 1. Materialy. 495 s.

Дулебы (волыняне) по данным Повести временных лет и других источников.

45. **Иглои Э.** Древнерусский хронограф Дебреценского университета. — In: Slavica. Debrecen, 1961, t. 1, с. 95—134.

Палеографическое описание Дебреценского списка Хронографа третьей редакции.

46. **Ямагучи И.** Новугородо гэнсё нэндайки сиподари сяхон на окэру кэйёси тёгоби то тангоби но кинō ни кансуру ити кōсацу. — Гэнго кэнкю, Токио, 1961, т. 39, с. 47—49 (на японском языке).

Полная и краткая форма прилагательных по Синодальному списку Новгородской I летописи.

47. **Králik O.** Nové práce o Povesti vremennych let. — Československá rusistika, Praha, 1961, N 3, s. 173—179.

Обзор работ по русскому летописанию Н. Минисси, Й. Мацурека, Н. Н. Воронина, Л. Мюллера и Н. Н. Ильина.

48. **Leitsch W.** Russische Geschichte von Wahl Michail Romanovs bis Ermordung Pauls (1613—1801). — In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1961, Jhrg. 9, H. 4, S. 541—580.

С. 567—568: обзор работ советских исследователей по русскому летописанию XVII в., напечатанных в т. 12—15 «Трудов Отдела древнерусской литературы».

49. **Łowmiański H.** Uwagi o genezie państwa litewskiego na marginesie pracy: В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. Изд. АН СССР. М., 1959, 530 с., 2 илл., 2 карты. — Przegląd historyczny, Warszawa, 1961, rocz. 52, N 1, s. 127—146.

Состав Киевской, Галицко-Волынской летописей и Повести временных лет (по материалам труда В. Т. Пашуто).

50. **Moravcsik Gy.** Göröd nyelvü monostorok szent István korában. — In: Szent István emlékkönyvek. Budapest, 1961. T. 1, old. 389—422.

Анализ известия Повести временных лет под 1015 г. о византийском пути и крещении двух венгерских князей Бульчу и Дьюла.

51. **Perényj J.** Az Orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. — In: Tanulmanyok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből. Budapest, 1961. T. 1, old. 28—54.

Анализ известий Повести временных лет о венграх.

52. **Skerst H., v.** Ursprung Russlands. Frühgeschichte. Christliche Berufung. Volksdichtung. Stuttgart: Urachhaus, 1961. 224 S., 34 Tafeln.

С. 39—42: летопись Нестора, ее состав и происхождение.

53. **Sorlin I.** Les traites de Byzance aves la Russie au X siècle. — Cahiers du mond russe et soviétique, Paris, 1961, juillet—september, vol. 2, N 3, p. 313—360.

Анализ договоров Руси с греками 907, 911 и 944 гг.

54. **Stokes A. D.** The background and chronology of the Balkan campaigns of Svyatoslav Igorevich. — The slavonic and east european review, London, 1961, vol. 40, N 94, p. 44—57.

Исследование хронологии похода князя Святослава Игоревича в Болгарию по данным Повести временных лет и других источников.

55. **Vaillant A.** Les récits de Kulikovo: «Relation des chroniques» et «Skazanie de Mamaï». — Revue des études slaves, Paris, 1961, t. 39, fasc. 1—4, p. 59—89.

«Реабилитация» Летописной повести о Мамаевом побоище как произведения, первичного по отношению к Сказанию о Мамаевом побоище; Летописная повесть как произведение историческое по своему характеру, близкое по стилю к житиям Стефана Пермского и Сергия Радонежского, составленных Епифанием Премудрым.

56. **Worth D. S.** Distributional stylistics and the analysis of older literary texts (on the material of the Galician-Volhynian chronicle). — In: Langue et littérature. Actes du VIIIe Congrès de la Federation internationale des langues et littératures modernes. Paris, 1961, p. 340.

Изучение фразеологии Галицко-Волынской летописи с помощью метода дистрибутивной стилистики.

1962

57. **Adamus J.** Dogowory. — In: Słownik starożytności słowiańskich. Encyclopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych/ Pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehr-Spławińskiego. Wrocław; Warszawa, Kraków, 1962. T. 1, cz. 2, s. 355.

Договоры Руси с греками 907, 911, 944, 971 гг.

58. **Амано К., Хисияма С., Кавай Т., Кунимото Т., Уэно С., Ямагучи И., Ишидоя С.** Лаврентьевская летопись. Древний текст летописи Нестора.

(Текст, перевод и примечания). — В кн.: Кодаи Росия кэнкю. Киото, 1962, т. 1, с. III—XXII, 1 факс. с. 1—65, 2 карты; 1963, т. 2, с. 1—51; 1963, т. 3, с. 1—66; 1964, т. 4, с. 1—53; 1964, т. 5, с. 1—75; 1965, т. 6, с. 1—94; 1966, т. 7, с. I—III (на японском языке).

Древнерусский текст летописи Нестора по Лаврентьевскому списку (от начала до 988 г.) по изданию ПСРЛ, т. 1 (см.: *Дмитриева*, № 309), перевод текста летописи на японский язык и историко-литературный комментарий к тексту летописи на японском языке.

59. **Andreyev N.** Recent soviet studies of russian history before 1462. — Slavic review, Washington, 1962, vol. 21, N 2, p. 337—339.

Обзор работ по русскому летописанию Б. А. Рыбакова, И. П. Шаскольского, Л. В. Черепнина.

60*. **Arbman H.** Sverige och Östern under vikingatiden. — In: Proxima Thule. Sverige och Europa under forntid och medeltid. Stockholm, 1962.

Роль норманнов в образовании Русского государства по данным Повести временных лет. Критика взглядов А. Стендер-Петерсена (см.: *Бегунов*, № 129).

61. **Carlsson S., Rosén J.** Svensk historia. Stockholm: Bonniers, 1962. Bd. 1. Tiden före 1718 af J. Rosén. XII, 736 s.

С. 79—80: анализ рассказов Повести временных лет о Руси и варягах.

62. **Dolanský J.** Die tschechische Slawistik des 18. Jahrhunderts und Schlözer. — In: Lomonosov, Schlözer, Pallas. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert/ Hrsgb. in zusammenarbeit mit C. Grau, P. Hoffmann und H. Lemke von E. Winter. Berlin, 1962, S. 223—228.

С. 225—228: занятия И. Добровского летописью Нестора.

63. **Dvornik F.** The slavs in european history and civilization by Francis Dvornik. New Brounswick, New Jersey: Rutgers university press, 1962. 716 p.

Переиздание и дополнение кн. 1956 г.

Имеется характеристика Повести временных лет как источника о происхождении восточных славян и образовании Русского государства.

64. **Hellmann M.** Bemerkungen zu einigen Ausgaben altrussisches Quellen. — In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropa. Wiesbaden, 1962, Jhrg. 10, H. 3, S. 305—316.

По поводу издания Московского летописного свода конца XV в., Троицкой, Вологодско-Пермской, Новгородской I, Иоасафовской летописей, Казанской истории (см.: *Дмитриева*, № 1785, 1796, 1799, 1847, 1910, 1992).

65. **Iglói E.** Metaphor-symbols in the old russian historical tale about the «Troubled times» a MS variation of the medieval «Chronographe» in the Debrecen university library. — In: Slavica. Debrecen, 1962, t. 2, p. 177—200.

Метафора — символ в рассказе о «Смутном времени» из Хронографа 1617 г. (по Дебреценскому списку).

66. **Ямагучи И.** О разделениях имен существительных одушевленных и неодушевленных в Синодальном списке Новгородской I летописи. — В кн.: Кодаи Росия кэнкю. Киото, 1962, т. 2, с. 53—95 (на японском языке).

67. **Ямагучи И.** О функции полной и краткой форм имен прилагательных древнерусского языка. На материалах Новгородской первой летописи старшего извода (по Синодальному списку XIV века). — Гэнго кэнкю, Токио, 1962, т. 41, с. 28—54 (на русском языке).

68. **Kirkinen H.** Historiallista taustaa ortodoksisen uskon tulolle Karjalaan. — In: Studia historica Jyväskyläensia. Pieksamäki, 1962, s. 1—8.

Анализ известий русских летописей о проникновении христианства в Карелию. С. 8: схема летописных сводов Повести временных лет (по А. А. Шахматову).

69. **Kuczyński S. M.** Wschodnia granica państwa polskiego w X wieki (przed rokiem 980). — In: Początki państwa polskiego. Księga tysiaclecia. Poznań, 1962. T. 1. Organizacja polityczna, s. 233—252.

Польско-русская граница в X в. по данным Повести временных лет; достоверность известий летописи о ляхах, о походах князя Владимира на ляхов в 981 и 996 гг. С. 235: перевод слов «временных лет» на польский язык.

70. **Kurdybacha L.** Die wissenschaftliche Zusammenarbeit Schlözers mit Polen. — In: Lomonosov, Schlözer, Pallas. Deutschrussische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert/Hrsgb. in zusammenarbeit mit C. Grau, P. Hoffmann und Lemke von E. Winter. Berlin, 1962, S. 198—214.

С. 213—214: занятия И. Лелевеля летописью Нестора (см.: *Дмитриева*, № 93, 141; *Бегунов*, № 27).

71. **Labuda G.** Du(d)lebowie. — In: Słownik starożytności słowiańskich. Encyclopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych/ Pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehr-Spławińskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962. T. 1, cz. 2, s. 399—401.

Толкование слова «дулебы» из Повести временных лет.

72. **Lichatschow D. S.** Die Kultur Russlands während der osteuropäischen Frührenaissance vom 14. bis zum Beginn des 15. Jahrhunderts. Aus russischen Manuskript übersetzt von Ingeborg und Horst Bretschnieder. Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1962. 184 S. (Fundus-Bücher, 8).

Переработка для немецкого издания кн.: *Лихачев Д. С.* Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV—начало XV в.). М.; Л., изд. АН СССР, 1962.

С. 74—82: источники и состав русского Хронографа 1512 г.; его значение в развитии представлений о человеке, принципы изображения людей в Хронографе. С. 96—109: русские летописи как явления культуры, особенности летописного дела, идейное содержание и художественные особенности летописей. Летописание XIII—XV вв. — новгородское, владимиро-ростовское, тверское, московское как важнейшие факторы возрождения культурных центров эпохи независимой Руси и собирания русских земель в единое национальное государство.

73. **Lichačev D. S.** Die Literatur. — In: Geschichte der Kultur der alten Rus'. Die vormongolische Periode/ Hrsgb. unter der Gesamtredaktion von B. D. Grekov und M. I. Artamonov. Berlin, 1962. Bd. 2. Gesellschaftsordung und geistige Kultur. Hrsgb. unter Redaktion von N. N. Woronin und M. K. Karger. Deutsche Ausgabe besorgt von Bruno Widera, S. 163—218.

История русского летописания XI—XII вв. (своды 1073, 1095, 1111гг.); Галицко-Волынская и Новгородская I летописи (см.: *Дмитриева*, № 1808).

74. **Łowmiański H.** Dokumenty i listy ruskie do początku XIII wieki. — In: Słownik starożytności słowiańskich. Encyclopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych/ Pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i i T. Lehr-Spławińskiego. Wrocław; Warszawa, Kraków, 1962. T. 1, cz. 2, s. 361—366.

Договоры Руси с греками 911, 944, 971 гг.

75. **Łowmiański H.** Dynastia panująca in Rusi. — In: Słownik starożytności słowiańskich. Encyclopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych/ Pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehr-Spławińskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962. T. 1, cz. 2, s. 416—420.

Происхождение Русского государства в свете данных Повести временных лет и других источников.

76. **Łowmiański H.** Geneza państwa ruskiego jako wynik procesu wewnętrznego. — In: Swiatowit. Warszawa, 1962, t. 24, s. 73—92.

Образование Русского государства по данным Повести временных лет.

77. **Łowmiański H.** Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiąc. n. e. T. 1, 2. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1962—1963. T. 1, 1962. 418 s.; T. 2, 1963. 425 s.

To же. 2 wyd. T. 1—3. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1964—1967.

T. 1. Okres wenecki. 1964. 425 s.

T. 2. Wielka migracja słowian. 1964. 426 s.

T. 3. Okres lechnicki. 1967. 519 s.

Аннот. по 2-му изд.

Т. 1. С. 106—112: анализ повестей о дулебах по данным Повести временных лет. С. 114—200: анализ известий о хорватах.

Т. 2. С. 11: анализ известий о древлянах. С. 179—181: анализ известий об аварах. С. 352—354: рассказ Повести временных лет о нашествии аваров на дулебов.

78. **Mošin V.** O periodizaciji rusko-južnoslaveniskih književnih veza. — Slovo, Zagreb, 1962, br. 11—12, s. 13—125.

То же. **Мошин В.** О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XI вв. — Труды Отдела древнерусской литературы, М.; Л., 1963, т. 19, с. 28—106.

Аннот. по изд. 1962 г.

С. 24—45: изучение текста Повести временных лет в работах А. А. Шахматова, Н. К. Никольского, В. М. Истрина и др. с точки зрения проблематики литературных связей Руси с Западом.

79. **Müller L.** Schlözer und die Nestor-Chronik. — In: Lomonosov, Schlözer, Pallas. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert/ Hrsgb. in zusammenarbeit mit C. Grau, P. Hoffmann und H. Lemke von E. Winter. Berlin, 1962, S. 138—149.

Работа А. Л. Шлёцера над изучением и изданием реконструкции Повести временных лет (летописи Нестора).

80. **Persowski F.** Studia nad pograniczem polsko-ruskim w X—XI wieku. Warszawa: Zaklad narodowy im. Ossolińskich, 1962. 151 s.

Польско-русская граница в X—XI вв. по данным Повести временных лет.

81. **Riasanovski A. V.** The embassy of 838 revisited. Some comments in connection with a «normanist» source on early russian history. — In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1962, Jhrg. 10, H. 1, S. 1—12.

История изучения Повести временных лет в связи с варяго-русским вопросом.

82. **Sawyer P. H.** The age of the vikings. London: E. Arnold, 1962. 10, 254 p.

То же. New York: St. Martin's press, 1962—1963. 254 p., ill.

С. 62—63, 166, 202: роль норманнов в создании Русского государства по данным Повести временных лет и других источников.

Рец.: *Авдусин Д. А.* — Вопросы истории, 1963, № 9, с. 163—165.

83. **Seegatz W.** Die Verwendung der Verbalaspekte in der Povest vremennych let (Lavrent'evskij Spisok). Diss. Kiel, 1962. 252 S.

Исследование системы глагольных времен в языке Повести временных лет по Лаврентьевскому списку.

84. **Skrzypek J.** Studia nad pierwotnym pograniczem polsko-ruskim w rejonie Wołynia i Grodów Czerwieńskich. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1962. 176 s.

Польско-русская граница в X—XI вв. по данным Повести временных лет.

85. **Stokes A. D.** The Balkan campaign of Svyatoslav Igorevich. — The slavonic and east european review, London, 1962, vol. 40, N 95, p. 466—496.

Анализ известий Повести временных лет о походе князя Святослава Игоревича в Болгарию в 969—972 гг.

86. **Stökl G.** Russische Geschichte. Von den Anfangen bis zur Gegenwart. Stuttgart: A. Kröner, 1962. 12, 824 S. (Kröners Taschenausgabe, Bd. 244).

То же. 2 Auflage. Stuttgart: A. Kröner, 1965. 12, 847 S., 6 Karten, 2 Tafeln.

То же*. 3 Auflage. Stuttgart: A. Kröner, 1973.

Аннотация — по 1-му изд.

С. 21—25: Повесть временных лет о расселении восточнославянских племен. С. 34—38: анализ рассказа Повести временных лет об образовании Русского государства. С. 38—41: имя «Русь» по данным летописи и других источников. С. 42—44: легенда о «вещем» Олеге из Повести временных лет. С. 44—45: о договорах Руси с греками. С. 54—

68: крещение Руси и образование русской церкви по данным Повести временных лет.

87. **Urbańczyk S.** Chors. — In: Słownik starożytnosci słowiańskich. Encyclopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych/ Pod red. W. Kowalenki G. Labudy i T. Lehr-Spławińskiego, Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962. T. 1, cz. 2, s. 247.

Толкование слова «Хорс» из Повести временных лет.

88. **Urbańczyk S.** Dažbog. — In: Słownik starożytności słowiańskich. Encyclopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych/ Pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehr-Spławińskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962. T. 1, cz. 2, s. 332—333.

Толкование слова «Дажьбог» из Повести временных лет.

89. **Worth D. S.** Zur Structur des Verleiches in der Galizisch-Volhynischen Chronik. — Zeitschrift für slavische Philologie, Heidelberg, 1962, Bd. 30, H. 1, S. 74—86.

Язык и стиль Галицко-Волынской летописи.

90. **Zimin A. A.** Schlözer und die russische Chronistik. — In: Lomonosov, Schlözer, Pallas. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert/ Hrsgb. in zussammenarbeit mit C. Grau, P. Hoffmann und H. Lemke von E. Winter. Berlin, 1962, S. 132—137.

Работа А. Л. Шлёцера над изучением и изданием русских летописей (см.: *Дмитриева*, № 13, 16, 62; *Бегунов*, № 11).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею
БАН	— Библиотека Академии наук СССР
ВВ	— Византийский временник
Временник ОИДР	— Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГВНП	— Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	— Записки имп. Одесского общества истории и древностей
ИЗ	— Исторические записки
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НПЛ	— Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ПВЛ	— Повесть временных лет
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
RE	— Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Б. М. Клосс, В. И. Корецкий. В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей 5

I. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

И. А. Шишова (Ленинград). О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота 14

Т. Н. Джаксон. Исландские королевские саги как источник по истории народов Восточной Прибалтики (VII—XII вв.) 27

И. П. Шаскольский (Ленинград). Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки 43

М. В. Бибиков. Сведение Ипатьевской летописи о печенегах и торках в свете данных византийских источников XII в. 55

А. К. Зайцев. Дублирующие друг друга известия в статьях 6682, 6683, 6698 и 6701 гг. Ипатьевской летописи 69

В. К. Романов. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи 79

М. Х. Алешковский. Новгородский летописный свод конца 1220-х годов 104

Г. В. Цулая. Джелал ад-дин в оценке грузинской летописной традиции 112

С. Н. Азбелев (Ленинград). Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла). (Окончание) 129

В. К. Зиборов, Я. С. Лурье (Ленинград). Соловецкий вид «Сокращенного свода» последней трети XV в. 147

В. Л. Янин. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. 153

В. А. Чемерицкий (Минск). Работа автора первого белорусско-литовского свода над русскими источниками 182

И. А. Жарков (Подольск). Три продолжения «Нового летописца» 190

А. П. Богданов. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича 197

II. ИСТОРИОГРАФИЯ

В. И. Буганов. Труды В. Т. Пашуто по истории отечественного летописания 207

III. АРХЕОГРАФИЯ

Б. М. Клосс. Об издании летописного свода 1560 г. 215

IV. ПУБЛИКАЦИИ

В. И. Корецкий. Соловецкий летописец конца XVI в. 223

V. БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. К. Бегунов (Ленинград). Зарубежная литература о русском летописании за 1960—1962 гг. 244

Список сокращений 254

ЛЕТОПИСИ И ХРОНИКИ

1980 г.

В. Н. Татищев
и изучение русского летописания

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства *С. А. Левина*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Э. Л. Кунина*
Корректоры *Д. Ф. Арапова, Е. Н. Белоусова*

ИБ № 22128

Сдано в набор 02.03.81. Подписано к печати 13.08.81. Т-24111. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 16. Усл. кр.-отт. 16. Уч.-изд. л. 19,8. Тираж 8900 экз. Тип. зак. 172.
Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12